

Колумбия

С.А.ГОНИОНСКИЙ

С.А.ГОНИОНСКИЙ

Колумбия

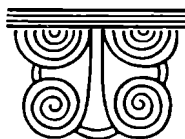
Академия наук СССР

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

С.А.ГОНИОНСКИЙ

Колумбия

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издательство «Наука»

Москва 1973

Введение

В конце 1969 г. в Колумбии, в джунглях Амазонки, было обнаружено неизвестное племя индейцев, живущее, по мнению ученых-этнографов, в условиях каменного века. Попытка установить с индейцами контакт не увенчалась успехом: ни один из переводчиков — знатоков многочисленных индейских диалектов — не понимал ни слова из того, что они говорили.

По-видимому, это последние представители некогда могущественного племени *юри*, жившего в Колумбии много веков тому назад.

Эта находка — одно из множества свидетельств, подтверждающих тот факт, что Колумбия поныне полна нерасшифрованных загадок, неистолкованных, неразгаданных мифов и легенд. Колумбийцы шутят: «В Колумбии может случиться все, кроме того, что, по всеобщему мнению, должно случиться».

Сведения о Колумбии начинаются с легенды о сказочно богатой стране, стране золота — «Эльдорадо». По преданию, в далекие времена вождь великого племени индейцев *чибча*, населявших современную Колумбию, регулярно совершал следующий обряд: в сопровождении соплеменников отправлялся на священное озеро Гуатавита, в 50 км от Боготы и, осыпав себя золотой пудрой, омылся в озере (потому обряд и получил название «эльдорадо», что в переводе с испанского означает «золоченый»); индейцы кидали ему вслед золотые обручи, платиновые и серебряные украшения, драгоценные камни.

Так родилась легенда о сказочно богатой стране, в поисках которой ринулись в Южную Америку испанские конкистадоры.

Где кончается легенда и где начинается быль, сказать трудно, не то, что у чибчей было много золота и что испанцы вывозили его в большом количестве — факт неоспоримый.

Не так давно часть озера Гуатавита осушили, и на дне его действительно обнаружили несметные сокровища; теперь они выставлены в знаменитом «Музее золота» в Боготе, во дворце банка республики. Более пяти тысяч экспонатов музея — творения замечательных мастеров, созданные задолго до того, как Колумб открыл Америку, а испанские конкистадоры ее разграбили.

Древняя история Колумбии, история индейцев чибча, создавших свою «империю», еще очень мало исследована. Вся надежда на ар-

хеологические раскопки, намеченные на ближайшие годы,— только они могут помочь восстановить подлинную картину жизни Колумбии в ранний период ее истории.

В колумбийской столице кроме «Музея золота» имеется много других музеев, но лучший из них — сам город Богота, сохранивший старинную испанскую архитектуру. Вместе с тем это город ультрасовременных зданий. На улицах Боготы удивительно смешались разные эпохи и стили; рядом с колониальным особняком здесь можно увидеть небоскреб, растолкавший старенькие городские домишки. Город быстро растет: 30 лет назад его население едва достигало 500 тыс., в 1959 г. оно составило 1 млн., а в 1972 г. приблизилось к 3 млн. человек. Ежегодный прирост населения колумбийской столицы в последнее время составлял 6,8%.

Колумбию издавна называли страной городов. Это особенно справедливо сегодня, когда почти 60% населения страны — городское. Число городов с населением более 20 тыс. жителей увеличилось с 16 в 1938 г. до 47 в 1964 г. Приток сельских жителей в города увеличился с 1,2% численности сельского населения в 1938—1951 гг. до 2,3% в 1951—1964 гг. Население третьего по значению города Колумбии Кали за 1950—1970 гг. выросло с 24 до 872 тыс. жителей. Население «колумбийского Манчестера» — Медельина увеличилось более чем в 3 раза и перевалило за миллион¹. Население семи других важнейших городов в 1971 г. составляло (в тысячах): Барранкилья — 700, Картахены — 330, Букараманги — 320, Манисалеса — 290, Перейры — 230, Кукуты — 230 и Ибаге — 200 тыс. человек².

Но на фоне прекрасной старинной архитектуры и сверкающих металлом и пластмассами небоскребов можно наблюдать горестные сцены. «Туриста, вышедшего прогуляться по многолюдным улицам Боготы, тотчас окружают растрепанные полуголодные семи-восьмилетние дети, выпрашивающие монетку. Если вы приехали в Барранкилью и хотите почистить ботинки, вы обнаружите растянувшуюся на целый квартал очередь из чистильщиков, терпеливо ожидающих клиентов, а клиенты редки и платят всего по шесть центов. В Картахене перед путешественником, поднимающимся на развалины замка Сан-Фелипе-де-Барахас (XVI в.), открывается картина контрастов: на горизонте, на фоне голубых просторов Карибского моря виднеются вышки и нефтехранилища ультрасовременного промышленного комплекса, а рядом — бескрайнее море трущоб, где царит такая же жуткая нищета и где виды на будущее столь же мрачны, как тогда, когда по аллеям и подземным переходам замка бродили испанские солдаты. С тех пор как Боливар пришел с венесуэльских равнин и пересек Анды, чтобы положить конец трехсотлетнему испанскому владычеству, пропасть между богатыми и бедными почти не уменьшилась»³.

У колумбийского народа славное историческое прошлое. За 30 лет до начала войны за независимость, в 1781 г., в Новой Гранаде (так тогда называлась Колумбия) вспыхнуло самое крупное народное вос-

стание за все триста лет господства испанских завоевателей — восстание «комунерос». Оно имело большое революционизирующее значение для всего континента, народы которого поднимались на борьбу против испанского ига. Выдающуюся роль сыграл в нем Хосе Антонио Галан, крестьянский сын, народный вождь, впервые в Колумбии применивший тактику партизанской войны. Восстание «комунерос» явилось предтечей борьбы за освобождение Новой Гранады от испанских конкистадоров, начавшейся 20 июля 1810 г. Возглавил эту борьбу выдающийся борец за независимость Латинской Америки Симон Боливар. 7 августа 1819 г. в сражении при Бояка (неподалеку от Боготы) объединенные силы патриотов одержали решающую победу. Симон Боливар был провозглашен «Освободителем» и стал первым президентом новой республики.

Освободительная война 1810—1819 гг. предопределила все дальнейшее развитие Колумбии; она привела к ликвидации колониального режима, к образованию независимого государства. Было покончено с главными ограничениями, сковывавшими экономическое развитие Колумбии, были ликвидированы многие феодальные порядки, инквизиция, дворянские титулы. Борьба за независимость носила общенациональный характер, причем основной движущей силой ее были народные массы.

Колумбийская нация сложилась из трех расовых групп: индейцев, белых и негров. Постепенно происходило смешение рас. Этот процесс длился почти 400 лет, и сегодня подавляющая часть колумбийцев — люди смешанного происхождения. Сколько-нибудь точных данных об этническом составе населения Колумбии нет. По последним (1970 г.) приблизительным подсчетам Колумбийского института географии вырисовывается следующая картина: метисов — 47,8% населения, мулатов — 24%, белых — 20%, негров — 6% и индейцев — 2,2%^{3а}.

По сей день в Колумбии существуют этнические границы и расовые предрассудки. Известный колумбийский историк Хосе Мария Вергара-и-Варгара писал: «Индейцев рассматривали и продолжают рассматривать как людей низшей категории, годных лишь прислуживать белым. Но это — заблуждения, основанные на слепоте, самомнении и высокомерии. Индейцы наделены такими же способностями, как и белые, а в ремеслах еще способнее их. Если бы индейцам давали образование, из них получились бы выдающиеся ученые»⁴.

Белая элита сохранилась лишь в городах, главным образом в столице. Метисы — в основном жители гор, крестьяне; в последнее время они все чаще переселяются в города и вливаются в рабочий класс. Негры и мулаты живут преимущественно вдоль побережья и в низинах вокруг Кордильер.

Остатки индейских племен разбросаны по глубинным районам страны и живут, как правило, вне современной цивилизации, там, где редко ступает нога белого человека, — в горах юга, в лесах к северу и западу от Кордильер, на сухом и знойном полуостро-

не Гуахира, на бескрайних равнинах и в лесах Восточной Колумбии. «Правящий класс белых держит в политическом подчинении народные массы... Социальная структура Колумбии характеризуется пропастью между привилегированной группой и основной массой населения... Власть веками находилась и продолжает находиться в руках одной и той же социальной группы»⁵.

Колумбия — пятое по величине государство Латинской Америки (после Бразилии, Аргентины, Мексики и Перу). Ее площадь (1138,4 тыс. кв. км) превышает площадь Франции, Испании, Бельгии, Люксембурга и Голландии вместе взятых.

За последние десятилетия наблюдается быстрый рост населения Колумбии. В 1938—1951 гг. оно ежегодно увеличивалось на 2,2%, а в период с 1951 по 1971 г. — на 3,2%. В последующие годы этот темп роста сохранился, и в 1972 г. население Колумбии превысило 22 млн. человек.

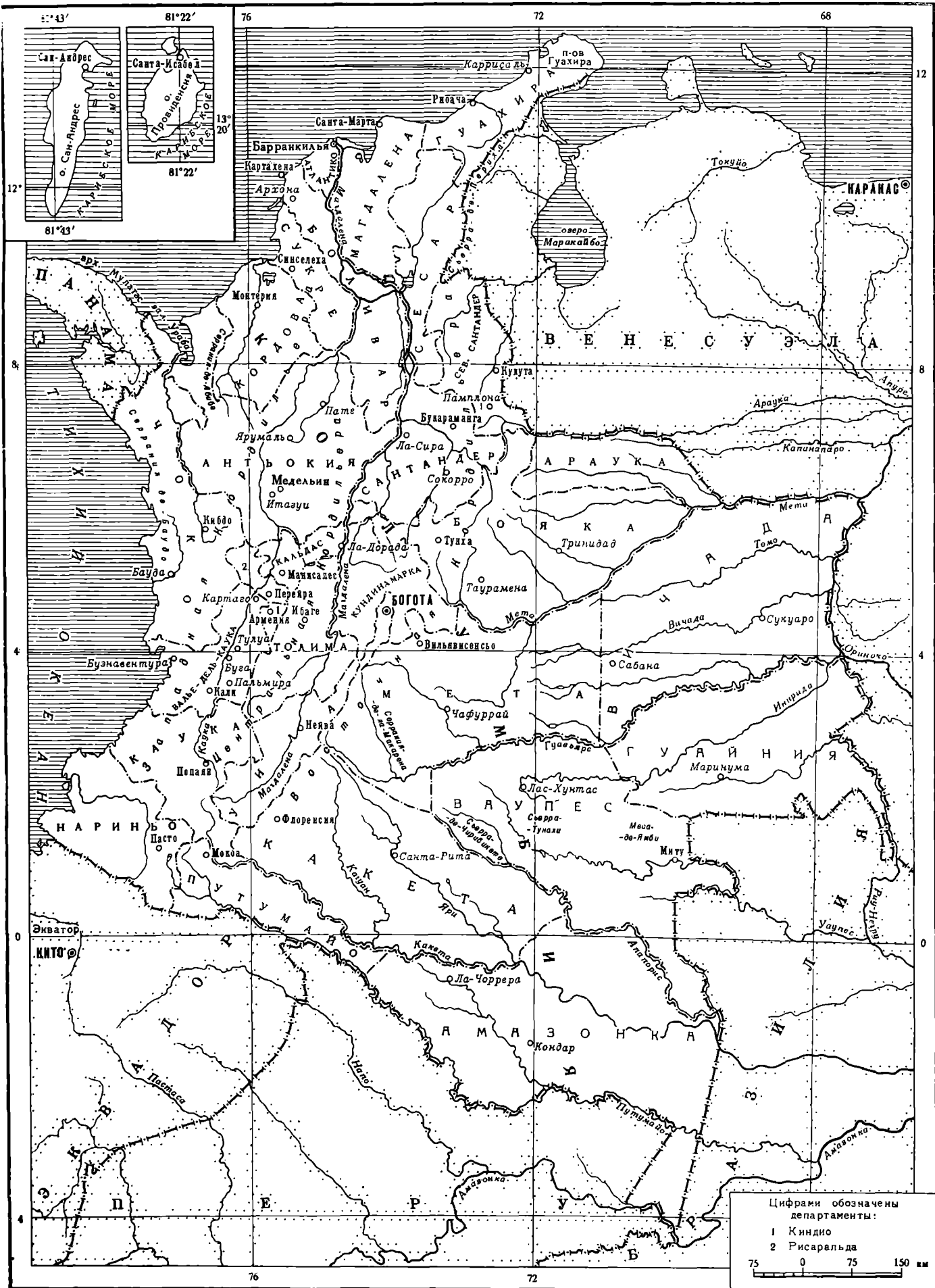
Колумбия — республика. Глава государства и правительства — президент, избираемый на 4 года. Законодательная власть принадлежит конгрессу, состоящему из двух палат: сената и палаты представителей. Сенаторы и члены палаты представителей избираются всеобщим прямым голосованием по системе пропорционального представительства (первые — сроком на 4 года, вторые — на 2 года).

В административном отношении Колумбия делится на 22 департамента (Антиокия, Атлантико, Бояка, Боливар, Валье дель Каука, Гуахира, Кальдас, Каука, Киндио, Кордоба, Кундинамарка, Магдалена, Мета, Нариньо, Рисаральда, Сантандер, Северный Сантандер, Сесар, Сукре, Топима, Уила, Чоко), федеральный округ столицы Боготы, четыре интендантства (Араука, Какета, Путумайо, Сан-Андрес и Провиденсия) и четыре комиссариата (Амасонас, Ваупес, Вичада, Гуайния). В свою очередь департаменты, интендантства и комиссариаты делятся на муниципальные округа.

Колумбия расположена в северо-западном углу Южной Америки. Это единственная южноамериканская страна, имеющая выход к двум океанам — Тихому и Атлантическому. Протяженность морских границ Колумбии составляет 2900 км, сухопутных — 6342 км. Колумбия граничит с Венесуэлой, Бразилией, Перу, Эквадором и Панамой.

Половина территории Колумбии — необитаемые джунгли, саванна и горы. Рельеф страны поражает контрастами: высокие Анды с заснеженными вершинами, многие из которых венчают кратеры вулканов, сменяются широкими долинами и бескрайними равнинами рек Ориноко и Амазонки. В Колумбии много рек, почти все они берут начало в Андах. Главной рекой — «рекой жизни», как называют ее колумбийцы, — является Магдалена протяженностью 1600 км, несущая свои воды с юга на север. Ее приток Каука тянется на 1100 км.

Географическая карта Колумбии разнообразна, юго-восток страны

Карта политико-административного деления Колумбии

Снежные вершины Центральной и Южной Кордильеры возвышаются на 4700 м над уровнем моря

резко отличается от северо-запада. Восточная и юго-восточная части включают Гвианское нагорье, долину реки Ориноко и часть Амазонской низменности; это либо густые тропические леса, либо степи, поросшие высокой травой и кустарником, — льянос. Большие пространства здесь заболочены, реки несудоходны. Этот район, занимающий около 60% площади страны, почти безлюден: здесь живет менее 2% населения.

Северо-восточный район простирается за Андскими горами. Великая горная гряда Анд, идущая вдоль западного побережья континента, захватывает $\frac{2}{5}$ запада Колумбии. На юге Колумбии, у границ Эквадора, Анды веерообразно расходятся к северу, образуя три горные цепи — Западную, Центральную и Восточную Кордильеры. Самая высокая — Центральная Кордильера. Ее вершины, достигающие 5500 м, покрыты вечными снегами. Самая низкая и наиболее населенная Кордильера — Западная (между долиной Кауки и Тихоокеанским побережьем). В низменных районах много ле-

сов, тропический климат. Климатические пояса гористых районов меняются вертикально. На высоте 2500—3500 м расположены самые холодные районы со среднегодовой температурой от +7° до +17°.

Климат Колумбии удивительно разнообразен: есть места, где ежедневно льют дожди и годовая сумма осадков достигает 10 000 мм, и районы, месяцами не получающие ни капли влаги. Природные богатства Колумбии огромны: она располагает большими запасами нефти, угля, железной руды, изумрудов, золота, платины, ценнейшими породами древесины. Сегодня главное богатство Колумбии — это «зеленое золото» — кофе, составляющий свыше 60% ее экспорта.

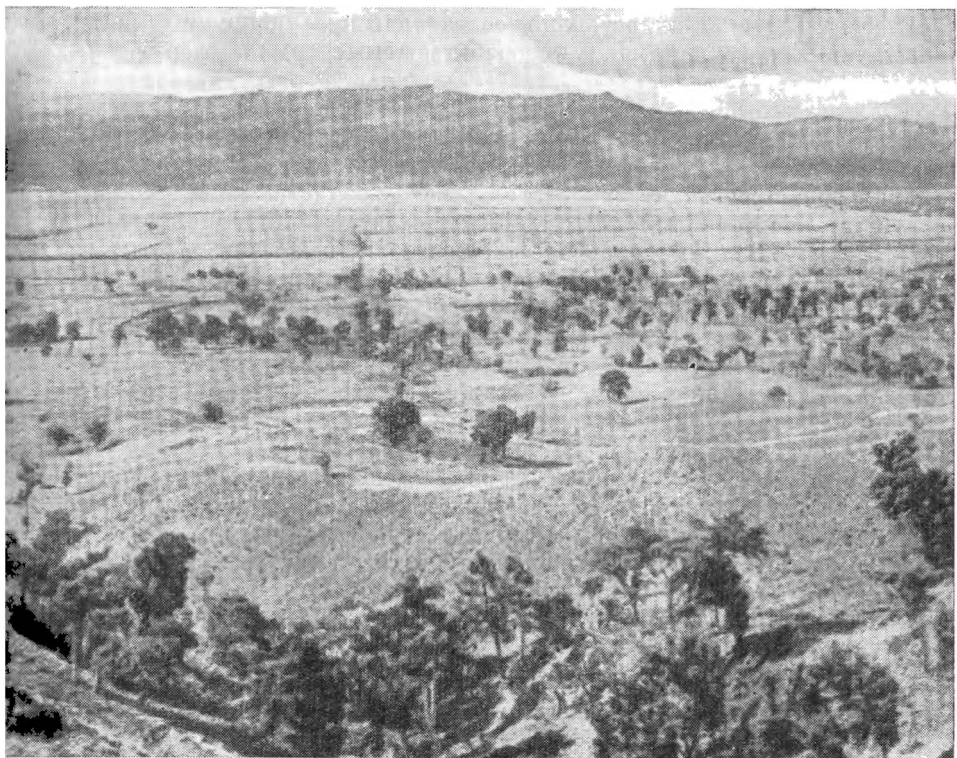
Колумбийский кофе завоевал мировую славу. По производству и экспорту этого продукта Колумбия занимает второе место в мире (около 15% мирового экспорта). ⁹/₁₀ мировой добычи редкого камня — изумрудов приходится на долю Колумбии. По разведанным запасам и добыче нефти она занимает в Латинской Америке четвертое место (после Венесуэлы, Мексики и Аргентины). Из более чем двух тысяч скважин в Колумбии ежегодно добывалось в среднем около 7,5 млн. т нефти, а в 1969 г. было добыто 10 млн. т нефти. Разведанные запасы нефти в конце 1971 г. составляли 253,8 млн. т. Но 80% добычи нефти контролируют иностранные компании.

Видное место в мире Колумбия занимает по добыче золота, платины, каменного угля, железной руды и соли. Колумбия экспортирует также сахар, табак и бананы; климатические условия дают возможность собирать в некоторых районах страны по два-три урожая в год.

Колумбия достигла определенной степени индустриализации; ее называют страной «со средним уровнем развития», но тяжелая промышленность здесь только зарождается. Характерная черта экономики Колумбии — зависимость от экспорта кофе, который дает 60—70% всех поступлений иностранной валюты. В структуре валового национального продукта наибольший удельный вес имеет сельское хозяйство — 27% (1971 г.)⁶. Но быстрое промышленное развитие Колумбии в последние десятилетия привело к снижению доли сельского хозяйства в валовом национальном продукте.

В сельском хозяйстве в 1971 г. было занято 45% активного населения, оно обеспечивает 75—80% экспорта. В 1961 г. в Колумбии был принят закон об аграрной реформе, предусматривающий выкуп земель у помещиков, владеющих более чем 2 тыс. га земли, и продажу ее безземельным крестьянам. Для осуществления аграрной реформы был создан Институт аграрной реформы (ИНКОРА).

Однако экспроприация пустующих земель происходит медленно и сопровождается таким количеством условий и формальностей, что на их преодоление требуется в среднем два года. За все эти годы (до 1973 г.) немногим более 6 тыс. крестьянских семей

Равнина реки Кауки

получили 114 тыс. га, а 70 тыс. хозяйств (2,3 млн. га) получили свидетельства на владение землей, которая уже давно была занята и освоена ими. Число безземельных крестьян все еще велико. Так, по подсчетам колумбийского историка профессора Николаса Буэнавентура, опубликованным в 1969 г., в Колумбии насчитывалось 961 153 сельскохозяйственных пролетария, т. е. крестьян, лишенных земли и вынужденных работать на латифундистов. Кроме того, по подсчетам автора, свыше 700 тыс. крестьян имеют наделы менее 2 га, что недостаточно для того, чтобы прокормить семью. Эти сельскохозяйственные полупролетарии также вынуждены работать по найму на землях, принадлежащих местным латифундистам или иностранным компаниям ⁷.

Помещики оказывают всяческое сопротивление реформе, в результате чего наделение крестьян землей осуществляется главным образом за счет освоения целины. Перепись 1970 г. показала, что из 113 614 га национальной территории сельскохозяйственные угодья занимают лишь 27 372 тыс. га (14 626 тыс. га — пастбища,

3 473 тыс. га — пашни, остальное составляли культивируемые леса). Более 85 млн. га занимают необрабатываемые земли, озера, реки, болота.

По отношению ко всей площади страны под сельское хозяйство используется лишь 2%. При этом 90% сельскохозяйственных угодий занято непродуктивным животноводством. Основная причина низкой производительности сельского хозяйства — наличие латифундий и минифундий. По данным сельскохозяйственной переписи 1960 г., 62,4% землевладений составляют хозяйства до 5 га, что равняется лишь 4,5% сельскохозяйственных площадей; между тем 0,6% хозяйств размером свыше 500 га каждое владеют почти 40% сельскохозяйственных площадей. Имеются в Колумбии и крупные плантационные хозяйства капиталистического типа, но не они определяют состояние колумбийского сельского хозяйства, его определяют безземельные и малоземельные хозяйства, а также непродуктивные латифундии.

Помимо кофе, экспортное значение имеют также такие культуры, как бананы, хлопок, табак, сахарный тростник. Для внутреннего потребления выращиваются кукуруза, пшеница, рис, ячмень, картофель. В 1970 г. сбор в тысячах тонн составил: кофе — 480, бананы — 817, хлопок — 128, кукуруза — 800, табак — 44,0, рис — 657, картофель — 980.

Животноводство экстенсивное. поголовье скота в 1970 г. в млн. голов составило: крупный рогатый скот — 20,3; свиньи — 2,3; свцы — 1,9.

Лесоводство и рыболовство развиты незначительно. Из 79 млн. га площади лесов эксплуатируется всего 370 тыс. га.

Крупные промышленные предприятия капиталистического типа составляют всего 3,1% от общего числа предприятий. Остальные 96,9% представлены полукустарными мастерскими с числом рабочих менее 20 человек.

Промышленность дает 20% (1971 г.) валового национального продукта, при этом в обрабатывающей промышленности занято 13,6% активного населения, в горной и нефтяной промышленности — 1,5, в торговле — 9,3, в строительстве — 5,3, на транспорте и в связи — 3,2, в банковском и страховом деле — 2 и в сфере услуг и проч. — 21,1%⁸.

Основная масса промышленных предприятий занята производством продуктов потребления. Высокого уровня достигла текстильная промышленность. Колумбия полностью удовлетворяет внутренние потребности в текстиле и часть текстильной продукции даже экспортирует.

В обрабатывающей промышленности преобладают такие традиционные отрасли, как пищевая, табачная, обувная, швейная.

Заметно развиваются новые для Колумбии отрасли — металлургия, металлообработка, химическая промышленность и особенно нефтехимия. Растет производство цемента.

В последние годы правительство Колумбии активно содейство-

вало индустриализации страны путем установления протекционистских мер и финансирования строительства новых предприятий. Так, государство участвовало в строительстве металлургического комбината «Асериас Пас дель Рио». В 1951 г. была создана государственная нефтяная компания «Экопетроль», обеспечивающая до 20% добычи нефти, и другие промышленные предприятия. Государственный сектор включает всю энергетику, железнодорожную сеть, торговый флот, дальнюю связь, соляные копи.

В 1971 г. в Колумбии было произведено продукции (в тысячах тонн): сталь — 190, изделия из стали — 200, цемент — 2800, каустическая сода — 43,0, нефть — 79 млн. баррелей. Установленные мощности электроэнергетических объектов Колумбии составляли в 1971 г. 2,4 млн. квт. В течение 1960—1970 гг. спрос на электроэнергию ежегодно рос на 11%⁹.

В 1971 г. стоимость экспорта составила 726 млн. долларов, а импорта — 795 млн. долларов. В структуре экспорта преобладают кофе (65%) и нефть (14%). Важнейшие статьи импорта — промышленное и транспортное оборудование (30%), промышленное сырье (45%), потребительские и продовольственные товары. Основным внешнеторговым партнером Колумбии являются США; на их долю приходится 48% импорта и 37% экспорта. За 1960—1970 гг. экспорт кофе из Колумбии в США снизился с 73% всего произведенного в стране кофе до 39%. Во то же время экспорт кофе в ФРГ за тот же период удвоился с 10 до 20%¹⁰.

Около 60% всех грузов в Колумбии перевозится автотранспортом. На речной транспорт приходится 19% товарных перевозок, на железные дороги — 17, на авиацию — 1%. Протяженность железных дорог — 3435 км, шоссежных дорог — 45 191 км (из них асфальтированных 6019 км). Длина судоходных речных путей — 8900 км. Тоннаж торгового флота — 209 тыс. т.

Таковы главные черты колумбийской экономики. Прогрессу Колумбии препятствует обветшалая социально-экономическая структура, для которой характерны зависимость от американского империализма, преимущественное преобладание крупных латифундий, господство монополистических групп крупного капитала. В стране соседствуют разнородные общественно-экономические уклады: почти

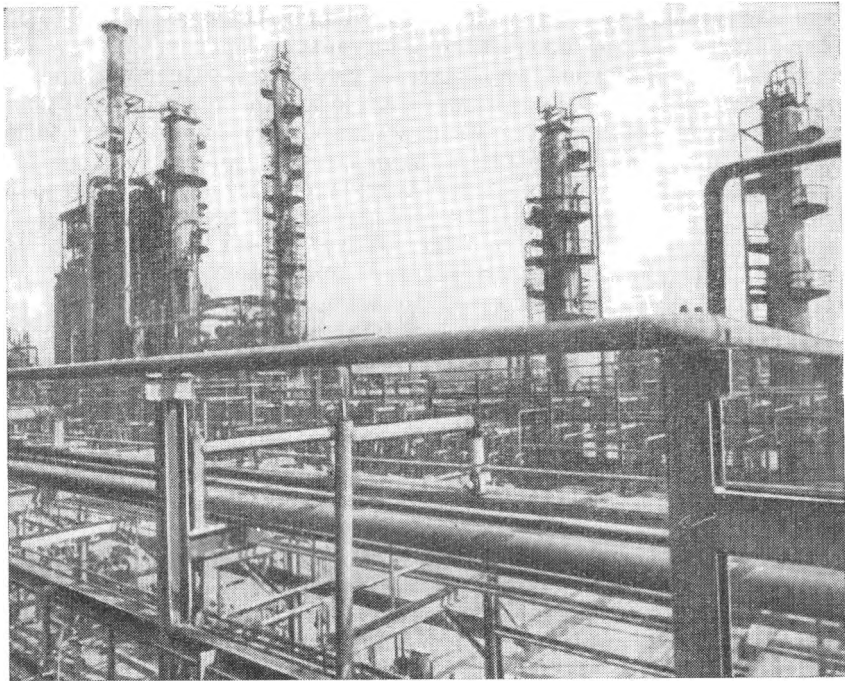
Кофе — главное национальное богатство Колумбии. Сбор урожая

первобытная община и пережитки феодализма, национальный капитализм и монополистический капитализм, представленный главным образом североамериканским империализмом. Экономическая структура страны переживает глубокий кризис, выходом из которого может быть лишь путь радикальных революционных перемен.

Многие богатства Колумбии, большая часть ее экономики находятся в руках иностранного, прежде всего американского капитала. Империалистические компании США через свои филиалы захватили разведку и добычу нефти, они эксплуатируют золотые и платиновые рудники, им принадлежит львиная доля воздушного транспорта страны, они — хозяева производимой в Колумбии электроэнергии. Монополистическая компания «Юнайтед фрут» владеет огромными плантациями кофе и бананов. На США приходится большая часть экспорта и импорта страны. США охотно предоставляют Колумбии «помощь» в виде займов. Так называемая американская помощь вынудила Колумбию подчинить всю свою денежную и кредитную политику, свой международный обмен, тарифы своих учреждений коммунального хозяйства, равно как и разработку своего бюджета, выгодам североамериканских монополистов. Обозреватель колумбийской консервативной газеты «Республика», характеризовавший летом 1970 г. «помощь» США Колумбии, прибегнул к следующей метафоре: «Помощь эту можно сравнить с веревкой, которую бросают утопающему не для того, чтобы его вытащить, а лишь для того, чтобы не дать ему захлебнуться... Лучше бы США повысили или хотя бы стабилизировали цены на экспортируемое нами сырье»¹¹.

Американские займы неизменно сопровождаются условиями, пагубными для национальной экономики и для уровня жизни колумбийского народа. Еще в большей мере это относится к военной «помощи» Соединенных Штатов. В докладе специальной комиссии палаты представителей конгресса США отмечается, что Колумбия занимает второе место в разработанной Соединенными Штатами программе военной помощи странам Латинской Америки. В рамках этой помощи в 1969 г. Колумбия получила 92 млн. долларов, почти 4 тыс. колумбийских офицеров прошли курс военной подготовки. При этом на содержание военной миссии США колумбийское правительство ежегодно затрачивает... 85 млн. долларов!

С 1955 г. внешний долг страны неуклонно возрастал. Политика займов ведет к подрыву колумбийской экономики, ибо Колумбия вынуждена выплачивать в счет процентов и постепенного погашения кредита по 14,5 млн. долларов в месяц, т. е. около 200 млн. долларов в год. Увеличение внешнего долга американским финансовым корпорациям в последние годы шло такими темпами, что Колумбия оказалась в числе девяти капиталистических стран с наибольшей задолженностью. В 1973 г. размер государственного долга достиг почти 2,5 млрд. долларов. Погашение долга поглощает большую часть средств, полученных от экспорта. Увеличился разрыв между экспортом и импортом, что явилось результатом зависимости внеш-

Нефть — будущее страны. Нефтеперегонный завод в департаменте Боливар

ней торговли и особенно импорта от США. В 1966 г. торговый дефицит составлял 166 млн. долларов, а в 1970 г. он равнялся уже 246 млн. От ухудшения торгового баланса страна ежегодно теряет около 100 млн. долларов.

Многолетнее господство североамериканских монополий и при-служивающей им местной олигархии поставило Колумбию на грань экономической катастрофы. Вступая на пост президента Колумбии 7 августа 1970 г., Пастрана Борреро признал, что в стране имеется более 800 тыс. безработных и что если в ближайшие годы не будут приняты меры по оздоровлению обстановки, то количество безработных увеличится до 4 млн. человек. В 1972 г. количество безработных достигло уже миллиона человек: 12% самодельного населения страны не имело работы¹²; 18% — частично безработные. Положение трудящихся катастрофично, 80% колумбийцев влчат жалкое существование. От недоедания ежедневно умирают 100 детей¹³. В 1970 г. резервную армию рабочих пополнили 220 тыс. молодых граждан, а число рабочих мест возросло всего на 8 тыс.

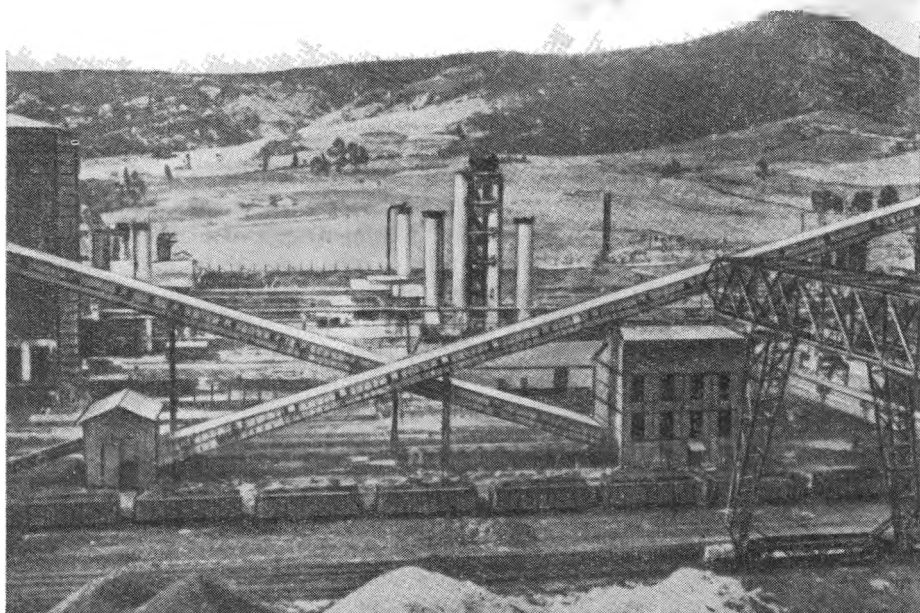
В начале 1973 г. член палаты представителей колумбийского конгресса Абельардо Дуарте Сотело заявил, что 60% колумбийцев лишены какой-либо медицинской помощи. На 22 млн. жителей в

стране насчитывается всего 50 тыс. больничных коек, а 74,2% медицинского персонала проживают в крупных городах. 70 детей из каждой тысячи умирают, не дожив до пяти лет. Средняя продолжительность жизни в Колумбии — 45 лет. По просьбе колумбийских властей Международное бюро труда представило доклад, в котором указывается, что проблема занятости не может быть решена без глубоких структурных реформ, предполагающих, в частности, перераспределение доходов. Средний доход на душу населения в Колумбии — один из самых низких: он составляет всего 290 долларов в год. Распределяется он весьма неравномерно: половина населения страны имеет доход 100 долларов в год на человека, 30% колумбийцев — 200 долларов в год и лишь у 5% жителей он составляет 1500 долларов на человека. По официальным данным, в Колумбии в 1972 г. 217 человек владели состоянием от 10 до 100 млн. песо¹⁴.

«Утечка мозгов» стала серьезной проблемой в Колумбии. Только за последние 15 лет 14% врачей и 25% инженеров уехали из страны. 40 тыс. колумбийцев с высшим образованием работают за границей, а Колумбия для развития своей экономики вынуждена приглашать иностранных специалистов¹⁵.

Колумбия издавна считается страной поэтов и писателей; ее столицу Боготу называют «Афинами Латинской Америки». Колумбийцы шутливо хвастаются: у нас на каждых сто жителей приходится двести поэтов. В этой шутке немалая доля правды. Колумбия дала миру целую плеяду выдающихся мыслителей и художников слова. Назовем лишь наиболее выдающихся писателей XX в. Это Хосе Эустасио Ривера (1889—1928), создатель современного социального романа; его «Пучина» открыла целое направление в латиноамериканской литературе, именуемое «литературой зеленого ада». Человек энциклопедического ума, выдающийся писатель, историк, философ, журналист Бальдомеро Сантин Кано (1861—1957), а также Хорхе Саламеа (1905—1969), известный писатель, публицист и общественный деятель, были удостоены звания лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Талантливым писателем зарекомендовал себя автор нашумевшего романа «Сто лет одиночества» Габриэль Маркес (род. в 1905 г.). Книги этих четырех писателей, как и многих других ведущих литераторов Колумбии, переведены на русский язык и высоко оценены советскими читателями.

К сожалению, в самой Колумбии читателей мало: 39% взрослого населения неграмотно и, как это ни парадоксально, число неграмотных растет; в 1905 г. их насчитывалось 2856 тыс., а в 1958 г. — 5906 тыс. человек! По данным сенатского комитета по иностранным делам конгресса США, опубликованным в 1969 г., за время действия пресловутого «Союза ради прогресса» число неграмотных в Колумбии увеличилось на миллион человек¹⁶. Всего по стране не хватает 60 тыс. школьных помещений. Только 5% учащихся оканчивают начальную школу. В средних школах обучается

Металлургический завод в Пас дель Рио

всего 601 тыс. учащихся, а 287 высших учебных заведений и колледжей насчитывают 63 тыс. студентов¹⁷.

Некоторые исследователи пытаются объяснить социально-экономическую отсталость Колумбии бесчисленными гражданскими войнами, «певежеством» ее населения и его упорным «нежеланием» развивать науку и технику. Колумбийский историк Милтон Пуэнтес выдвигает даже такой аргумент: «у богатых и сильных народов — самостоятельные правительства, а у бедных — и правительства ничтожные»¹⁸.

Слов нет, междоусобицы, гражданские войны, следовавшие одна за другой на протяжении всего XIX столетия, унесли тысячи жизней, поглотили уйму государственных и частных средств. Только за период с 1830 по 1903 г. в Колумбии произошло 9 общенациональных гражданских войн, 14 гражданских войн локального значения, 2 войны с Эквадором, 3 государственных переворота и один неудавшийся заговор — по самым скромным подсчетам, 29 социально-экономических и политических потрясений! Колумбийские правительства всегда были неустойчивыми. Их частая смена объяснялась, с одной стороны, внутренними междупартийными противоречиями,

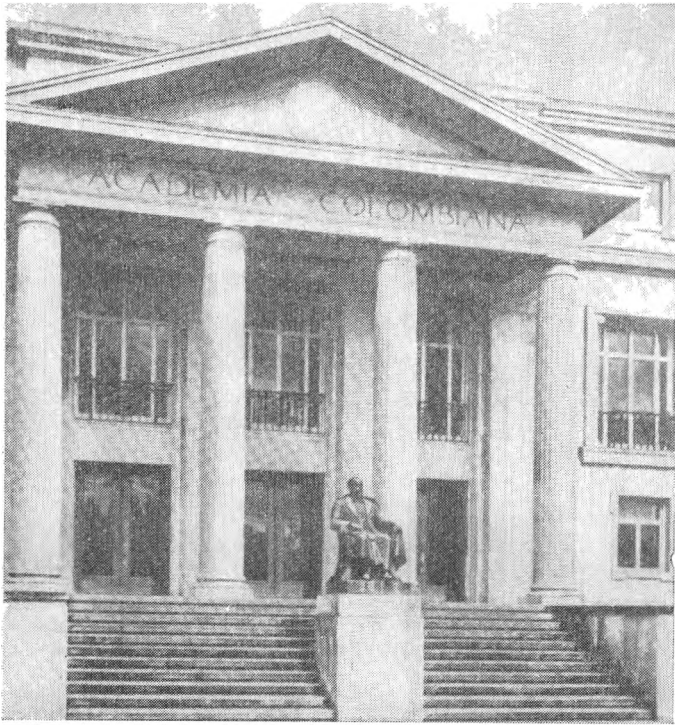
а с другой — англо-американским соперничеством, борьбой США и Англии за влияние в Колумбии. Особенно рьяно орудовал здесь американский империализм, имевший на эту страну особые виды, так как здесь должен был пролегать межкокаевский канал.

Равновесие не было достигнуто и в последующие годы. В 1946—1957 гг. конфликт между либеральной и консервативной партиями снова перерос в гражданскую войну, в результате которой погибло от 200 до 300 тыс. граждан. Это страшное явление, получившее лакопичное название «виоленсии» (произвол, пасилие), принесло стране неисчислимые бедствия. Инициатором виоленсии было правительство консерваторов, пришедшее к власти в результате президентских выборов 1946 г. Мечтая о «новом порядке» по образцу франкистской Испании, консерваторы развязали кампанию террора против оппозиционных сил и рабочего движения, против либералов и коммунистов. После убийства народного лидера Хорхе Элизера Гайтапа кровь полилась рекой. Между консерваторами и либералами началась настоящая резня. С помощью банд террористов, полиции, а затем и армии латифундисты стали захватывать крестьянские земли. Десятки тысяч мелких землевладельцев были выпущены бросить дома и поля и укрыться в городах или эмигрировать в соседние страны; либерально настроенным владельцам средних поместий пришлось продать свои земли за бесценок.

Но кровопролитные гражданские войны лишь одна из причин экономической отсталости Колумбии. Успешному развитию страны мешали и продолжают мешать многие факторы. Это прежде всего безраздельное господство олигархии, которая всегда ставила свои эгоистические интересы над интересами государства и народа; в борьбе за власть как источник обогащения правители страны, как бы они ни назывались — консерваторами или либералами, не останавливались ни перед чем, шли на любое преступление, на кровопролитную братоубийственную войну. В их интересах всегда было сохранить полуфеодалную социально-экономическую структуру.

Существует довольно укоренившееся мнение — миф о колумбийской «демократии». Профессор Остин Макдональд в 1949 г. писал: «Колумбия одна из немногих стран Латинской Америки, которую по справедливости можно назвать демократическим государством; борьба мнений здесь решается в избирательных урнах, а не на поле боя. Выборы в Колумбии довольно честные»¹⁹. Десять лет спустя профессор Льюис Ханке вторил: «Колумбия являет собой лучший образец латиноамериканской демократии»²⁰.

Между тем демократии в Колумбии никогда не было и нет. В Колумбии всегда хозяйничали олигархические группы, поочередно управлявшие страной и совместно угнетавшие народ. Хорхе Гайтан — выдающийся общественный деятель Колумбии, лидер левых либералов — писал: «Демократия в Колумбии — это вздор. Судьба нации никого не интересует, все зависит от правящего меньшинства и всем управляют недобросовестные политиканы. Другими словами, мы живем при кастовой системе»²¹.

Здание Академии наук Колумбии в Боготе

Одна из главных особенностей политической жизни Колумбии состоит в том, что здесь правят две крупные традиционные или, как их иногда называют, исторические партии — консервативная и либеральная. Начиная с XIX в. между консерваторами и либералами шла и продолжает идти ожесточенная борьба.

Характеристику, данную В. И. Лениным двухпартийной системе в Англии и США, можно полностью отнести и к Колумбии. В. И. Ленин писал: «Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий. Эта так называемая «система 2-х партий», царившая в Америке и в Англии, была одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии»²².

Ненависть к политическим противникам передавалась из поколения в поколение и определяла жизнь и судьбу многих семей, целых городов. Политически отсталый, классово незрелый средний колумбиец в сущности толком никогда не знал, что значит быть

Антиокийский университет в г. Медельине

консерватором или либералом, но ему с детства внушали, что надо идти по стопам отца, деда и прадеда, непременно сражавшихся под красным знаменем либералов или под голубым — консерваторов.

По образному выражению колумбийского профессора Эдуардо Санта, «колумбиец рождается с партийным билетом, хотя почему он консерватор или либерал, никто точно не знает»²³.

Необходимо подчеркнуть поразительную необъективность многих историков Колумбии, принадлежащих к традиционным партиям. Один и тот же исторический факт получает настолько различное освещение под пером историка-либерала и историка-консерватора, что становится неузнаваемым. Один и тот же политический деятель, по мнению либерала, — великий борец за независимость, по мнению консерватора, — трус и вор, и наоборот. Особенно противоречивые сведения дают колумбийские буржуазные историки о многочисленных гражданских войнах, о причинах, их вызвавших, о численности войск, о ходе и исходе сражений. Наиболее разительный пример являют собой в этом смысле две весьма популярные в

Национальная библиотека в столице

Колумбии книги. Одна принадлежит перу Милтона Пуэнтеса и называется «История либеральной партии Колумбии», другая — классический учебник истории Колумбии для средних учебных заведений, написанный Хесусом Марией Энао и Херардо Аррублой²⁴.

Вот всего лишь один пример. Характеризуя президента Колумбии Энрике Олайя Эрреру (1930—1934), газета либеральной партии «Эль Тьемпо» писала о нем в 1933 г. как «об умном, справедливом и добром государственном деятеле», а орган консерваторов газета «Эль Сигло» называла того же Олайю Эрреру «бандитом, кровавым убийцей, виновником гибели 6 тыс. консерваторов, убитых из-за угла по его приказу...»²⁵.

Главную скрипку в правой руке олигархии Колумбии играют по сей день реакционеры-латифундисты. Хотя в Колумбии есть районы, где в сельском хозяйстве взяли верх капиталистические отношения, но полуфеодалные порядки все же преобладают. Латифундисты — мощная социальная сила Колумбии. Вместе с тем они являются опорой империалистического проникновения США. И те, и другие заинтересованы в сохранении отсталой социальной структуры. Ла-

тифундистскую олигархию поддерживают князья церкви, тоже ратующие за сохранение существующего порядка. Политическое и общественное влияние католической церкви в Колумбии огромно. Она контролирует систему образования, по сей день имеет большую власть над умами.

Часть крупной колумбийской буржуазии связана с американским финансовым капиталом и представляет собой компрадорскую буржуазию. Другая часть, условно именуемая национальной буржуазией, заинтересована в независимом развитии страны.

Сегодня идеологические границы, отделявшие либералов от консерваторов, постепенно стираются, образуется как бы единая партия правящей олигархии. Сегодня она называется «Национальным фронтом». Временами традиционные партии все еще прибегают к насилию, оспаривая друг у друга гегемонию, а иногда, как, например, в настоящее время, они вступают в коалицию, чтобы править страной совместно. Учитывая эту «двухпартийную» специфику, места для других партий в Колумбии не было и быть не могло. Единственное исключение составляет Коммунистическая партия. Она основана 17 июля 1930 г. За эти годы партия прошла славный и трудный путь, подвергалась преследованиям, большую часть находилась на нелегальном положении.

На XI съезде Компартии Колумбии, состоявшемся в декабре 1971 г., было уделено много внимания вопросу создания Патриотического фронта. Генеральный секретарь КПК Хильберто Виейра в отчетном докладе сделал глубокий анализ политической и экономической обстановки в Колумбии, отметил, что страна переживает серьезный кризис социальной структуры. Коммунистическая партия Колумбии вновь подтвердила положение, выдвинутое ее X съездом, что единственный путь к осуществлению революционных преобразований, в которых нуждается страна,— это создание объединенного народного движения, единого широкого фронта, основанного на сотрудничестве рабочих и крестьян при активном участии средних слоев, студенчества, интеллигенции, демократически настроенных военных.

Социальный состав Компартии (декабрь 1971 г., %): рабочие — 37, крестьяне — 24, представители интеллигенции — 16, ремесленники — 9, мелкие торговцы — 6, служащие — 5, домохозяйки — 3, 54% членов партии — моложе 40 лет²⁶.

С конца 40-х годов в Колумбии, главным образом в юго-западной части страны (провинции Толима, Каука), существует крестьянское партизанское движение, имеющее свою организацию — Революционные крестьянские вооруженные силы. Сейчас партизанское движение сливается с выступлениями крестьян за землю. Коммунистическая партия поддерживает партизанскую борьбу, но основное внимание концентрирует на создании патриотического фронта оппозиции, на легальных, мирных методах борьбы за повышение уровня жизни масс, за завоевание власти трудящихся. Коммунистическая партия считает, что Колумбия вступила в предреволю-

ционный период своего развития, что надо содействовать созреванию революционной ситуации, готовить необходимые силы.

В 1972 г. Коммунистическая партия Колумбии обратилась с открытым письмом ко всем профсоюзным и политическим организациям, которые представляют демократические, оппозиционные силы страны, с призывом объединить усилия и остановить «резкий поворот вправо, который характерен сейчас для официального политического курса».

В сентябре 1972 г. на политической арене Колумбии появилось новое прогрессивное движение — Национальный союз оппозиции (НСО), куда вошли Коммунистическая партия Колумбии, Широкое колумбийское движение (МАК), христианская социал-демократическая партия и другие оппозиционные партии и группировки. Выступая на учредительном заседании, глава делегации Коммунистической партии Колумбии генеральный секретарь ЦК КПК Хильберто Виейра указал, что создание коалиции прогрессивных сил представляет собой важный шаг, открывающий перспективу строительства социализма в Колумбии.

Единодушно одобренная программа-минимум НСО содержит следующие пункты: борьба против неокOLONиализма и зависимости от иностранного капитала, а также борьба против сил, заинтересованных в такой зависимости; национализация природных богатств и ресурсов; завоевание полноценных демократических свобод и установление гражданских гарантий; немедленная отмена осадного положения; упразднение военных судов; освобождение политзаключенных; осуществление коренной аграрной реформы, передача земли крестьянам, ликвидация латифундий; установление государственного контроля над национальной экономикой; повышение заработной платы в связи с повышением стоимости жизни; полная демократическая реформа всей системы национального просвещения; установление отношений со всеми странами мира, проведение внешней политики мира и солидарности с народами, борющимися за свое освобождение, против иностранной агрессии.

В марте 1973 г. в колумбийской столице состоялась очередная встреча блока прогрессивных сил страны — Национального союза оппозиции. НСО разработал программу борьбы за демократические преобразования в Колумбии, за улучшение материального положения трудящихся, за упрочение экономической независимости страны. Участники встречи избрали руководство НСО, в состав которого вошли пять членов Компартии Колумбии²⁷. В своей борьбе Компартия опирается на рабочий класс, крестьянство и средние слои.

Наемные рабочие составляли в 1972 г. свыше 3 млн. человек из 7 млн. экономически активного населения. Несмотря на свою молодость, рабочий класс уже прошел славный путь героической борьбы за независимость, против местной олигархии и империалистов США. Испытанное оружие рабочего класса — забастовки широко применяются в Колумбии, хотя правящая олигархия лавирует:

то объявляет забастовки вне закона, то намеренно их затягивает (некоторые забастовки длились более 100 дней), рассчитывая сломить волю забастовщиков, взять их измором. Неустойчивое экономическое положение, обострение проблемы занятости, медленное осуществление аграрной реформы — все это ведет к обострению внутривнутриполитической обстановки.

Политическое пробуждение рабочего класса и соединение его с научным социализмом имеет решающее значение для победы антиимпериалистической и антифеодальной революции, для коренных социально-экономических преобразований в Колумбии. Рабочее движение, его политические организации завоевали большой авторитет среди крестьянства, в 1949—1957 гг. не раз продемонстрировавшего свою боеспособность и героизм. Колумбийское крестьянство представляет собой наиболее многочисленный антифеодальный и антиимпериалистический революционный резерв. Борьбе крестьян против олигархии, для того чтобы перерасти в широкое, общенациональное движение, пока не хватает организованности, согласованности действий с рабочим движением. К тому же отсталые слои крестьянства, опутанные паутиной полуфеодальных пережитков, все еще находятся во власти «добраго барина» и священника. Поэтому правящий «Национальный фронт» пытается заручиться его поддержкой. Один из способов — раздувание значения проводимой ныне официальной аграрной реформы, которая практически неспособна удовлетворить потребность крестьян в земле, не может покончить ни с латифундизмом, ни с нищетой крестьянских масс.

В июле 1970 г. в Боготе состоялся первый съезд крестьян Колумбии. Съезд потребовал пересмотра закона об аграрной реформе, создал Национальную ассоциацию земледельцев, объединившую 850 тыс. крестьян, и выбрал крестьянских представителей в руководящие государственные органы по вопросам сельского хозяйства. Съезд потребовал непосредственного участия крестьянских организаций в распределении земель и заявил, что аграрная реформа должна распространяться на все земли, принадлежащие государству или иностранным монополиям, причем экспроприация земель у помещиков должна осуществляться без выплаты компенсации. Съезд принял также решение об оказании государственной помощи земледельцам в развитии сельского хозяйства.

Средние слои населения, по составу весьма разнородные (это мелкие предприниматели и торговцы, ремесленники, служащие, техническая и прочая интеллигенция, студентство), активно участвуют в демократической борьбе. Особенно нагляден пример колумбийских студентов, представляющих собой сегодня серьезную политическую силу. Защищая свои права, студенты становятся в один ряд с рабочим классом и крестьянством.

Значительно активизировались и до недавнего времени пассивные группы среднего класса, например учителя, банковские служащие, служащие агентств и министерств, действующие через свои профсоюзные организации.

Памятник национальному герою Симону Боливару в г. Перейра
(департамент Сантандер)

Возросшее участие средних слоев городского населения в общественной жизни привело к перегруппировке политических сил и к углублению кризиса двухпартийной паритетной системы. Стали появляться новые партии, возникла, например, христианско-демократическая партия и так называемый Национальный народный Союз (АНАПО), возглавляемый бывшим президентом генералом Рохасом Пинильей. АНАПО возник в конце 60-х годов в рамках существующей паритетной системы как оппозиционное движение, в противовес правящей олигархии, в июне 1971 г. оформился как партия. В АНАПО имеются левые, центристские и правые течения. В нем объединились группы, отколовшиеся от традиционных партий, представители средних слоев, буржуазии, латифундистов, крестьян и

рабочих — корочс, все элементы общества, недовольные существующими порядками, осуждающие политику правящей клики. Идеологическая и политическая платформа АНАПО отражает антиолигархические и националистические тенденции, но грешит нечеткостью позиций по некоторым вопросам, расплывчатостью формулировок, в частности по аграрной реформе. Структура партии носит «семейный», иерархический характер; руководитель партии вправе назначать национальное руководство партии; оно в свою очередь назначает руководителей партии в департаментах, а те — в муниципалитетах.

Понимая, что колумбийское общество и вся система управления страной переживают кризис, представители различных группировок либеральной партии периодически выступают с предложениями об «усовершенствовании» колумбийского капитализма. В последнее время особенно в ходу «теория», проповедующая построение «общества равенства» путем постепенной эволюции, на основе «народной интеграции», не затрагивающей, разумеется, основных принципов «свободного предпринимательства». Все эти попытки «улучшить» жизнь народа, сохранив зависимость страны от американского империализма и систему монополистической и полуфеодальной эксплуатации, не выдерживают критики.

Для современного положения в Колумбии характерен политический кризис, являющийся прямым следствием кризиса экономической и социальной структуры общества. Нынешний блок консервативной и либеральной партии изжил себя, он не в состоянии удовлетворить даже интересы господствующих классов, он обманул надежды средних классов и полностью разоблачил себя в глазах трудящихся как орудие олигархии и американского империализма. Сегодня резко обостряются противоречия не только между трудом и капиталом, но и между крупной национальной буржуазией и империализмом США. Кризис социально-экономической структуры, где сосуществуют первобытная община и крупные монополистические корпорации, привел к деформации колумбийского общества, к острым конфликтам. Весьма примечательно, что даже в такой извечной цитадели реакции, как католическая церковь, появились люди, которые поддерживают стремление народа к радикальному обновлению страны.

После двадцатилетнего перерыва (в 1948 г., в период «холодной войны», под нажимом Соединенных Штатов отношения между Колумбией и Советским Союзом были разорваны) в Боготе открылось советское посольство, а в Москве — посольство Колумбии. Систематически происходит обмен парламентскими делегациями. В апреле 1973 г. Советский Союз посетил бывший президент Колумбии, один из руководителей либеральной партии Карлос Льерас Рестrepo. Развиваются экономические связи, подписано торговое соглашение. СССР закупает в Колумбии кофе и некоторые другие товары; в Колумбию идут советские автомобили, троллейбусы, машинное оборудование. Колумбийские торговые круги проявляют

большой интерес к развитию экономических связей с Советским Союзом.

Советский Союз, верный принципам политики мирного сосуществования, конструктивно изложенным в Программе мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, выступает за дальнейшее расширение советско-колумбийских отношений.

Таков круг вопросов, рассматриваемых в предлагаемом исследовании, разумеется далеко не исчерпывающем, поскольку автор ставил своей целью лишь восполнить некоторые пробелы в изучении происходящих в Колумбии исторических, этнических и социально-экономических процессов.

Колумбия до Колумба

Трудно, почти невозможно нарисовать этнографическую картину Колумбии в доколумбов период. До последнего времени культура и быт колумбийских индейцев изучались мало, и господствовало мнение, будто все началось после Колумба. Сегодня над загадкой исчезнувших цивилизаций бьются многие ученые Колумбии и других стран. В XVI в. завоеватели не обнаружили здесь значительных памятников культуры, но позднее, в начале XIX в., в районе Сан-Агустина была открыта «Святая гора», сохранившая сотни памятников и статуй. О богатствах «Святой горы» поведал миру известный археолог Кальдас, прославившийся во время войны за независимость. Богатства, найденные в Сан-Агустине, могут сравниться только с открытиями на острове Пасхи.

В XX в. колумбийские ученые при участии немецких, итальянских и испанских археологов предприняли серию научных раскопок. Ценнейшие находки были сделаны колумбийским Институтом археологии на острове Тумако в Тихом океане. Найденные там керамические статуи и фигурки открыли миру совершенно новую цивилизацию.

Географическое положение Колумбии, равно удаленной от двух крайних пунктов, через которые был возможен приход азиатов в Латинскую Америку, дает основание высказать ряд соображений. Было бы логичным предположить, что Колумбия, расположенная между несколькими высокоразвитыми цивилизациями: инков в Перу и аймара в Боливии, с одной стороны, и майя-ацтеков в Центральной Америке, с другой,— оказалась под их влиянием. Между тем этого не произошло. Методы ведения хозяйства, кустарное производство, искусство, мифология колумбийских индейцев почти не несут на себе следов других американских цивилизаций. Нет также данных, которые свидетельствовали бы о массовом притоке индейцев других цивилизаций в Колумбию. Более того, весьма распространена теория известного испанского антрополога и географа Х. А. Виво о том, что народы, пришедшие с севера в доколумбов период, развили свою культуру именно на территории Колумбии, откуда она затем стала распространяться на север.

По-видимому, приток населения не был вызван перенаселенностью других районов. Высокогорная, трудно достижимая Колум-

бия осваивалась медленно. Индейские «колумбы» были мореходами, они проникали в Колумбию с моря и по рекам. Их можно разделить по языковому признаку на две большие группы: *чибчи* и *карибы*. Чибчи обосновались в высокогорных Андах, а карибы заселили жаркое побережье Тихого и Атлантического океанов, покрытое тропической сельвой. Можно предположить, что карибы проникли на территорию Колумбии через р. Какета — северо-восточный приток Амазонки — по побережью Тихого океана или по р. Ориноко. Не исключено, что проникновение карибов шло по главным рекам Колумбии — Магдалене, Кауке, Сину и Аtrato. Их первые поселения возникли в долине р. Кауки, между Центральной и Западной Кордильерами, вдоль берегов р. Магдалены. Они как бы окружили высокогорное плато — саванну Боготы, где уже разместились чибчи.

Население Колумбии в доколумбов период состояло из многочисленных индейских племен, говоривших на разных диалектах. Резко отличалась и социальная организация этих племен: были тут и так называемые империи, и просто кочующие группы охотников. Чаще всего они селились в высокогорных районах, северных низинах и долинах рек. Наиболее известна «империя» чибчей (муисков), располагавшаяся на огромной территории плато Восточных Кордильер, самое большое государство Нового Света после государств инков (совр. Перу) и ацтеков (совр. Мексика).

Можно считать устаревленным, что к моменту прихода испанцев на территории современной Колумбии существовало развитое земледелие, которое не только удовлетворяло нужды значительного населения страны, но обеспечивало еще и добавочный продукт для обмена с другими народами. Во всех крупных поселениях были возведены большие храмы, построены акведуки, дороги, мосты. Между племенами был налажен также обмен солью, золотом, драгоценными камнями.

За счет сельского населения жили и многочисленные жрецы, войны, ремесленники. Многие вожди племен и «империй», расположенных на территории Колумбии, были одновременно и верховными жрецами. (Кстати, хроники указывают, что вождем одного большого племени была женщина.) Некоторые из них пользовались авторитетом и у соседних племен, однако ни одному из них не удалось объединить эти разноплеменные индейские массы, создать единое государство.

Между племенами и «империями» шли непрерывные войны. Чем больше земель и, главное, пленных захватывали победители, тем более укреплялись позиции данного племени.

За несколько десятилетий до прихода испанцев большинство племен южного высокогорного района Колумбии попало под власть инков, которые навязали побежденным свою культуру. На языках группы чибча говорили лишь немногие племена, жившие в лесах. Значительное число племен изъяснялось на карибском и аравакском языках, распространенных в тот период в северной части

Южной Америки и в районе Карибского моря. На востоке, в льяносах Колумбии, жили племена, говорившие преимущественно на аравакских языках и диалектах чибча. Это были главным образом небольшие группы кочевников, жившие в саваннах и промышлявшие охотой.

Если не считать высокогорных долин, плотность населения была невысокой, размер поселения редко превышал 200 человек. Многие племена обосновывались на берегах рек, поскольку целиком зависели от ловли рыбы.

Количество индейцев в Колумбии к моменту ее завоевания испанцами в точности не установлено. Подсчеты производились на основе наблюдений, сделанных испанскими хронистами, прибывшими вслед за завоевателями. Достоверность этих данных весьма дискуссионна. Во-первых, конкистадоры были склонны преувеличивать число аборигенов, оказывавших им сопротивление, чтобы одержанные победы выглядели внушительнее. Во-вторых, многие индейцы были убиты до того, как их «сосчитали». Новые археологические раскопки в таких районах, как, например, Антиокия, показывают, что проживавшее там индейское население было значительно более многочисленным, нежели полагали испанские хронисты. Анализируя и сопоставляя более поздние статистические данные и выкладки хронистов, историков, государственных деятелей, можно предположить, что население Колумбии к концу XV в., т. е. к началу испанского завоевания, составляло 1,5—2 млн. человек.

«Империя» чибчей

Богатые саванны Сипакира, Немокона, Убате, Чикинкиры, Тунхи и Согомосо, как бы окаймленные реками, находятся в центре, сегодняшней Колумбии. Это срединная часть правого берега р. Магдалены (ныне департаменты Кундинамарка и Бояка). Природные условия тут суровые: климат умеренный и холодный. Здесь, на высоте от 1800 до 2800 м над уровнем моря, и жил народ под названием чибчи, или муиски (что в переводе значит «люди»). Слово «чибчи» происходит от имени одного из индейских богов. Вот что рассказывает по этому поводу хронист Педро Симон: «Главными богами индейцев были Чибчачум и Бочика. Чибчачум был покровителем Боготы, потому и жителей этих мест стали называть чибчами»¹.

Богиня Бачуе (или Фурачогуа), гласит легенда, вышла из воды вместе с трехлетним мальчиком, чтобы заселить землю. Когда мальчик вырос, он женился на Бачуе и она стала каждый год рожать по четыре-шесть близнецов. Так постепенно чибчи заселили землю. Когда Бачуе и муж ее состарились, они вернулись на берег лагуны, где при большом стечении народа Бачуе призвала людей жить в мире и согласии, после чего обернулась огромной змеей, а муж ее — змеем, и оба скрылись в водах лагуны.

Есть основания предполагать, что этногенез чибчей связан с тремя миграционными группами, пришедшими с юга Центральной Америки и из восточных льянос. Большая часть чибчей пришла в Колумбию с юга, по цепи Восточных Анд. Позднее некоторые племена продвинулись вплоть до побережья Карибского моря.

Большинство исследователей сходятся на том, что территория, на которой разместились чибчи, была примерно 30 тыс. кв. км. Однако по поводу численности населения мнения историков решительно расходятся: указываемые ими цифры колеблются от 100 тыс. до 2 млн. человек. Американский ученый А. Кребер считает, что чибчей насчитывалось не менее миллиона; колумбийский историк Х. Харамильо в своем последнем исследовании называет цифру 300 тыс.² В 1969 г. советский исследователь С. А. Созина опубликовала работу «Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки». Данная работа — первая публикация о муисках на русском языке: ни в советской, ни в дореволюционной исторической литературе этот вопрос по существу не изучался. С. А. Созина приходит к выводу, что численность муисков «была довольно высокой по тому времени и вполне могла превышать полмиллиона человек»³. Сопоставив эти и многие другие оценки, мы пришли к выводу, что к моменту вторжения испанцев чибчей насчитывалось не менее 1200 тыс. человек.

Большинство ученых, занимавшихся изучением чибчей, подчеркивают исключительно высокую плотность населения в местах их обитания (40 человек на 1 кв. км).

Восстановить достоверную картину жизни чибчей, обрисовать их социальный строй, зарождавшуюся государственность, культуру, быт невозможно, заслуживающих доверия свидетельств или описаний не сохранилось. Мы постараемся создать хотя бы общее представление об этом древнем народе.

Социально-экономической основой и единицей общества чибчей была территориальная община с коллективной собственностью на землю. Община объединяла 10—50 домохозяйств, далеко отстоявших друг от друга. Каждое домохозяйство состояло из 10—15 человек, связанных родственными узами и живших в усадьбе из нескольких домов, обнесенных изгородью. Во главе общины стоял выборный начальник, согласно терминологии испанских хронистов — «капитан». Группа общин составляла объединение, возглавлявшееся вождем или, как говорили испанцы, касиком. Подобное объединение испанцы называли «касикат».

Группа таких объединений составляла конфедерацию, а конфедерации — то, что испанцы называли «империей». По мнению известного колумбийского ученого Гильермо Эрнандеса Родригеса, к моменту прихода испанских завоевателей империя чибчей состояла из пяти конфедераций: Бакаты (позднее Богота — столица Колумбии), Унсы (Тунха), Ираки, Тундалы и Гуанеты⁴.

Известно, что в конфедерации Боготы главный вождь и правитель имел титул Сипа, в Тунхе — Саке, а в районе Дуитамы гла-

Бог солнца у чибчей

венствовал Тундама. Отношения между ними, по-видимому, были недружелюбными, но их держал в узде верховный касик Согомосо, выходец из небольшой династии священной долины Ирака, избиравшийся касиками селений Гамеса, Песка, Тока, Фиравитова и Тобасия (города того же названия расположены ныне в департаменте Бояка). Верховным касиком мог быть избран только житель Фиравитовы или Тобасии по очереди. Из всех уголков империи в храм Согомосо чибчи несли подношения. Именно поэтому храм этот стал главной добычей испанских завоевателей: его разграбили, а затем сожгли дотла.

Три верховных вождя — Сипа, Саке и Тундама совместно назначали касиков во все районы страны чибчей. Будущие касики проходили специальное обучение.

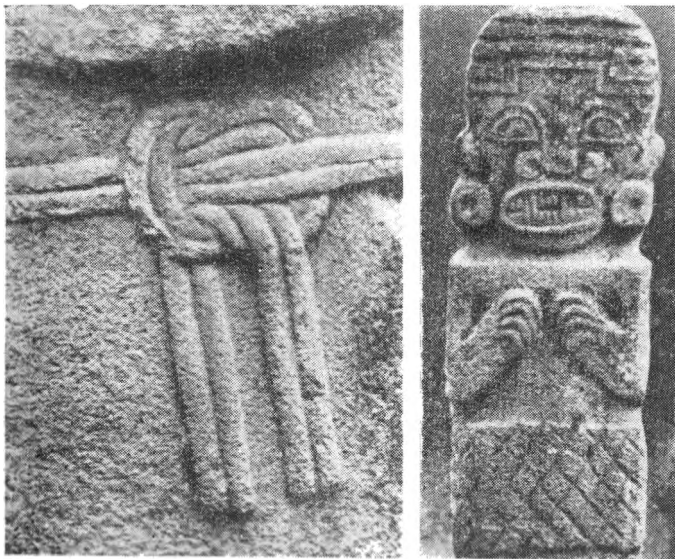
Вождя почитали безгранично. Подданный не смел взглянуть ему в лицо, в противном случае индейцу и его семье грозило проклятие.

Чибчи верили в загробную жизнь, поэтому хоронили своих вождей вместе с оружием и запасом продовольствия, в частности ставили кувшины с чичей — алкогольным напитком из маиса (употребляющимся в Колумбии и поныне). Вместе с умершим вождем погребали и его жену.

У чибчей прослеживаются сильные пережитки материнского права. Титул вождя наследовал не его сын, а сын его сестры, а если у сестры вождя не было сына, то престол наследовал его брат. Как правило, чибчи придерживались полигамии, но вождям и его окружению полагалось иметь только одну жену, что было четко зафиксировано в обычном праве чибчей, так называемом «немеконе».

Но в некоторых племенах чибчей дело обстояло иначе: «Они женятся столько раз, сколько хотят, — писал испанский хронист П. Агуадо, — и живут со столькими женщинами, скольких могут прокормить: у одного 10 жен, у другого — 20, а у главы всех касиков Боготы было более 400 жен»⁵.

На священном озере Гуатавита, расположенном высоко в горах над Боготой, раз в году чибчи совершали торжественный обряд,

Статуя, найденная в Сан Агустине.
 Детали и орнамент

вошедший в историю под испанским названием «Эльдорадо», что в переводе значит «золоченый». Рано утром вождь Гуатавиты при большом стечении народа смазывал тело специальным клеем, затем обсыпал себя с ног до головы золотым порошком, после чего в сопровождении своих празднично разодетых помощников направлялся к озеру, садился на камышовый плот и плыл на середину его. Там вождь и свита застывали в напряженном ожидании. Когда на горизонте появлялось солнце, вождь совершал омовение — погружался в воду. В это время священнослужители бросали в озеро подношения: золото, драгоценности. Вся церемония протекала в глубокой тишине. Дым костров, зажженных на берегах, окутывал озеро. Смыв с себя золото, вождь выходил из воды. Обряд сопровождался музыкой: звуки дудок, барабанов и свистков сливались в мощном звучании благодарности солнцу, медленно и торжественно всходящему на небосклоне.

У чибчей было много золота, и испанцы увозили его мешками, отнимая у индейцев, опустошая храмы, жертвенники. А сколько было увезено ценностей, которыми чибчи украшали памятники на святых озерах — Фукене, Тота и Гуатавита! Некоторое представление о добыче золота в XVI—XIX вв. в Колумбии дают следующие данные ⁶:

Годы	Количество золота в унциях	% мировой добычи
1537—1600	4 115 295	17,91
1601—1700	11 252 760	39,01
1701—1800	15 110 849	24,69
1801—1810	1 607 637	27,47
1811—1820	964 522	25,28
1821—1830	1 028 824	21,96
1831—1840	1 060 974	16,15

В XVII в. Колумбия занимала по добыче золота первое место в мире*.

Добыча золота сопряжена, как известно, с кропотливым, изнурительным трудом. Но не менее трудоемка и его обработка, она требует смекалки, мастерства, вкуса. Чибчи не умели выплавлять железо, но были отменными золотых дел мастерами. Большинство ювелирных изделий они изготавливали из так называемого томпако — сплава золота с медью. Тонкое искусство это они переняли у гвианских, аравакских и карибских индейцев, славившихся своим мастерством, но вскоре превзошли своих учителей, разработали новые, неизвестные дотоле приемы и технологию. (От чибчей ювелирному мастерству научились потом племена, жившие в Панаме, Коста-Рике, Эквадоре.) Широкое распространение получило у чибчей изготовление «тунхос» — золотых идолов размером от 4 до 12 см, украшений для торжественных церемоний, знаков различия для воинов. Художники отражали на золотых пластинах целый мир представлений и чувств: изображали богов и вождей, лица воинов, которыми восхищались, цветы и деревья, зверей и рыб... К моменту появления в Колумбии испанцев золотые пластинки у чибчей служили меновой единицей.

В знаменитом Музее золота в Боготе хранится множество древних золотых изделий поразительной красоты.

Этот музей — один из интереснейших в мире. Любопытна также история его возникновения, связанная с именем французского ученого Поля Риве. Профессор Риве, один из виднейших исследователей Южной Америки, создатель Музея человека в Париже, обратился в 1938 г. к правительству Колумбии с предложением создать музей древних жителей — индейцев чибча. Колумбийское правительство согласилось, и уже в 1938 г. государство начало приобретать старинные предметы из золота. В 1948 г. экспонаты были выставлены для обозрения в Банке республики, в 1956 г. им был отведен Малый дворец в Боготе. Коллекция продолжала расти (сейчас в ней насчитывается 10 тыс.

* В связи с открытием золотых россыпей в других частях света сегодня добыча золота в Колумбии составляет лишь 1% мировой добычи (от 325 000 до 446 000 унций в год, или от 1 до 1,4 т), но в Южной Америке Колумбия по-прежнему занимает первое место.

предметов) и вскоре последовало решение о строительстве здания музея по проекту одного из учеников Корбюзье — Германа Штампера.

Музей золота представляет собой глухой параллелепипед с выступающим первым этажом. Произведения искусства прекрасно освещены здесь в любое время дня. На первом этаже посетитель видит старинные гравюры, в центре зала — золото во всех видах: самородки, слитки, утварь, старинные монеты, украшения.

На втором этаже представлены результаты археологических раскопок в Колумбии: карты, фотографии, предметы, найденные во время раскопок, мумии, покрытые драгоценными украшениями.

В главной сокровищнице музея царит полутьма. Золото переливается желтыми бликами на фоне голубой, зеленой, фиолетовой ткани. Под большими увеличительными стеклами — статуэтки тончайшей работы. Золотые латы, погребальные маски, барельефы, украшения редкой красоты, бокалы для настоев коки, огромные серьги, гребни и даже рыболовные крючки...

Но здесь хранится еще одно сокровище: добытые в Колумбии необработанные изумруды весом в несколько килограммов.

Основные сокровища музея — на третьем этаже. Здесь находится большая часть золотых слитков и изделий древней индейской культуры, которые испанские завоеватели искали в легендарном Эльдорадо. Этот салон так и называется «Эльдорадо». Посетитель может увидеть здесь золотые скульптуры, ожерелья, нагрудные украшения и другие драгоценности древних индейцев, оружие, четки.

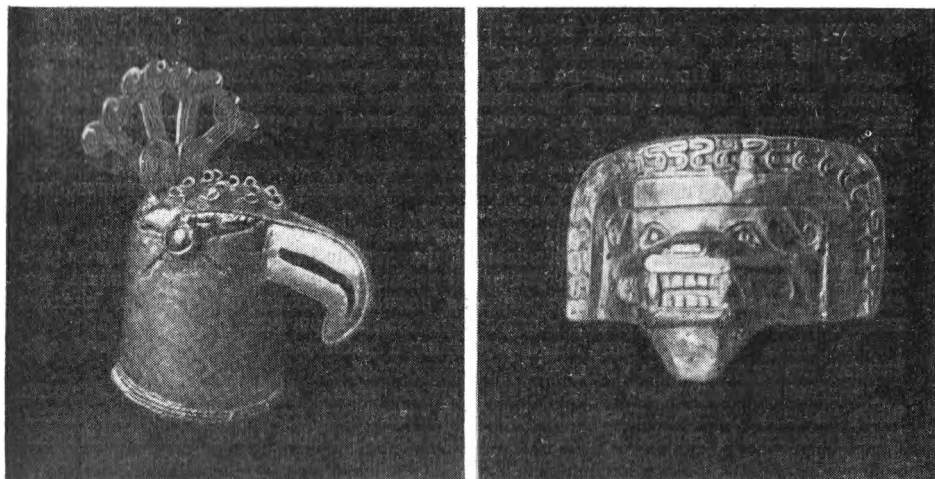
Чибчи отлично владели также ткацким искусством. Красивые шерстяные и хлопчатобумажные ткани производились ими и на продажу. Тканями платили поборы и подати. Великолепные ткацкие изделия чибчей использовались также для украшения храмов. Сохранившиеся образцы, выставленные в музеях Боготы, свидетельствуют о большом вкусе и изобретательности ткачей-чибчей.

Чибчи были умелыми гончарами, мастерами прекрасной парадной и кухонной утвари, посуды. Искусно сделанные из обожженной глины фигурки богов и статуэтки животных — тотемов древних индейцев: змей, ящериц, лягушек — они хранили в специально отведенных комнатах или уголках своих жилищ.

В районе Сипакира и Немокона чибчи добывали соль. В бывших соляных копях до сих пор сохранились причудливые подземные храмы и дворцы. Чибчи высушивали соль в специальной глиняной посуде, формовали ее блоками. Соль продавали соседним племенам наряду с золотом и изумрудами добывавшимися в Мусо и Сомондоко. Если ко всему сказанному добавить, что у чибчей была налажена добыча каменного угля, который служил им для обогрева жилищ и мастерских, для плавки драгоценных металлов, для формовки соли в блоки, то станет ясным, что цивилизация их достигла довольно высокого уровня. Уголь добывался в Согомосо, Топата, Гамеса, Корралес и Таско.

Чибчи строили дороги, много хороших дорог. Они были выносливыми скороходами, испанцы учли это и использовали их как гонимых — «часкис».

Но основу экономики чибчей составляло высокоразвитое интенсивное террасное земледелие с применением искусственного орошения. В ту пору для Америки это было значительным культурно-историческим достижением. Чибчи выращивали 13 сортов маиса,

Изделия из золота древних чибчей

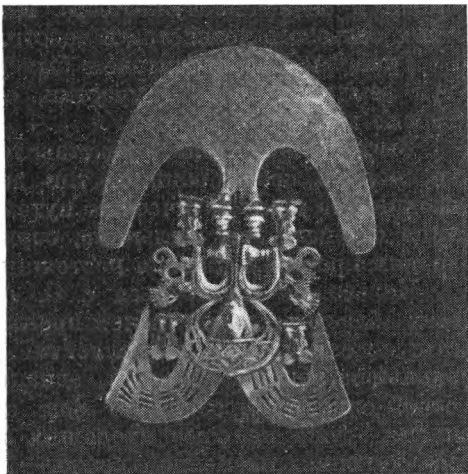
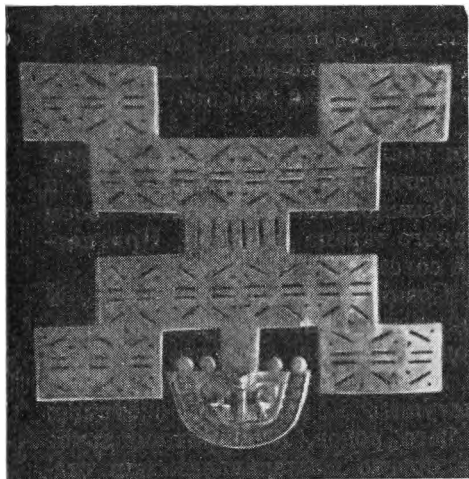
разводили картофель, индейский перец, сельдерей, фасоль, выращивали ананасы и собирали дикорастущие фрукты.

В зарослях тростника, в камышах водилось много водоплавающей птицы, в частности той породы, которая в определенное время года теряла перья и не могла летать. Чибчи на камышовых плотках без труда подгоняли ее к берегу и вылавливали. В реках было много рыбы, раков. Мясо индейцы добывали охотой: в лесах водилось много диких зверей, в том числе медведей. Охотно употребляли в пищу кроликов и кури (разновидность кролика). Мясо диких зверей ценилось дорого. Примечательно, что выкуп за невесту жених-чибча платил именно мясом.

Каменные ножи, палки и «коа» — палка-копалка, сделанная из особо твердой породы дерева, — вот, собственно, и все сельскохозяйственные орудия чибчей.

Жилище чибчей — большая хижина круглой, овальной или прямоугольной формы. Центральный столб и столбы по контуру составляли остов, который оплетали циновками из тростника. Коническая крыша из соломы держалась на центральном столбе. Стены с внутренней стороны покрывались разноцветными матами из травы, пол устилался циновками. В стенах оставляли небольшие окна и двери. Кроме жилых помещений в таком доме всегда были кладовые.

Высшие правители чибчей Сипа и Саке жили в огромных каменных домах с многочисленными залами и коридорами. По описаниям очевидцев, это были красивые, монументальные сооружения. В этих домах-дворцах хранились оружие и продовольствие, жили приближенные касиков. Вожди имели бани.

Одежда чибчей была рассчитана на суровый, холодный климат. Они носили пончо или руану — накидку или одеяло с прорезью для головы, которое укрепляли на плечах при помощи мешочков с золотом или медью. На голове — шерстяной берет, который сейчас называется «хураика», кожаная или меховая (тигровая или медвежья) шапка. Разница в одежде простых индейцев и привилегированных сословий была значительной. Рядовые общинники ходили обычно в грубошерстных некрашенных пончо, касики же — в одежде из тонкой шерсти ярких цветов. Обуви чибчи не знали. В праздники чибчи надевали множество красивых золотых украшений: медальоны, серьги, браслеты и пр. Судя по изображениям на золотых пластинках и по сохранившимся с тех времен фигуркам из терракоты, а также по описаниям хронистов, чибчи были низкорослыми, крепкими людьми, с короткими короткопалыми руками, короткими сильными ногами, ширококостные, мускулистые.

Ввиду отсутствия у чибчей домашнего скота самые тяжелые сельскохозяйственные работы они выполняли сами, носили на спине огромные тяжести, передвигались с поразительной быстротой. Чибчи любили состязаться в ловкости и силе, особенно в беге и метании каменного диска.

Раз в неделю чибчи устраивали базар, здесь же обменивались новостями, обсуждали важнейшие события и т. д.

Примечательно, что целыми племенами чибчи специализировались на каком-либо одном виде ремесла: изготовлении керамики, текстильных изделий, изделий из золота и т. д., т. е. сырьем и готовой продукцией владели совместно. Такая коллективная собственность, однако, не исключала необходимости платить налоги ка-

сикам и священнослужителям. Налоги взимались золотом, продуктами сельского хозяйства и текстильными изделиями.

Главным производителем был рядовой общинник. Он обрабатывал землю общины и участки, отведенные для жрецов и знати, строил хижины и дороги.

Высшие правители, представители наследственного сословия знати, являли собой ранний тип деспотического правителя, хотя и избирались демократическим путем. Обычно они совмещали в своем лице высшего военачальника, верховного жреца и судью. При верховном правителе имелся постоянный совет военачальников.

Нельзя не согласиться с С. А. Созиной, которая пишет: «Во всех областях жизни чибчей прослеживается отпечаток двойственности: селение — уже не коллектив родственников, а скорее территориальная община, которая, однако, в качестве военной и религиозной единицы продолжает еще выступать в «родовой» оболочке; племя — уже не союз входящих в него родов, а территориальное объединение; племенной вождь — не просто военачальник или старейшина, а деспотический правитель с наследственными правами»⁷.

К моменту испанского вторжения у чибчей уже существовала социальная дифференциация, наметилась тенденция к превращению привилегированного сословия в класс. Чибчи находились на стадии возникновения государственных объединений, это был очаг высококультурной цивилизации западного полушария.

Слабовооруженные чибчи быстро стали жертвой захватчиков. В распоряжении индейцев имелись лишь дубинки, палицы и деревянные щиты. Главным оружием были копьеметалки «кеске», из которых они стреляли небольшими дротиками. Кеске подходили для охоты, но совсем не годились для отражения вооруженных испанцев, которые надежно защищали себя и лошадей стегаными толстыми шерстяными доспехами. Кеске служили чибчам, кроме того, ритуальным оружием. Когда умирал вождь, в руку ему вкладывали золотой кеске как память об оружии, с помощью которого легендарный Бочика, пророк чибчей, свершил чудо. Согласно легенде, в далекие времена на саванну, где находится нынешняя столица Колумбии, обрушилось бедствие — потоп (по одной из версий — как возмездие за разврат, которому будто бы предавались предки чибчей). Саванна, окруженная высокими горами, погружалась в воду. Тогда великий Бочика, по просьбе покровительницы Боготы Чибчачум, взял золотое кеске, разрубил скалу и отвел разбушевавшийся поток в сторону. Чибчи были спасены. Это событие произошло якобы в местечке Текендама неподалеку от Боготы. С тех пор там шумит водопад высотой 160 м (выше Ниагарского). У подножия его сидит Чибчачум, хранительница мира на земле. Когда она расправляет плечи, происходит землетрясение.

Чибчи чтили воду: реки, озера, лагуны. Они считали, что в лагунах живут боги, что именно в глубинах озер и заливов зарождается и кончается жизнь. Вода давала пищу. Отступая, она тво-

рила благо: оставляла плодородные земли. Самые богатые дары приносили чибчи воде, сопровождая дароприношение музыкой и танцами.

Культ богини воды Сиу был так велик, что данные в ее честь названия мест сохранились по сей день: например Сиата, Суа-Сиа (вода Солнца), Сиа-Чоке (работа воды) и др. В честь воды устраивались пышные празднества, длившиеся по 20 дней. Испанские хронисты называют эти празднества «*cooger la tierra*», т. е. «обежать всю землю», так как многие чибчи, желая поспеть в несколько храмов, чтобы принять участие во многих увеселениях, бегали из селения в селение, из храма в храм.

Рождение ребенка у чибчей отмечалось как радостное событие. Родители созывали гостей, те состригали у новорожденного волосы и в благодарность покровительнице вод богине Сиу бросали их в воду. С водой же был связан обычай определять судьбу новорожденного: в озеро бросали поплавок, смоченный материнским молоком, несколько юношей бросались в воду и пытались схватить поплавок. Если его уносил прибой — ребенка ждало несчастье, если же поплавок удавалось поймать, не перевернув, то, согласно примете, новорожденного ждало счастливое будущее.

Рьяным католикам-испанцам верования и обычай чибчей представлялись просто бессмысленной чертовщиной, поэтому завоеватели беспощадно уничтожали все, связанное с их мифологией. Так погибли многие бесценные памятники культуры чибчей.

Дать представление о мифологии чибчей весьма сложно, так как одни и те же мифы описаны в разных испанских хрониках по-разному.

Чибчи считали создателем вселенной бога Чиминигагуа, сотворившего Солнце и Луну. По другим сказаниям, это был касик Сугамукси или Ирака, сотворивший из желтой глины мужчину, а из травы — женщину.

Популярная у чибчей богиня Уитака, или Чиа, или Хубачасгайя, покровительствовала развлечениям, танцам и пиршествам. Она всегда торжественно следовала за Бочикой, который в конце концов обратил ее в Сову. Бочика был главным героем мифологии чибчей. Его называли также Суе, или Нештерекеба, или Чими-Сопагуа, т. е. «посланец бога Чиминигагуа». Легенда гласит, что Бочика пришел к чибчам из далеких степей Востока, проделав долгий путь, укрываясь от непогоды в пещерах, а после смерти вознесся на небо.

Бочика изображается длиннородым седым старцем. Он призывал к милосердию и соблюдению законов, учил ткачеству и раскраске тканей. Бочике приносили жертвы, в честь него курили горную смолу, его просили о дожде, об избавлении от эпидемий и других бедствий.

Чибчи открыли целебные свойства многих трав и растений и успешно исцеляли недуги, к удивлению испанцев, приписывавших это их умение колдовству. Основой исчисления чибчей была цифра 20 — общее число пальцев на руках и ногах.

Чибчи имели также некоторое представление об астрономии,

знали о существовании солнечных и лунных месяцев и применяли эти знания, определяя сроки посевов и сбора урожая.

С первых лет своего появления в Колумбии чибчи вели (в виде изображений на скалах) «летопись» важнейших событий эпохи. Еще и сегодня на скалах можно увидеть их рисунки и иероглифические знаки. Сделаны они большей частью красной краской. Большой интерес представляют изображения символических фигур зверей, чаще всего лягушек (лягушка — тотем чибчей), на огромных камнях, сохранившихся в Факатативе (недалеко от Боготы).

Индейцы пихао, кимбайя, чимила, мотилоны, мусо, салива, гуайбо, панче, паес

На юге нынешнего департамента Кальдас жило одно из самых воинственных индейских племен — *пихао*. Укрывшись в горах, пихао оказывали упорное сопротивление испанским завоевателям. 20 лет продолжалась эта упорная кровопролитная борьба. Индейцы пихао в совершенстве владели разнообразным оружием и в сражение шли не врасыпную, а компактными группами. Грудь воина защищала броня из золотых пластин и звериных шкур.

Любопытна история последнего касика пихао — Каларки. Союзником Каларки был молодой Комбейма — военачальник индейцев копайма и натагайма, обитавших в верхней Толиме. Однажды в Ибаге Комбейма познакомился с испанкой, влюбился в нее и, не уведомив Каларку, женился, приняв католическую веру и имя Балтасар. Взбешенный Каларка послал Комбейме окровавленную тряпку, означавшую разрыв отношений и угрозу возмездия. Когда у Комбеймы родился сын, Каларка выкрал ребенка, и три дня спустя Комбейме были подброшены завернутые в звериную шкуру кости его несчастного сына.

Тогда Комбейма-Балтасар объединил племена копайма, натагайма и комбейма и, чтобы отомстить Каларку, пошел на службу к испанцам. Началось поголовное истребление племени пихао. Балтасар в генеральном сражении убил Каларку, и племени пихао не стало.

Копье Балтасара до сих пор хранится в особняке епископа Ибаге.

Пихао, как и чибчи, были язычниками. Идолы своих они делали из дерева, глины и камня. Фигура главного бога Лулумоя была сделана из камня в рост человека. У Лулумоя было три головы, шесть ног и шесть рук.

Индейцы пихао были каннибалами.

На землях, лежащих между Западной Кордильерой и Центральными Андами и реками Отун и Пайла, правыми притоками Кауки, жили мужественные индейцы *кимбайя*. Район этот, составляющий сегодня часть департамента Кальдас, представлял собой в те времена почти непроходимую сельву.

Из хроник времен конкисты явствует, что кимбайя были сильными, хорошо сложенными, красивыми людьми (заметим, что понятие о красоте было своеобразным, в раннем возрасте голову ребенка зажимали специальным приспособлением так, чтобы сплю-

щить череп и удлинить лицо. Этот обычай был распространен и у некоторых других народов Америки).

Индейцы кимбайя славились как отменные земледельцы, кустики, ювелиры и воины. На своих плодороднейших землях они выращивали маис, фасоль, юку, тыкву. Умело использовали воды рек для орошения. Следы созданных ими отводных каналов и террас встречаются в Колумбии и поныне. Охота давала им мясо — зверей и птиц в лесах Кальдаса водилось множество, так же как и рыбы в реках. Пищу они варили с солью (соль без особого труда добывали из р. Консота). Пили пальмовый сок и чичу, приготовленную из маиса со специальными специями. Употребляли большое количество дикорастущих плодов (агуаката, гуайяву, сапоте, миндаль).

Жилье свое кимбайя сооружали из ветвей деревьев, папоротника и бамбука. Крышу покрывали пальмовыми листьями. Внутри вешали гамаки. Главным орудием был каменный топор.

У кимбайя было много золота; обрабатывали они его мастерски, придавая изделиям разнообразнейшие формы, словно имели дело не с металлом, а с воском. Специалисты считают, что кимбайя владели многими приемами обработки золота. Один из них состоял в том, что они подмешивали в расплавленное золото особую траву, которая придавала металлу мягкость. Для полировки золота кимбайя использовали другую известную только им траву. Испанцы извлекли из могил кимбайя огромное количество золота.

С поразительным искусством, пожалуй лучше всех других индейских племен Колумбии, изготавливали кимбайя керамику. Их изделия благодаря особому составу глины обладали необычайной прочностью. Расцветка и отделка изделий поразительны. В орнаменте кимбайя преобладают растительные и зооморфные мотивы. Из глины выполнены и многие скульптуры.

У кимбайя не было храмов, но в каждом доме имелось 15—20 больших идолов. Они верили в бессмертие души, загробную жизнь, поэтому, хороня своих вождей, надевали на них все драгоценности, обертывали в дорогие покрывала, клали в могилу золото, множество еды и питья. В ногах касика заживо хоронили его жену.

Кимбайя ходили голыми и разрисовывали тело самым причудливым образом (любимые цвета — красный и черный). Носили украшения — бусы, перья.

В центральной и западной частях департамента Магдалены по сей день живут потомки племен *чимила*, некогда занимавшего огромную территорию. Сегодня на этих землях хозяйничают американские нефтяные монополии.

Чимила — земледельцы и охотники. В центре каждой их деревни имелась площадь, а на ней — кладбище или усыпальница. Жили чимила в прямоугольных плетеных домах с соломенными крышами.

Мужчины ходили в коротких юбках, с правого плеча под левую руку продев шерстяной ремень. Женщины носили кусок мате-

рии, закрывающий грудь. В дни празднеств мужчины украшают себя перьями, а касик надевает целую корону из перьев. Женщины носят бусы из семян, зубов зверей. И мужчины, и женщины раскрашивают лицо и тело.

Чимила — хорошие воины. Стреляют они из небольших луков. Но главное их оружие — тяжелая деревянная палица с заостренными шипами — «макана». Во время торжественных церемоний касик носит макану за поясом. Касик по сей день созывает своих подданных барабанным боем.

Женятся чимила обычно на девушках из другого племени. Согласие на брак девушки дают ее братья. Когда появляется на свет ребенок (сын), то до двух лет им занимается мать, а с двух до пяти — отец. В 13-летнем возрасте происходит посвящение мальчика во взрослого: ему срезают волосы и взамен имени, данного через три дня после рождения, дают новое. Новое имя должно храниться в тайне, для общения юноше одновременно придумывают прозвище.

Когда индеец чимила умирал, его тело раскрашивали, сажали на корточки в гамак, привязывали и в таком виде хоронили в «Доме мертвых». Если это мужчина, его помещали лицом на восток, если женщина — то на запад. Вместе с умершим подлежали захоронению его личные вещи: миниатюрное весло (изготавливаемое обычно во время его болезни). И два маленьких деревянных щита. Возле кладбища и сейчас лежит огромный круглый гладкий камень для торжественных церемоний. Около него проводятся обряды инициации, на нем разрисовывают тела умерших и т. д.

Касик являлся одновременно и шаманом: он «вызывал» дождь, «предотвращал» бедствия, «отводил» угрозу эпидемии и вообще оберегал племя от «темных» сил.

В необъятной тропической сельве, простирающейся вдоль берегов р. Кататумбо, впадающий в оз. Маракайбо, вплоть до полуострова Гуахира, живут различные племена *мотилонов*. Наиболее известное и изученное из них — племя *юко*. Селения мотилонов, состоящие из пяти-восьми хижин, расположены довольно далеко друг от друга.

Мотилоны — одно из немногих индейских племен Колумбии, не подвергшихся метисации. Они славились своей отвагой и неуловимостью. В искусстве метать стрелы и исчезнуть, будто сквозь землю провалиться, им не было равных. Испанцам так и не удалось справиться с мотилонами до конца. На пути врага мотилоны оставляли воткнутую в землю стрелу или две перекрещенные стрелы в знак того, что пути нет — дальше смерть. Перед боем они смазывали лицо диким медом, чернили углем. Красный цвет у них — символ траура.

Мотилоны и сейчас продолжают борьбу за независимость.

Когда умирает индеец мотилон, тело его зашивают в матерью, зарывают в землю и на могильном холме кладут принадлежавшее ему оружие. Семья покидает дом умершего. Ровно через два года в полнолуние устраивается пиршество, и на рассвете с обильной

едой и подарками процессия направляется к могиле. Ближайший родственник покойного и его вдова, произнося заклинания, откапывают труп. Участники поминок красят лицо в красный цвет и причитают. Труп обертывают в два новых полотнища ткани, и кто-нибудь уносит его на спине в сторону. Начинается праздник. Гости много едят, пьют, танцуют, и каждый должен хоть раз, по очереди, потанцевать с трупом на спине.

Жена и дочери умершего при помощи оружия, принадлежавшего покойному, изображают самоубийство. Праздник кончается не раньше, чем кончаются запасы чичи. На рассвете один из родственников покойного относит труп к себе в дом, подвешивает его к потолку, потом постепенно опускает на циновку, после чего труп уносят на одинокую гору и вторично, теперь уже навсегда, хоронят: душа умершего будет жить в мире и спокойствии, а его жена, соблюдавшая глубокий траур в течение двух лет, может выйти замуж.

Вдоль берегов Магдалены жило воинственное племя *мусо*. Испанские завоеватели беспощадно его истребляли, и уже в XVIII в. от некогда многочисленного племени осталось всего полторы тысячи человек.

Из обычаев *мусо*, описанных хронистами, приведем следующий. Вдова индейца *мусо* доставалась по наследству его брату. Если женщина *мусо* изменяла мужу, тот кончал жизнь самоубийством или, разбив всю посуду и домашнюю утварь, убежал в горы и жил там до тех пор, пока жена не возмещала нанесенный им материальный урон.

Непримиримыми врагами испанских завоевателей были индейцы *салива*; потомки их живут еще и сегодня в долине Мета. Чтобы стать вождем племени *салива*, индеец должен выдержать следующее испытание: отведать адской смеси из индейского перца и пчел. Вожди племен *салива* не пользуются особыми привилегиями, если не считать права первой ночи.

Остатки племени *гуаибо*, в прошлом кочевого народа, живут сейчас между реками Мета и Вичада. Есть у *гуаибо* обычай, достойный упоминания. Это так называемая «кувада», когда отец в течение 40 дней после рождения ребенка должен лежать в своем гамаке и громко стонать. В эти дни он питается лишь небольшим количеством рыбы (мяса есть нельзя). Кувада связана с верой индейцев *гуаибо* в Мана — высшую силу, которая будет покровительствовать индейцу, если ее в это время задобрить ради собственного благополучия и ради благополучия сына.

В верховьях р. Магдалены обитало племя *панче* — главный враг *чибчей*. *Панче* поедали своих пленников или приносили их в жертву богам. Кости убитых хранили в урнах. У каждого *панче* был свой бог и покровитель. *Панче* обычно ходили обнаженными. Если первой в семье рождалась девочка, ее убивали, и так продолжалось до тех пор, пока не появлялся на свет мальчик.

На р. Паес, на западных и восточных склонах Центральной

Кордильеры, по сей день живут остатки племени *паес*, относящегося к языковой группе чибчей. Примечателен следующий эпизод борьбы индейцев племени паес против испанских конкистадоров. Он связан с именем Гайтаны — героической женщины этого племени. Жестокий правитель Тиманы конкистадор Педро де Аньяско требовал, чтобы все индейские касики ежедневно являлись к нему «на доклад». За касиками было установлено негласное наблюдение; Аньяско заставил выполнять эту неблагоприятную роль сына касика Пигоансы — Родриго.

Однажды молодой касик, сын Гайтаны, не явился к испанскому владыке. Рассвирепевший Аньяско приказал схватить непокорного индейца и заживо сжечь на глазах у всего племени, в присутствия матери. Гайтана поклялась отомстить. Она пошла к соседним племенам и призвала их объединиться для борьбы против тирана. Вместе с представителями этих племен (гуанако, пирамас и паес), Гайтана направилась к Пигоансе — вождю племени *ялконес*. Открыв ему глаза на предательство сына, Гайтана предложила Пигоансе союз для борьбы против Аньяско. Пигоанса согласился. 12 тыс. индейцев под предводительством Пигоансы и Гайтаны разгромили испанцев. Аньяско был схвачен живым, и Гайтана собственноручно его казнила.

Больше других индейских племен Колумбии сохранили свою самобытность индейцы *гуахирос*. Это самая большая индейская группа современной Колумбии, поэтому мы подробно расскажем о ней в главе X.

Колумбия — испанская колония

Хотя страна эта и названа в честь Христофора Колумба, сам великий мореплаватель в Колумбии не был. Точнее, он побывал лишь в той ее части, которая впоследствии (в 1903 г.) отошла к Панаме (сейчас панамский город Верагуа). Вслед за Колумбом прибыл сюда конкистадор Родриго де Бастидас, получивший от испанского короля право присваивать себе четвертую часть добычи. Он прошел побережьем от Рио Ача (на полуострове Гуахира) до Номбре де Дьос (Панама). Хуан де ла Коса, входивший в экспедицию Бастидаса, обосновался в районе Ураба (Панама). Первые испанские поселения появились в Колумбии в 1509 г. Испанский король Фердинанд предоставил конкистадору Алонсо де Охеда право в течение четырех лет управлять побережьем от мыса Вела до залива Ураба. Нынешняя Колумбия, имевшая в ту пору название Кастилья де Оро и находившаяся к западу от залива Ураба, была отдана другому конкистадору — Диего де Никуеса.

В ноябре 1509 г. Охеда высадился на территории современной Картахены, собрал местных жителей и прочитал им королевский указ. Индейцам было предложено немедленно перейти в католическую веру, если они не хотят лишиться имущества и стать рабами. Индейцы отказались выполнить королевский указ и оказали сопротивление.

Охеда вскоре отбыл на остров Эспаньолу, оставив вместо себя Франсиско Писарро. Последний управлял колонией недолго: между конкистадорами началась длительная борьба за власть. На первый план выдвинулся Васко Нуньес де Бальбоа, предпринявший завоевание внутренних районов Колумбии. 25 сентября 1513 г. через Панамский перешеек Бальбоа вышел к «Южному морю» (так назвал он тогда Тихий океан). Поскольку Бальбоа исправно отсылал в Мадрид положенную часть добычи, то вскоре был назначен пожизненным «аделантадо» (губернатором) Южного моря. Но «пожизненный» губернатор был вскоре обвинен в попытке отделиться от испанской короны; его судили, и в январе 1519 г. он был казнен. Новым губернатором стал Педро Ариас Давила.

В 1525 г. конкистадор Родриго де Бастидас заложил портовый город Санта Марта в устье р. Магдалены, ставший впоследствии столицей департамента Магдалена. Четыре года спустя в Санта

Марта прибыл новый губернатор Гарсиа де Лерма, пытавшийся заменить военную администрацию органами гражданской власти. В свите де Лерма было 400 человек и среди них — доминиканский священник Томас Ортис, ставший епископом Санта Марты. Попытки Лерма навести порядок, точнее, «упорядочить» ограбление индейцев успеха не имели.

В январе 1533 г. Педро де Эредиа заложил на побережье Атлантического океана город-порт Картахену, ставший затем столицей департамента Боливар.

Конкиста

Активное продвижение испанцев во внутренние районы Колумбии началось в 1531 г., а главные завоевания были сделаны к 1539 г. В 1535 г. в сопровождении нескольких сот солдат и офицеров в Санта Марту прибыл новый губернатор Педро Фернандес де Люго. Вскоре ему стало известно, что во внутренней части материка имеется богатое индейское государство — Эльдorado, как называли его испанцы. Река Магдалена была обследована всего на 150 км от Санта Марты. В 1535—1536 гг. де Люго приступил к подготовке экспедиции, перед которой была поставлена задача добраться до истоков р. Магдалены, где, по слухам, находилась эта сказочно богатая страна. Из-за распрей между военными главой экспедиции был назначен 37-летний адвокат Гонзало Хименес де Кесада. Ему дали 700 (по другим данным — 600) солдат и офицеров и 80 лошадей. В апреле 1536 г. он с отрядом тронулся в путь — по берегу р. Магдалены, через непроходимые леса. Одновременно по р. Магдалене двинулась флотилия из пяти ботов с 200 моряками и солдатами под командованием капитана Хуана Урбины.

Хименес де Кесада сразу же натолкнулся на сопротивление индейцев племени *чимила*, живших в низовьях Магдалены, и понес большие потери. При переправе через р. Аригуари затонула большая часть военного снаряжения и продовольствия. Так, Хименес де Кесада дошел до земель касика Тамланеке.

При попытке войти в устье Магдалены три бота флотилии потерпели аварию. Те, кому удалось спастись, добрались до Картахены, и лишь немногие вернулись в Санта Марту, откуда два месяца спустя отправилась новая речная флотилия, на этот раз под командованием лиценциата Гальегоса.

Так и не достигнув устья Магдалены, Хименес де Кесада двинулся по ее правому берегу. Экспедиция продвигалась с огромным трудом. Сто ее участников умерли от ран и болезней. Ничего не зная о судьбе флотилии, Хименес де Кесада послал на розыски ее поисковую группу. Соединение с остатками флотилии произошло несколько дней спустя. Продвижение через сельву требовало много времени и сил: восемь дней уходило на то, чтобы

прорубить дорогу, которую можно было пройти за день. Притоки Магдалены вышли из берегов.

Вот как описывал эту экспедицию хронист того времени Хуан де Кастельянос: «Покрытые фурункулами и ранами, они гнили живо... Над ними нависло мрачное, беспросветное небо... Гремел гром... Ливень не прекращался ни на минуту... Вокруг царил ужас»¹.

Как-то раз, выйдя на разведку близ р. Опон, небольшая группа во главе с капитаном Сан Мартином заметила каноэ с тремя индейцами. Увидев испанцев, два индейца бросились в воду и вскоре скрылись в лесу. Третьего взяли в плен. Каноэ была нагружена солью в слитках. Через несколько дней испанцы добрались до «Дома соли» — порта, куда окрестные племена свозили добытую соль. Отсюда дорога вела в Кордильеры, где, по словам захваченного индейца, находилась большая и богатая страна.

После этого Хименес де Кесада отобрал себе 200 наиболее здоровых солдат, 170 больных и инвалидов усадил на боты и отправил в Санта Марту и двинулся в «большую и богатую страну». На шестой день отряд с большим трудом добрался до подножья гор. Начался переход через Кордильеру, во время которого 20 солдат умерли, а один сошел с ума.

По ту сторону Кордильер перед испанцами открылась поразившая их картина: аккуратно возделанные поля, селения, хорошие дороги, множество троп. Отряд расположился на отдых в плодородной долине Велас, где провел почти месяц (до января 1537 г.). Индейцы пугались невиданных в этих местах огромных животных — лошадей, но охотно снабжали лагерь всем необходимым. Передохнув, испанцы двинулись дальше. По дороге в деревнях, которых становилось все больше, конкистадоры отбирали у индейцев золото и изумруды.

В местечке Немекон (что на языке чибчей значит «жалоба льва») они обнаружили гончарную мастерскую и первые соляные копи. Через несколько дней перед испанцами открылась саванна Боготы (на языке чибчей — Баката) — центр страны чибчей. Саванна Боготы напомнила Хименесу де Кесаде родную Гранаду, и он дал открытой им земле имя Новой Гранады. Хименес де Кесада объяснил через переводчика вождю одного из племен чибчей Сагипа, что император Испании Карлос V хотел бы взять его страну под свое покровительство. Сагипа ответил, что он согласен, поскольку другие местные вожди тоже подчинились испанскому королю, но просит поддержать его в борьбе против индейцев племени *панче*. К моменту появления испанцев несколько группировок чибчей боролись за власть на плато. Испанцы разбили индейцев панче, затем расправились и с индейцами чибча.

Хуан Кастельянос, участник экспедиции Хименеса де Кесады, так описывает первую встречу испанцев с индейцами: «Удивление и ужас индейцев при виде испанцев на лошадях были столь велики, что бедняги впадали в оцепенение, стояли как вкопанные,

не в силах произнести слова. Муиски падали ниц на землю, на них не действовали ни угрозы, ни побои, они готовы были умереть, лишь бы не видеть этих чудовищ»².

Разгромив чибчей, Хименес де Кесада приступил к колонизации. Уже в августе 1538 г. он основал первый испанский город во внутренней части Нового королевства Гранады — Санта Фе де Богота, ставший впоследствии столицей королевства. Подневольные индейцы соорудили в новом городе деревянную церковь и 12 домов (по числу апостолов). Захватчики смотрели на чибчей как на рабочий скот.

В начале 1539 г. Хименес де Кесада совсем было собрался вернуться в Санта Марту, чтобы оформить свой статус завоевателя — получить пост губернатора. Но тут выяснилось, что к Боготе спешат с разных сторон его соперники и конкуренты. С запада, из Перу, в поисках «Эльдорадо» подошел посланец конкистадора Писарро — Себастьян де Белалькасар. (Перуанские индейцы, которых он насильно включил в свой отряд, назвали район Боготы «Кундинамаркой», что на их языке означало «земля туманов». Название прижилось, и департамент Боготы поныне называется департаментом Кундинамарка.) С востока, из Венесуэлы, к Боготе подошел Николас Федерман, представитель немецкого торгового дома Вельзеров. (Банкиры Вельзеры приобрели у испанского короля Карлоса V право на завоевание Венесуэлы.) Таким образом, соперничали три группы — солдаты называли их «кесадистами», «перуанцами» и «немцами».

В исторических хрониках существуют многочисленные описания редкого зрелища — встречи на Боготинском плато трех соперничающих «армий». Хронисты уверяют, что в каждой из них было по ровну, по одним данным — по 166 человек, по другим — по 163. Хименес де Кесада, которому нельзя отказать в хитрости и уме, решил урегулировать отношения мирным путем. Оставив солдат, три военачальника отправились в Санта Марту. Но спор был перенесен в Мадрид и длился полтора года. Немецкие банкиры Вельзеры утверждали, что Новая Гранада является частью... Венесуэлы, а честь ее открытия принадлежит их агенту Федерману. Лишь в конце 1540 г. испанский Совет Индий присвоил титул первооткрывателя Нового королевства Гранада Хименесу де Кесаде. Однако наместником был назначен не он, а губернатор Санта Марты — Петро де Льюго.

Рисуя портрет Гонзало Хименеса де Кесады (1499—1579), завоевателя Новой Гранады и основателя ее столицы Боготы, многие хронисты и историки в один голос пели ему осанну, называли благородным идальго и даже Дон Кихотом. Кое-кто утверждает, что Сервантес писал своего Дон Кихота именно с Хименеса де Кесады. Известный современный колумбийский писатель Херман Арсиньегас, называя Кесаду испанским Петраркой, утверждает, что Кесада, помимо всего прочего, «был литератором и в свободное время обсуждал с некоторыми из своих образованных спутников

вопрос о том, должна ли испанская поэзия развиваться по традиционному пути или учитывать дух времени»³.

Юрист по образованию, человек эрудированный, начитанный, Хименес де Кесада по жестокости и беспощадности ничем не отличался от своих собратьев по оружию — невежественных солдафонов Э. Кортеса, Ф. Писарро и др. Хименес де Кесада, чтобы покорить чибчей и завладеть их драгоценностями, был коварен и жесток. В Севилье, в Архиве Индий, сохранился отчет о «подвигах» этого «рыцаря». Он не гнушался никакими самыми низкими методами, грабил, пытал, убивал. По его наущению солдаты рыскали по саванне — охотились за индейцами, после чего этот «истый кабальеро» сообщал в Мадрид: «Капитану Хуану де Сеспедесу я пожаловал деревни Убаке, Какеса и Субачоке с 1500 индейцами; капитану Антонио де Олаля — надел в Боготе с 800—1000 индейцами; капитану Антонио Кардосе — надел в Субе с 900—1000 индейцами»⁴ и т. д. За особые «заслуги» перед короной испанский король сделал его маршалом. После окончательного завоевания Новой Гранады Хименес де Кесада был отозван, но в 1559 г. вернулся и фактически правил ею до конца жизни. Показательно, что за четыре года до смерти престарелый Хименес де Кесада руководил жестоким подавлением восстания индейцев.

Мы изложили в основном лишь хронику событий. Но за этим скупым перечнем фактов и дат — море индейской крови, неопикуемые страдания ни в чем не повинных, чаще всего доверчивых и наивных людей, ставших жертвами «цивилизованных» грабителей и убийц.

«Это было время,— писал Маркс,— когда Васко Нуньес Балбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение пберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции»⁵.

Обладание огнестрельным оружием и конницей давали испанцам перевес над индейцами. Кроме того, испанцы умело использовали противоречия между племенами, натравливали их друг на друга, беспощадно истребляли непокорных.

Колумбийский историк Хосе Мария Сампер пишет: «Насилие было единственным средством завоевания Колумбии. Насилию подверглись кочевые племена, оказавшие мужественное сопротивление захватчикам, были попораны патриархальные обычаи, слепое доверие, миролюбие»⁶.

«Характер завоевания был таков,— отмечают авторы американской монографии — что против индейцев были подняты и меч, и крест, но индейцев надо было одновременно сохранить как элемент, который сыграл бы существенную роль в экономической и социальной жизни колонии»⁷.

Основной принцип испанской колониальной политики состоял в том, что каждая новая колония должна была поступать в безраздельную собственность испанского монарха. Каждая привилегия, каждая должность, в том числе и церковная, должна была быть санкционирована королем. Этот принцип лежал в основе захвата новых земель и управления Новым Светом. Захваченная колония немедленно попадала в полную власть чиновников, назначенных королем и ответственных только перед ним.

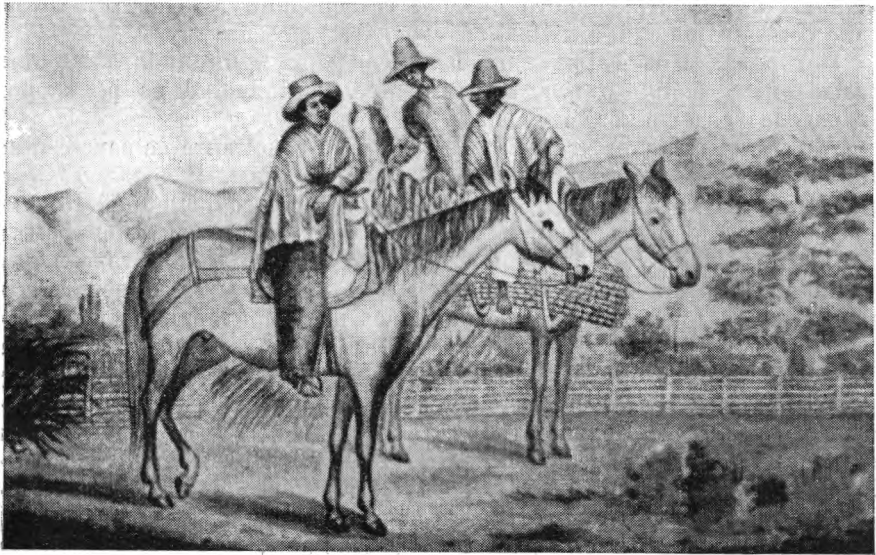
Собираясь в поход на «конкисту», будущий конкистадор прежде всего добивался высочайшего разрешения. Чтобы получить его, он должен был доказать, что располагает необходимыми средствами или мощной финансовой поддержкой. Конкистадор вместе с разрешением короля предпринять конкисту получал право эксплуатировать труд индейцев, в течение первого года назначать муниципальных чиновников и распоряжаться по своему усмотрению землей, в частности раздавать наделы своим сторонникам. Он мог формировать воинские соединения — из испанских солдат или местных жителей, уделяя им долю захваченной добычи и требуя от них такой же присяги в верности, какую сам он давал своему королю или его представителю. Лишь тогда, когда очередная конкиста имела особо важное стратегическое значение, инвестировались и королевские фонды. Многочисленные королевские чиновники вели учет завоеванных богатств. Для обращения язычников в католическую веру в каждой экспедиции имелись тщательно отбравшиеся миссионеры.

Монарха такая система колониального захвата вполне устраивала: королевская казна ничем не рисковала, так как за любые потери (кораблекрушения и т. п.) отвечали инициаторы и исполнители предпринятого похода.

От аудиенсии до вице-королевства

В связи с расширением заморских владений испанский монарх создал два учреждения, которые должны были помочь ему в управлении. В 1503 г. в Севилье была учреждена Торговая палата, в ведении которой находились торговля, навигация и эмиграция. К 1524 г. король создал постоянный Совет по делам Индий, которому доверил верховное законодательство в колониях и юридический контроль над ними, а также обязал его давать рекомендации по поводу назначения всех гражданских чиновников и церковных властей.

Должность аделантадо вскоре была ликвидирована, так как функции его заключались главным образом в размежевании вновь завоеванных земель. К должностям губернатора и генерал-капитана вскоре добавилась самая высшая должность в колонии — вице-короля. На вверенной ему территории он был не только высшей гражданской властью, но и главнокомандующим, попечителем

Крестьяне провинции Буэнавентуры. Гравюра XVIII в.

церкви, председателем верховного суда, а также распорядителем финансов.

В XVI в. было создано два вице-королевства: в Новой Испании (впоследствии Мексике — 1535 г.) и в Перу (1544 г.) и два генерал-капитанства — в Гватемале (1527 г.) и Чили (в конце столетия). В генерал-капитанство Гватемалы входили Центральная Америка севернее Панамы, а также небольшая часть южной Мексики. Генерал-капитан осуществлял примерно те же функции, что и вице-король.

Испанские монархи пристально следили за соблюдением своих интересов. Они не только посылали в Америку своих финансовых чиновников, но распространили на колонии свою систему регулярных ревизий. За колониальными чиновниками был установлен надзор. Часто в середине срока службы производились расследования их деятельности, а по окончании срока их вызывали для отчета в Мадрид. Однако наиболее эффективную проверку работы этих чиновников выполнял орган, специально созданный для этой цели в колониях — так называемая аудиенсия. Это учреждение обладало юридическими, консультативными и административными правами. Она выполняла функции верховного суда и консультативного совета при главе исполнительной власти, однако случалось, что аудиенсия апеллировала непосредственно к Совету по делам Индий. В отсутствие главы исполнительной власти, ввиду его смерти или

по какой-либо другой причине аудиенсия выполняла функции временного административного органа. К середине XVI в. было создано семь аудиенсий, а к 1600 г. — девять.

В городах Новой Гранады были созданы муниципалитеты, так называемые кабильдо или аконтамьенто, состоявшие из рехидоров (городских советников) и алькальдов (судей).

Административное устройство Колумбии с момента ее завоевания до наших дней подверглось многим изменениям. В июле 1549 г. специальным королевским декретом территория современной Колумбии была объявлена аудиенсией с административным центром в Боготе (с 1550 г.). Позже, когда будущая Колумбия стала вице-королевством, она стала называться Новой Гранадой. Власть аудиенсии Новой Гранады распространялась на территории, ныне включающие департаменты Магдалена, Атлантико, Боливар, Кордоба, Норте де Сантандер, Бояка, Толима, Кундинамарка и республику Панаму. В 1564 г. был назначен первый президент Нового королевства Гранады. Должность эта сохранилась до 1718 г., вплоть до начала войны за независимость (1810 г.) Новая Гранада с небольшим перерывом с 1723 г. до 1739 г. (когда она также управлялась президентом) существовала как вице-королевство.

Президенты и вице-короли Новой Гранады, как правило, были ограниченными, ничем не примечательными людьми, мало интересовавшимися делами нового государства, поэтому неправы те американские историки, которые сводят историю Новой Гранады к жизнеописанию ее президентов и вице-королей⁸. Если чем и выделялись первые государственные деятели Колумбии, то лишь крайней жестокостью. Недаром одного из них — президента Франсиско Санде, правившего Новой Гранадой с 1597 по 1602 г., прозвали «доктор-кровь».

В трудах испанских историков явно идеализируется институт «королевской аудиенсии». Так, в связи с жестоким подавлением восстания индейцев, вспыхнувшего в 1553 г. в провинции Попайан, историк Хосе Мария Отс Капдеки пишет: «Королевская аудиенсия Санта Фе сумела восстановить основательно нарушенный порядок. И сделал это человек не в военном мундире, а в судейской тоге»⁹. Ликвидацией мятежа действительно руководил судья, а не профессиональный военный, а какие бесчеловечные методы он применил при этом, испанского историка не интересует.

Основная функция аудиенсии состояла в охране интересов завоевателей и в насаждении феодальных порядков в колонии. Аудиенсия приняла специальные решения, запрещавшие индейцу «жить без хозяина, которому он обязан служить»¹⁰. Индейцу, убежавшему от хозяина, в первый раз полагалось наказание в 100 ударов плетью и лишение имущества; во второй раз предписывались стрижка наголо, 50 ударов плетью и лишение имущества. Индеец по первому требованию представителя власти был обязан предъявить документ с указанием имени хозяина, в противном случае ему полагалось 100 ударов плетью. Это «удостоверение личности» должно

Жители провинции Медельин. XVIII в.

было возобновляться каждые три месяца. За просроченный документ тоже полагалось 100 ударов плетью.

Первый президент аудиенсии Андрес Диас Венеро де Лейва * издал 21 июня 1566 г. приказ, устанавливавший, что раб, сбежавший от хозяина или ушедший без его разрешения хотя бы на одни сутки, должен быть изловлен и обезглавлен. «На этой неделе был сброшен в реку беглый индеец, каковой утонул», — докладывал лицензиат Хуан Баутиста Монсона 16 ноября 1580 г.¹¹ Лейтенант-аделантадо Балтасар де Паррага захватил группу «беспаспортных» индейцев в местечке Толу. Сорока из них он велел отрезать руки и носы, остальных затравил собаками. Расправы с индейцами носили подчас совершенно бессмысленный характер. Например, некий Педро де Урсуа угнал в недоступную Сьерра Неваду 4 тыс. индейцев и бросил их там на произвол судьбы; в живых осталось не более 100 человек¹².

Понадобилось несколько десятилетий, чтобы завоеватели поняли, что уничтожать индейцев невыгодно им самим. Вот что пишет по

* При этом президенте все вопросы управления колонией решала его жена Мария де Ондегардо. «Всякий, у кого были дела в аудиенсии, старался прежде всего заручиться поддержкой супруги президента», — отмечает хронист того времени. Через свою служанку она получала подарки от просителей. В зависимости от размеров оказанной услуги влиятельную сеньору «благодарили» жемчугом, бриллиантами, а то и просто съестными припасами (*J. M. Ots Capdequi. Op. cit., p. 277*).

этому поводу хронист того времени: «Поскольку у индейцев не было собственности, подвергать их штрафам было нельзя, стало быть их наказывали плетьюми. Но провинившихся это и не пугало, и не исправляло — они ко всему притерпелись. Тогда испанская корона решила заставить индейцев работать в монастырях, на строительстве дорог, акведуков, правительственных зданий...»¹³

В круг обязанностей аудиенсии входило не только административное, экономическое и политическое управление Колумбией, она регламентировала также нравы и обычаи. Испанские нувориши, награбив фантастические богатства, старались перещеголять друг друга нарядами и украшениями. Дамы из высшего общества буквально сгибались под тяжестью драгоценностей. На фоне царившей во круг ужасающей нищеты это выглядело вызовом, и в 1555 г. аудиенсия вынуждена была издать декрет такого содержания: «Гражданам Санта Фе и их женам надлежит быть более скромными в одежде»¹⁴.

Завоеватели отличались крайней распущенностью: факт таков, что в Новой Гранаде были учреждены специальные суды, рассматривавшие дела об аморальном поведении. 11 мая 1555 г. аудиенсия опубликовала следующий декрет: «Женатые испанцы, проживающие в губернаторстве Попаян, должны быть в принудительном порядке высланы в Испанию, дабы они жили со своими женами»¹⁵.

Экономическая жизнь Колумбии была полностью подчинена интересам Испании, которая рассматривала эту и другие свои колонии как источник драгоценных металлов. «[...] *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹⁶, — писал Ф. Энгельс.

По довольно точным подсчетам в Колумбии было добыто золота в XVI в. на сумму 53 млн. песо, в XVII в. — 173 млн. песо, в XVIII в. — 205 млн. песо и с 1800 по 1886 г. — на сумму 208 млн. песо. К этому надо добавить огромное количество серебра, вывезенного из Колумбии. Главным поставщиком золота была провинция Антиокия¹⁷. По данным американского историка А. Б. Томаса, испанцы вывезли из Колумбии около 500 тысяч унций золота — почти половину всей добычи золота в испанских колониях¹⁸. Колумбия занимала также важное место по добыче изумрудов и платины.

Испания не была заинтересована в развитии промышленности в колониях и стремилась сохранить за собой монополию на ввоз готовых изделий. Даровой труд индейцев на рудниках и плантациях приносил баснословные прибыли. В королевских указах говорилось, например, что «офицерам... надлежит давать по сто индейцев, всадникам с женами — по 80, женатому щитоносцу — 70, женатому колонисту — 30... Индейцы даются не навсегда, а на два, максимум три года... после чего их надлежит передать в услужение другим лицам...»¹⁹

В результате бесчеловечной эксплуатации от голода и болезней погибли сотни тысяч индейцев. Население Колумбии катастро-

Изготовление фелюг и каноев в провинции Барбакоас. XVIII в.

фически сокращалось. Такая же картина наблюдалась и в других испанских колониях в Америке. Колонизаторы рисковали полной потерей рабочей силы. Наконец в 1542 г. испанский король принял так называемые «Новые законы», несколько ограничившие призыв конкистадоров. Индейцы были объявлены вассалами короля. Это вызвало яростное сопротивление крупных землевладельцев. Они подстроили даже несколько восстаний против короля. Рабовладельческая форма эксплуатации индейцев сохранялась еще долгое время и после принятия «Новых законов», но юридически рабство было отменено. Рабов-индейцев постепенно заменили рабы-негры, которых начали ввозить в Колумбию с 1545 г.

Негры в Колумбии

Некоторое количество негров появилось в Колумбии уже в первые годы испанской оккупации в роли наемников белых завоевателей. В связи с нехваткой рабочей силы ввоз негров увеличивался. Уже в начале XVII в. негры — слуги и сельскохозяйственные рабочие не были в Колумбии редкостью. Позднее большое количество негров-рабов было завезено в Антиокию, на рудники. Негров-рабов привозили из различных районов Африки, но больше всего — из Анголы, Конго и Нигерии. Их доставляли обычно на невольничий рынок в Картахену. Работорговы в Колумбии приняла ог-

ромные размеры. Священник Сан Педро Клавер в своих мемуарах писал, что в течение 40 лет (XVII в.) он один обратил в христианство около 300 тыс. негров-рабов.

Следует отметить, что негры с самого начала прочно инкрустировались в колумбийское общество. Это объяснялось несколькими причинами. Отметим главные из них. Во-первых, в отличие от индейцев они были оторваны от родной почвы и жили в Колумбии, почти не связанные друг с другом; во-вторых, они были родом из различных частей Африки, их не связывала ни общая культура, ни обычаи. Наконец, в-третьих, поскольку они широко использовались в качестве слуг, то находились в близком и постоянном контакте с испанцами и ассимилировались в значительно большей степени, чем индейцы. Так искусственно насаждалась и культивировалась расовая рознь.

С первых лет завоевания началось смешение рас. Особенно быстро происходило смешение негров с индейцами и белыми, и вскоре, в первую очередь в тех местах, где были расположены шахты, число мулатов превысило число метисов, индейцев и белых. Самбо (т. е. результат смешения негров с индейцами) в самостоятельную этническую группу поначалу не выделились и считались либо индейцами, либо мулатами.

Следует особо подчеркнуть, что брачные связи между белыми и неграми и белыми и индейцами официально не оформлялись. Однако позднее цвет кожи мулата стал играть весьма важную роль при определении его социального статуса: если его причисляли к неграм, он оставался рабом. При переписи населения, проведенной в начале XVIII в., была выделена особая категория — свободные негры. В конце века в некоторых районах страны, как, например, в Антиокии, свободных негров было уже больше, чем негров-рабов. Свободу негр получал либо по воле хозяина в награду за верную службу, либо на шахте за то, что открыл богатую золотоносную жилу. Лишь в редких случаях негр-раб платил выплату за свою свободу. Главным же средством освобождения была борьба, когда рабы расправлялись со своими хозяевами, уходили в леса или на новые места поселения. Особенно много негритянских восстаний было в долине р. Кауки. Часто негры, добившиеся свободы, устанавливали добрые отношения с аборигенами. Так начала складываться большая этническая группа самбо.

Часто беглые негры объединялись и основывали собственные поселения. Такие города, как Паленке в северной Антиокии и Уре в южной Кордобе, остались чисто негритянскими городами по сей день. Сохранились и многие негритянские поселения в районе Чоко.

Энкомьенда и ресгуардос

В 1576 г. испанский король Филипп II ввел так называемую энкомьендарную систему, согласно которой единственным владельцем колоний провозглашался король, а земли, заселенные и обра-

Древнейшая профессия — изготовление шляп вручную

батываемые индейцами, объявлялись достоянием общины. Большая часть индейцев была закреплена за хозяйствами, владельцам которых они передавались на «попечение» или под «опеку» (энкомьенда). Испанские помещики стали «попечителями» индейцев — «энкомендерос де лос индиос». В упомянутом королевском указе новая система экономических отношений в колониях определялась следующим образом: «Милостью короля американским слугам его предоставляется право взимать налоги с индейцев, кои те обязаны выплачивать купно, пока живы упомянутые лица и их наследники, а те в свою очередь призываются печься о нравственности и материальном благополучии индейцев»²⁰.

Таким образом, индейская община должна была платить энкомендеро налог за его «заботы об их душе», за то, что он обращал их в христианскую веру. Формально помещики-энкомендеро не могли требовать от индейцев личных услуг, не могли ни селиться на земле общины — энкомьенды, ни создавать на ней кустарные предприятия. В действительности, однако, закон об энкомьенде превратил индейцев в рабов своих незваных попечителей. Индейцы должны были платить налоги деньгами или натурой, но поскольку большинство индейцев не удавалось заработать даже на свои насущные нужды, они волей-неволей расплачивались именно «личными услугами». Пользуясь бедственным положением индейцев и их неплатежеспособностью, энкомендерос стали отбирать у индейских крестьян землю и ввели принудительный труд — своего рода бар-

щину. Так свободные индейцы превращались в феодально зависимых крестьян — помещик платил за них подушную подать. Энкомьенда развила различные формы принудительного труда. Особенно изнурительной была так называемая *мита* — отработочная система на рудниках. Мита уносила громадное число жизней индейцев вследствие продолжительного рабочего дня, непосильного труда, отвратительного питания, отсутствия вентиляции в рудниках, взрывов и обвалов.

Часть индейцев осталась собственностью короны и подчинялась королевским чиновникам — коррехидорам. Они жили в деревнях, без права менять местожительство, должны были отбывать обязательную трудовую повинность: работать на плантациях и рудниках, строить дороги, мосты, здания. Их широко использовали в качестве гребцов на галерах. Эти индейцы жили общинами, во главе которых стояли старейшины. Хотя формально индейцы считались свободными, в действительности они были бесправны, целиком завися от произвола коррехидора.

Многие индейцы, потеряв землю, вынуждены были наниматься к помещикам батраками-поденщиками. Некоторые индейцы арендовали мелкие наделы. Но те и другие попадали в кабальную зависимость от помещика, в долговое рабство. Со временем появилась большая группа индейцев-пеонов — наследственных долговых рабов, прикрепленных к земле. Система пеонажа — разновидность крепостничества, появившаяся в конце XVI в., особенно распространилась в XVII—XVIII вв. К. Маркс писал: «В некоторых странах[...] рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». Посредством ссуд, которые должны быть отработаны и обязательства по которым переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи»²¹.

Невыносимые условия жизни привели к быстрому сокращению индейского населения. Этому способствовали и частые эпидемии (например, в 1566 и с 1587 по 1590 г. в Колумбии свирепствовала оспа, унесшая сотни тысяч жизней индейцев). Но, как пишет известный колумбийский государственный деятель и историк Фабио Лосано-и-Лосано, «индейская раса сильна, она умела страдать и умирать, умела ждать»²².

Обеспокоенная катастрофическим сокращением коренного населения колонии, испанская корона в начале XVII в. разрешила индейцам коллективную форму владения землей — ресгуардос. Практика показала, что труд индейцев более производительен, когда они живут и работают сообща. Это была, так сказать, уступка испанского феодализма американской действительности.

По распоряжению испанского правительства были созданы индейские сельскохозяйственные общины. Каждое племя или группа племен получили право владеть окрестными землями. Отныне индейская семья могла обрабатывать небольшой участок общинной

Мало что изменилось. Продавцы шляп и руан сегодня

земли, построить себе на ней жилье. Размер участка определялся количеством членов семьи. Совет из индейцев — глав семей управлял всеми делами ресгуардо. Помещики все время покушались на эти общинные земли и постепенно отесняли индейцев с их земель. Индейцы не сдавались и упорно отстаивали свои права. Борьба эта шла в течение XVII, XVIII, XIX вв., продолжается она и сегодня. Результатом наступления помещиков на ресгуардо было создание огромных латифундий.

Ввиду растущей смертности индейцев испанское правительство было вынуждено издать указ (от 7 июня 1729 г.) об освобождении их от «миты» — каторжного, изнурительного труда на рудниках. Золотые копи опустели, экспорт золота резко сократился, цены на все товары повысились. Остроту этого кризиса правительство пыталось несколько смягчить увеличившимся ввозом негров-рабов. Но основные экономические проблемы оставались нерешенными. Торговая буржуазия Испании не была заинтересована в развитии экономики колоний, она стремилась только выкачать из них драгоценные металлы. Такая политика отвечала также интересам испанской монархии. Но при этом слабо развитая промышленность Испании не была в состоянии обеспечить растущие потребности своих заморских владений, чем воспользовались Англия, Франция и Голландия, не упускавшие возможности для проникновения в испанские колонии. Ситуация складывалась так, что Испания вы-

нуждена была производить закупки товаров в европейских странах и перепродавать их в колониях. Кроме того, возникла новая трудность: частые набеги пиратов. Усилилась и контрабандная торговля колоний с другими странами Европы. Испанская корона принимала протекционистские меры, а креольские купцы требовали свободной торговли. Среди многих противоречий это было одним из острейших.

В сложном положении оказалась также кустарная промышленность Колумбии. Согнанные со своих земель индейцы стали искать работу в кустарных мастерских. Но патриархальная цеховая система во второй половине XVIII в. изменилась. В кустарную промышленность пришли испанцы и креолы. Внутри цехов началось расслоение: привилегированные испанцы и креолы занимали руководящие должности. Образовались «благородные» и «низкие» профессии. К первым относились ювелиры и оружейники, ко вторым — сапожники, портные и пр. Многие цехи объединялись в ассоциации со своими уставами, со своими покровителями-святыми.

Систематические перебои в торговле с метрополией содействовали образованию небольших мануфактур. Ремесленники играли все большую роль в жизни колонии, и в Мадриде возникло опасение, что к прочим недовольным добавится еще и эта многочисленная категория. В этой связи в 1777 г. было принято «Всеобщее положение о цехах», преследовавшее две цели: во-первых, установить контроль государства над кустарной промышленностью, чтобы предотвратить объединение в ассоциации и превращение цехов в независимые объединения; во-вторых, не допустить возникновения смуты.

Энкомьенда, на которую в свое время возлагались такие большие надежды, себя не оправдала. К тому же энкомьендерос сделали все, чтобы подорвать общинное индейское хозяйство и добиться его ликвидации. Им это удалось: в середине XVIII в. энкомьенда была отменена, ее заменила система пеонажа. К тому времени у индейцев фактически уже не было земли, они находились в долгом рабстве. Таким образом, крепостные формы эксплуатации сохранились и после отмены энкомьенды.

Характеризуя форму и методы испанской колонизации, Симон Боливар писал, что испанские короли заключали соглашения только с теми, кто брался за открытие, завоевание и заселение земель на свой страх и риск и на свои средства, в силу чего им предоставлялась возможность «стать сеньорами» землевладельцами, с неограниченным правом править, вершить суд в последней инстанции, а также пользоваться другими тщательно оговоренными привилегиями»²³.

Насаждение феодализма в Колумбии происходило не путем механического перенесения аналогичных институтов и отношений из Испании на колумбийскую почву. Формально испанская корона сохранила общинную собственность индейцев на землю и даже признала некоторые права коренного населения и жизненный ук-

лад его, сложившийся до начала колонизации. Королевских указов, регламентировавших использование индейского труда на плантациях и рудниках, издавалось множество. Вице-король, на деле — бесконтрольный властитель Колумбии, среди прочих титулов имел даже титул «защитника индейцев». Но это была лишь внешняя, показная сторона дела. Все эти многочисленные законы издавались отнюдь не из гуманных соображений, а из опасения, как бы местные магнаты не вышли из-под контроля метрополии.

Колумбийское общество в колониальный период

Социальная структура колониальной Колумбии была точной копией структуры тогдашней Испании. Главенствовал немногочисленный высший класс, состоявший из земельной аристократии, военных и духовенства; низший класс состоял из крестьян, находившихся на положении крепостных. Между этими двумя основными классами имелась незначительная прослойка мелких землевладельцев, ремесленников и лиц свободных профессий. Таков был «эталон», согласно которому испанские колонизаторы формировали общество Колумбии. Низший класс — индейцы. Немного погодя участь их разделили привезенные из Африки негры. Таким образом, в отличие от низшего класса Испании рабы в Колумбии были не белые, а «цветные».

Пришлая аристократия бдительно следила за «чистотой расы» и охраняла свои привилегии. Проникнуть в эту элиту из низших слоев общества было практически невозможно. На верху социальной лестницы находились белые, испанцы. Правда, и они делились на две разные группы: с самого начала колонизации стена отделяла белых, родившихся на Пиренейском полуострове, в Испании (*peninsulares* — «полуостровитяне», «пиренейцы»), от белых, родившихся в Колумбии, так называемых креолов (термин весьма неточен и условен).

Перед законом «пиренейцы» и креолы формально были равны. Но испанские власти были глубоко убеждены в том, что истинно преданными короне может быть только выходец из Испании. Практически креолов не подпускали ни к руководящим постам, ни к особо выгодным, доходным должностям и видам деятельности. Король, издавая соответствующие указы, стоял на страже интересов испанской аристократии, офицерства, кавалеров королевских орденов, шахтовладельцев и крупных коммерсантов.

«Пиренейцы» монополизировали все главные государственные посты — вице-короля, генерал-капитана, президента аудиенсии, губернатора, коррехидора, высших офицеров армии вплоть до капитана и др. Высшие посты в церковной иерархии также занимали «пиренейцы».

Всюду, где селились белые колонисты, сразу же создавалась четкая социально-этническая лестница. Принадлежность к той или

иной ее ступени определялась имущественным положением и социальным происхождением.

Что касается креолов, то некоторые из них, особенно из числа помещиков, вели свою родословную от испанской знати или получили дворянское звание «за заслуги перед отечеством». Большинство же креолов занимали скромное общественное положение: служили в государственных учреждениях и в армии, становились священниками. Большую группу креолов составляли врачи, юристы, инженеры, т. е. колониальная интеллигенция.

Креолы возмущались дискриминацией, но больше всего боялись смешаться с низшими группами населения. Они кичились светлой кожей, своими испанскими фамилиями, избегали физического труда, старались во всем подражать «настоящим» испанцам — соблюдали протокол, принятый при королевском дворе, строго следовали мадридской моде. Это желание креолов во что бы то ни стало казаться «настоящими испанцами» проявилось в Колумбии больше, чем в любой другой латиноамериканской стране. Однако хотели они того или нет, «чистота» креольской группы все равно нарушалась, происходило смешение этнических групп.

Кроме «пиренейцев» и креолов на особом положении находилась немногочисленная прослойка индейской аристократии — касики, помогавшие чужеземным пришельцам управлять индейцами. Испанские власти дорожили этой помощью и платили за нее земель и другими льготами. Представители правящей касты индейцев могли получать образование, их ставили во главе индейских городов и поселений. Становясь прислужниками короны, касики иной раз жестоко расправлялись со своими соплеменниками.

Самую многочисленную группу населения Колумбии в начальный период колонизации составляли индейцы. Именно они были главной производительной силой. Хотя формально в начале XVIII в. институт энкомьенды был отменен, фактически он сохранялся длительное время. Широкое распространение получила система принудительного труда, получившая название «распределения» — «репартименто». Индейцев «распределяли» между государственными чиновниками, духовенством, частными хозяевами — всеми, кому нужна была рабочая сила: домашняя прислуга, рудокопы, строители, дорожные рабочие и т. д.

На протяжении всего колониального периода происходил процесс смешения трех основных расовых групп — испанцев (креолов и «пиренейцев»), индейцев и негров, в результате чего возникли различные группы людей смешанной крови. Вот почему национальный состав Колумбии, как, впрочем, и большинства латиноамериканских стран, отличается большой пестротой и весьма сложным сочетанием индейских, европейских, негритянских, а в ряде случаев и азиатских компонентов*. Смешение белых с индейцами (ме-

* Французская экспедиция во главе с антропологом Жаком Этца, путешествуя по Колумбии в 1969 г., неожиданно для себя обнаружила этническую группу

тисы), белых с неграми (мулаты), индейцев с неграми (самбо), а также смешение метисов, мулатов, самбо между собой и в других комбинациях — такова картина этнического состава населения колониальной и современной Колумбии.

Смешение рас было естественным и неизбежным и вызывалось конкретной историко-экономической обстановкой. Однако некоторые ученые пытаются найти в этом процессе «особые заслуги» испанцев. Так, Рафаэль Гомес Ойос в специальном исследовании о положении индейцев в период колонизации Колумбии пишет: «Испанцы не пренебрегали связями с индейцами. Испания благородно пошла на переливание крови. Так она создала новую расу и решила проблему каст»²⁴.

На низшей ступени социальной лестницы находились негры-рабы, мулаты и самбо. По закону индейцы были свободными людьми. Вожди индейских племен освобождались от налогов, могли иметь слуг и именовались на испанский манер — «дон». Кстати, метисы также не были обязаны платить налоги. Но это ничуть не меняло их бесправного положения. И негры, и индейцы, и мулаты, и самбо были париями. Они не имели доступа к образованию, не могли владеть земельной собственностью, занимать ответственные должности.

Закон запрещал «красным» и «черным» носить оружие, ездить на лошадях, одеваться по испанской моде. Жить они могли далеко не повсюду — образовались своего рода гетто для цветных.

«Индейцы и негры, — свидетельствует директор Межамериканского индейского института Мануэль Гамо, — страдавшие в кабале и нищете в мрачные годы колониального периода, до сих пор отгорожены от цивилизации, что препятствует их освобождению и удерживает на самой низкой ступени социального развития»²⁵.

Красноречиво звучит печальная песенка, очень популярная в годы колониального режима:

Богатый из бедного жилы тянет,
Но хуже всех индейцу:
Его и тот, и другой тиранит,
На части рвут индейца!²⁶

Судьба индейских племен с приходом завоевателей сложилась по-разному. Одни, как, например, племя пихао, оказали решительное сопротивление конкистадорам и были уничтожены. Такие племена, как паес, гуамбиано и некоторые группы, жившие по берегам р. Ориноко, капитулировали и частично выжили, сохранив остатки земель, свои обычаи и язык. Третьи ушли в недоступную сельву и таким образом полностью сохранили свой облик (речь

азиатского происхождения, которая обитает в районе между департаментами Валье и Чоко. За всю свою многовековую историю племя не претерпело расовых изменений.

идет о племенах, живших в районе Амазонки). Наконец, четвертые, завоеванные испанцами, утратили свое этническое своеобразие, смешались с завоевателями и обездоленные, лишенные земель, стали жертвой кастовой дискриминации.

В Сьерра Невада де Санта Марта индейцы, оказывая решительное сопротивление испанцам, уходили в недоступные районы и жили там в изоляции столетиями. Их относят к группе индейцев-араваков. По мнению некоторых американских ученых, число их в настоящее время не превышает 3 тыс. человек²⁷.

В 1969 г. в бассейне р. Амазонки было обнаружено племя, до сих пор пользующееся каменными орудиями труда. Оно насчитывает 200 человек и живет в одной большой хижине. Попытки установить с этими индейцами контакт ни к чему не привели, несмотря на помощь других индейцев из тамошних мест, владеющих в сумме пятнадцатью индейскими языками. Как правило, обнаруженные в последнее время древние индейские племена продолжают держаться особняком, не подпуская к себе чужаков, в том числе и миссионеров.

В Западной Кордильере, где жили чибчи, испанское проникновение носило сравнительно мирный характер. К концу колониального периода население этого района состояло почти сплошь из метисов. В XIX в., по мере того как ресгуардос распались и индейскую общинную собственность заменяла частная, стало все реже употребляться само слово «индеец», «индейский». Но местные крестьяне все еще придерживаются древнего способа ведения хозяйства, а в своем языке и фольклоре сохраняют традиции своих предков — чибчей.

На западе Колумбии, в районе нынешнего департамента Антиокии, сложилось особое положение. Именно здесь испанские захватчики встретили наибольшее сопротивление индейских племен. Огромная масса индейцев погибла во время схваток с завоевателями, а также от болезней и голода. Оставшиеся в живых индейцы были оторваны от своих семей и обречены на подневольный труд на золотых приисках, точнее — в шахтах, где добывалось золото. В XVI и начале XVII в. здесь находился самый крупный центр по добыче золота в Новом Свете. Испанцы, обосновавшиеся в Антиокии, не стремились приобретать здесь земельную собственность. Но к середине XVII в. добыча золота упала, содержать многочисленных рабочих стало невыгодным. Белые зачастую сами работали в шахтах или переключались на торговлю. «Цветные» же в поисках работы уходили в другие районы. К концу колониального периода белое население Антиокии совсем обеднело, а количество индейцев, негров, метисов и мулатов составляло, по подсчетам американских ученых, не более 5 тыс. человек²⁸. В настоящее время в Антиокии индейского населения почти нет.

К югу от Антиокии, в департаментах Каука и Нариньо, индейская культура сохранилась лучше, чем в каком-либо другом районе Колумбии. Большинство индейцев обосновались здесь в юго-

восточных лесах; значительные группы, отбиваясь от испанцев, забрались высоко в горы. Многие ученые считают, что примерно 125 тыс. индейцев, живших в 100 ресгуардос, уцелели, сохранили уклад жизни предков, коллективную форму обработки земли, элементы языка кечуа. В этой части нагорья, сравнительно изолированной от других районов страны, подавление сопротивления некоторых племен индейцев было завершено лишь к концу колониального периода. Сохранению самобытности этих племен содействовало и влияние, оказываемое южными соседями, индейцами Эквадора и Перу. Однако во второй половине XX в. положение индейцев департаментов Каука и Нариньо, живших в основном вне колумбийского общества, осложнилось. Помещики все более агрессивно наступают на ресгуардос, отбирают у индейцев землю, а те ресгуардос, которые еще остаются в их владении, не могут удовлетворять более чем скромные потребности индейцев.

Колумбийские средние слои в колониальный период представляли собой сравнительно немногочисленную категорию, куда входили ремесленники и лица свободных профессий, «не отягощенные» собственностью. К ним примыкала и нарождавшаяся прослойка зажиточных метисов. Правящая элита, считая метисов в отличие от индейцев и негров «разумными» существами, предоставляла им кое-какие права: получать высшее образование и быть священниками им не разрешалось, но мелкими фермерами, служащими и коммерсантами они быть могли. Однако практически у метисов не было возможности «выбиться в люди», большинство их оставались ремесленниками, рабочими. Единственное реальное «преимущество», имевшее, кстати, немалое психологическое значение, заключалось в их праве носить такое же платье, как белые.

Политика испанского правительства объективно способствовала формированию креольской аристократии в самостоятельный класс и во многом предопределила превращение ее в господствующий класс Колумбии. В конце XVIII в. креолов стали даже производить в высшие офицерские чины колониальных войск.

Система феодальных привилегий для испанцев европейского и местного происхождения обеспечивала консолидацию латифундистов, креольского купечества, чиновничества и духовенства в господствующую касту, способствовала образованию могущественной местной помещичье-торговой олигархии.

Создав в Колумбии социальную структуру по образу и подобию испанской, Мадрид полагал, что увековечил свое господство. Но слишком пестрым, многоплановым, противоречивым было это новое колумбийское общество, в нем с самого начала зрели семена недовольства и бунта.

Церковь в колонии

Роль католической церкви в жизни Колумбии огромна. Миссионеры сопровождали экспедиции конкистадоров и обосновались в Колумбии в самом начале XVI в. Францисканцы появились в Да-

рьене уже в 1509 г., а в Боготе — в 1549 г.; доминиканцы высадились в Санта Марта в 1529 г., а в Боготу прибыли в 1549 г., августинцы появились в Боготе в 1575 г.; наконец, иезуиты прибыли в Боготу в 1590 г. Одновременно появилась и инквизиция, которая к концу XVIII в. стала безотказным орудием колониальных властей, главным цензором и блюстителем нравов. В 1569 г. был учрежден инквизиционный трибунал для испанских колоний. Слуги Игнатия Лойолы приступили к энергичному искоренению ереси, богохульства, иудаизма и прочего инакомыслия.

Основная задача миссионеров состояла в обращении аборигенов в католическую веру. Второстепенная и почти невыполнимая сводилась к тому, чтобы «умерять пыл» колонизаторов, не считавших местных жителей за людей и потому обращавшихся с ними хуже, чем со скотом. Мало кому из священников удавалось обуздать дикий нрав «благородных» идальго.

Церковь в колониальной Колумбии была главным проводником политики испанской монархии. Ватикан пристально следил за тем, чтобы церковная иерархия строилась согласно установленным нормам, чтобы ни одна «христианская душа» не ускользнула из-под ее влияния. Вся Колумбия представляла собой архиепископство, разделенное на епархии. Приходские священники обслуживали прихожан испанских городов, специальные проповедники обращали в католическую веру оседлых индейцев. Обращением в христианство индейских племен занимались миссионеры. Отцы-миссионеры изучали индейские языки, чтобы войти в доверие к индейцам, подчинить их своему влиянию.

«Спасая души» индейцев, пасивно навязывая им христианскую религию, католическое духовенство не забывало и о своих сугубо земных интересах. Священники и монахи заставляли индейцев работать на себя, сгоняли их на строительство церквей и монастырей, облагали всевозможными поборами. Церковь захватывала земли, сажала на них порабощенных индейцев и безжалостно их эксплуатировала. Она стала крупнейшим латифундистом и ростовщиком.

Церковные доходы поступали не только в форме подношений и даров, но также за счет так называемой десятины — десятой доли всех налогов, взыскиваемых с населения колониальной администрации. Некоторые специалисты считают, что помимо множества храмов, из коих некоторые были очень богатыми, церкви принадлежала примерно треть всей движимой и недвижимой собственности в Колумбии.

Часть своих доходов церковь, разумеется, употребляла «для дела»: на религиозные празднества, благотворительность, школы. Вся система образования в Колумбии была монополизирована церковью: почти все колумбийские учебные заведения были обязаны своим существованием именно церкви, но зато святые отцы зорко следили за тем, чтобы учебные программы и состав преподавателей

Кафедральный собор в Санта Марте

были «благонамеренными», чтобы школы и университеты выпускали верных слуг короля и папы.

В «Кратком обзоре системы образования в Колумбии», опубликованном в 1971 г. и одобренном министерством просвещения, говорится: «Ни испанское правительство, ни местные власти не создали в новом королевстве настоящей системы просвещения. Распоряжения об учреждении учебных заведений в Новой Гранаде не выполнялись. Лишь по инициативе частных лиц, которые почти всегда представляли церковь, появились первые центры просвещения»²⁹. Что касается самих церковников, многие из них независимо от того, были ли они высокопоставленными прелатами или просто монахами, окружали себя роскошью, сорили деньгами, распутничали. Авторы известного труда «Секретные новости из Америки» Хорхе Хуан и Антонио Уллоа, резко критикуя поведение католических священнослужителей в Испанской Америке, сообщали: «Монастыри превращены в дома терпимости»³⁰.

Зачастую миссионеры, которые, так сказать, «по должности» должны были обладать терпимостью и гуманностью, не только не

сочувствовали своей гонимой индейской пастве, но осуждали индейцев за их «нецивилизованность».

Доминиканский монах Томас Ортис в 1524 г. писал из Санта Марты: «Жители Индии (так он называл Латинскую Америку и конкретно Колумбию) — людоеды... ходят голые, занимаются свальным грехом; у них нет ни стыда, ни совести; они глупы, как ослы, не держат слова, непостоянны, неблагодарны; они порочны, непослушны, много пьют, не уважают ни старших, ни детей, ни родителей; жестоки, вероломны, мстительны, лживы, трусливы; мужья изменяют женам, а жены — мужьям; они грязны как свиньи; едят вшей и червей, не ухаживают за больными, а заболевших бросают в горах на произвол судьбы. Одним словом, бог еще не создавал таких порочных людей, с такими звериными инстинктами, настолько лишенных чувства доброты»³¹.

В то же время в трибуналах инквизиции сохранились материалы о суде над неким отцом Луисом де Фриасом, выступавшим в 1614 г. с проповедью в защиту негров. Об этой проповеди в архивах «святой инквизиции» сказано следующее: «Упомянутый отец Фриас многократно заявлял, что ударить негра — более тяжкий грех, нежели осквернить лик Иисуса Христа»³². Фриас был лишен сана священника и, стало быть, права проповедовать такую «чудовищную ересь».

Конечно, среди священников и монахов были и такие, которые сыграли положительную роль в культурном развитии индейцев и негров, выступали в их защиту. Стоит вспомнить хотя бы о Бартоломео де Лас Касасе, двоюродном брате известного колумбийского деятеля Доминго де Лас Касаса, много сделавшего для ликвидации междоусобных распрей. В жизни негров-рабов Картახены видную роль сыграл испанский священник Сан Педро Клавер, прибывший в Колумбию в начале XVII в. Он прожил среди негров 40 лет; всячески опекал их, защищал, лечил, посещал лепрозории, ночлежки. «Наверное, он сам негр, — говорили об отце Клавере негры Картახены, — иначе разве мог бы он так любить нас?»³³ «Я стал рабом негров на всю жизнь»³⁴, — говорил о себе Клавер. Он действительно отдал себя целиком служению угнетенным и снискал любовь и уважение не только в Колумбии, но и на всем континенте. О нем ходили легенды, о нем слагали песни, не забытые до сих пор: колумбийские негры поют их и сегодня. Авторитет и популярность Клавера были так велики, что Ватикан счел нужным использовать его имя в своих целях: в 1888 г. папа Лев XIII объявил его святым. В Колумбии есть несколько памятников Клаверу.

Но в целом католицизм оставался верным себе — был главным оплотом самой черной реакции и мракобесия. «Изгоня дьявола», охотясь на «ересь», церковники уничтожали ценнейшие памятники индейского искусства.

«Культуртрегерская» роль церкви тоже была весьма специфической, целенаправленной. Именно духовенство стояло на пороге к знанию. В школах учили запоминать, а не рассуждать, не мыс-

лить самостоятельно, метод преподавания был доктринерским, схоластическим. Особенно свирепствовали инквизиторы, тщательно отсеивавшие сквозь сито цензуры всю издававшуюся в Колумбии и поступавшую извне литературу и заносившие в списки запрещенной литературы всякое печатное слово, казавшееся им «вольнодумным». Напомним в заключение, что ни индейцы, ни негры, ни значительная часть мулатов образования не получали и испанский язык знали лишь как разговорный.

Тяжелым бременем ложилась на плечи народа церковная десятина и другие поборы, в придумывании которых церковники проявляли редкую изобретательность.

Культура и наука

Созданная в Колумбии система образования предназначалась лишь для верхушки общества. В университетах и в средних учебных заведениях («колехио») изучались теология, схоластическая философия, каноническое и гражданское право, филология. В ряде учебных заведений имелись кафедры индейских языков. По окончании высших учебных заведений можно было стать бакалавром, лицензиатом, магистром и доктором наук.

В 1538 г. в г. Попайяне орден доминиканцев основал духовную семинарию, а в 1622 г. иезуиты открыли католический университет Хавериана, ставший впоследствии весьма известным закрытым учебным заведением.

Для метисов и других «цветных» существовали ремесленные училища, где обучали плотничьему, сапожному и другим ремеслам, а также чтению, письму, арифметике и закону божьему. Обучение индейцев в церковноприходских и монастырских школах сводилось к обучению основ испанской грамоты и катехизису.

Если судить по работе «История испано-американской поэзии»³⁵, написанной известным литературоведом прошлого века Марселино Менендес-Пелайо, то можно подумать, что отцом колумбийской литературы является неоднократно упоминавшийся нами конкистадор Хименес де Кесада. Но это не так. Хименес де Кесада действительно был плодовит как писатель, но ценность его произведений весьма сомнительна.

Литература колониальной Колумбии была подражательной, малооригинальной. Тематика большинства произведений была историческая или историко-религиозная. Так, священник Хуан де Кастельянос написал несколько поэм, посвященных истории завоевания Новой Гранады. Заметный след в литературе оставили Педро Симон, Хуан Родригес Фрейле, Лукас Фернандес де Пьедраита и Хуан Флорес де Окаис. В конце XVI в. монах Педро Агуада опубликовал «Историю Свята Марты и Нового королевства Гранады». Крестник Хименеса де Кесады, монах Хуан Родригес Фрейле из Боготы опубликовал в начале XVII в. «Плутовские рассказы».

Он же написал «Историю завоевания Новой Гранады», которая пользовалась большой популярностью в течение двух столетий, и была больше известна под названием «Баран» («El carnero») из-за своего переплета из бараньей кожи. Содержание «Барана» — житие ведьм и колдуний, похождения доньи Инессы, переменявшей множество мужей, заставлявшей очередного мужа убивать предыдущего.

Другой боготинец Хуан Флорес де Окарис (умер в 1692 г.) написал монументальную «Генеалогию Нового королевства Гранады», первый том которой был издан в Мадриде в 1674 г. Второй том этого произведения таинственно исчез: ходили слухи, что по вине некоего семейства, которому не понравилось, как Флорес де Окарис изобразил его генеалогическое древо. Та же участь постигла второй том «Истории завоевания и заселения провинции Венесуэлы», написанной боготинцем Хосе Овьедо-и-Баньоса (1671—1738).

Одним из зачинателей колумбийской поэзии считается Эрнандо Домингес Камарго (1606—1659), написавший самую длинную поэму, когда-либо написанную в Америке: она состоит из 1116 октав и прославляет Игнатия Лойолу. Уроженец Боготы, Домингес Камарго получил образование в иезуитском колледже в Испании, где ему и привили восторженную любовь к основателю ордена. Возвратившись в Колумбию, он служил священником в небольших приходах, писал сонеты.

В истории колумбийского искусства легко прослеживаются три периода: доиспанский, колониальный и республиканский. Индейское искусство испанцы уничтожили. Лишь в конце прошлого века колумбийцы начали открывать для себя великолепные памятники индейской старины.

Основателем национальной колумбийской живописной школы был Фернандо де Ривера (1592—1647), выступавший под псевдонимом Эрнандо де ла Крус. Он принадлежал к ордену иезуитов. Известным художником стал ученик де ла Круса, бывший служка в монастыре индеец Доминго. Большой известностью в Колумбии пользовались художники-портретисты Альфонсо де Нарваес (1638—1711) и Грегорио Васкес де Арсе-и-Себальос (1638—1711)³⁶. Еще и сегодня великолепные портреты работы Грегорио Васкеса Арсе-и-Себальоса можно увидеть в соборах Колумбии и в частных коллекциях. В колумбийских соборах выставлено множество прекрасных скульптур, выполненных резчиками по дереву, неизвестными мастерами-индейцами.

В конце XVIII в. передовая общественность Колумбии, с трудом преодолев сопротивление церкви, добилась открытия первого светского университета. В те же годы в Боготе появился первый театр, начали выходить газеты, активизировалась культурная жизнь. В эти годы выдающуюся роль в общественной жизни страны играл боготинец Антонио Нариньо (1765—1823), просветитель и революционер. (О нем подробнее — в главе IV).

В развитии колумбийской науки выдающуюся роль сыграл Хосе

Селестино Мутис (1732—1804). В 1761 г. его, молодого врача, вице-король Гранады пригласил из Севильи. Мутис ознакомился с новой страной и направил испанскому королю реляцию, в которой просил высочайшего разрешения на изучение этого края «великих и неизведанных возможностей», просил субсидировать ботаническую экспедицию для изучения флоры и фауны, а также географии, нравов и обычаев местного населения. Мадрид долгие годы молчал. В ожидании ответа Мутис приступил к подготовке научных кадров, главным образом в колледже дель Росарио, где он читал лекции по математике и астрономии. Только через 20 лет король принял предложение Мутиса и учредил «Ботаническую экспедицию». Экспедиция Мутиса объездила всю страну, было собрано множество (29 тыс. экспонатов) растений, минералов, насекомых. Участники экспедиции записывали предания индейцев, овладевали тайнами народной медицины. Самоотверженные, смелые люди, участники экспедиции не раз рисковали жизнью во имя науки.

В числе участников экспедиции было сорок художников, в большинстве колумбийцев, помогавших созданию великолепных гербариев, богатейших коллекций, прекрасных зарисовок. Под руководством Мутиса был издан обобщенный труд «Флора нового королевства». Слава великого ученого пришла к нему еще при жизни. Многие ученые мира состояли с ним в переписке. Александр Гумбольдт, посетивший Боготу в 1800 г., писал, что коллекции и гербарии Мутиса, зарисовки цветов и растений, а также библиотека по вопросам ботаники уступали разве что только лондонскому собранию Бэнкса — крупнейшему в мире. В 1817 г. многие материалы экспедиции были увезены в Мадрид, но часть их хранится по сей день в колумбийских архивах. По инициативе Мутиса в колумбийской столице была построена обсерватория, созданы новые — дополненные и исправленные — географические карты³⁷.

Среди учеников и друзей Мутиса следует назвать видного колумбийского ученого и революционера Франсиско Хосе де Кальдаса (1770—1816), директора обсерватории. Во время войны за независимость Кальдас вступил в армию как артиллерийский инженер. В 1816 г. он героически погиб.

В составе экспедиции Мутиса находился юный Педро Фермин, бакалавр философии и права. Вольнолюбивые идеи его получили выражение в проекте отделения Колумбии от Испании.

Мы назвали лишь два имени. Но Хосе Селестино Мутис, человек передовых взглядов, сторонник идей Коперника и потому заклятый враг инквизиции, воспитал целую плеяду талантливых ученых-патриотов, самоотверженно служивших науке и родине.

**Восстание «комунерос»
(1781 г.)**

Восстание комунерос — важнейшее событие истории колумбийского народа. Неудивительно поэтому, что во многих трудах по истории, политике и этнографии Колумбии XVIII в. ему уделяется так много внимания. Несколько работ специально посвящены этой теме¹. Однако многие авторы трактуют цели восстания и его характер весьма произвольно, преподносят факты, кто умышленно, а кто по неведению, в искаженном виде. Руководители восстания в одних работах выступают как революционеры, в других — как сторонники реакции. Историки расходятся не только в оценке главных действующих лиц, но придерживаются различных точек зрения и на вопрос о том, кого считать главарями восстания. В ранних работах, посвященных восстанию комунерос, зачастую сознательно замалчивались многие документы, представляющие большой интерес для его объективной оценки. Теперь часть этих документов обнаружена, что дает возможность осветить многие исторические события XVIII в. по-новому.

Видный колумбийский писатель и государственный деятель Херман Арсиньегас написал книгу о восстании комунерос — «Лос комунерос» («Коммунары») ². Первое издание ее вышло в Боготе в 1938 г., второе, дополненное и исправленное, — в Риме в 1960 г. Херман Арсиньегас тщательно изучил колониальные архивы, которые он широко цитирует в своем исследовании, и нарисовал довольно объективную картину событий. Книга его вызвала острую полемику. И не только в газетах и журналах: о «комунерос» было написано еще две работы, был создан также сценический вариант «Лос комунерос» Арсиньегаса.

Следует напомнить, что в прошлом веке день, когда вспыхнуло восстание комунерос, отмечался как национальный праздник, и только в начале XX в. правящие круги Колумбии приняли решение считать национальным праздником дату формального провозглашения независимости — 20 июля 1810 г.

16 марта 1781 г. в колумбийском городке Сокорро был базарный день. Городские власти, воспользовавшись стечением народа, вывели эдикт о новых налогах. В толпе, собравшейся возле муниципалитета, стали раздаваться гневные возгласы. Чтобы понять, отчего так наэлектризована была атмосфера в Сокорро, надо сделать не-

большой экскурс в историю налоговой системы Колумбии. Известный колумбийский ученый Антисаль Галиндо в интересном исследовании, посвященном экономическим и финансовым проблемам Колумбии в колониальный период, подсчитал, что испанская корона и ее представители на местах ввели по меньшей мере 29 различных налогов³. Особенно тяжелым для местной торговли был так пазываемый «алкабала», взимавшийся при совершении любой торговой сделки. Налогообложению подлежало все: табак, агуардъенте (колумбийская водка), игральные карты, порох и т. д. Словом, в стране царил «налоговый ужас». Колумбийский историк Сальвадор Камачо Рольдан писал: «У граждан не было никаких прав, пресекались любые стремления к свободе и независимости... Человек попадал в лапы налогового инспектора чуть ли не с момента рождения, платил налоги со дня свадьбы до похорон, да и после смерти тоже — за освобождение от рабства... Он входил в церковь помолиться богу и с него тотчас брали налог: в пользу данной общины, на содержание церкви, на организацию праздников, развлечений и пр. и пр. Если с ним стряслась беда и он вынужден искать защиту у правосудия, кошелек его перейдет к судьям, секретарям, прокурорам. Список всякого рода судебных издержек, налогов, такс бесконечен... Налогообложению подлежали капитал и рента, фабрики и земли, жизнь и смерть, хлеб и голод, радость и горе»⁴.

Особенно свирепствовал наместник вице-короля в Боготе Гутьеррес де Пиньерес. Очередной вице-король Новой Гранады Мануэль Антонио Флорес, профессиональный военный, прибыл к месту назначения в 1777 г. Одновременно, без согласования с Флоресом, заместителем его был назначен этот «трусливый тип, феодал, кабинетная крыса»⁵. В 1779 г. между Испанией и Англией вспыхнула война, и вице-король отбыл в морской порт Колумбии Картахену, чтобы привести в боевую готовность тамошнюю крепость. Хозяином в столице остался Гутьеррес де Пиньерес. Человек злобный и подозрительный, желая выслужиться перед Мадридом, он разработал изощренную систему взимания налогов и надзора за сборами. Сборщик налогов «гуарда» стал олицетворением испанских властей: его все дружно возненавидели.

Жестким был налог на табак. Во многих районах было категорически запрещено его выращивать. Между тем большая часть населения издавна занималась именно табаководством. Суд творили скорый и неправый. Известен, например, такой случай, произошедший в Сокорро. Мелкий фермер Сорро Ферро и его братья были заподозрены в «незаконном» выращивании табака. Хотя полиция, ворвавшись на ферму, сразу обнаружила, что поле засеяно не табаком, а луком и что табака растет всего несколько кустов для нужд семьи, хозяина фермы бросили в тюрьму, а его имущество конфисковали. Подобные истории произошли в Хироне, Баричаре, Сан Хиле и многих других населенных пунктах⁶. Как правило, нарушители закона о табаке подвергались наказанию плетьюми

(200 ударов), четырехлетнему тюремному заключению и конфискации имущества.

В течение только одного 1780 г. в пяти населенных пунктах страны вспыхивали волнения в связи с непосильным налоговым бременем.

12 октября 1780 г. Гутьеррес де Пиньерес издал декрет об усилении алкабалы и ввел новый налог — на содержание «армады Барлоvento»*, т. е. испанского флота, которому надлежало охранять испанские торговые суда от английских пиратов. Налог этот формально считался «добровольным пожертвованием», но неукоснительно взимался со всех жителей колонии. Бесправный индеец должен был платить одно песо, а богач маркиз Сан Хорхе, на которого работала тысяча индейцев, — лишь в два раза больше: два песо!

От непосильных налогов особенно страдало население небольших городов, где были развиты кустарное производство и торговля. В населенных пунктах Сокорро, Чарала, Моготес, находившихся на высокогорье Восточной Кордильеры, селили табак, выращивали индиго, ткали шерсть.

В начале 1781 г. наместник вице короля Гутьеррес де Пиньерес еще более утяжелил налоговое бремя, ввел дополнительные налоги на продажу табака.

Но вернемся к событиям 16 марта 1781 г. Слух о новых налогах распространялся быстро. Какой-то ткач начал громко выражать недовольство непомерными тяготами жизни, вокруг него образовалась толпа (не менее 2 тыс. человек), которая затем двинулась к центру города и остановилась у входа в муниципалитет. Внезапно из толпы вышла пожилая женщина, решительным движением сорвала указ, разорвала его на части и сломала доску, на которой он висел. Очевидцы, а позднее и историки, долго не могли установить имя смелой женщины. Теперь, наконец, оно точно известно: Мануэла Бельтран⁷. Жители Сокорро с криками: «Да здравствует король!», «Долой подлое правительство!» — разгромили муниципалитет, выпустили из тюрьм заключенных. В Сокорро царило возбуждение, охватывавшее все большее число людей. Факельное шествие продолжалось всю ночь. Испанские власти фактически потеряли контроль над городом.

Народное восстание вышло за пределы Сокорро. Уже на следующий день, 17 марта, оно охватило расположенный неподалеку городок Симакоту. Жители Симакоты разгромили налоговое управление, табачные лавки, сожгли табак, вылили в канавы агуарденте. 23 марта такой же оборот приняли события в местечке Сан Хиль. Перепуганный правитель Боготы Гутьеррес де Пиньерес поспешил отменить нововведенный налог, но было поздно.

В те дни до Сокорро дошли слухи о победах Тупак Амару в Перу. 30 марта в город прибыл Хосе Альба, который привез с

* Барлоvento — название группы Антильских островов.

собой вольнолюбивые стихи священника Сириако де Арчилья. Стихи слушали, затаив дыхание: они приплыли как нельзя кстати. Не даром власти усмотрели в них «подстрекательство к мятежу»⁸.

Креольская знать Сокорро, тоже недовольная самоуправством испанских властей, решила возглавить движение народного протеста. Вместе с тем богатые креолы с самого начала надеялись удерживать народное движение в «нужных» рамках: не допустить подрыва основ существующего строя и обезопасить свое имущество.

Сокорро становится символом свободы, как магнит притягивает простой люд. Начиная с 16 апреля 1781 г. сюда стали стекаться представители всех восставших городов и деревень. Среди делегатов было много индейцев. На основании обнаруженных данных можно утверждать, что в этом народном вече участвовало около 6 тыс. человек. Один из хронистов рассказывает, что одна группа повстанцев вошла в Сокорро во главе с полуголым человеком, который нес на плече мешок табака, размахивал кинжалом и выкрикивал: «Да здравствует свобода!». Над многолюдной толпой развевались красные и черные знамена. Впервые в истории Колумбии простые, забытые люди почувствовали свою силу.

Начались выборы руководящего комитета восстания — Коммуны. Верховным руководителем — по одним данным, «генерал-капитаном», а по другим — «генералиссимусом» — был избран состоятельный креол Хуан Франсиско Бербео⁹. Бербео потребовал, чтобы при нем была создана консультативная хунта и чтобы непрременным участником ее был видный представитель местной олигархии Сальвадор Плата. Этот первый шаг Барбео уже свидетельствует о том, что он собирался не столько возглавлять народное восстание, сколько «представлять интересы креольской олигархии при переговорах с испанскими властями»¹⁰. В консультативную хунту, которая стала называться «Коммуной» (отсюда берет начало и название всего движения), вошло еще несколько человек. Для характеристики руководителей комунерос весьма показателен следующий факт: члены хунты тайно составили у нотариуса («чтобы все было по закону») заявление о том, что народ заставил их возглавить движение против их воли и что по существу они остаются преданными слугами короля. Этот документ подчеркивает, насколько разными были цели руководителей восстания и народа. Так впервые в своей истории колумбийский народ столкнулся с проблемой руководства революционной борьбой.

Среди колумбийских историков имеет хождение мнение, будто руководители коммуны были «вынуждены так поступить», ибо «так в ту пору поступали все, дабы избежать ответственности». Выразителем этой точки зрения является, например, автор статьи «Лос Комунерос» Орасио Рамирес Плата¹¹.

Упомянувшийся нами Херман Арсиньегас выдвигает другой тезис: колумбийцы — народ смысленный и дальновидный, они избрали руководителями восстания богачей неспроста, с расчетом на то, что в случае провала восстания с рядовых его участников меньше

спросится. Такая точка зрения не выдерживает критики. Ведь восстание возникло стихийно, у народа еще не было своих руководителей, этим-то и воспользовались представители нарождавшейся торговой буржуазии! Местные буржуа тоже были недовольны финансовой политикой Испании, однако они вовсе не собирались рисковать своим благополучием и даже мысли не допускали о революционных преобразованиях. Вот почему во главе восстания встал комитет из состоятельных людей — торговцев, землевладельцев. На должности командиров воинских частей назначались люди, умевшие читать и писать, т. е., в конечном итоге, тоже представители имущих классов.

Следует особо подчеркнуть, что по примеру верховной Коммуны были созданы коммуны во многих других восставших районах — более чем в 50 населенных пунктах. Начали формироваться одновременно отряды ополчения. Представители ополченцев направлялись в центр восстания — город Сокорро.

Бербео и его помощники обратились к вице-королю с просьбой пойти на некоторые уступки народу. Коммуна запретила сжигать табак и назначила администраторов для регулирования его сбыта.

Когда в Боготе стало известно о восстании в Сокорро, правительство направило туда отряд из 80 человек под командованием капитана Хоакина де ла Барреры и снабдило его дополнительным запасом оружия, чтобы по пути следования отряда капитан сформировал еще несколько воинских частей. 18 апреля отряд капитана Барреры двинулся в путь. Весть о том, какую позицию заняли правители Боготы, вызвала глубокое возмущение в Сокорро. Народ требовал решительных, революционных мер, похода на столицу и свержения ненавистного правительства. Бербео понял, что, воспротивившись этим требованиям, он потеряет контроль над движением, подчинился и двинул повстанцев на юг, по направлению к столице вице-королевства — Боготе. Повстанческая армия растянулась на многие километры. Головной ее отряд состоял из 4 тыс. повстанцев.

22 апреля правительственные части подошли к «Пуэнте реаль» (Королевскому, ныне Национальному, мосту), в 100 км от столицы, и стали ждать повстанцев.

Что представляла собой повстанческая армия? Ее костяк составляли крестьяне, пастухи, шахтеры, ремесленники. «Брат, друг, товарищ» — так обычно обращались повстанцы друг к другу¹².

7 мая повстанческая армия подошла к Королевскому мосту. Начались переговоры, но ни к какому соглашению стороны не пришли, после чего повстанцы разоружили регулярные части, арестовали капитана Барреру и его помощника — судью Осорио. Факт весьма знаменательный: впервые в испанской колонии Колумбии регулярные правительственные войска капитулировали перед народом. Повстанцы захватили также оружие. Но, главное, они прониклись сознанием своей силы, силы народного движения. То была первая победа, первый шаг на пути к свержению власти испанской короны.

Одному из адъютантов Осорио, лейтенанту Понсе, удалось бе-

жать. Он добрался до столицы и 12 мая информировал правительство о случившемся. Столичная креольская знать поддержала вице-короля и спешно приступила к подготовке ополчения для отражения коммунаров. Простой люд Боготы с нетерпением ждал прихода повстанцев. Наместник вице-короля Гутьеррес де Пиньерес бросился за помощью к вице-королю в Картахену. Тем временем власть в столице перешла в руки городского совета — кабильдо. Чтобы выиграть время, кабильдо решает вступить в переговоры с повстанцами и направляет в их лагерь парламентеров: алькальда столицы, архиепископа Боготы и судью. Одновременно кабильдо снижает цены на табак, агуарденте и отменяет некоторые налоги. Но народ отвергает эти полумеры и требует снять бивак у королевского моста, чтобы двинуться на столицу. И снова Бербео, боясь потерять управление армией, которая явно грозила выйти из повиновения, сделал то, что требовал народ: отдал приказ идти на столицу. А сам тем временем тайно дал знать судье Осорио, что уступил настояниям повстанцев лишь для того, «чтобы держать в узде народ, рвущийся к власти»¹³.

Далее следует самый яркий эпизод этой славной страницы истории революционной борьбы колумбийского народа. Пока колонна комунерос двигалась по направлению к столице, она превратилась в многотысячную армию — армию угнетенных: в нее вливались жители городов и деревень, вооруженные старыми ружьями, мачете, палками и чем попало. Люди шли голодные, в рубищах, но открытые верой в победу. Проходя через населенный пункт, повстанцы брали немного продовольствия, ведя при этом строгий учет, что, где и сколько взято, чтобы со временем расплатиться. Армия питалась «не столько продуктами, сколько чистым энтузиазмом»¹⁴, — пишет Индалесио Льевано Агирре. Ночевали повстанцы на площадях, под деревьями, часто — под дождем. В 80 км от столицы, близ Сипакира, повстанцы узнали о бегстве наместника вице-короля в Картахену и решили его задержать. По воле народа погоню за регентом возглавил Хосе Антонио Галан.

Хосе Антонио Галан сыграл в организации движения комунерос выдающуюся роль, был душой восстания. Это был красавец-метис, огромного роста, с черными блестящими глазами и орлиным носом. Крестьянский сын, Хосе Антонио Галан, выделялся храбростью и благородством, жил одной мыслью о раскрепощении угнетенных. Речи его слушали, затаив дыхание, подчинялись ему беспрекословно. Как-то раз несколько повстанцев хотели «реквизировать» содержимое сейфа в каком-то банке. Галан их одернул: «Мы пришли сюда не грабить, а завоевывать свободу»¹⁵.

Долгие годы правящие классы Колумбии либо замалчивали имя Галана, либо смешивали его с грязью. Такие официально признанные колумбийские историки, как Хосе Мануэль Рестрепо и Хосе Мануэль Грот, нисколько не скрывая своей ненависти к нему, называют Галана бандитом. Буржуазные историки сделали все, чтобы имя Хосе Антонио Галана, составляющее гордость колумбийского

народа, было забыто. Сознательно скрыты многие документы, из-вращены важные факты, которые убедили бы самого заядлого скептика в том, что это был подлинно народный герой. До сих пор в колумбийской литературе дебатруется вопрос, был ли Галан мулатом или метисом, словно это меняет существо дела! Человек с горячим и добрым сердцем, Галан смолоду пришелся не по вкусу властям. Еще когда он жил в родном городе Чарала, его насильно взяли в армию и отправили в батальон «Леопарды», расквартированный в большом портовом городе Картахене. Галан быстро дослужился до капрала, а когда разнесся слух о восстании в Сокорро, дезертировал и присоединился к повстанцам. Вскоре он стал любимым вождем восстания¹⁶. «Галан — вот подлинный герой»¹⁷, — пишет Херман Арсиньегас.

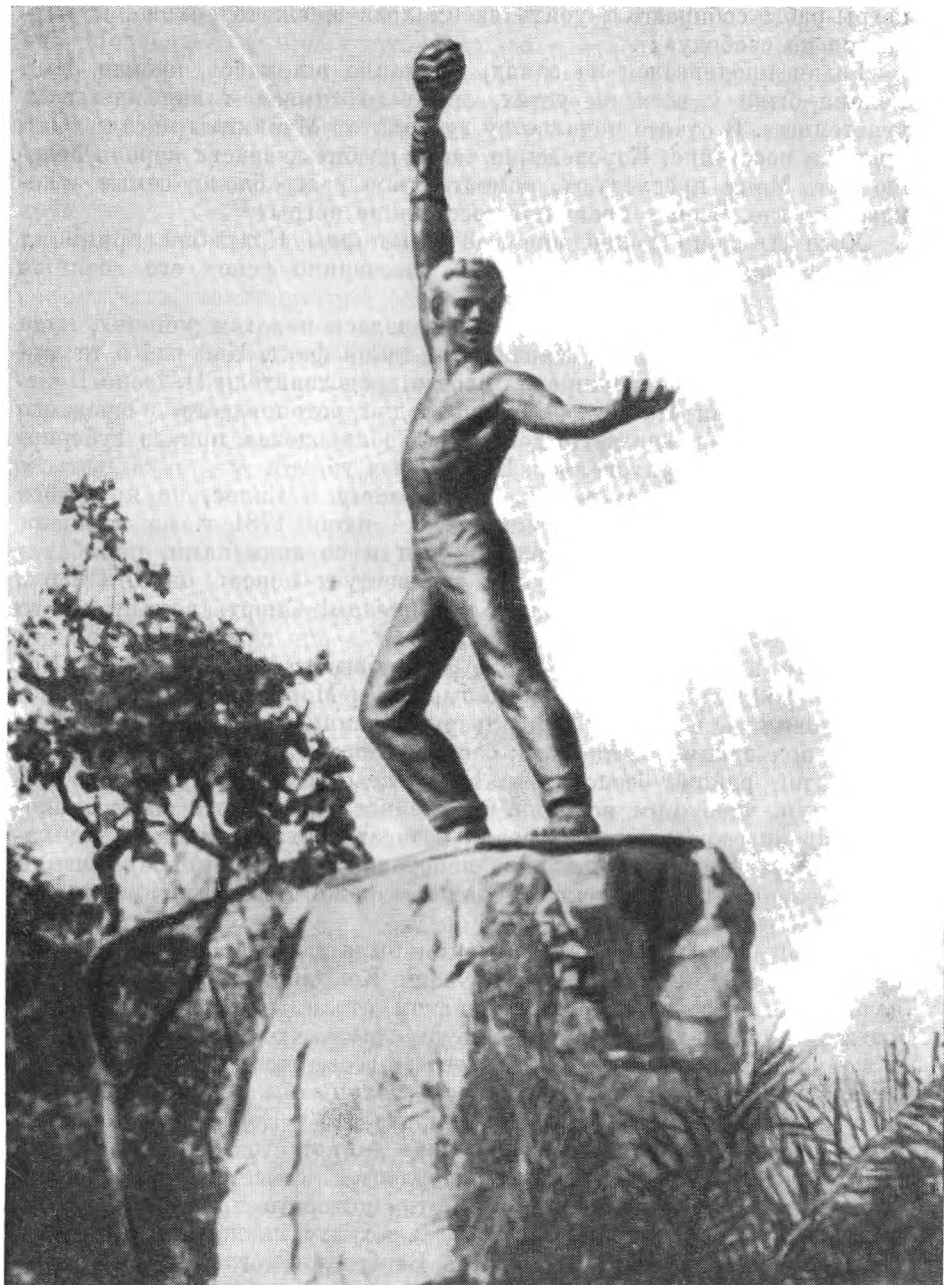
Итак, во главе небольшого отряда Галан отправился в Факатативу. Конкретная задача состояла в том, чтобы захватить наместника Гутьерреса де Пиньереса, но планы Галана были шире. Он понимал, что восстание может победить лишь в том случае, если оно всколыхнет народные низы, превратится в социальную революцию. На знамени отряда Галана был начертан девиз «Союз угнетенных против угнетателей»¹⁸.

Без труда преодолев сопротивление гарнизона г. Факататива, Галан созвал индейцев из всех близлежащих районов и бросил клич: «Восстаньте против правительства, чтобы вернуть свои земли и избавиться от налогов»¹⁹. И индейцы пошли за Галаном. Когда правительственные войска получили подкрепление, индейцы уже влились в отряд Галана. В сообщении о сражении в Факатативе говорится, что против правительственных войск «выступили все — индейцы, метисы, мулаты, включая женщин и даже детей. Вооруженные палками, камнями, всем, чем попало, они заставили врага перейти к обороне»²⁰.

Галан разгромил правительственные войска, захваченное оружие раздал народу, власть в Факатативе передал городскому совету, избранному народом, а сам отправился дальше, в Вильету, где подавил сопротивление местных властей и тоже установил революционный порядок. В городке Гуадуасе он конфисковал имущество богачей и раздал его местным жителям.

Таким образом, Галан был занят не столько поимкой наместника, сколько выполнением главной задачи: он поднимал народ на вооруженную борьбу, устанавливал народную власть, раздавал земли беднякам. Революционный поход Галана достиг своего апогея, когда армия угнетенных вступила в крупный шахтерский центр провинции Марикиты. Галан бросил клич, потрясший незыблемые доколе устои вице-королевства: «Конец рабству!»²¹. Восставшие рабы срывали с себя цепи. Помещики и надсмотрщики спасались бегством. Шахты опустели.

Когда весть о событиях в Мариките дошла до провинции Антиокии, там тоже начались волнения. Мэр г. Медельяна Хуан Кальехас в панике сообщал вице-королю, что «положение угрожающее:

Памятник первому борцу за свободу Колумбии («Эль Комуnero»)
Хосе Антонио Галану,
установленный на площади Лос Ниньос в Букараманге

негры-рабы собираются убить своих хозяев, сжечь архивы и вырваться на свободу»²².

Галан продвигался на запад, восстание ширилось, крепло. Имя Галана было у всех на устах, он стало символом надежды всех угнетенных. В отчете начальству губернатор Марикиты писал: «Они подняли восстание. Королевские части разбиты, власти короля больше нет. Меня преследуют, поместье мое разграблено, семья — неизвестно где. Всем заправляют восставшие негры»²³.

Хосе Антонио Галан впервые в истории Колумбии применил тактику партизанской войны, что обеспечило успех его военных операций.

Революционная обстановка складывалась и в тех районах, куда армия Галана не дошла. Характерен такой факт. Как раз в те дни губернатор Попайяна направил своего представителя Игнасио Передо в провинции Пасто и Барбакоас для установления очередного налога на агуардьенте. Когда Передо обнародовал приказ губернатора, индейцы взбунтовались. Передо был убит²⁴.

Представителю комунерос, прибывшему в Силос, не пришлось тратить много слов на убеждения. 14 июня 1781 г. на площади городка собрались все жители округа и со знаменами, под барабанный бой скандировали: «Да здравствует король инка! Смерть королю Испании и его подлым правителям! Смерть всем тем, кто выступит на их защиту»²⁵.

Пламя восстания охватывало все новые и новые районы Колумбии. 1500 индейцев из Таймары, Поре, Моркотеса, Пайи и Писбы готовились пересечь Кордильеру и двинуться на столицу. Чем ближе подходили повстанцы к саванне Боготы, тем чаще вспыхивали в этом районе беспорядки. Бесправные индейцы Салинаса требовали, чтобы им вернули их главное богатство — соляные копи. Индейцы-крестьяне требовали возврата захваченных помещиками земель. Индейцы, жившие неподалеку от столицы, объявили об отделении от испанской короны и даже провозгласили своего короля.

Словом, революционная ситуация была налицо. Захват Боготы повстанцами, а стало быть, и отделение Колумбии от Испании, были делом вполне реальным. Архиепископ столицы открыто признал, что столица не устоит перед инсургентами, что она зажата в революционном кольце. В этот момент многое, очень многое зависело от руководителей восстания. Захват столицы был единственно верным решением, такова была воля народа. Но у Бербео и его группы были совсем другие планы. Одно дело — протестовать против налогов и злоупотреблений испанских властей, совсем другое — солидаризироваться с движением, развитие которого привело к восставшим рабов, к индейским мятежам, к захвату латифундий. Креольская верхушка и ее представитель Бербео не могли скрыть своего страха. Классовый инстинкт подсказывал им, что надо сделать все, чтобы не допустить взятия столицы и полной победы восстания, ценой любого компромисса затормозить грозное развитие событий.

От других руководителей восстания, преданных народу, — Антонио Монсальве и Франсиско Росильо — не укрылись настроения Бербео. В своем письме к нему от 23 мая они настаивали на необходимости захвата столицы. Еще более категорически требовал этого от Бербео Антонио Молина, писавший ему: «Когда Богота будет нашей, революция восторжествует во всей Новой Гранаде... Если потребуется, мы в состоянии выставить 50 тыс. повстанцев»²⁶.

Но Бербео был непоколебим. 31 мая 1781 г. он издал следующий недвусмысленный приказ: «Я, Хуан Франсиско Бербео, генерал-капитан, командующий экспедицией коммун, доведу до сведения всех командиров моей армии о том, что мною поручено Амбросио Писко из Боготы прибыть во главе своих людей к пригородам Санта-Фе де Богота и решительно преградить путь всем, кто попытается вступить в город с целью оскорбления и грабительства. В случае необходимости Писко уполномочен установить виселицы: одну — у ворот Сан Диего и вторую — у ворот Сан Викторио — для наказания виновных в нарушении его приказа»²⁷.

Пытаясь обелить Бербео, некоторые историки изображают дело так, будто он предназначал виселицы не для повстанцев, а для карателей из Санта-Фе. Но такое предположение совершенно неправомочно, оно опровергается самим текстом приказа. Фактически позиция Бербео ничем не отличалась от позиции архиепископа Кабальеро-и-Гонгоры, прибывшего в качестве главы парламентаров из столицы. И тот, и другой делали все, чтобы направить взрыв народного возмущения в «умеренное» русло.

С первых чисел июня в Сипакире начались переговоры между Бербео и представителями властей столицы. Архиепископ Кабальеро-и-Гонгора, большой поклонник Маккиавелли и типичный представитель «просвещенного деспотизма», ловко воспользовался классовой неоднородностью повстанцев. Как уже говорилось, основу движения комунерос составляли обездоленные индейцы, негры, мулаты, самбо и метисы. Но почти все руководящие должности в армии повстанцев занимали представители той части колумбийцев, которую мы сейчас назвали бы средними слоями. В своих донесениях вице-королю архиепископ откровенно признавал, что он сыграл на классовых противоречиях, а также на соперничестве, издавна существовавшем между провинциями Сокорро и Тунхой. (Последняя претендовала на то, чтобы Сокорро находилась под ее юрисдикцией.) Встретившись с руководителями провинции Тунхи, архиепископ красноречиво убеждал их в том, что, поскольку большую часть армии повстанцев составляют уроженцы Сокорро, в случае захвата столицы они возьмут верх и подчинят себе Тунху. Такая перспектива не устраивала многих повстанцев Тунхи. Нашлись среди них и такие, которые не погнушались вступить вговор с архиепископом Кабальеро-и-Гонгорой. Некоторые историки, выгораживая Бербео, утверждают, будто он не знал об этом. Но невозможно себе представить, чтобы Бербео, судя по всему человек активный и

властный, «не заметил», как буквально у него на глазах благодаря проискам архиепископа повстанческая армия потеряла треть своих бойцов — тунханцев. Логично предположить другое, что позиция руководителей Тунхи устраивала Бербео, так как он, подобно многим другим руководителям восстания, представлявшим интересы креольской олигархии, втайне изыскивал способ не допустить захвата столицы.

5 июня Бербео предъявил комиссии архиепископа требования повстанцев, так называемые «Условия капитуляции», состоявшие из 35 пунктов и затрагивавшие экономические, религиозные, политические и административные вопросы. Экономические требования касались прежде всего отмены ряда налогов (в первую очередь налога на содержание «армады Барловенто» и монополии на табак), снижения налогов на агуарденте, на почтовые и транспортные расходы и установления шкалы налогов в зависимости от доходов. Среди «Условий капитуляции» фигурировало восстановление прав индейцев на их земли, в случае если эти земли еще не были проданы.

Наиболее важным было, несомненно, требование политических и административных реформ: требование отозвать ненавистного Гутьерреса де Пиньереса и навсегда покончить с институтом наместников, отменить всю систему штрафов, упростить громоздкий аппарат управления ²⁸.

Архиепископ отправил «Условия капитуляции» в Боготу на рассмотрение кабилдо. 7 июня 1781 г. хунта, управлявшая Колумбией, вынуждена была их одобрить: еще бы, у стен столицы стояло 15 тыс. повстанцев, это был самый убедительный аргумент! Кроме того, хунта надеялась, что, приняв условия капитуляции, она выиграет время и дождется прибытия в Боготу армии вице-короля ²⁹.

В ходе переговоров «Условия капитуляции» были несколько изменены, но и, согласно окончательному, «смягченному» варианту, были отменены многие налоги, в частности те, которые взимала не испанская корона, а местная белая знать; были установлены твердые цены на табак и агуарденте; соляные копи были возвращены их исконным владельцам — индейцам. Должность наместника короля отменялась. За командирами повстанческой армии комунерос сохранялись их посты, а Бербео назначался коррехидором провинции Сокорро. Одна из статей капитуляции (ст. 22) касалась креольской олигархии: огненные креолы получали преимущество перед европейцами при назначении на руководящие посты. А главная уступка низшим слоям (ст. 7) заключалась в возвращении индейцам их «ресгуардос». (Индейцы составляли почти треть повстанческой армии — 6 тыс. человек.) ³⁰

Не доверяя ни Бербео, ни парламентарам из Боготы, повстанцы заставили власти присягнуть на верность документу о капитуляции. 8 июня 1781 г. архиепископ Кабальеро-и-Гонгора отслужил по этому случаю мессу, после чего Бербео объявил всеобщую демобилизацию комунерос. Молчаливые, полные мрачных предчувствий, расходи-

лись они по домам. Однако во многих провинциях волнения еще не улеглись. Бербео в сопровождении архиепископа выехал туда с «успокоительной» миссией. Руководители движения — креолы, тоже разъехались. Любопытно, что все они теперь открыто говорили, будто их заставили руководить восстанием насильно. А Бербео даже сумел заручиться «положительной характеристикой», заверенной архиепископом³¹.

На этом фоне резко выделяется фигура Хосе Антонио Галана. Приказ Бербео о роспуске армии в момент наивысшего подъема движения возмутил народного вождя: с его точки зрения это был акт самого настоящего предательства. Историки, отличающиеся консервативными взглядами, пытаются объяснить такую позицию Галана его соперничеством с Бербео. Прием, мягко говоря, не научный, разногласия их носили более глубокий, классовый характер: Бербео выражал интересы креольской верхушки, а Галан был выразителем чаяний народа, его вождем.

Однако Галан совершил ошибку: поверил, что испанские власти выполнят условия капитуляции. Он даже начал создавать народную милицию для защиты народных завоеваний. Во главе небольшой группы своих сторонников Галан отправился в Сокорро. Но там он узнал, что вице-король Флорес отказался утвердить условия капитуляции и направил в Боготу войска. Восставшие города и деревни были оккупированы регулярными королевскими войсками. По стране прокатилась волна репрессий. Комунерос хватали, сажали за решетку, ссылали в Дарьен (Панама), в джунгли на верную гибель.

Но несколько коммун удержались, провозгласили Галана генерал-капитаном и просили возглавить новое восстание. Он сделал последнюю попытку — создал в Моготесе небольшую армию. Однако обстановка в стране к этому времени необратимо изменилась. Подняла голову контрреволюция. Многие из бывших руководителей восстания стали открытыми прислужниками вице-короля. Особенно усердствовал Сальвадор де Плата из Сокорро, тот самый, на включении которого в состав коммуны так настаивал в начале восстания Бербео. Сам же Бербео превратился фактически в агента архиепископа. Объединенные единой целью — стремлением подавить все очаги восстания, феодалы и нарождавшаяся буржуазия вступили в альянс. Против Галана была затеяна клеветническая кампания: его изображали вором, бандитом. По пятам за ним гнались ищейки правительства, целые войсковые соединения. Галан с небольшой группой верных друзей ушел из Моготеса. Во время перестрелки близ Онсаги он был ранен и взят в плен. Этой операцией руководил его бывший «товарищ по оружию» Сальвадор де Плата. Закованного в цепи Галана отправили в Боготу и судили по обвинению в богохульстве и предательстве. А «миротворец» — архиепископ Кабальеро-и-Гонгора — еще присовокупил, что Галана надо судить и за «темное происхождение»³². Приговор по делу Галана гласил: преступника волоком протащить от тюрьмы до места казни, вздер-

путь на виселицу и, «дождавшись естественной смерти, отрубить голову, и четвертовать; голову выставить в Гуадуа, правую руку — в Сокорро, левую руку — в Сан Хиль, правую ногу — на родине Галана, в Чарала, а левую — в Моготесе, тело сжечь; имущество передать огню и засыпать солью, а последников предать анафеме». Боясь возмущения народа, приговор «упростили»: Галана расстреляли, а затем четвертовали. 2 февраля 1782 г. голова его была выставлена на обозрение в Факатативе.

Известный колумбийский историк, автор фундаментального многолетнего исследования «Великие социальные и экономические конфликты в нашей истории» Индалеспо Льевано Агирре пишет о Галане так: «Освободитель рабов, друг индейцев и защитник безземельных крестьян, Галан для креольской олигархии был «вором», «подлым и злым плебеем», «ужаснейшими» преступлениями запятнавшим благородное движение, которое, по мнению креольской верхушки, должно было решать вопросы о «свободах» лишь для знатных сеньоров вице-королевства...»³³.

В начале августа в Боготу прибыл из Картахены королевский батальон — 500 вооруженных до зубов солдат. Репрессии усилились. При этом креольская олигархия и ее представители, участвовавшие в восстании комунерос, получили индульгенцию: их не тронули.

В течение августа-сентября 1781 г. то там, то тут еще вспыхивали искры мятежа. Например, когда в провинции Антиокии власти повысили налог на агуарденте и табак, запретили выращивание табака и начали сжигать табачные плантации, в деревнях начались волнения. Поначалу губернатор провинции стянул войска, но из опасения, что волнение охватит и другие районы, решил переждать. Восстание продолжалось четыре дня (21—24 сентября). Нечто подобное произошло и в городах Пасто и Памплоне³⁴.

Вице-король Флорес умер. Его место в июне 1782 г. занял архиепископ Кабальеро-и-Гонгора*.

Среди историков и государственных деятелей Колумбии до сих пор идут споры о целях движения комунерос. Большинство считают, что коммуна добивалась только отмены налогов и что отделение Колумбии от Испании ее ни в коей мере не интересовало. Такой точки зрения придерживаются известные ученые Рестрепо, Хосе Антонио Льоса, Гроот, Хенао-и-Аррубла, Раймундо Ривас и др. Следует, однако, иметь в виду, что эти ученые либо не знали о существовании многих документов, раскрывающих подлинный характер восстания комунерос, либо сознательно их замалчивали. Гроот, например, договорился до того, что заклеил комунерос как «вандалов», «варваров».

Напротив, ученые, более тщательно изучавшие документы, склонны считать, что комунерос добивались и личной свободы, и отделения Колумбии от Испании. К этой группе ученых относятся:

* Кабальеро-и-Гонгора оставался вице-королем Колумбии до сентября 1787 г.

Болеслао Льюин, Манчини, Хосе Фульхенсио Гутьеррес, Мануэль Брисеньо, Херман Арсиньегас, Мануэль Ансисар, Хосе Мария Кихано Отеро, Педро Мария Ибаньес, Лоренсо Мария Льерас, Мутис Дуран, Хуан де Дьос Ариас, Эдуардо Посада и Пабло Карденас Акоста.

Доктор Эдуардо Посада пишет: «Первые историки, писавшие о комунерос, считали, что революция не добивалась независимости страны. Однако найденные позднее документы дают основания думать, что движение комунерос преследовало именно такую цель — добивалось отделения Новой Гранады от Испании»³⁵.

Таким образом, точек зрения на этот вопрос много и подчас диаметрально противоположных. Некоторые ученые снова и снова возвращались к рассмотрению и оценке движения комунерос. Известный колумбийский ученый Луис Эдуардо Ньето Артета заявляет: «Я считаю, что подлинный смысл восстания Галана состоит в том, что оно носило политический, антиколониальный характер»³⁶.

Анализ многочисленных исследований, а также изучение документов и архивов Национальной библиотеки Колумбии дают все основания считать, что движение комунерос было по существу движением за независимость, за отделение от Испании. Прежде всего следует иметь в виду, что восстание комунерос в Колумбии не было изолированным явлением в Испанской Америке второй половины XVIII в. Так, восстание против испанских колонизаторов вспыхнуло в 1780 г. в соседнем с Колумбией вице-королевстве Перу. Индейский вождь Хосе Габриэль Кондорканки, считавшийся потомком последнего правителя инков и принявший имя Великого Тупак Амару, объявил о восстановлении инкского государства, призвал покончить с колонизаторами, собрал 60-тысячную повстанческую армию и двинулся на столицу вице-королевства Лиму. В апреле 1781 г. испанские войска разгромили перуанских повстанцев, но революционный взрыв в Перу не мог не повлиять на настроения в соседней стране, тоже стонавшей под игом колонизаторов. Вряд ли является простым совпадением тот факт, что восстание в Колумбии вспыхнуло вскоре после перуанского — в марте 1781 г.

Характер движения комунерос неоспоримо свидетельствует о том, что главной целью восстания было завоевание независимости. Началось оно с требования отменить ненавистные налоги, но вскоре — и по своим масштабам, и по содержанию — переросло в движение за отделение от Испании. Некоторые ученые для доказательства своего тезиса о том, что повстанцы якобы не помышляли об отделении Колумбии от Испании, ссылались на отсутствие у них призыва к свержению испанского короля. Но такой довод — чисто формальный: в конце концов, народу было важно, чтобы испанский король перестал выжимать соки из страны, а что с королем будет там, за морем, в Испании, было для них вопросом второстепенным. И сам текст требований комунерос убеждает в стремлении их к независимости.

О многом говорит и тот факт, что испанские власти были вынуждены начать переговоры с повстанцами, т. е. фактически признать их суверенной стороной. Можно с уверенностью утверждать, что если бы в те дни повстанцы заняли столицу вице-королевства Боготу, если бы креольская знать и торговая буржуазия не предали интересы народа, Колумбия завоевала бы независимость на тридцать лет раньше. Руководители восстания сумели повернуть события по-своему. И хотя среди одобренных условий капитуляции фигурировал ряд пунктов, которые шли на благо всей страны, позиция Бербео и его помощников была предательской, намного сузила те возможности, которыми фактически располагал восставший народ.

Оценивая восстание комунерос в целом, следует особо подчеркнуть его огромное значение, по существу предопределившее завоевание независимости Колумбией в 1810 г. Это было самое крупное восстание в Колумбии в течение всего трехсотлетнего господства испанских завоевателей в Новой Гранаде. Оно имело большое революционизирующее значение для всего континента, народы которого поднимались на борьбу против испанского владычества.

Кстати, не надо забывать о том, что многие участники восстания комунерос, спасаясь от преследования властей, укрылись в северных льянос — труднодоступных районах страны, что именно эти люди и их дети образовали то ядро, которое в первой четверти XIX в. сыграло роль революционного фермента.

В заключение следует подчеркнуть роль простых женщин Колумбии в восстании комунерос. Вспомним, что именно страстный порыв Мануэлы Бельтран, сорвавшей 16 марта 1781 г. со здания муниципалитета указ о новых налогах, послужил сигналом к восстанию. В Онде, Нейве и в других местах женщины возглавляли местные коммуны. Многие сделали женщины Колумбии и для снабжения продовольствием повстанческой армии во время ее передвижения от Сокорро в Сипакиру.

Борьба за независимость (1810—1819)

Экономическая система, навязанная Испанией своим колониям в Америке, запрет свободной внешней торговли, введение энкомьенды и ресгуардос препятствовали развитию их экономики. Испания предпочитала превратить колонии в рынок для своих товаров. Однако созданные Испанией экономические институты в колониях исключали возможность развития последних даже как потребителей товаров метрополии. К тому же сама Испания в это время переживала глубокий экономический кризис.

Камачьо Рольдан писал: «Колониальный режим означал бесправие, ограничение всех свобод, сдерживание благородных стремлений к независимости, развитию экономики. Он парализовал всякую инициативу»¹.

Официальные документы, рапорты вице-королей, исследования ученых — все сходятся на том, что испанская налоговая система в колониях тормозила развитие торговли, что особенно тяжело отражалось на городах-портах Карибского побережья, а изъятие колумбийского золота и платины препятствовало развитию сельского хозяйства и промышленности.

Кризис колониальной системы

Страстный борец за независимость своей родины Антонио Нариньо, хорошо изучил экономическое положение страны. «Торговля зачахла, — писал Нариньо, — казна пуста и не соответствует ни количеству населения, ни богатствам Колумбии. Колумбийцы — самые бедные жители Америки. Средняя колумбийская семья бедствует, ютится в жалкой хижине, живет без денег, одета в лохмотья... А вокруг богатства: бескрайние поля хлопка, коричные деревья, плантации какао, золото, изумруды»². Нариньо представил вице-королю Новой Гранады проект преобразований, включавший ликвидацию экономической системы, навязанной Испанией, резкое сокращение налогов и т. д. Вице-король, ознакомившись с документом, приказал арестовать автора.

Широко образованный человек, Нариньо превратил свой дом в Боготе в библиотеку редких и «вольнодумных» книг. Руссо, Воль-

Камило Торрес

Антонио Нариньо

тер, Монтескье, Рейналь были его учителями. В Доме Нариньо собиралась прогрессивная молодежь, обсуждались животрепещущие вопросы, создавались планы приобщения народа к культуре. Нариньо приобрел небольшую типографию. В 1794 г. он перевел на испанский язык и напечатал «Декларацию прав человека и гражданина», за что был арестован и предан суду, а в 1796 г. выслан в Испанию. Оттуда ему удалось бежать во Францию, а затем в Англию, где он безуспешно пытался добиться поддержки делу освобождения своей родины.

В 1801 г. в Боготе было образовано Патриотическое общество, вокруг которого, как и вокруг Ботанической экспедиции Мутиса, сгруппировалась просвещенная часть колумбийского общества того времени.

Выдающийся колумбийский ученый Франсиско Хосе де Кальдас 3 января 1808 г. основал еженедельник «Семанарио дель Нуэво Рейно де Гранада», в котором публиковались серьезные исследования по экономике и географии страны. Именно в этом еженедельнике были напечатаны статьи Гумбольдта о географии растений и многие работы ученых Колумбии того времени. Журнал этот стал продолжателем традиций Ботанической экспедиции.

В 1810 г. начала выходить газета «Диарио политико де Санта Фе де Богота», издававшаяся Хоакином Камачьо и де Кальдасом*.

* Всего вышло 46 номеров, затем газета была закрыта.

Франсиско де Паула Сантандер

прогресс в Колумбии может
развития торговли и развития сельского хозяйства, а не только горнодобывающего производства.

Идеи Антонио Нариньо, Франсиско Хосе де Кальдаса, Камилло Торреса и других ученых воплощали в себе стремление широких слоев колумбийского общества к освобождению от колониального ига, к независимости. За свое трехсотлетнее существование колумбийское колониальное общество претерпело глубокие изменения. Произошло не только этническое смешение белых, индейцев и негров, но создалась определенная общность метисного, креольского, негритянского и некоторой части индейского населения. Создались предпосылки для формирования колумбийской нации. Подавляющая часть населения вице-королевства говорила на одном языке — испанском, исповедовала одну религию — католическую. Преодолевая многие трудности и противоречия, в Новой Гранаде все же образовался внутренний рынок, развивались экономические связи. На пути национальной консолидации, превращения этнически разношерстного конгломерата в колумбийскую нацию стояла Испания, тормозившая этот процесс.

В конце XVIII — начале XIX в. в Колумбии наблюдается известный рост промышленности и оживление торговли, постепенно складываются капиталистические отношения. Укреплению их мешал колониальный режим: Колумбия имела право торговать только с

В Колумбии тех лет выходила также «странствующая» газета «Аргос Американос»: в 1810—1812 гг. она издавалась в Картахене, в 1813—1815 гг. — в Тунхе, в 1815—1816 гг. — в Боготе.

Выдающийся юрист и блестящий оратор, человек разносторонних способностей, Камилло Торрес (1766—1816) представил 20 ноября 1809 г. от имени кабильдо Боготы вице-королю «Жалобный лист»*, в котором настоятельно требовал отмены рабства. «Закон, — писал Камилло Торрес, — есть выражение воли народа; необходимо, чтобы и наш закон был таковым»³. Для этого, по мнению Торреса, нужен парламент. В «Жалобном листе» излагалась и экономическая концепция автора, считавшего, что

быть достигнут путем расширения хозяйства, а не только горнодобывающего производства.

* «Memorial de Agravios».

Испанией; многочисленные палогы по-прежнему тяжелым бременем ложились на плечи колумбийцев; остальные феодальные отношения тормозили развитие производительных сил.

Колониальным режимом были недовольны все слои общества. Больше всех страдали от колониального ига индейцы; совершенно бесправные, они подвергались бесчеловечной эксплуатации. Роптали ремесленники, городская беднота, креолы — мелкие и средние землевладельцы, владельцы рудников и промышленных предприятий, купцы. Все они в той или иной степени подвергались политической дискриминации и экономико-социальным притеснениям.

Таковы были внутренние факторы, определявшие назревание народного взрыва. Но существовали и внешние причины, ускорявшие рост революционных настроений в Колумбии; завоевание независимости английскими колониями в Северной Америке и образование Соединенных Штатов, Великая французская буржуазная революция, революция негров-рабов в Сан-Доминго в 1791—1804 гг. Велико было революционизирующее влияние на колумбийское общество просветительных идей Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя*.

В начале XIX в. внутривнутриполитическое положение Колумбии обострилось и прежде всего благодаря тому, что Испания, которая в тот период вела разорительные войны с Францией (1793—1795) и Англией (1796—1801, 1804—1808), еще активнее, чем всегда, выкачивала из своих колоний материальные ценности, что привело к дальнейшему усилению антииспанских, антимонархистских настроений.

Толчком для освободительного движения в Колумбии и во всей Испанской Америке послужили события 1808 г. в самой Испании: вторжение французской армии в Испанию привело к отречению вначале Карлоса IV, а затем Фердинанда VII; королем Испании стал брат Наполеона Жозеф Бонапарт. Испанский народ поднялся против чужеземных захватчиков; 25 сентября 1808 г. была образована Центральная хунта, 22 января 1809 г. объявившая, что американские владения Испании отныне являются «составной частью испанской монархии» и что, стало быть, жители бывших колоний должны пользоваться теми же правами, что и испанцы. В августе 1809 г. произошло вооруженное восстание в городе Кито**; был арестован губернатор и создана хунта из представителей креольской знати. Однако испанские войска, прибывшие из Боготы и Лимы, расправились с повстанцами и восстановили прежние порядки.

19 апреля 1810 г. в результате народного восстания, вспыхнувшего в г. Каракасе, власть Испании в Венесуэле была свергнута.

* Подробно об освободительной войне испанских колоний см.: М. С. Альперович, Л. Ю. Слезкин. Образование независимых государств в Латинской Америке. М., 1966.

** Нынешняя столица Эквадора — Кито в описываемый период входила в состав вице-королевства Новая Гранада.

нута и к руководству страной пришла Верховная правительственная хунта. Она призвала все испанские колонии сбросить власть колонизаторов и попыталась заручиться поддержкой иностранных держав.

Одновременно с событиями в Венесуэле начались революционные волнения в Колумбии. У идейных руководителей готовившегося восстания были серьезные разногласия. Антонио Нариньо, незадолго до этого возвратившийся на родину, мечтал о народовластии, о повторении опыта комуверос. Но в ноябре 1809 г. Нариньо был арестован и левое крыло освободительного движения было обезглавлено.

Представитель креольской олигархии Камилло Торрес в письме от 29 мая 1810 г. высказал совсем иное мнение: власть должна перейти в руки кабильдо и допустить народ к участию в избрании временных органов управления «неблагоразумно». Городские советы (кабильдо) пользовались в Колумбии значительным влиянием; они занимались по существу всеми делами данного района. Возглавляли их обычно два алькальда, выполнявших наряду с административными также судебные функции.

Система местного управления, некогда учрежденная испанской короной в виде уступки требованиям жителей колоний, явилась формой политической организации креольской знати. По природе своей кабильдо были антидемократическими учреждениями, так как исключали представительство большинства городского населения: правом избирать и быть избранными пользовались лишь крупные собственники. Со временем должность члена кабильдо стала предметом открытой купли-продажи, а наиболее важные посты попросту перешли в собственность богатых семейств, передаваемую по наследству. В конце XVIII в. кабильдо превратились в центры, вокруг которых группировалась креольская оппозиция королевской власти и колониальной бюрократии.

20 июля 1810 г.

По поводу войны за независимость в Колумбии существует несколько мнений. Рассмотрим некоторые из них. Один из самых авторитетных колумбийских историков прошлого века Хосе Мануэль Рестрепо считал, что главными причинами войны за независимость, или, как ее называют все колумбийские и латиноамериканские историки, «революции», были: искусственное притормаживание Испанией развития тех отраслей колониальной промышленности, которые были потенциальными конкурентами аналогичных отраслей в метрополии; торговая монополия Испании в колониях; влияние победы движения за независимость и образование США; недопущение креолов на ответственные посты; разгул инквизиции; запрещение изучать в учебных заведениях новейшую философию, математику и некоторые политические науки ⁴.

Историк Мигель Антонио Каро утверждает, что борьба за независимость ставила своей целью превращение колоний в полноправные провинции испанской монархии. «Движение 1810 г. было великим и разносторонним, но оно было конституционным и монархическим, а не движением за республику и за независимость»⁵.

По мнению современного колумбийского историка и юриста Тулио Энрике Таскона, на колумбийские события 1810 г. решающее влияние оказали борьба за независимость в США, движение комунерос в Сокорро, Французская революция, вторжение на Иберийский полуостров армий Наполеона и отречение Карлоса IV и Фердинанда VII и, наконец, восстание испанского народа против Бонапарта⁶.

Колумбийский историк Томас Руэда Варгас, напротив, отрицает влияние Французской революции на войну за независимость в Новой Гранаде, а историков, утверждающих это, обвиняет в «произвольном обращении с историей»⁷.

Другой колумбийский ученый Хуан Фриде, автор многих весьма интересных и хорошо документированных исследований, считает, что война за независимость была predeterminedена самим завоеванием континента испанскими колонизаторами и свободолюбием латиноамериканцев⁸.

Нам представляется, что ближе всех подходит к ответу на вопрос о причинах войны за независимость колумбийский историк Абдель Крус Сантос. Он пишет: «Революционное движение, окончательно оформившееся в Испанской Америке к 1810 г., несомненно, назревало задолго до этого. Вспышки недовольства и мятежи имели место в эпоху завоевания и тем более в колониальный период, когда завоеватели сгоняли аборигенов с земли, истребляли их, душили зарождавшуюся промышленность, не выпускали из рук монополию торговли, взимали непомерные налоги, дискриминировали креолов. Не сбрасывая со счетов и другие политические факторы, выявившиеся в последний момент и приблизившие революцию, мы склоняемся к мысли, что самым решающим в освободительной борьбе был экономический фактор»⁹.

«Независимость испанских колоний в Америке,— пишет известный колумбийский государственный деятель и писатель Херман Арсиньегас, — отнюдь не была продиктована военными соображениями. Да ее и нельзя добиться военным путем. Началась она бог знает когда, а борьба за ее идеалы еще продолжается. Следовательно, война — лишь часть освободительного процесса»¹⁰.

В июне — июле 1810 г. в астрономической обсерватории Боготы, которую возглавлял уже известный читателю Франсиско Хосе Кальдас, собирались креольские заговорщики. Камнем преткновения в их спорах был вопрос об участии народа в захвате власти. Верх взяли те, кто, памятуя об опыте комунерос, боялся революционной энергии масс. Было решено совершить переворот, создать правительство под председательством вице-короля и лишь после этого призвать народ. Так и было сделано 20 июля, в базарный день, на главной

В этом доме 20 июля 1810 г. была провозглашена независимость Колумбии.
Сегодня здесь Национальный музей

площади столицы. В ту пору столица вице-королевства Санта Фе де Богота была совсем маленьким городишком, насчитывавшим 20 тыс. жителей, из которых белых было меньше половины; кроме того, в городе находилось 500 монахов и монахинь и 800 рабов.

20 июля 1810 г. в 10 часов утра кабильдо Боготы собрался на заседание. В книгу «Актов кабильдо» (начатую 4 января 1810 г. и законченную 11 декабря 1811 г.) был внесен «Акт независимости», написанный Хосе Асеведо с участием Камилло Торреса. Подписали его вначале 38 членов кабильдо, а на следующий день — еще 15 служащих, всего — 53 человека. Так была провозглашена независимость Новой Гранады*. Депутация кабильдо отправилась к вице-королю для переговоров, но тот отказался их принять. Тогда группа заговорщиков, как было условлено заранее, с криками: «Американцев оскорбляют! Даешь хунту! Да здравствует кабильдо! Долой правительство! Смерть бонапартистам!» — выбежала на базарную площадь¹¹. Народ ждал призыва к восстанию и тотчас подхватил его. Толпа недовольных, возмущенных граждан направилась к домам правителей. В три часа дня напряжение достигло апогея, и креолы-богачи предпочли укрыться в своих домах. К вечеру на-

* Книга «Актов кабильдо» представляла собой толстую тетрадь в переплете из красного бархата. Во время пожара 1900 г. она частично обгорела. Позднее стала называться «Книгой Родины».

кал несколько ослабел: большинство участников демонстраций были индейцы, прибывшие на базар из близлежащих деревень, с наступлением темноты они собирались разойтись по домам. Тогда один из руководителей креольской олигархии Хосе Асеведо отправился в муниципальный совет и в присутствии нескольких его членов произнес с балкона небольшую речь, а также зачитал заранее заготовленный список членов правительственной хунты. В ее составе, как и следовало ожидать, оказались в основном представители креольской знати. Хунту фактически никто не избрал и не поддержал: перед зданием муниципалитета в этот момент находилась небольшая горстка людей.

Тогда в события активно включился 25-летний Хосе Мария Карбонель, участник Ботанической экспедиции Мутиса, человек, которому была дорога судьба народа. Собрав группу друзей и студентов, он направил их в обход по домам бедняков, чтобы все, стари и млад, пришли на открытое заседание кабильдо. Трудовая столица уже засыпала, но тотчас вяла призыву: вооруженные люди с окраин, из пригородов спешили с факелами к зданию муниципального совета. Теперь события приняли совсем другой оборот. Народ требовал «кабильдо абьерто», т. е. чтобы заседание муниципального совета происходило при открытых дверях. Карбонель и его товарищи бросились в церковь и ударили в колокол. На городской площади собралось 9 тыс. человек — почти половина населения столицы.

Вице-король не разрешил открытого заседания кабильдо, а дал провести лишь закрытое, с участием членов кабильдо прежнего состава. Расчет вице-короля был прост: лучше иметь дело с недовольной креольской знатью, чем с восставшим народом. Однако народные волнения не утихали, и вице-король, чтобы удержаться у власти, передал армию в распоряжение кабильдо. Кабильдо сформировал Верховную хунту Новой Гранады, назначив ее президентом... вице-короля! В состав хунты вошел известный адвокат Камилло Торрес. Карбонель был возмущен тем, что в Верховную хунту не вошел ни один представитель низов, что представители креольской олигархии свели события 20 июля к сговору с вице-королем.

21 июля члены Верховной хунты отправились во дворец вице-короля, где был устроен пышный прием, а Карбонель с товарищами снова обошел народные кварталы Боготы и организовал мощную демонстрацию. Народ потребовал немедленного смещения вице-короля и всей испанской администрации. В полдень центральная площадь столицы бурлила. Толпа разгромила дома высших испанских чиновников, освободила из тюрьмы многих заключенных. Комментируя события 21 июля, газета правительственной хунты «Диарио политико» писала: «Теперь это было уже не стадо покорных овец, несчастных, способных лишь покоряться и страдать. Теперь люди уже не просили, а требовали выполнения своей воли»¹².

22 июля Карбонель созвал представителей местной бедноты и образовал народную хунту. Он требовал создания народной нацио-

бальной хунты, «народного суверенитета». Назревала схватка креольской знати с народом. Народная хунта Карбонеля держала народ в состоянии мобилизации и продолжала требовать смещения вице-короля. Креольская верхушка ратовала за создание милиции из своих людей.

Утром 23 июля Верховная хунта устроила торжественную церемонию с участием вице-короля и обнародовала свой первый указ, подтвердивший верность королю Испании и католической церкви, призвавший «установить твердый порядок», создать полк «волонтеров национальной гвардии» и силами крупнопоместной знати — четыре кавалерийских эскадрона. 25 июля вновь созданные вооруженные части уже оккупировали столицу. Но народ под руководством Карбонеля и его сторонников снова вышел на улицы и все-таки заставил Верховную хунту прогнать вице-короля. Хунта, боясь революционного порыва масс, выполнила волю народа: вице-короля посадили под домашний арест. К сожалению, опьяненный этой победой народ и его руководители ослабили бдительность, и Верховная хунта, пустив в ход все имевшиеся в распоряжении боевые и мирные средства, в том числе красноречие священников, вновь стала хозяйкой положения в столице. Она обладела до того, что 6 августа устроила военный парад, чтобы отметить... годовщину завоевания Новой Гранады испанцами! Народные силы снова пришли в движение. Карбонель и его друзья создали в каждом народном квартале хунту и при ней — вооруженный отряд. 10 и 11 августа народ потребовал перевести вице-короля в тюрьму. Верховная хунта не торопилась выполнить требование народа. 13 августа народ снова вышел на центральную площадь Боготы. Тогда Верховная хунта капитулировала: вице-король с супругой были заключены в тюрьму. Но 14 августа на центральную площадь пришли со своими сторонниками боготинские креолы-аристократы; они потребовали освобождения вице-короля. Верховная хунта покорно водворила во дворец вице-короля. Тогда Карбонель назначил на 16 августа всенародную манифестацию; Верховная хунта, в очередной раз испугавшись народного гнева, 15 августа тайно выпроводила вице-короля из столицы.

Проводя политику компромиссов, не гнушаясь обмана, Верховная хунта сумела усыпить бдительность народа. Вскоре Хосе Мария Карбонель был заключен в тюрьму. Буржуазная историография усиленно пытается приуменьшить роль Карбонеля, очернить его. Неудивительно поэтому, что Карбонель, один из подлинных героев колумбийской нации, незаслуженно забыт. Сегодня лишь скромный бюст героя на одной из площадей Боготы напоминает современникам об этом славном сыне колумбийского народа.

Антонио Нариньо разделил его участь. В июльские дни 1810 г. он томился в тюрьме инквизиторов Картахены. Он долго и мучительно ждал, что Верховная хунта Боготы вспомнит о нем, хотя понимал: никакой заговор нотаблей, никакая замена испанского господства господством высокомерной креольской касты не в состоя-

нии дать жизнь новой нации. Нариньо хорошо знал членов Верховной хунты, с некоторыми из них он был даже в родстве. Но ему не могли простить распространения «Декларации прав человека и гражданина», не могли простить «классовой измены». Нотабли боялись, что появление в столице такого человека, как Нариньо, укрепит силы народной оппозиции.

Ликвидация ресгуардос

24 сентября 1810 г. был опубликован декрет, ликвидировавший особый юридический статус индейцев. Но цветистые декларации о «свободе» индейцев, об отмене налогов и т. д. таили в себе весьма реакционный смысл. Рассмотрим некоторые статьи декрета. Статья первая гласила: «С сегодняшнего дня отменяется ненавистная подать (tributo) и на индейцев распространяются все привилегии, прерогативы и освобождение от повинностей (exenciones), которыми пользуются прочие граждане...»¹³. Большинство историков, комментируя отмену хунтой подати с индейцев, расценивают это как «благородный шаг». Эти исследователи или не дают себе труда дочитать и продумать статью до конца, или их перо с самого начала запродало власть имущим — прямым наследникам Верховной хунты.

В свое время испанская корона установила подать с индейцев как единственный вид налога. Уплатой подати исчерпывались обязанности индейцев перед королевской казной в отличие от других граждан вице-королевства, плативших много налогов. «Отныне, — гласит вторая часть первой статьи, — индейцы подлежат налогообложению, которому подвергаются для нужд государства все граждане»¹⁴. Таким образом, декрет Верховной хунты вовсе не облегчил участь индейцев. Индейцы сразу поняли, что в результате их «уравнивания» в правах с остальными колумбийцами они стали платить казне гораздо больше налогов. Это было одной из причин, почему креольской олигархии не удалось привлечь на свою сторону индейцев в первый период войны за независимость (1810—1816 гг.). Попутно заметим, что отношение индейцев к войне за независимость резко изменилось лишь тогда, когда ее возглавил Симон Боливар, превративший ее в подлинную борьбу народа против испанского ига.

Но вернемся к декрету от 24 сентября 1810 г. Статья 2 декрета ликвидировала индейские ресгуардос — систему индейского коллективного землепользования. «Для индейца, — пишет известный современный ученый Колумбии Индалесио Льевано Агирре, — ресгуардос — это не только институт, отвечающий традиционной форме его существования и развития; самое страшное для индейца — оказаться с наделом, размеры и качество которого таковы, что не могут обеспечить его жизненные потребности»¹⁵.

Креольская олигархия ненавидела систему ресгуардос, так как

она лишала ее рабочей силы: индейцы соглашались работать на полях помещиков лишь в том случае, если он прилично оплачивал их труд. После отмены энкомьенды и введения ресгуардос индейские общины были обязаны выделять лишь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть своего состава для работы у помещиков. Помещикам не хватало рабочих рук, и с конца XVIII в. они добивались ликвидации ресгуардос, причем право на установление цен на труд индейцев оставили за собой. В начале XIX в. индейцам платили ту же ничтожную сумму, что и в середине XVIII в. Даже вице-король Мендинуэта в отчете за 1803 г., в связи с жалобами помещиков на «нерадивость» индейцев, отмечал, что он «не слышал, чтобы кто-нибудь предлагал повесить индейцам плату за их труд»¹⁶. Вице-король предвидел, что неоны потребуют, чтобы помещики отказались от части доходов в их пользу.

Итак, Верховная хунта, защищая интересы креолов-помещиков, лишала индейцев земли: вместо обширных ресгуардос индейцам оставили жалкие наделы — 0,25—0,5 га на семью, а лучшие индейские земли перешли к помещикам. Новый порядок вынуждал индейцев искать работу на стороне, оставленные им жалкие клочки земли не могли обеспечить существования индейской семьи. В период посева приходилось прибегать к услугам ростовщиков: брать займы и закладывать землю. Вскоре за долги индейцев стали сгонять и с их жалких участков.

Таким образом, декрет Верховной хунты, принятый 24 сентября 1810 г., нанес индейцам Колумбии тяжелый урон. Некоторые колумбийские ученые (в частности, Агирре, Триана) считают, что он попросту ускорил ликвидацию индейской расы.

Это был не единственный акт, ущемлявший права широких народных масс. Так, декретом от 26 декабря 1810 г. хунта запретила участвовать в выборах женщинам, иждивенцам и лицам, не имевшим собственных домов. Кроме того, был введен новый возрастной ценз: избирательное право предоставлялось лишь мужчинам не моложе 25 лет¹⁷.

Федералисты против централистов

Хунты креольских нотаблей пришли к власти в большинстве провинций вице-королевства Новой Гранады. Когда очередь дошла до Картахены, получил, наконец, свободу и Антонио Нариньо. Вскоре его направили в качестве представителя этой провинции в Боготу. Роялисты пока удерживали свои позиции на юго-западе Колумбии, в долине Кауки (в Попайяне и других городах и провинциях).

Верховная хунта Боготы добивалась объединения всех 22 провинций бывшего вице-королевства; местные хунты требовали автономии и создания федерации. С первых же дней самостоятельного существования Новой Гранады проявился один из существенных не-

достатков освободительного движения (не преодоленный в Колумбии ни на протяжении XIX в., ни сегодня): мы имеем в виду отсутствие единства патриотических сил различных районов страны, местничество, борьбу между централистами и федералистами.

Верховная хунта, добивавшаяся объединения нового государства, созвала в Боготе 22 декабря 1810 г. первый конгресс Новой Гранады. В конгрессе были представлены не все провинции; с первых же дней работы наметился сложный узел противоречий. Несмотря на упорное нежелание хунты, особенно Камилло Торреса, чтобы Антонио Нариньо принял участие в конгрессе и тем более играл ведущую роль, тот был избран генеральным секретарем конгресса. Влияние Нариньо усиливалось с каждым днем, обстановка на конгрессе накалялась. Некоторые города Новой Гранады выделились из провинций и потребовали независимости; в этой связи на конгрессе развернулась борьба по поводу законности некоторых мандатов. В разгар дебагов Камилло Торрес театрально покинул конгресс. Острая дискуссия разгорелась по вопросу о форме федерации. Верховная хунта, чтобы запугать несговорчивых, устроила 28 января 1811 г. парад войск, затем ввела жесткую цензуру, подвергла своих противников репрессиям. 13 февраля непокорный конгресс был распущен. В марте Верховной хунте удалось созвать новую конституционную ассамблею, но в ней приняли участие представители только одной провинции — Кундинамарки. 30 марта 1811 г. ассамблея приняла конституцию «государства Кундинамарки».

Боязнь радикальных преобразований, как всегда, толкала креольскую верхушку на полумеры. Верховная хунта решила, что на данном этапе окончательно порывать с испанской монархией не следует, поэтому она формально объявила о присоединении «государства Кундинамарки к Испании, себя явочным порядком превратила в правительство, а во главе страны поставила президента Лосано — человека весьма консервативных взглядов.

Каждому патриоту было ясно, что необходимо вырвать власть из рук реакционной креольской олигархии.

Антонио Нариньо, Хосе Мария Карбонель, Мануэль Гарсия, Педро Гроот и другие патриоты возглавили эту борьбу. Нариньо создал первую боевую газету Колумбии «Ла Багатела», начавшую выходить с 14 июля 1811 г. Нариньо сам ее редактировал и делал это с блеском. Боготинцы всегда ценили острое слово; памфлеты, фельетоны, статьи Нариньо разили политических противников; газета спланивала народ. Нариньо, Карбонель и их соратники вели упорную, повседневную агитацию среди населения. Им удалось добиться от офицеров гарнизона согласия в случае народного восстания не поддерживать Верховную хунту, занять нейтральную позицию. С 17 сентября 1811 г. в Боготе начались народные митинги, выступления против правительства. На 19 сентября была намечена всеобщая народная антиправительственная демонстрация. Ранним утром была повсюду расклеена «Ла Багатела» со статьей «Самые важные новости»¹⁸, написанной Нариньо. Статья призывала народ

взять власть в свои руки. Жители бедных кварталов Боготы создавали народные дружины. В 11 часов дня центральная площадь была запружена народом, потребовавшим отставки правительства. Министры пытались укрыться в казармах, но армия отказала им в поддержке: солдаты называли их предателями, продавшимися испанскому королю. Народ был готов приступить взять дворец правительства, бывшую резиденцию вице-королей.

Чтобы избежать кровопролития, Нариньо предложил срочно созвать конституционную ассамблею и обсудить положение. Правительство вынуждено было согласиться с этим требованием и тут же созвало сессию ассамблеи, в которой заседали все те же представители креольской знати. Когда представители народа Карбонель и Гроот попытались проникнуть в зал заседания, чтобы изложить требования народа, их не пустили. Это было последней каплей, переполнившей чашу народного терпения: боготинцы, терпеливо ожидавшие решения сессии, взломали двери, ворвались во дворец и потребовали немедленной отставки президента Лосано. Ассамблее не оставалось иного выхода, как удовлетворить требование народа. Она попыталась заменить Лосано своим человеком, Хосе Марией Домингесом, но требование народа было единодушным: «Нариньо — в президенты!» Перепуганные члены ассамблеи проголосовали за Нариньо, и вскоре он в сопровождении Карбонеля и других верных соратников появился на площади. История Колумбии не знает такой бурной оvationи, какой народ встретил ветерана освободительного движения. Совсем по-другому встретили Нариньо во дворце правительства: враги притихли, притаились, выжидали. Нариньо заявил, что примет пост президента только в том случае, если немедленно будет отменена конституция «государства Кундинамарки». Ассамблея решительно воспротивилась: это означало выпустить из рук бразды правления. Тогда снова распахнулись тяжелые дворцовые двери: под грозными взглядами восставших у членов ассамблеи не хватило духу настаивать на своем решении, пришлось удовлетворить требование Нариньо. Сопровождаемый ликующими толпами народа Нариньо из дворца отправился в казармы, где тоже был встречен оvationей. Правда, часть офицеров отказалась поддержать Нариньо. Остальные офицеры и почти все солдаты принесли присягу на верность новому президенту. Придя к власти, Нариньо первым делом поставил вопрос о немедленном разрыве с Испанией, что вызвало яростное сопротивление его противников во главе с Камилло Торресом. Нариньо выступил также против верного слуги Испании архиепископа Боготы Хуана Баутисты, потребовал, чтобы церковь платила государству налоги. Князья церкви тут же перешли на сторону богатых креолов. Нападки на Нариньо в печати становились все откровеннее, все враждебнее. Креольские нотабли открыто готовились свергнуть Нариньо. Камилло Торрес вкупе с креольскими представителями провинций Антиокии, Картахены, Нейвы, Памплоны и Тунхи созвал Верховный конгресс и потребовал, чтобы Нариньо признал его законным. Народ со свойственным ему

юмором прозвал это собрание «диваном», намекая на то, что всех его участников можно было усадить на один диван.

27 ноября 1811 г. по инициативе Камилло Торреса был подписан «Акт федерации» соединенных провинций Новой Гранады — независимых, самоуправляющихся провинций (Антиокии, Картахены, Нейвы, Памплоны и Тунхи), призванный увековечить власть олигархических каст. Согласно «Акту федерации», государственными границами признавались те, что существовали до 20 июля 1810 г., т. е. во времена вице-королевства. Главным органом федерации становился конгресс, решения которого должны были приниматься двумя третями присутствующих депутатов. «Федеральный акт явился по существу конституцией, которая превратила немногочисленный «диван» в Верховный конгресс, наделенный функциями исполнительной, законодательной и судебной власти. Контроль за национальными доходами, вопросы войны и мира, определение границ государства и внешние сношения Верховный конгресс также оставил за собой. Конфликт между конгрессом и Нариньо был неизбежен.

Тем временем прежняя административная структура рушилась: многие города и районы тянулись к Боготе — революционному центру нового государства. Некоторые провинции, напротив, объявили себя суверенными государствами: так возникли «республика Тунхи», «государство Антиокии», «государство Картахены». Чтобы укрепить свои позиции и подорвать влияние Нариньо и Боготы как революционного центра, Камилло Торрес решил перенести местопребывание Верховного конгресса конфедерации в гор. Ибаге. Этим шагом он намеревался усилить свое влияние в западных провинциях, а со временем даже превратить Ибаге в столицу.

2 января 1812 г. Нариньо созвал конституционную ассамблею Кундинамарки для пересмотра конституции. Войдя в зал колледжа Сан Бартоломе, где происходило заседание, законодатели увидели под балдахином огромную картину: портрет молодой индеанки, сидящей на каймане, как символ американской свободы. Голова индеанки была украшена перьями, на спине ее висел колчан со стрелами, рядом лежал рог изобилия, из которого сыпались плоды колумбийской земли. Олицетворение колумбийской нации в фигуре индеанки, представительницы угнетенной расы, прозвучало как открытый вызов креольской знати. Нотабли так это и поняли. (Кстати сказать, Нариньо приказал и на новых деньгах чеканить изображение индеанки вместо королевского герба.)

Конфликт между Нариньо и Верховным конгрессом углублялся, происходила активная поляризация сил. Город Сокорро, являвшийся в 1781 г. центром восстания комунерос, превратился теперь в оплот реакции. Но победили старые славные традиции. Народ Сокорро восстал, сбросил правящую клику и присоединился к Нариньо. Это событие имело большой резонанс по всей стране. От провинции Тунха откололся ряд районов и тоже присоединился к Нариньо. Правитель Тунхи — Ниньо решил силой вернуть районы обратно и обратился за поддержкой к правительству Венесуэлы. Тог-

да Нариньо послал войска в помощь восставшим. (Попутно заметим, что в одной из частей находились два офицера, сыгравшие видную роль в истории Колумбии: Франсиско де Паула Сантандер и Франсиско Хосе де Кальдас). Камилло Торрес резко выступил против действий Нариньо, и по его призыву в Боготе начали создаваться вооруженные группы креольских аристократов. Церковь откровенно поддержала Камилло Торреса.

Острый социальный конфликт расколол Колумбию на два непримиримых лагеря. Против Нариньо была организована травля в печати, распространялись листовки, изображавшие его как тирана и диктатора, который якобы собирается провозгласить себя королем Новой Гранады или отдать страну испанцам*. Но лжи и клеветы им показалось мало: против Нариньо было предпринято несколько покушений**.

Когда попытки убить Нариньо провалились, нотабли начали плести заговор в войсках. Высшие офицеры были преимущественно выходцами из богатых креольских семей, и заговорщикам удалось склонить их к измене. Среди офицеров, изменивших Нариньо, были и двоюродный брат Камилло Торреса — Франсиско Хосе де Кальдас, а также Франсиско де Паула Сантандер, о которых мы уже упоминали.

В это время в соседней Венесуэле власть снова захватили испанские роялисты, они в любой момент могли вторгнуться в Новую Гранаду. Ввиду нависшей угрозы Нариньо пошел на уступки Верховному конгрессу — признал за ним верховную власть и в интересах единства готов был уйти в отставку. Однако народ этому воспротивился, и Нариньо остался у власти. Он обратился с воззванием, в котором призвал всех граждан в возрасте от 15 до 45 лет взяться за оружие. К середине июня в его распоряжении была целая добровольческая армия. 25 июня 1812 г. Нариньо двинул ее в северные провинции и вскоре захватил Тунху. Но, несмотря на победу, Нариньо вновь согласился на переговоры, пошел на уступки Верховному конгрессу: он слишком дорожил единством нации перед лицом внешнего врага. В это время в Боготе оппозиция набирала силу, и когда в начале августа Нариньо возвратился в сто-

* Для подтверждения последней провокационной версии враги использовали семейные неурядицы Нариньо. Дело в том, что сын Нариньо Грегорио Нариньо Ортега служил в войсках испанских роялистов, так как считал действия отца донкихотством. Враги не преминули воспользоваться личной трагедией Нариньо, обвиняли его в тайном сговоре с короной, в том, что он получает от испанцев через сына огромные деньги.

** Об одном из заговоров Нариньо узнал заранее. Ему стало известно, что его собираются убить один креольский аристократ, попросивший аудиенцию. Нариньо согласился принять убийцу. Когда они остались вдвоем, президент запер все двери своего кабинета, а ключ отдал посетителю. Тот с удивлением спросил, зачем он это делает. Нариньо, по словам историка Педро Марии Ибаньеса, ответил: «Я хочу облегчить беспрепятственное бегство человеку, который собирается меня убить»¹⁹. Тот был настолько потрясен, что отдал кинжал Нариньо.

лицу, он все же счел нужным ради блага нации подать в отставку, которая и была принята. Соратник Нариньо — Хосе Мария Карбонель, занимавший пост министра финансов, обратился за поддержкой к народу. И снова, в который уже раз, по требованию народа Нариньо занял пост президента. Но теперь он потребовал чрезвычайных полномочий. 12 сентября 1812 г. Нариньо опубликовал свой первый декрет в качестве диктатора: он призвал к оружию всех граждан от 15 до 60 лет, объявил Боготу на военном положении и приказал армии отдать народу излишки вооружения. Это единственный случай в истории Колумбии, когда народ получил оружие от правительства.

4 октября 1812 г. в Нейве Камилло Торрес созвал сессию Верховного конгресса соединенных провинций Новой Гранады. Кундинамарка, возглавляемая Нариньо, по-прежнему оставалась вне конфедерации. В те же дни Нариньо собрал в Боготе народный конгресс, который отверг претензии Верховного конгресса. Камилло Торрес от имени Верховного конгресса объявил правительство Кундинамарки вне закона, а Нариньо — «тираном и узурпатором». Фактически началась гражданская война. 23 ноября 1812 г. Нариньо двинул свою армию на Тунху. 2 декабря началось сражение. Часть офицеров предала Нариньо, и это решило исход битвы: с остатками армии, насчитывавшей теперь всего 800 человек (причем среди офицеров были сторонники Камилло Торреса), Нариньо отступил к столице. Но Богота была окружена 5-тысячной армией Верховного конгресса. Нариньо высказал желание уйти в отставку и отправиться в эмиграцию. Но в этот момент боготинцы активизировались: 7 января 1813 г. отразили натиск противника, а 9 января сами перешли в наступление, внезапным ударом разгромили врага, захватили артиллерию и знамена, взяли в плен офицеров. Среди пленных оказался и Сантадер. Нариньо снова вступил в переговоры с Верховным конгрессом; опасность вторжения в Колумбию испанской армии становилась с каждым днем все более и более реальной, и Нариньо пошел на уступки.

В этот период на колумбийской политической арене появился выдающийся венесуэльский патриот Симон Боливар-и-Понте (1773—1830). Выходец из семьи богатых землевладельцев, Боливар получил образование в Европе, подолгу жил в Испании, Италии и Франции. Возвратившись в 1807 г. в Венесуэлу, Боливар с головой ушел в освободительное движение и вскоре стал признанным его руководителем. В 1810 г. в Каракасе созрел заговор против испанского правительства. Боливар принял в нем активное участие и стал членом хунты, которая направила его в Лондон с дипломатической миссией: заручиться помощью, в частности оружием. В 1811 г. венесуэльские повстанцы провозгласили отделение Венесуэлы от Испании и создали Первую Венесуэльскую республику, продержавшуюся год, до 25 июля 1812 г. Испанские власти жестоко расправились со смельчаками. В довершение бед в Каракасе произошло землетрясение. Духовенство упорно твердило о «божьем возмездии» и стара-

пось выкорчевать революционные настроения. Но Симон Боливар сказал своим соотечественникам: «Если природа против нас, мы будем бороться против природы и победим ее»²⁰.

Вынужденный покинуть родину, Боливар отправился сначала на остров Кюрасао, находившийся тогда под властью Англии, а оттуда 15 декабря 1812 г. прибыл в колумбийский порт Картахену и сразу же стал активным участником борьбы против испанских роялистов. Затем он успешно руководил рядом наступательных операций. Вскоре во всем прибрежном районе не осталось ни одного испанского солдата. За подвиги, совершенные в тяжелых боях, Симону Боливару было присуждено звание почетного гражданина Новой Гранады; конгресс присвоил ему воинское звание бригадира. Затем Боливар обратился к народу Картахены с манифестом, в котором разъяснил причины падения Венесуэльской республики и просил помочь ее восстановить. В этом манифесте Боливар резко осудил всякую диктатуру: «Сохранение власти одним лицом часто знаменовало конец демократического правительства. Перевыборы при народной системе управления обязательны, ибо ничто так не опасно, как длительная власть в руках одного и того же гражданина».

Боливар призывал патриотов Новой Гранады освободить Венесуэлу. «Поспешим же на помощь тем, кто стоит в застенках, ждет, что вы разобьете их цепи. Не обманите их ожиданий! Отзовитесь на призыв ваших братьев! Спешите отомстить за убитых, спасти умирающих, принести избавление угнетенным и свободу всем!»²¹

Руководители Верховной хунты соединенных провинций и Кундинамарки поддержали просьбу Боливара, и он, сформировав отряд из венесуэльских эмигрантов и новогранадских добровольцев, двинулся в мае 1813 г. в родные края — в Венесуэлу. Армия Боливара быстро продвигалась к венесуэльской столице; население, страдавшее от произвола роялистов, активно ее поддерживало. К. Маркс писал: «Чем дальше они продвигались, тем больше росли их ресурсы; свирепые эксцессы испанцев повсюду играли роль вербовщика рекрутов для армии борцов за независимость. Сила сопротивления испанцев была сломлена [...]»²².

В августе 1813 г. Боливар освободил Каракас. Муниципальный совет столицы провозгласил его «освободителем Венесуэлы». Была создана Вторая Венесуэльская республика во главе с Боливаром, получившим неограниченные полномочия. Испанские роялисты, а также банды, сформированные бывшим испанским офицером Хосе Томасом Бовесом, начали теснить патриотов. «Армия» Бовеса состояла из обманутых «льянерос» — жителей равнин, полудиких пастухов и негров-рабов, которых Бовес объявил свободными. Боливар не рвался пока на отмену рабства, что суживало его социальную базу. К тому же у руководителей повстанцев не было единства. В июле 1814 г. превосходящие силы роялистов разгромили Боливара, и он с остатками своей армии снова укрылся в Новой Гранаде. В сентябре 1814 г. он прибыл в Картахену, а оттуда направился в Тунху, где с 1812 г. находился Верховный конгресс, по-прежнему

му враждовавший с правительством Кундинамарки. Конгресс федерации направил армию Боливара в Боготу, чтобы силой оружия заставить Кундинамарку войти в состав федерации Новой Гранады.

Антонио Нариньо 16 июля 1813 г.* провозгласил окончательное отделение Кундинамарки от Испании. В конце 1813 г. войска Кундинамарки под командованием Нариньо двинулись на юг, к границе с Эквадором, для борьбы против окопавшихся там роялистов. В первых сражениях 1814 г. войска Нариньо одержали ряд побед, но под г. Пасто они были разгромлены. В начале 1815 г. Нариньо, закованный в цепи, был сослан в Испанию.

Пока Нариньо сражался против роялистов на юге Колумбии, армия Боливара 12 декабря 1814 г. вошла в Боготу и Кундинамарка была присоединена к новогранадской федерации. В январе 1815 г. Верховный конгресс и федеральное правительство переехали в Боготу. Армия Боливара получила приказ двигаться на север, где роялисты захватили Санта Марту. Однако эта кампания оказалась неудачной: правительство «государства Картахены» не выделило Боливару ни людей, ни оружия. В угнетенном состоянии Боливар 8 мая 1815 г. отправился на остров Ямайку.

Битва при Бояке

На Ямайке Боливар размышлял над планами освобождения Латинской Америки, вел тщательную подготовку к высадке в Венесуэле и Новой Гранаде. 6 сентября 1815 г. он опубликовал важнейший политический документ — «Письмо с Ямайки», в котором призвал своих соотечественников к единству: «Мы сможем изгнать испанцев и создать свободное правительство только при одном условии — при условии единства. Но единство — не дар божий, его завоевывают в борьбе, всеобщими усилиями»²³, — писал он. Ратуя за сплочение революционных сил, Боливар выступал за строгую централизацию власти в испаноамериканских государствах, создание которых являлось, по его словам, делом недалекого будущего. В частности, он указывал, что «Венесуэла и Новая Гранада после падения колониального режима должны образовать единую республику Колумбию»²⁴.

А в это время к берегам Венесуэлы подплывала из Испании 11-тысячная экспедиционная армия под командованием опытного и жестокого генерала Пабло Морильо. Испанцам удалось во второй раз оккупировать Венесуэлу и разгромить патриотов в Новой Гранаде. Но именно теперь, когда испанцы, казалось, одержали решительную победу, борьба разгорелась с новой силой. Зверства колонизаторов сплотили людей: по обе стороны Анд стала шириться партизанская война, которая вскоре приняла всенародный характер.

* Этот день многие историки считают днем провозглашения подлинной независимости Новой Гранады.

Симон Боливар

Симон Боливар, по-прежнему возглавлявший борьбу за независимость, теперь понял, что без участия широких масс крестьянства и рабов войны не выиграть. В 1815 г. он провозгласил отмену рабства, а всех участников освободительной войны обещал наделить землей, чем привлек на свою сторону простых людей.

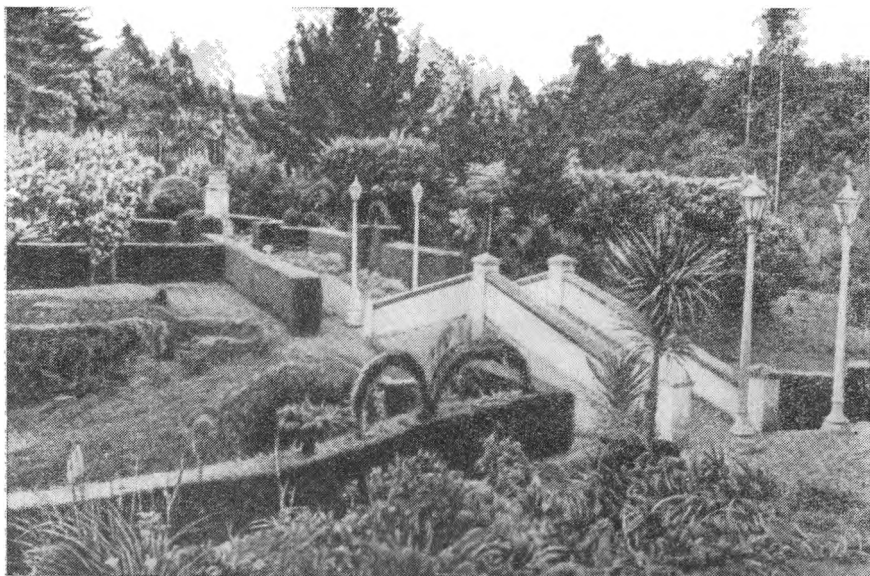
31 декабря 1815 г. Боливар прибыл за помощью на Гаити. Президент Гаити, выдающийся борец за независимость своего народа Алехандро Петсион, дал ему оружие, продовольствие, помог организовать экспедицию для освобождения Новой Гранады. 3 мая 1816 г. отряд Боливар, состоявший всего из 300 человек, двинулся в путь на четырех шхунах и нескольких парусниках. На сей раз экспедиция не увенчалась успехом; Боливар снова вернулся на Гаити, президент Петсион помог ему организовать новую экспедицию.

Между тем генерал Морильо перебросил большую часть своих войск по морю в Новую Гранаду, в августе 1815 г. блокировал Картахену и захватил этот стратегически важный порт, после чего двинул 10-тысячную армию на Боготу. 6 мая 1816 г. Морильо, надавав новогранадцам кучу лживых обещаний, почти без боя овладел столицей. Колониальный режим был восстановлен. Начались массовые аресты, репрессии, расстрелы. Тысячи патриотов стали жертвами роялистского террора. Уничтожались целые семьи. В числе первых жертв оказались Камилло Торрес, Мануэль Родригес Торисес, Франсиско Хосе де Кальдас и др.

Но подавить революционный дух народа уже было невозможно. 1816 год знаменует собой начало нового этапа освободительного движения. После двух неудачных попыток высадиться в Венесуэле в декабре 1816 г. Боливару удалось закрепиться на побережье. Северо-восток Венесуэлы запылал в огне восстаний. Укрепившись в хорошо защищенном портовом городке Ангостуре на реке Ориноко (теперь город Боливар), Боливар призвал на помощь добровольцев из Европы; «Легион добровольцев» сыграл заметную роль в боях с испанцами. Среди волонтеров были участники Французской революции, борцы за свободу Ирландии, немцы, поляки, русские. В феврале 1819 г. Боливар созвал в Ангостуре национальный конгресс. В своей речи он снова и снова призывал патриотов к единству, выдвинул идею объединения Венесуэлы и Новой Гранады в единое государство.

Боливар говорил о великой ответственности руководителей войны за независимость перед народом. «Вся моя жизнь, каждый мой шаг подчинены воле народа»²⁵, — твердо заявил он.

Из Ангостуры освободительная армия Боливар отправилась в знаменитый поход против испанских захватчиков, укрепившихся в Новой Гранаде. В июне — июле 1819 г. армия Боливар (2500 солдат и офицеров) совершила марш через болота Ориноко и Анды, потребовавший беспримерного мужества: армия Боливар выдержала холод, голод и ледяные ветры, а главное, ко всеобщему удивлению и восхищению, перешла непроходимые Анды. Поход продолжался 75 дней. Первые сражения между патриотами и роялистами

Знаменитый мост Бояка, у которого 7 августа 1819 г. колумбийские патриоты выиграли решающее сражение

произошли в местечках Пайя и Гамеса. 25 июля в районе болота Баргаса (восточнее местечка Пайла) на равнине площадью $4 \times 1,5$ км сошлись основные силы противников. 2500 патриотам противостояли 3000 ветеранов испанской армии во главе с генералом Хосе Марией Баррейро. Сражение началось в полдень; наступила ночь, а исход его был еще неясен. Тогда Боливар предпринял внезапную ночную атаку, противник был захвачен врасплох и отступил. Армия Боливара продолжала преследование. Генеральное сражение произошло 7 августа 1819 г. Эта грандиозная по тем временам битва разыгралась на территории 3×5 км, где протекает небольшая речка Театинос, или Бояка (от нее и пошло название битвы), с высокими, почти отвесными берегами. Форсировать Бояку было поэтому весьма трудно. Имелся всего один мост. Вот у этого-то моста в 2 часа дня 7 августа и разыгралось памятное сражение. К четырем часам дня все было кончено: небольшое войско Боливара разгромило численно превосходившие отборные части колонизаторов. Было взято в плен свыше 1600 роялистских солдат и офицеров, в том числе командующий генерал Баррейро. И сделали это полуголодные, разутые, плохо вооруженные люди! Битва при Бояке и взятие тремя днями спустя Боготы знаменовали перелом в многолетней эпопее революционной войны народов Латинской Америки против инозем-

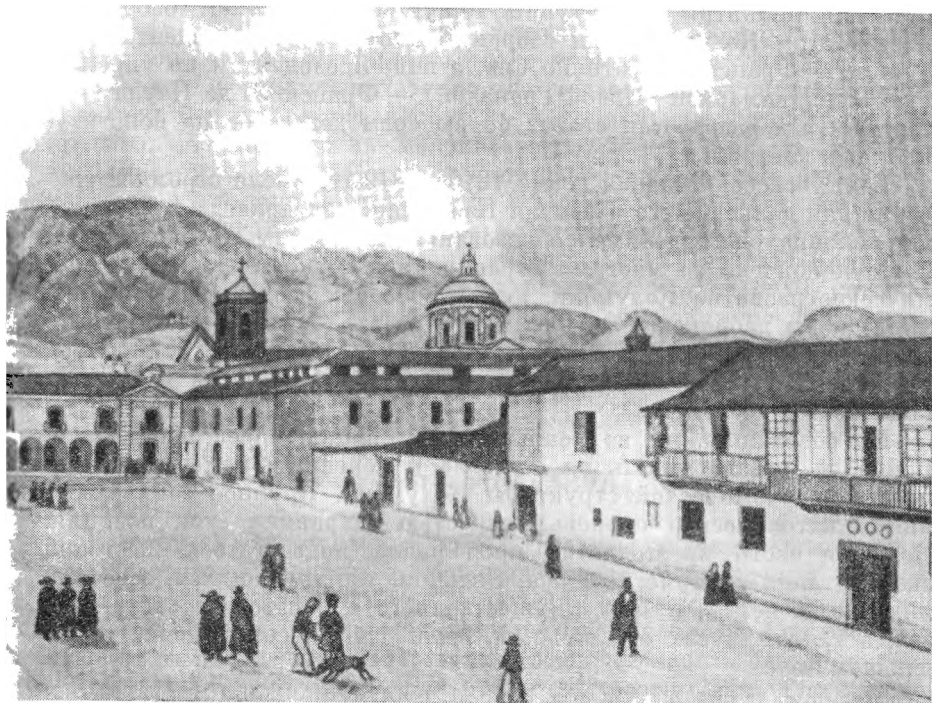

Главная площадь Боготы в начале XIX в.

ного господства. Именно после разгрома при Бояке роялистские войска отступили к основной цитадели колониального режима — в Перу.

Победа при Бояке продемонстрировала выдающийся полководческий талант и политический гений Боливара. После освобождения Новой Гранады он был провозглашен «освободителем» и президентом. Вице-президентом Новой Гранады стал один из его соратников — Франсиско де Паула Сантандер. Освобождение Новой Гранады явилось поворотным пунктом борьбы за независимость в северной части Южной Америки. Военная мощь колонизаторов была подорвана. Повстанческие войска, а с ними весь трудовой народ поверили в свои силы, в близость окончательной победы. Первым следствием одержанной победы было создание Великой Колумбии, провозглашенной Боливаром на Ангостурском конгрессе в декабре 1819 г.; в нее вошли Венесуэла, Новая Гранада (нынешние Колумбия и Панама) и аудиенсия Кито, где еще находились испанские войска.

Здесь уместно пояснить, как появилось название «Колумбия». Впервые оно стало упоминаться в период, когда Антонио Нариньо

был президентом Кундинамарки. С 1814 г. оно стало встречаться все чаще и чаще (вместо названия «Объединенные провинции Новой Гранады»). Избавившись от господства Испании, граждане Новой Гранады, естественно, хотели избавиться и от старого названия своей страны, введенного в свое время конкистадорами. Боливар, чутко улавливавший настроения масс, еще в своем знаменитом послании с острова Ямайки 6 сентября 1815 г. писал, что если Венесуэла и Новая Гранада решат объединиться, то новое государство «следует по справедливости назвать Колумбией — в знак благодарности первооткрывателю нашего континента». Это свое предложение он повторил и на Ангостурском конгрессе. 17 декабря 1819 г. оно было принято, а сам он единогласно избран президентом Великой Колумбии.

Ангостурский конгресс издал основной закон республики Колумбии, провозгласивший создание федеративной республики Колумбии. Новая республика состояла из трех департаментов: Венесуэлы, Кундинамарки (Новой Гранады) и Кито (ныне Эквадор), управляемых тремя вице-президентами, назначаемыми конгрессом. Основной закон предусматривал также созыв 1 января 1821 г. конгресса в г. Ку-

куте для принятия конституции Колумбии. Как уже говорилось, президентом Колумбии был избран Боливар, вице-президентом Колумбии — Франсиско Антонио Сеа, а вице-президентом по управлению Кундинамаркой (Новой Гранадой) — Франсиско де Паула Сантандер. Был разработан статут по выборам делегатов на конституционный конгресс.

Итак, освободительная война 1810—1819 гг. имела огромное значение для дальнейшего развития Колумбии; она привела к ликвидации колониального режима и образованию независимого государства. Было покончено со многими ограничениями, сковывавшими экономическое развитие Колумбии, ликвидированы феодальные порядки, упразднены дворянские титулы и прочие атрибуты монархии, искоренена инквизиция. Это была буржуазная революция, протекавшая в специфических условиях вооруженной борьбы против испанских колонизаторов.

Но революция эта не решила все стоявшие перед ней задачи. Война за независимость не привела к коренным изменениям социально-экономической структуры Колумбии. Крупное землевладение и католическая церковь полностью сохранили свои позиции. Большая часть крестьянства продолжала подвергаться жестокой эксплуатации в форме пенажа. Большинство трудящихся, особенно индейцы и негры, в силу имущественного и образовательного цензов, а также других ограничений, были фактически лишены гражданских прав.

Борьба за независимость носила общенациональный характер. В ней принимали участие все классы и слои колониального общества: индейское крестьянство, негры-рабы, мелкая городская буржуазия, помещики, интеллигенция, чиновники креольского происхождения и др. Патриотов поддерживала часть низшего духовенства; церковная верхушка, напротив, была опорой испанских колонизаторов, отлучала от церкви и предавала суду инквизиции священников-патриотов.

Главной движущей силой в борьбе за независимость были народные массы, хотя самостоятельно за свои классовые интересы они выступали редко.

Руководство движением брали на себя выходцы из креольских помещичьих семей; при испанских порядках их интересы были ущемлены, и они до известной степени тяготели к преобразованиям. Меньшую роль играла ввиду своей малочисленности, местная буржуазия.

Таким образом, главную тяжесть освободительной войны вынесли на своих плечах народные массы. «... Повсюду, от Мексики до Аргентины, — отмечает У. Фостер, — основную массу сражавшихся армий фактически составляли индейские крестьяне, негры-рабы, метисы-ремесленники и мелкобуржуазные элементы городов. Десятки тысяч индейцев и негров с огромным энтузиазмом примыкали к движению...»²⁶

Колумбию того времени разьедали классовые противоречия. Как

бы прогрессивно ни были настроены помещики и многие из находившихся под их влиянием руководителей освободительного движения, они всегда стремились сохранить крупное землевладение, феодальные формы эксплуатации. Их тревожила перспектива перерастания борьбы за независимость в социальную революцию, направленную как против колонизаторов, так и против местных эксплуататоров. Отсюда их колебания, нерешительность, сверхосторожность, всегдашнее стремление сдерживать активность народных масс, не выпускать их из-под своего контроля.

Следовательно, внутри самого колониального общества Колумбии существовали острые противоречия, разными были и цели, которых добивались многочисленные участники освободительной борьбы. Но всех их объединяла на этом ответственном этапе истории ненависть к испанским завоевателям, стремление к независимости, к созданию самостоятельной нации.

«Нейтралитет» США

В конце XVIII и начале XIX в. главные колониальные державы — Англия, Франция и Испания — вели непрерывные войны, истощавшие их экономические и людские ресурсы. Практически они не могли уделить большого внимания Новому Свету. Североамериканские рабовладельцы и буржуазия воспользовались благоприятной ситуацией*, чтобы прибрать к рукам территории, принадлежавшие этим европейским державам и индейским племенам. Стремление к территориальной экспансии, выразившееся в грабительских войнах и хищническом истреблении туземного населения, легло в основу внешней политики США уже с конца XVIII в.

Первоочередным объектом экспансии США стали испанские колонии в Америке. Один из руководителей внешней политики США Томас Джефферсон еще в 1786 г., будучи представителем США во Франции, в письме к другу Стюарту, плантатору из штата Виргиния, так определял задачи правящих кругов своей страны: «Нашу конфедерацию надо рассматривать как гнездо, чье потомство разлетится по всей Америке, Северной и Южной. Мы должны, в интересах всего великого континента, сами овладеть им, вырвав у испанцев. Лучше, чем с нами, этим странам не будет ни с кем. Боюсь, что испанцам с ними не справиться; они, наверное, даже не продержатся там до тех пор, пока мы эти страны, одну за другой, не поглотим»²⁷⁻²⁸.

Так что даже республиканец Джефферсон, с именем которого связан ряд демократических акций внутри США, в области внешней политики высказывался за захват чужих территорий.

* Подробно см. мою статью «Территориальная экспансия США в начале XIX в.» («Новая и новейшая история», 1966, № 2).

В 1803 г., воспользовавшись англо-французской войной, Монро заключил сделку с Наполеоном и «купил» у него не принадлежавшую Франции Испанскую Луизиану. Такой была цена «благожелательного нейтралитета» США в отношении наполеоновской Франции.

Стремление господствующих классов США, плантаторов и капиталистов, к территориальным захватам, ярко проявившееся в покупке Луизианы, имело исключительное значение для всей дальнейшей истории страны. В связи со столетием «присоединения» Луизианы Дж. Фостер, разоткровенничавшись, писал: «Вслед за приобретением Луизианы стало необходимым и приобретение Флориды, а оно привело к аннексии Техаса, к мексиканской войне, к погоне за новыми рабовладельческими территориями для сохранения баланса силы, к гражданской войне и к отмене рабства. Оно привело к нашим тихоокеанским приобретениям, к строительству трансконтинентальных железных дорог и канала через перешеек, к покупке Аляски, к аннексии Гавайских островов. Оно открыло нам великие торговые возможности за пределами Тихого океана — в Японии, Китае и на островах. Оно утвердило наше положение великой мировой державы, результаты чего мы начинаем ощущать сегодня»²⁹.

Когда после вторжения Наполеона в Испанию между США, Англией и Францией началась борьба за влияние в испанских колониях в Америке, великие державы были вынуждены считаться с ростом национально-освободительных сил в Латинской Америке.

Вступая 12 декабря 1809 г. перед законодательным корпусом, Наполеон заявил: «Император никогда не будет мешать независимости континентальных стран Америки. Их независимость диктуется естественным ходом событий. Это справедливо и соответствует интересам всех наций... Если народ Мексики и Перу пожелает остаться объединенным с матерью-родиной или если он захочет подняться на высоту благородной независимости, то Франция никогда не помешает его желанию, при условии, что этот народ не вступит ни в какие связи с Англией»³⁰.

Для Великобритании, так же как и для США, вторжение Наполеона в Испанию открыло блестящие перспективы. Она искусно повела двойную игру: как союзник испанской монархии и как «защитник» восставших колоний Испанской Америки. Используя свои «дружеские» связи с испанскими колониями в Новом Свете, Великобритания всячески укрепляла здесь свои экономические позиции, свое влияние и преуспела в этом немало. В 1810 г. Великобритания заключила договор с Бразилией, по которому получила огромные привилегии. Так, если все страны, ввозившие товары в Бразилию, платили тарифную пошлину, составлявшую 24% их стоимости, то для Великобритании эта пошлина была установлена в размере 15%. Английские граждане, в силу договора 1810 г., были неподсудны местным судам³¹.

Упорно борясь против усиления влияния европейских держав в Западном полушарии, США не ограничивались расширением тор-

говых и других связей со своими соседями, а предпринимали все новые и новые попытки захватить их и аннексировать.

В 1810—1812 гг. США захватили Флориду, впервые применив прием, который позже был назван «гавайским».

Захват обеих Флорид и попытка аннексии Кубы и Техаса не мешали США расшаркиваться перед Испанией, делать вид, будто они заинтересованы в сохранении мира и порядка и собираются всерьез соблюдать «строжайший нейтралитет» в войне испанских колоний за независимость.

Козыряя своим мнимым нейтралитетом, США одновременно не упускали случая поговорить об американской солидарности, сами же рассматривали Латинскую Америку как разменную монету в той сложной дипломатической игре, которую вели со странами Старого Света в целях установления своей гегемонии во всем Западном полушарии.

Существует даже версия, согласно которой США якобы оказывали помощь испанским колониям в их борьбе за независимость. Факты свидетельствуют об обратном. Так, в момент, когда над Испанской Америкой нависла угроза порабощения ее Наполеоном, Белый дом, следуя по проторенному пути сделок с Францией за счет Испанской Америки, в инструкции посланнику США в Рио-де-Жанейро в августе 1809 г. определил свою позицию следующим образом: «При первой возможности дайте знать, что происходит в Испанской Америке в результате событий, развернувшихся в Испании. Независимо от того, какая форма правления будет там установлена, наша политика будет ей соответствовать. (Речь идет о сотрудничестве США с Наполеоном в Испанской Америке.— С. Г.) Однако имейте в виду, что в любом конфликте, который может возникнуть, мы будем честно придерживаться нейтральной позиции»³².

Пресловутый американский нейтралитет с самого начала был враждебен делу независимости Испанской Америки. С 1810 г. США начали наводнять Испанскую Америку своими официальными и неофициальными агентами: номинально они числились торговыми и морскими представителями и даже консулами, но занимались главным образом созданием своей политической агентуры. Одновременно они добивались от латиноамериканских хунт торговых преимуществ для США, собирали сведения о местных природных ресурсах и не скупилась, конечно, на заверения в дружбе и братских чувствах к «американским соседям».

Что касается латиноамериканских хунт, то те добивались от США прежде всего оружия и боеприпасов, а после своего прихода к власти — и признания. Представители США, прикрываясь все тем же нейтралитетом, отказывали им и в том, и в другом.

В 1812 г. в США прибыл представитель Новой Гранады Мануэль Паласио с просьбой разрешить закупить оружие для Картахены, которой предстояло обороняться от испанских роялистов. О результатах этой миссии можно судить по следующей переписке

между Паласио и государственным секретарем США Д. Монро. Паласио 26 декабря 1812 г. писал³³: «В связи с тем, что Ваше превосходительство именем своего правительства неоднократно отвергло мои просьбы под предлогом дружественных отношений, связывающих Северную Америку с правительством Кадиса, я желал бы получить соответствующий письменный ответ, дабы я мог уведомить тех, кто меня сюда направил». И Монро ответил: «Сэр, Соединенные Штаты, находясь в мире с Испанией, не могут предпринимать никаких акций, касающихся борьбы между различными частями испанской монархии, которые могли бы затронуть наш нейтралитет. В то же время уместно заметить, что, живя в одном с вами полушарии, правительство и народ Соединенных Штатов глубоко заинтересованы в процветании и благосостоянии своих южноамериканских соседей и будут рады всякому событию, которое принесет им счастье»³⁴.

Желая, вероятно, ускорить наступление «счастливых событий» в этот тяжелый для латиноамериканцев час, правительство США выпроводило представителя Новой Гранады Паласио с пустыми руками.

Из тех же «добрососедских» соображений США, как официально заявил государственный секретарь Монро, «запретили своим гражданам принимать участие в войне (речь идет о войне испанских колоний за свою независимость.— С. Г.), а жителям колоний и другим иностранцам, связанным с ними, вербовать добровольцев в США для указанной цели»³⁵.

Не переставая «заботиться» о счастье своих соседей по полушарию, 3 марта 1817 г. США налагают эмбарго на вывоз оружия в Испанскую Америку. Предлог — забота об «эффективности нейтралитета». Эмбарго вводится именно тогда, когда Боливар в Венесуэле, а Сан Мартин в Чили наносят первые серьезные поражения испанскому экспедиционному корпусу и остро нуждаются в оружии для закрепления и развития своих побед, именно тогда, когда в ходе военных действий стал очевиден перелом в пользу латиноамериканцев. 20 августа 1818 г. Симон Боливар писал: «Скажу о позиции Соединенных Штатов Севера по отношению к добивающимся независимости государствам Юга и о суровых законах, принятых с целью помешать нам получать оттуда какую-либо помощь. Американский закон, обычно столь снисходительный, отныне будет карать честных граждан, которые захотели бы помочь нашему делу, делу справедливости и свободы, делу Америки, десятью годами тюрьмы и 10 000 песо штрафа, что почти равносильно смертному приговору. ...Почему свободная торговля запрещается на Севере? Почему к запрещению добавляется беспримерная в анналах республики Севера жестокость наказания? Разве отказат независимым государствам в том, на что они имеют право согласно тому же принципу нейтралитета, не значит выступить против них? Запрещение это направлено прямо против нас, ибо только мы нуждаемся в поддержке. У испанцев всего вдоволь, они в состоянии обеспечить себя всем

необходимым в других местах. Только мы были вынуждены обратиться к Соединенным Штатам Севера, потому что они наши соседи и братья и потому, что у нас нет иных возможностей. Г-н Кобетт в своем еженедельнике убедительно доказал пристрастность Соединенных Штатов, то, что они благоволят Испании... Доказательством тому служит то, что нам отказали в вывозе оружия и боеприпасов. Испанцы, которые не так в них нуждались, без труда их приобретали, в то время как на боеприпасы, предназначенные для Венесуэлы, был наложен секвестр... Это равнозначно желанию обречь нас на поражение, послать на убой»³⁶.

Однако «пристрастность» к Испании была политикой дальнего прицела: 22 февраля 1819 г. США заключили с Испанией неравноправный грабительский договор, оформивший территориальные захваты США в Латинской Америке. Чтобы заставить Испанию его ратифицировать, США прибегли к шантажу: пригрозили, что признают независимость испанских колоний в Америке. Угроза эта звучала весьма правдоподобно — Белый дом демагогически использовал общественное мнение своей страны, требовавшее признания независимости стран Латинской Америки.

10 мая 1820 г. Монро инспирировал принятие палатой представителей законопроекта о посылке дипломатических представителей США в Латинскую Америку. Какова была подлинная суть этого закона, видно из инструкции, составленных всего через 25 дней после решения палаты представителей государственным секретарем Адамсом своему агенту в Колумбии Тодду. Адамс писал: «Если же возникнет вопрос об официальном признании республики Колумбии правительством Соединенных Штатов, вы, естественно, ответите, что обсуждать данный вопрос не уполномочены»³⁷.

Тем же духом двуличия была проникнута и рекомендация по поводу признания Колумбии, принятая палатой представителей 10 февраля 1821 г.

Но шантаж все-таки возымел свое действие: в августе 1821 г. грабительский договор был Испанией ратифицирован.

Формальное вступление в силу этого договора завершило тот период латиноамериканской политики США, когда, не брезгуя никакими средствами, США добились от Испании территориальных и торговых уступок и захватили огромную территорию, послужившую плацдармом для агрессии против латиноамериканских стран и установления своей гегемонии в Западном полушарии. Большинство латиноамериканских стран к этому времени почти полностью освободилось от испанского владычества. Еще в 1816 г. была провозглашена независимость Аргентины, которая очистила свою территорию от испанских войск. В 1818 г. добилась независимости Чили, а год спустя — Новая Гранада, Венесуэла и Эквадор образовали независимую Великую Колумбию.

В водовороте гражданских войн (1819—1885)

Победа у Бояки была решающей, но не окончательной: на территории Новой Гранады и Венесуэлы еще оставались крупные воинские соединения роялистов, а Перу целиком была в руках Испании. Основная грушировка испанских войск во главе с главнокомандующим испанскими вооруженными силами генералом Пабло Морильо окопалась в Венесуэле. В распоряжении испанского генерала Саймано, засевшего в порту Картахене (Новая Гранада), имелось 2000 солдат. Богота осталась без всякого прикрытия, так как основные силы Симон Боливар двинул на освобождение Венесуэлы. Вообще положение патриотов в этот момент было довольно шатким. Показательно, что после блестящей победы, одержанной у Бояки, Боливара при вступлении в Боготу отнюдь не ждала торжественная встреча. Креольское население столицы, памятуя о резне, учиненной Морильо в 1816 г., опасалось, что победа патриотов недолговечна, что испанцы снова вернутся в столицу и все ужасы повторятся.

Тем временем борьба ширилась. В начале 1820 г. патриоты одержали еще несколько побед. Их успехам содействовала революция, охватившая Испанию; положение роялистских войск в Колумбии осложнилось, и главнокомандующий Морильо предложил Боливару начать переговоры о перемирии. Боливар, рассчитывая выиграть время для подготовки решающего удара по врагу, согласился: 2 ноября 1820 г. начались переговоры, а 24 ноября было подписано перемирие сроком на шесть месяцев. 27 ноября состоялась встреча Боливара с генералом Морильо*. Последний вскоре отбыл в Испанию, а главнокомандующим испанскими силами стал фельдмаршал Мигель де Ла Торре. В январе 1821 г. Боливар отправился в Боготу. На 1 января 1821 г. был назначен конституционный конгресс в г. Кукуте. Однако выбор делегатов затянулся и продолжался весь январь и февраль. Кроме того, в марте умер вице-президент Колумбии Хуан Херман Россио, которому было поручено подготовить и открыть конгресс. Узнав о смерти Россио, Боливар, находившийся тогда в Ачагуас и занятый подготовкой армии к наступлению, 4 апреля назначил временным вице-президентом генерала Антонио На-

* По решению правительства Венесуэлы в 1911 г. в местечке Санта Ана, где состоялась встреча Боливара с Морильо, был воздвигнут монумент.

риньо. Напомним, что Нариньо, выдающийся борец за независимость Колумбии, в 1814 г. сосланный в Испанию, вышел на свободу лишь в 1820 г., после испанской революции; он с большим трудом кружным путем добрался до Новой Гранады и в марте 1821 г. встретился в Ачагуасе с Боливаром. Получив высокое назначение, Нариньо тут же отправился в г. Кукуту для подготовки конституционного конгресса. На месте было лишь 57 делегатов из предполагавшихся 95.

Великая Колумбия

6 мая 1821 г. в небольшом городке Кукуте, что находится на границе Новой Гранады и Венесуэлы, открылась сессия Генерального конгресса (некоторые историки называют его Конституционным конгрессом или Учредительным собранием). Основное место в работе Генерального конгресса заняла разработка конституции Колумбии и обсуждение вопроса о государственном устройстве страны. Между федералистами и унитаристами разгорелись горячие споры. Победу одержали унитаристы — сторонники Боливара.

Пока в Кукуте заседал конгресс, войска патриотов под руководством Боливара сражались с роялистами. В мае 1821 г. Боливар перешел в наступление. Он снова пересек Анды, на этот раз — со стороны Новой Гранады — и вторгся в Венесуэлу. В льяносах Карабобо армия Боливара (при поддержке льянерос генерала Хосе Антонио Паэса) 24 июня 1821 г. разбила противника наголову и пять дней спустя торжественно вступила в Каракас. Теперь оставалось освободить лишь Эквадор — почти вся Новая Гранада и Венесуэла были навсегда очищены от войск захватчиков.

Между тем дебаты в конгрессе принимали острый характер. Обсуждалась конституция Колумбии. Она была утверждена конгрессом лишь после третьего чтения. Конституция провозглашала народный суверенитет, полную независимость от иностранных держав, устанавливала разделение властей: исполнительную, законодательную и судебную. По новой конституции исполнительную власть возглавлял президент, избираемый на четыре года тайным голосованием членов провинциальных ассамблей, а затем окончательно утверждаемый национальным конгрессом. Та же процедура предусматривалась для избрания вице-президента. Президент и вице-президент могли быть переизбраны еще на один срок. В виде исключения выборы президента и вице-президента в 1821 г. осуществил непосредственно национальный конгресс. При президенте учреждался правительственный совет в составе вице-президента республики, члена верховного суда и министров (иностранных дел, внутренних дел, финансов, флота и военного министра). В особых случаях президент имел право на чрезвычайные полномочия.

Законодательную власть осуществлял двухпалатный конгресс, избираемый прямым голосованием: сенаторы — на 8 лет, члены па-

латы представителей — на 4 года. Высшая судебная власть возлагалась на верховный суд. Изменение конституции предусматривалось не ранее чем через десять лет после ее вступления в силу.

Кроме конституции, Генеральный конгресс ратифицировал проект объединения Новой Гранады и Венесуэлы в единую республику Колумбию, со строго централизованной властью на основе унитарной системы. Временной столицей республики объявлялась Богота. В административном отношении Колумбия делилась на департаменты, провинции и кантоны, возглавляемые соответственно интендантами, губернаторами и «политическими судьями». Были созданы четыре департамента — Бояка, Кундинамарка, Каука и Магдалена — и 13 провинций.

Конституционный конгресс издал специальный декрет о создании армии резервистов. Была расширена система образования. Часть монастырских зданий была отведена под школы. Конгресс отменил трибунал инквизиции, упразднил дворянские титулы, объявил свободу печати. На почту была возложена обязанность бесплатно доставлять газеты и книги, что сыграло немалую роль в повышении общего культурного уровня народа.

Острая борьба разгорелась вокруг проблемы рабства. Боливар, решительно выступавший за полную отмену рабства, натолкнулся на яростное сопротивление. Дело в том, что большинство членов конгресса — влиятельные политические деятели — «владели рабами и вовсе не хотели нести убытки»¹, — отмечает автор известного труда «История либеральной партии Колумбии» Миллон Пуэнтес. Причем убытки немалые, учитывая, что на невольничьем рынке пара рабочих рук стоила в ту пору от 300 до 400 песо.

В результате длительной борьбы было принято половинчатое решение: свободными объявлялись только дети рабов, родившиеся после принятия закона (19 июля 1821 г.). Но и они были обязаны до восемнадцатилетнего возраста работать на хозяев своих матерей.

Не получило поддержки и другое требование Боливара — о возвращении исконному индейскому населению изъятых у них земель. В свое время Боливар уже распорядился вернуть земли их законным владельцам. 11 октября 1821 г. генеральный конгресс Колумбии вынес постановление: бывшие ресгуардос распределить среди индейских семей. Однако местные власти допустили при этом столько злоупотреблений, что практически земля досталась лишь немногим индейцам. Нельзя не согласиться с Роберто Макклином-и-Эстенос, который в книге «Индейцы Америки» пишет: «Государство упорно наступает на индейца и его институты. У индейцев под разными предлогами отнимают землю. С 1821 г. и до наших дней делалось все для того, чтобы индейская община вообще перестала существовать»².

Оценивая конституцию, принятую в Кукуте, следует признать, что Боливару не удалось создать сильное централистское государство. Согласно этой конституции, власть в стране по существу сосре-

доточивалась в руках небольшой группы, заправлявшей в конгрессе.

Генеральный конгресс в соответствии с новой конституцией избрал на четырехлетний срок президента и вице-президента Колумбии. Президентом 50 голосами из 59 был избран Симон Боливар. Некоторые историки (Фореро и др.) считают, что девять членов конгресса голосовали против Боливара только потому, что хотели уважить его «самоотвод». Действительно, 1 октября 1821 г. Боливар направил в Генеральный конгресс послание с просьбой оставить его на посту главнокомандующего, но тут же оговаривал, что, если конгресс все же будет настаивать, он согласится стать президентом. Наиболее вероятно, что против кандидатуры Боливара голосовали попросту его противники.

Ожесточенная борьба разгорелась вокруг кандидатуры на пост вице-президента. Баллотировались Антонио Нариньо и Франсиско де Паула Сантандер. Несколько туров голосования оказались безрезультатными. Наконец, Сантандер с большим трудом собрал $\frac{2}{3}$ необходимых голосов. По мнению некоторых историков, решающим оказалось мнение Боливара, хотя сам он в специальном письме подчеркивал, что не оказывал никакого давления.

3 октября состоялась торжественная церемония вступления в должность Боливара и Сантандера. Оба были избраны на четыре года с правом переизбрания на второй срок, но в переизбрании их должны были участвовать департаментские ассамблеи.

Между тем 1 октября 1821 г. был, наконец, освобожден патриотами порт Картахена, а в ноябре того же года восстала и сбросила испанское иго Панама, часть бывшего вице-королевства Новой Гранады, вошедшая затем в состав Колумбии. В начале 1822 г. войска под предводительством Боливара подошли к Кито; в это время сокрушительное поражение роялистам нанесли на склонах вулкана Пичинча войска Сукре. 29 мая 1822 г. территория Кито присоединилась к Колумбии. 16 июня в Кито вступил Боливар. Новая республика была окончательно сформирована после того, как в нее вошла 11 июля 1822 г. эквадорская провинция Гуаякиль. Здесь, в Гуаякиле, состоялась историческая встреча Боливара с генералом Хосе де Сан Мартином, руководителем освободительной борьбы в южной части Южной Америки.

В соответствии с конституцией, принятой в 1821 г. в Кукуте, на 2 января 1823 г. в Боготе было намечено открытие первого конгресса Великой Колумбии. Однако продолжавшиеся военные действия помешали многим членам конгресса вовремя явиться в столицу, и сессия открылась лишь в апреле.

Первое заседание носило весьма бурный характер. Избранного сенатором Антонио Нариньо политические противники его попытались оклеветать и дискредитировать: обвинили его в растрате государственных средств и ни более ни менее, как в измене родине, на основании чего требовали признать избрание Нариньо в сенат незаконным. Главный «довод», который они выдвинули против про-

славленного героя национально-освободительной борьбы, сводился к тому, что Нариньо с 1814 по 1821 г. не проживал в Колумбии. Нариньо действительно провел эти годы вдалеке от родины, но все, от мала до велика, знали, что провел он их в тюрьмах Испании, куда был заточен как организатор борьбы за освобождение Новой Гранады от испанского владычества! Престарелый Нариньо произнес блестящую речь, в которой не только полностью опроверг наветы врагов, но и разоблачил их происки, направленные против интересов колумбийского народа*.

Конгресс заседал до августа 1823 г. и обсудил отчеты вице-президента и министров о проделанной работе. Были утверждены договоры с Чили и Перу. Выяснилось, что финансовое положение Колумбии катастрофично: внешние долги с каждым днем возрастали, что было чревато тяжелыми последствиями. Колумбийский историк М. Пуэнтес пишет: «Колумбия так задолжала Англии, что практически стала экономической колонией английского капитализма»³. Действительно, в тот период общий долг Колумбии Англии составлял 40 млн. песо. Рвались к лакомого куску и Соединенные Штаты: Вашингтон был готов установить отношения с новыми государствами Латинской Америки.

Вынужденное признание

В 1821 г. испанские армии в Америке оказались в катастрофическом положении. Буржуазная революция 1820 г. сорвала кадисскую экспедицию в Латинскую Америку, и Испания была вынуждена заключить с молодыми латиноамериканскими государствами перемирие (Кордовский договор, перемирие Морильо — Боливар, перемирие с Аргентиной), тем самым фактически признав их независимость.

В июне 1821 г. уполномоченные Боливара были официально приняты испанским правительством, вели с ним переговоры о мире. На заседании правительственного совета Испании бывший главнокомандующий испанской армией в Латинской Америке генерал Морильо прямо заявил: «Второй раз Латинскую Америку завоевать нельзя».

В Европе сложилось окончательное убеждение в том, что латиноамериканские государства сохранят свою независимость. В конце 1821 г. неофициальный представитель Колумбии в Париже Сеа доносил Боливару: «Вся Европа выступает на нашей стороне»⁴. Боливар, располагавший и другими данными, полностью разделял мнение своего представителя. В самом деле, уже 16 апреля 1821 г. Португалия признала независимость Аргентины и вела переговоры о признании колумбийского правительства. В том же 1821 г. торговая палата Франции официально потребовала от французского парла-

* Антонио Нариньо умер 13 декабря 1823 г.

мента признания независимости латиноамериканских республик. Точно так же повели себя и торговые круги Англии. Курс колумбийских ценных бумаг на лондонской бирже поднялся на 15%⁵. В германских землях и Австрии были учреждены две компании по торговле с американскими республиками.

США, претендовавшие на львиную долю латиноамериканской торговли и на новые территориальные уступки, торжественно объявили, что «американские провинции Испании, добившиеся независимости, должны быть признаны Соединенными Штатами как независимые государства»⁶.

Президент США Монро, обосновывая необходимость признания независимости латиноамериканских стран, в послании конгрессу от 8 марта 1822 г., перечислив победы латиноамериканцев, сделал следующий вывод: «Ясно, что все эти провинции не только пользуются полной независимостью...отпала даже отдаленная угроза этой независимости... Если участь затяжной характер войны, решительный успех провинций, достигнутый в этой войне, и нынешнее положение сторон (в частности, полную неспособность Испании добиться изменения положения), то мы будем вынуждены прийти к выводу, что судьба провинций решена и что провинции, провозгласившие свою независимость и пользующиеся ею, должны быть признаны... Последние события рассеяли все сомнения (европейских держав.— С. Г.) по этому поводу»⁷.

Отсюда ясно, что латиноамериканцы обязаны признанием их независимости своей упорной многолетней кровопролитной борьбе и, копечно, революции в Испании. Поворот в общественном мнении Европы в пользу независимой Латинской Америки заставил США форсировать это признание.

В решении американского конгресса от 19 марта 1822 г. прямо указывалось: «Палата представителей поддерживает мнение президента, содержащееся в его послании от 8 марта 1822 г., о том, что американские провинции Испании, провозгласившие свою независимость и пользующиеся ею (курсив наш.— С. Г.), должны быть признаны Соединенными Штатами как независимые государства»⁸.

Приведенная формула дала возможность США не признать независимость Перу, затянуть признание независимости Мексики и содействовать сохранению колониального господства Испании на Кубе и в Пуэрто-Рико.

Более того, помогая Испании удержать часть колоний, прикрываясь «нейтралитетом», США разжигали войну между колониями и метрополией. Так, в докладе комитета по иностранным делам палаты представителей США от 19 марта 1822 г. говорилось: «Какова бы ни была политика Испании в отношении ее бывших американских колоний, наше признание их независимости не может ни затронуть прав Испании, ни ущемить их. Поэтому нет оснований обвинять нас в попустительстве колониям — они достигли независимости без нашей помощи (курсив наш.— С. Г.). Кроме того, наше признание действительно лишь пока наличествует сам факт,

на котором оно основывается, т. е. пока страны Испанской Америки действительно пользуются независимостью... Если же Испания, вопреки провозглашенным ею принципам и интересам, возобновит войну, чтобы захватить Южную Америку, мы будем сожалеть по этому поводу, но, как и раньше, будем соблюдать честный, беспристрастный нейтралитет»⁹ (курсив наш.— С. Г.).

Наконец, в ноябре 1822 г. между США и Колумбией установились дипломатические отношения. Уже в декабре 1822 г. в Боготе прибыл первый американский посланник полковник Карлос Тодд якобы с целью заключения торгового договора, а в действительности для удовлетворения претензий некоторых американских граждан и особенно для получения компенсации за несколько американских судов, захваченных колумбийцами еще во время войны за освобождение.

Весьма симптоматичным было поведение первого официального представителя США в Боготе. Вот что пишет по этому поводу колумбийский историк Педро Субьета, автор интересной книги о первых дипломатических миссиях Колумбии: «Хотя миссия Тодда и представляла интерес, однако правительство республики (Колумбии.— С. Г.) не могло равнодушно относиться к тому, как превратно и вызывающе он ее осуществлял. Тодд начал с того, что, совершенно игнорируя министра иностранных дел, вступил в непосредственную и официальную связь с генералом Сантандером, главой исполнительной власти. Затем в решительных выражениях потребовал удовлетворения некоторых претензий и, наконец, пытался воспользоваться дипломатическими прерогативами, не предусмотренными его положением. Правительство Колумбии выступило с протестом против поведения Тодда и обратилось к американскому правительству с жалобой на него... В конце 1823 г. Тодд ретировался»¹⁰.

Тодда сменил посланник Андерсон. Последний начал переговоры относительно заключения с Колумбией договора о дружбе и торговле. В ходе этих переговоров возникло два разногласия: по поводу арбитража в случае расхождений между договаривающимися странами и по вопросу о том, «покрывает ли флаг товары». Сознывая свою силу и преследуя экспансионистские цели, США заведомо отказались от арбитража и настаивали на принципе «флаг покрывает товары». 31 октября 1824 г. договор между США и Колумбией был, наконец, подписан. Этот договор «О дружбе и торговле» предусматривал свободную торговлю на взаимовыгодных началах и предоставление друг другу преимуществ страны наибольшего благоприятствования. В действительности договор был неравноправным, так как все преимущества оказались на стороне США. О каких «равных возможностях» можно было говорить, если Колумбия вообще не располагала торговым флотом!

Тотчас после ратификации договора американский представитель занялся выколачиванием денег у правительства Колумбии. Грубо навязывая ему свою волю, он настаивал на удовлетворении неза-

конных претензий, которые частично могли относиться к Испании как бывшей обладательнице Новой Гранады.

Факты говорят о том, что с момента установления дипломатических отношений между США и Колумбией американские дипломатические и консульские агенты вели себя самым вызывающим образом, как правило, превышали свои полномочия и активно вмешивались во внутренние дела Колумбии. Не раз случалось, что американские консулы безнаказанно избивали колумбийских граждан¹¹.

Дело дошло до того, что в 1827 г. Колумбия предложила США заключить специальную консульскую конвенцию, где были бы оговорены все права и обязанности американских консулов, но США отказались.

Сменивший посланника Андерсона полковник Уаттс был в 1828 г. отозван по тем же мотивам, что и полковник Тодд.

В 1828 г. Симон Боливар, понимая, что договор 1824 г. невыгоден Колумбии и возмущенный вмешательством США во внутренние дела его страны, приказал закрыть колумбийскую миссию в Вашингтоне. В течение нескольких лет в США не было представителей Колумбии. Лишь в начале 40-х годов XIX в., уже после смерти Боливара, в Вашингтон был направлен поверенный в делах.

В связи с напряженными отношениями между США и Колумбией договор 1824 г. фактически не соблюдался. Кроме того, он был составлен в довольно общих выражениях, а США стремились «конкретизировать» свои привилегии. Вот почему, как только отношения между странами стали улучшаться, США предложили заключить новый договор.

Формально признавая независимость некоторых латиноамериканских стран, США рассчитывали в конечном счете создать «американскую политическую систему», т. е. колониальную империю из своих предварительно ослабленных латиноамериканских соседей.

Поборник американского «признания» латиноамериканских стран Генри Клей, развивая план А. Гамильтона*, еще в 1820 г. указывал: «У нас имеется возможность создать систему, центром которой явимся мы; внутри этой системы с нами заодно будет действовать вся Южная Америка. В отношении торговли мы будем в наиболее благоприятном положении. Наша страна превратится в центр мировой торговли...»¹².

Эта идея установления «американской политической системы» получила свое законченное оформление в так называемой доктрине Монро (изложенной президентом Монро в его послании конгрессу от 2 декабря 1823 г.), подводящей итог всей агрессивной политике североамериканских рабовладельцев и торговцев в Латинской Америке за предшествующий период. Одновременно эта доктрина

* А. Гамильтон — один из идеологов американской рабовладельческой экспансии — выдвинул термин «американская политическая система», желая выразить им стремление США создать свою колониальную империю.

знаменовала новый этап в развитии латиноамериканской политики США.

Президент Монро писал: американские страны «не должны впредь рассматриваться как объект колонизации со стороны европейских держав»; США будут рассматривать всякую попытку европейской державы «распространить свою систему на любую часть нашего полушария как угрозу нашему спокойствию и безопасности»¹³. Далее в послании провозглашался принцип невмешательства Соединенных Штатов в дела европейских государств.

Таким образом, на первый взгляд можно подумать, что США воспротивились намерению европейских держав подавить национально-освободительное движение в испано-португальских колониях Латинской Америки. Однако никакой реальной угрозы Западному полушарию со стороны европейских держав в тот период не существовало. Под предлогом защиты независимости новых латиноамериканских государств США присвоили себе исключительное «право» на вмешательство в дела любой страны Западного полушария! Таково существо «доктрины Монро».

Внешне демократическая, «доктрина Монро» была по существу проникнута духом экспансионизма. И это не случайно, ибо с момента своего возникновения Соединенные Штаты встали на путь захвата и колонизации соседних территорий. Территориальная экспансия, сопровождавшаяся грабительскими войнами и бесчеловечным истреблением туземного населения, легла в основу внешней политики США уже с конца XVIII в.

В 1803 г., воспользовавшись англо-французской войной, США заключили сделку с Наполеоном и «купили» у него не принадлежавшую Франции испанскую Луизиану. В 1810—1812 гг. США захватили Западную Флориду; одновременно они вели подготовку интервенции против Мексики и Кубы.

Характерно, что США, захватывая одно за другим испанские владения, в то же время заверяли Испанию в своих самых дружественных чувствах. Американское правительство гарантировало Испании сохранение мира и самый «строгий нейтралитет», обещало ей свою помощь и благожелательное отношение. По поводу беспримерного лицемерия США, захвативших Флориду, В. И. Ленин сделал в «Тетрадах по империализму» такую пометку: «неудно! («союз» — и «продажа»)»¹⁴.

В послании Монро говорится: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в жизнь существующих колоний и владений какой-либо европейской державы. Но что касается правительств, которые провозгласили свою независимость и сумели ее сохранить, независимость которых мы по зрелом размышлении и согласно принципам справедливости признали, то мы не можем смотреть на вмешательство в их дела со стороны какой бы то ни было европейской державы с целью стеснить их свободу или вообще оказать какое-либо воздействие на их судьбу иначе, как на проявление недружелюбного отношения к Соединенным Штатам»¹⁵.

Таким образом, косвенно США санкционировали вмешательство любой европейской державы в дела любой латиноамериканской страны, если последняя не удовлетворяла одному из следующих условий: 1) еще не достигла независимости; 2) достигнув, не сумела ее сохранить и 3) к моменту обращения Монро к конгрессу не была признана США.

Первому условию не отвечали Куба, Пуэрто-Рико, Парагвай и страны Центральной Америки; второму — Перу, Боливия, Уругвай и, наконец, третьему — Бразилия, Гаити, Санто Доминго. Кроме того, США по своему усмотрению могли зачислить остальные признанные ими шесть * латиноамериканских стран в категорию «не сумевших сохранить свою независимость».

Более того, США открыто поощряли колониальные притязания Фердинанда VII, толкали Испанию — европейскую державу, входившую тогда в Священный Союз, к интервенции против указанных шести стран, хотя и признали их независимость. В послании Монро говорится: «Признавая эти независимые правительства, мы заявили, что будем соблюдать нейтралитет в войне между ними и Испанией; мы были верны своему слову и будем верны ему впредь».

О том же свидетельствует и официальный комментарий к «доктрине Монро», содержащийся в ноте государственного секретаря Д. К. Адамса (подлинного автора доктрины) посланнику Колумбии в США Х. М. Саласару от 6 августа 1824 г. В этой ноте Адамс указывал: «Ввод в действие испанских вооруженных сил в Америке, в то время когда Испания оккупирована французской армией и ее правительство находится под влиянием Франции, — недостаточное основание для того, чтобы Соединенные Штаты отказались от нейтралитета, который они соблюдали до настоящего времени»¹⁶.

В той же ноте говорилось, что в случае интервенции Священного Союза против Колумбии президент США вначале выяснит мнение конгресса по этому вопросу, затем начнет переговоры с европейскими державами, так как «очевидно, что Соединенные Штаты не могут оказать им вооруженного сопротивления (речь идет о державах, входивших в Священный Союз.— С. Г.), не установив предварительного взаимопонимания с теми европейскими державами, интересы и принципы которых обеспечат им (США.— С. Г.) активное и эффективное сотрудничество в этом вопросе»¹⁷.

2 июля 1824 г. посланник Колумбии в Вашингтоне Саласар, предлагая от имени своего правительства правительству США оборонительный союз против предполагаемой интервенции Священного Союза, спрашивал, какие конкретные меры предпримет правительство США для осуществления доктрины Монро в случае «вмешатель-

* Мексика, Чили, Аргентина и Великая Колумбия (Колумбия, Венесуэла, Эквадор).

ства Священного Союза в целях покорения новых республик или вмешательства в их внутривластные дела»¹⁸.

По поводу оборонительного союза Адамс от ответа уклонился, а по поводу осуществления доктрины Монро писал: «Вы же понимаете, что по конституции Соединенных Штатов окончательное решение этого вопроса зависит от законодательной власти (т. е. от конгресса.— С. Г.). Вероятность вмешательства со стороны Священного Союза в значительной мере отпала, поэтому на последней сессии конгресса необходимости апеллировать к законодательной власти не было»¹⁹. Ссылка на конгресс была уловкой, оперируя которой американская дипломатия могла в любой момент отказать латиноамериканским странам в помощи в случае возникновения угрозы или действительной интервенции европейских держав.

Торжественные обещания и клятвы, содержащиеся в доктрине Монро, стоили немногого, несмотря на то, что появление этой доктрины в декабре 1823 г. североамериканские государственные деятели, и прежде всего сам Монро, связывали именно с паличием серьезной угрозы независимости латиноамериканских стран со стороны «союзных держав». В действительности такой угрозы в декабре 1823 г. не существовало. Крупнейшие латиноамериканские государственные деятели того времени были убеждены, что к моменту провозглашения доктрины Монро опасности интервенции со стороны стран Священного Союза не было. Так, Симон Боливар писал: «В какие бы блоки государства ни вступали, я ни за что не поверю, что Франция примет участие в мероприятиях, враждебных Новому Свету»²⁰.

В этот период у Испании оставались только две оперативные базы на континенте: Перу и крепость Сан Хуан де Улуа (Мексика). Положение в Перу в 1823 г. изменилось в пользу роялистов, и Боливар, чтобы освободить Перу и избавить от угрозы испанского вторжения Колумбию, предпринял новый поход. Как мы уже отмечали, доктрина Монро фактически отдала Перу в руки Испании. Что касается Колумбии, то США оказывали дипломатический нажим на колумбийское правительство, пытаясь заставить его отказаться от помощи перуанцам²¹. Среди прочего они усиленно распространяли слух о якобы нависшей над Колумбией угрозе французской интервенции и уговаривали вице-президента Колумбии Сантандера лишить экспедиционный корпус Боливар в Перу какой бы то ни было помощи. Сантандер под предлогом французской угрозы перебросил на Панамский перешеек все имевшиеся в Колумбии корабли и 1500 солдат, предназначенных для кампании в Перу.

Боливар, усматривавший угрозу независимости латиноамериканских стран не столько со стороны Священного Союза, сколько в действиях США и Англии, писал об этих североамериканских происках так: «Короче говоря, самый враждебный акт, какой можно совершить по отношению к нам в Америке, это воспрепятствовать доставке подкрепления нашей армии в Перу»²².

США не только мешали патриотам, но и прямо помогли роялистам оружием. Министр иностранных дел Колумбии Гуал по поручению перуанского правительства (не признанного США) заявил правительству США решительный протест против того, что американский «капитан Стюарт с военного корабля «Франклин» эскортировал североамериканские корабли, доставившие военное снаряжение в порты роялистов, и совершал другие недружественные акты»²³.

Дело дошло до того, что США потребовали от колумбийского правительства возмещения убытков за американские грузы, захваченные патриотами во время блокады роялистских портов.

Поддержка Соединенными Штатами испанских роялистов в Перу носила настолько откровенный характер, что министр иностранных дел Аргентины Ривадавия заявил протест посланнику США Роднею по поводу того, что командующий военно-морскими силами США на Тихом океане «открыто защищает роялистскую армию в верхнем и нижнем Перу»²⁴.

Следовательно, последний оплот Испании в Южной Америке — Перу — держался только благодаря нескрываемой постоянной поддержке США.

Но вернемся к событиям в Колумбии.

Несбывшаяся мечта Боливара

В 1825 г. в Великой Колумбии была проведена перепись населения. По официальным данным, на территории республики проживало 2 583 799 человек. Однако большинство ученых считают, что в действительности численность достигала 3 млн.²⁵ Дело в том, что многие колумбийцы уклонились от переписи, опасаясь, что она повлечет за собой обложение новыми налогами.

1825 год был годом расцвета колумбийской государственности, политической устойчивости. Вся территория была полностью освобождена от роялистов, было создано, пожалуй, единственное на континенте правительство представительной демократии (в большинстве других государств у власти стояли каудильо и диктаторы). Ему удалось значительно снизить налоги, а некоторые вообще отменить. Многочисленные экспортные налоги были сведены к единому «налогу на экспорт», а все импортные — к «налогу на потребление». Одновременно были осуществлены некоторые антифеодальные реформы, предпринимались попытки установить протекционистские налоги. В 1825 г. была запрещена торговля рабами. В этот же период заключены торговые соглашения с рядом европейских и латиноамериканских стран.

В 1826 г. были созданы Генеральная дирекция народного образования, Национальная литературная академия и Центральный университет. Активизировалась культурная жизнь Колумбии. Театры ставили пьесы колумбийских авторов — Руфино Куэрво, Але-

хандро Велеса и др. Получили широкую известность писатели и поэты — Фернандес Мадрид, Антонио Миранда, Луис Варгас Техада, Хосе Хоакин Олмедо.

В повседневной жизни страны все больше и больше чувствовалось влияние Англии. Высшее общество Боготы во всем подражало лондонскому. Привились английская мода, скачки, тотализатор. В школах было введено преподавание английского языка, а столичная газета «Эль Конституциональ» выходила на двух языках — испанском и английском.

Очередная сессия национального конгресса в январе 1826 г. избрала президента и вице-президента республики. Подавляющее число конгрессменов проголосовали за Боливара. Выборы вице-президента вновь вылились в ожесточенную борьбу враждующих группировок. Голоса разделились между тремя претендентами. В конечном счете вице-президентом был снова избран Франсиско де Паула Сантандер.

На этой сессии произошел инцидент, послуживший началом распада Великой Колумбии. Главнокомандующий департамента Венесуэлы, видный руководитель борьбы за независимость генерал Хосе Антонио Паэс был обвинен в злоупотреблении властью. Рассмотрев обвинение, палата представителей передала «дело Паэса» в сенат, а сенат сместил генерала с высокого поста. Позицию конгресса поддержал вице-президент Сантандер, исполнявший обязанности президента, поскольку Боливар находился с армией в Перу.

Решение конгресса вызвало возмущение в Венесуэле, где к Сантандеру относились с подозрением, считали, что он, в ущерб Венесуэле, покровительствует Новой Гранаде и назначает на ответственные посты своих друзей и ставленников. 29 апреля 1826 г. Паэс передал бразды правления генералу Эскалону, назначенному Сантандером, а уже на следующий день в венесуэльском городе Валенсии вспыхнуло восстание. Муниципальный совет Валенсии не примирился с решением конгресса, потребовал изменения конституции и восстановил Паэса в должности. Более того, ассамблея, собравшаяся в Венесуэле, обвинила Сантандера в злоупотреблении властью и в поползновении на тиранию. Отношения между Сантандером и Паэсом приняли весьма острый характер.

В связи с событиями в Венесуэле все жаждали узнать позицию Боливара, который большую часть времени проводил в походах.

В июне 1825 г. новое государство, названное в честь освободителя Боливара Боливией, получило конституцию. Она предусматривала сильную исполнительную власть в лице пожизненного президента, который сам назначал своего заместителя. Законодательный орган планировался как послушный инструмент правительства. Паэс, еще до описываемого инцидента, направил своих представителей к Боливару и поручил им уговорить его установить конституционную монархию. Тогда Боливар ответил категорическим отказом. Теперь ситуация изменилась. Узнав о восстании в Валенсии, Боливар поспешил урегулировать конфликт. 14 ноября 1826 г. он

прибыл в Боготу и, узнав, что Сантандер резко критикует проект боливийской конституции, взял на себя чрезвычайные полномочия и на следующий день написал Паэсу, что снимает с него обвинения и восстанавливает во всех правах. Затем Боливар отправился в Валенсию и присвоил Паэсу одновременно две должности: должность главнокомандующего и военного губернатора Венесуэлы.

Описанный инцидент знаменовал начало вражды между Боливаром и Сантандером и начало распада Великой Колумбии. До сих пор по этому вопросу идут ожесточенные споры. Одни историки и государственные деятели обвиняют Сантандера в том, что он допустил или даже инспирировал дискредитацию прославленного генерала Паэса и тем самым содействовал распаду Великой Колумбии. Другие считают, что Боливар, «простив» и возвысив Паэса, вызвал раскол в стране и положил начало вмешательству военных в политику. По нашему мнению, Боливар раньше всех понял, что несправедливое обвинение Паэса, вызвавшее недовольство в Венесуэле, грозит серьезными осложнениями, и в тех условиях, по-видимому, единственно правильное решение состояло именно в реабилитации Паэса. Такое решение Боливара отдалило распад Великой Колумбии, хотя и не могло его предотвратить. Страна раскололась на два лагеря: на сторонников Боливара и сторонников Сантандера.

В письме генералу Сублетте Боливар 16 марта 1827 г. сообщал: «Не в силах далее терпеть вероломной неблагодарности Сантандера, я уведомил его, чтобы он больше не писал мне: я не хочу ему отвечать и называть своим другом»²⁶. Со всей очевидностью разрыв проявился на очередной сессии конгресса, начавшего свои заседания 2 мая 1827 г. в г. Тупхе и продолжавшегося в Боготе. Конгресс одобрил действия Боливара в отношении генерала Паэса и рассмотрел заявление Боливара об отставке. Это была его четвертая просьба об отставке. Президент писал, что на этот раз он окончательно решил уйти от руководства государством. «Многие подмечают у меня диктаторские замашки,— говорил Боливар,— а поскольку я и впрямь честолюбив, лучше мне уйти»²⁷. После острой дискуссии 50 членов конгресса отвергли отставку Боливара и лишь 24 соглашались удовлетворить его просьбу. Вице-президентом снова был избран Сантандер, но Боливар фактически отстранил его от власти, уполномочив министров во время своего отсутствия самостоятельно решать все вопросы. В особо важных случаях министрам предписывалось обсуждать вопросы совместно, но без участия Сантандера.

Конгресс принял закон о созыве Национальной конвенции (съезда) для пересмотра конституции. Поляризация сил углубилась. Многие воинские части и гражданские организации выступили с декларациями в поддержку планов Боливара. Однако избранные на конвенцию делегаты в большинстве своем не разделяли взглядов Боливара.

Национальная конвенция собралась 9 апреля 1828 г. в небольшом городке Оканье на юге Колумбии. Из 108 делегатов присутствовало 74. Конвенция заседала в церкви Сан-Франциско. Сантандер пытался стать президентом конвенции, но ему это не удалось, был избран сторонник Боливара Кастильо-и-Рада. Разногласия, начавшиеся во время выборов президента конвенции, уже не прекращались до самого конца. 21 мая сторонники Сантандера представили проект конституции, который шел вразрез с предложениями Боливара: Боливар выступал за унитарную республику, а Сантандер — за федерацию. Сторонники Боливара внесли контрпроект. Проекты взаимоисключали друг друга, и конвенция в Оканье, по словам Хесуса Марии Энао и Херардо Аррубла, известных авторов фундаментальной «Истории Колумбии», превратилась в «бой гладиаторов»: «Пусть я потерплю поражение, но и тебе победы не видать»²⁸.

Дебаты длились два месяца, после чего сторонники Боливара покинули конвенцию, и она прекратила свою работу. В Оканье произошел открытый разрыв между Боливаром и Сантандером.

Большинство историков считают, что именно в этот период сформировались две ставшие традиционными колумбийские партии — консерваторов и либералов. Тех, кто пошел за Боливаром, будто бы стали называть консерваторами, а тех, кто поддержал Сантандера, — либералами. Это деление весьма относительно, так как деятельность и взгляды Боливара не укладываются в понятие традиционной партии. Боливар — фигура весьма сложная и противоречивая. О нем написаны сотни книг, но герой каждой из них имеет свой, особый облик. Есть Боливар О'Лири и Боливар Ларросабалья, Боливар Мансини и Боливар Мадариаги, Боливар Родо, Лекуны и многих других. Боливар оставил 10 тыс. документов: речей, писем, воззваний и т. д., и в них он тоже разный. Мы склонны считать, что в период Великой Колумбии фактически существовала одна партия — партия независимости, боровшаяся за укрепление республиканских институтов. Внутри же эта партия делилась на боливарцев и сантандеристов.

13 июня 1828 г. интендант Кундинамарки генерал Педро Алкantara Эрран созвал нечто похожее на митинг, где присутствовало много влиятельных боготинцев. Интендант заявил, что конвенция в Оканье провалилась и что возлагать на нее какие-либо надежды не приходится. Участники митинга приняли декларацию, призывавшую аннулировать права делегатов, всю полноту власти передать Боливару, посоветовать ему срочно прибыть в Боготу (президент в это время находился в г. Сокорро) и установить... диктатуру. Декларацию поддержал совет министров. 24 июня Боливар прибыл в столицу и взял на себя всю полноту власти. 27 августа он издал декрет — конституцию, установившую его личную диктатуру. Пост вице-президента был упразднен. Президент был объявлен верховным руководителем государства.

Установление Боливаром диктатуры — предмет острых дебатов

по сей день. Кстати, именно этот акт и дал основание считать Боливара создателем консервативной партии. Правда, нынешние колумбийские либералы называют Боливара отцом либеральной партии Колумбии. Мы же считаем, что Боливар, один из основателей колумбийской нации, фактически не участвовал в создании партии.

Устанавливая диктатуру, Боливар, как это видно из его переписки, искренне верил в то, что это был единственный способ спасти Великую Колумбию. Повсюду вспыхивали восстания, ширилось недовольство, и Боливар решил сделать еще одно усилие, чтобы сохранить Великую Колумбию.

Многие историки считают установление диктатуры серьезной ошибкой Боливара. М. Пуэнтес пишет: «Если бы отец нации не порвал свою дружбу с Сантандером и они вместе руководили бы страной, Колумбия развивалась бы нормально, уверенно и, возможно, представляла бы собой сегодня единый и сильный народ»²⁹.

Думается, что весьма недалек от истины видный колумбийский ученый Луис Лопес де Меса, который считает, что в этот период «Боливар был ниже задач, стоявших перед республикой. Другие же руководители вообще были посредственностями»³⁰.

Установление диктатуры вызвало усиление оппозиции. Против Боливара готовился заговор. Заговорщики состояли из двух групп. Молодые революционно настроенные интеллектуалы вели пропаганду в печати за смещение Боливара. Группа недовольных Боливаром военных решила уничтожить его физически.

Ночью 25 сентября 1829 г. заговорщики (12 гражданских лиц и 25 солдат под командованием майора Педро Карухо) с криками «Да здравствует генерал Сантандер! Долой тирана!» ворвались во дворец Сан Карлос — резиденцию Боливара. Заговорщики убили двух солдат охраны, остальных разоружили и начали ломиться в спальню президента. (Примечательно, что солдаты, принявшие участие в мятеже, были обмануты: им сказали, что жизнь Боливара в опасности и его надо спасти)³¹. Ничего не подозревавший Боливар крепко спал. От шума проснулась Мануэла Саенс и разбудила Боливара. Первым побуждением его было дать бой: он взял в одну руку пистолет, в другую — саблю и двинулся к двери. Но Мануэла убедила его в бессмысленности подобного шага, уговорила выпрыгнуть в окно (спальня помещалась на втором этаже) и скрыться. Боливар послушался доброго совета и засел у моста Эль Кармен, в двух кварталах от президентского дворца. Впоследствии он назовет Мануэлу Саенс «освободительницей освободителя»*. Заговорщики

* Мануэла Саенс была личностью яркой и по-своему выдающейся. Красивая, умная, смелая женщина, она привлекала к себе всеобщее внимание. С кем только ее ни сравнивали! И с мадам де Помпадур, и с Марией Антуанеттой, и с леди Гамильтон, и с Екатериной II... Но существенно одно: что она сыграла важную роль в жизни Боливара, более важную, чем даже его встреча с Наполеоном и Мирандой, утверждает один из его биографов. После смерти Боливара донья Мануэла жила в Боготе и активно участвовала в политической жизни. Ради успеха заговора генерала Урданеты против Сантандера

пытались захватить казармы, но безуспешно. В центре города всю ночь не прекращалась перестрелка между частями, верными Боливару, и мятежниками. К утру мятеж был подавлен. Первой реакцией Боливара было уйти в отставку и уехать в Европу. Он даже приказал своему секретарю Кастильо-и-Раде подготовить соответствующий декрет о своей отставке и о прощении заговорщиков, чьи имена он даже не захотел узнать. Однако группа генералов во главе с военным министром Урданетой уговорили Боливара остаться и во имя Великой Колумбии наказать мятежников. В конце концов, Боливар согласился. Заговорщиков жестоко наказали. Сантандер, заподозренный в участии в заговоре, был арестован и приговорен к расстрелу вместе с 14 зачинщиками. Хотя на допросах Сантандер не смог отрицать, что знал о намерении заговорщиков восстановить конституцию 1821 г., он, однако, с самого начала отрицал свою вину; формально участие его в заговоре доказано не было, и смертную казнь ему заменили высылкой из Колумбии (после семимесячного тюремного заключения он был выслан в Европу).

Заговор 25 сентября был самым крупным, но не единственным. Так, Боливара чуть не убили во время бала в Колизее 10 августа 1828 г.

Генералы Хосе Мария Обандо и Хосе Иларио Лопес подняли восстание против Боливара в Попайяне. Обстановка осложнилась вооруженным конфликтом с Перу. Президенту удалось подавить восстание и урегулировать конфликт. 22 сентября 1829 г. он подписывает мирный договор с Перу и назначает на январь 1830 г. созыв конституционного конгресса. Но Боливара ждут новые осложнения. Бывший его соратник, герой многих сражений генерал Хосе Мария Кордоба, в свое время настоятельно советовавший Боливару установить диктатуру, 12 сентября 1829 г. поднял восстание в Антиокии. Некоторые историки считают, что Кордоба давно мечтал свергнуть Боливара и лишь прикидывался его другом³². Захватив столицу провинции Антиокия Медельин, он установил «революционную» власть и присвоил себе титул «главнокомандующего армией свободы».

О событиях в Антиокии в Боготе стало известно лишь две недели спустя. В октябре того же года туда были направлены войска под командованием генерала О'Лири; мятеж был подавлен, а генерал Кордоба расстрелян. На Боливара снова обрушился град упреков за жестокое обращение с заговорщиками.

Боливар метался, изыскивая способ спасения Великой Колумбии. С отчаяния он стал прислушиваться даже к тем советчикам, ко-

она продала все свои драгоценности. В 1833 г., решив «умереть как Клеопатра», дала себя укусить ядовитой змее. В 1834 г. ее выслали из Боготы. 25 лет спустя «освободительница освободителя», больная, одинокая и всеми забытая, содержала маленькую табачную лавку в перуанском порту Паита. Великий Гарибальди, познакомившись с ней, сказал: «Это самая очаровательная и любезная женщина из всех, каких я когда-либо встречал!» (*M. Puentes. Historia del Partido liberal colombiano. Bogota, 1965, p. 205—206*).

торые рекомендовали ему установить монархию. В сентябре 1829 г. он повел переговоры на эту тему с представителями Англии и Франции. Предполагалось, что Боливар до конца жизни останется главой государства с титулом «Освободителя», а затем его сменил король. Французскому дипломату наметнули, что королем-премьером Боливара, видимо, будет представитель королевской династии Франции. Однако проект этой поддержки не получил и вскоре был отвергнут. Существовало также мнение, что Боливара следует провозгласить пожизненным президентом. Наконец, третья группа настаивала на укреплении института конституционного президента. Представители всех трех течений сходились на том, что при любом варианте президентом, главой государства должен оставаться Боливар. Но такие взгляды разделяли только жители центральной и южной частей Великой Колумбии; север же требовал выхода из федерации и образования самостоятельного государства — Венесуэлы.

В конце декабря 1829 г. генерал Паэс созвал в Каракасе ассамблею, потребовавшую окончательного выхода Венесуэлы из Великой Колумбии. Тогда Боливар созвал конгресс. 20 января 1830 г., только что вернувшись в Боготу из Кито, он открыл первое заседание, которое назвал «выдающимся». Присутствовали 47 делегатов. Президентом конгресса был избран герой национально-освободительной борьбы маршал Сукре. Большинство конгресса состояло из противников Боливара. Дело приняло такой оборот, что Боливар вручил конгрессу заявление об отставке с поста президента. Боливар тяжело переживал свои неудачи, велики были его сомнения. «Меня подозревают в том, что я стремлюсь к установлению тирании, — писал Боливар. — Но если судьба государства зависит от одного человека, то такое государство не имеет права на существование и в конце концов сгинет... Если вы примете мою отставку и назначите президентом человека, которого народ любит, вы осчастливите нашу республику... Примите мою отставку, тем самым вы спасете славу республики, мою славу, славу Колумбии. Я навсегда уйду от государственных дел»³³.

Конгресс отклонил просьбу Боливара и предложил проект новой конституции, согласно которому государство возглавляет президент, избираемый на восемь лет; ему помогают министры; при президенте имеется консультативный орган — государственный совет. Согласно новому административному делению, Великую Колумбию предполагалось разбить на департаменты, провинции, кантоны и приходы. Конгрессмены полагали, что предложенный вариант приемлем для всех, в том числе и для Венесуэлы. Но переговоры с венесуэльской делегацией оказались бесплодными.

1 марта 1830 г. Боливар вручил конгрессу окончательное заявление об отставке, назначив вместо себя временным президентом Великой Колумбии видного участника борьбы за независимость генерала Доминго Кайседо, и удалился в поместье Фуча, неподалеку от Боготы.

4 мая 1830 г. конгресс избрал президентом Великой Колумбии Хоакина Москеру, а вице-президентом — Доминго Кайседо. Москеры не было в столице, поэтому исполняющим обязанности президента остался Кайседо. 9 мая конгресс принял специальный декрет об установлении Боливару пожизненной пенсии в размере 30 тыс. песо в год и о целом ряде почестей.

6 мая во время работы «выдающегося» конгресса (закончившегося 10 мая) в г. Валенсии собрался Конституционный конгресс Венесуэлы, принявший окончательное решение о выходе из Великой Колумбии и обрушивший на Боливару новую лавину бездоказательных обвинений. Боливар тяжело пережил эту очередную несправедливость. Морально подавленный, больной, без средств, он покидает столицу и направляется в Картахену, чтобы оттуда уехать в Европу. 8 мая 1830 г. в Боготе были организованы пышные проводы «Освободителя».

Вскоре после отъезда Боливар покидает Боготу и Сукре — он едет в Эквадор для переговоров с твердым намерением отстоять Великую Колумбию, состоящую из Новой Гранады и Эквадора. Добравшись до Попайяна, Сукре выехал в район, который сегодня называется департаментом Нариньо. Утром 4 июня около местечка Ла Унион (тогда носившего название Вентакемада) Сукре был убит³⁴, убит подло, из засады. Историки Колумбии, Эквадора и Венесуэлы до сих пор спорят о причинах убийства, о том, кто его подстроил и осуществил. Анализируя материалы и документы, предположения и догадки, высказанные учеными, мы склонны считать, что заговор был организован врагами Боливару. Сукре был самым выдающимся военным и государственным деятелем в окружении Боливару, к тому же его преданным другом и сторонником. После ухода «Освободителя» с политической арены враги его боялись, что Сукре станет фигурой номер один; боялся этого и правитель Эквадора генерал Хуан Хосе Флорес, мечтавший стать президентом. По-видимому, они-то и виновны в трагической гибели Сукре. Смерть любимого друга и единомышленника была тяжелым ударом для Боливару.

Дни Великой Колумбии были сочтены. В августе 1830 г. вышел из состава Великой Колумбии и образовал самостоятельное государство Эквадор, причем провинции департамента Кауки — Буэнавентура, Пасто и Попайян, всегда составлявшие часть Новой Гранады, присоединились к Эквадору. Генерал Рафаэль Урданета силой оружия заставил президента Москеру и вице-президента Кайседо уйти в отставку, 4 сентября 1830 г. взял власть в свои руки. 23 сентября вышла из Великой Колумбии и Венесуэла: в этот день конгресс Венесуэлы принял самостоятельную конституцию.

Эти события окончательно подкосили Боливару. Проехав Картахену и Барранкилью, он прибыл 1 декабря 1830 г. в Санта Марту, чтобы оттуда отправиться в Европу, однако продолжить путешествие уже не смог. 17 декабря 1830 г. Боливар умер.

Имя великого патриота и гражданина Симона Боливару живет

в сердце народа. Его военный талант, политическая зоркость, государственный ум, высокий патриотизм и страстная любовь к родине вдохновляют народы Латинской Америки на борьбу за свободу и независимость. Были у Боливара и ошибки, и заблуждения; грешил он подчас позерством и приверженностью к внешним эффектам. Короче, ничто человеческое не было ему чуждо, но Боливар всегда умел жертвовать личным ради интересов народа. И в памяти народной нынешних Венесуэлы, Колумбии, Панамы, Эквадора, Перу и Боливии Симон Боливар сохранится как «солдат свободы». Конгрессы нескольких латиноамериканских республик провозгласили Боливара «Освободителем». Пятнадцать лет вел Боливар войну за свободу и независимость, участвовал в 472 сражениях. Обращения Боливара к народу, его воззвания и прокламации проникнуты мужеством, благородством, верой в победу.

В своем важнейшем политическом документе — «Письме с Ямайки» Боливар призывал своих соотечественников к единству: «Мы сможем изгнать испанцев и создать свободное правительство только при одном условии — при условии единства. Это единство не придет к нам от божественного провидения; мы его можем завоевать в борьбе совместными усилиями»³⁵.

«Основами республиканского правительства,— говорил Боливар,— должны быть суверенитет народа, разделение властей, гражданские свободы, запрещение рабства, запрещение монархии и отмена привилегий. Народное образование должно быть главным объектом отеческой заботы конгресса. Моральные устои и просвещение — вот основы республики...». Заканчивалась эта речь-программа призывом образовать правительство, которое установило бы в Венесуэле «справедливость, гуманность и мир. Правительство, которое, установив строгие законы, обеспечило бы равенство и свободу»³⁶.

Боливар придавал огромное значение единству в борьбе против иноземных захватчиков и против внутренних врагов. Покидая пост президента в 1830 г., обращаясь к правительству и конгрессу, он говорил: «От имени Колумбии я прошу вас, я умоляю вас сохранить единство, не стать палачами родины и самоубийцами». Умирая, он произнес великие слова: «Если моя смерть... приведет к укреплению единства, то я спокойно сойду в могилу»³⁷.

Имя Боливара пользуется в Латинской Америке большой популярностью. Оно увековечено в названиях государства, провинций, городов, площадей, улиц, многочисленными памятниками. Слова его о себе оказались пророческими. Боливар писал: «История скажет: «Боливар принял на себя командование, чтобы освободить своих сограждан, и когда они стали свободными, он предоставил им возможность подчиняться законам, а не его воле»³⁸.

Уильям З. Фостер в «Очерке политической истории Америки», говоря о распаде Великой Колумбии, пишет: «Молодое государство стало жертвой все тех же разногласий по поводу того, должно ли оно быть федеративным или унитарным. Центробежные сепаратистские тенденции, в основном федерального характера, взяли

верх, и в 1832 г., после гражданской войны, Великая Колумбия распалась на части, соответствующие нынешним самостоятельным государствам — Колумбии, Венесуэле и Эквадору»³⁹.

Американский историк А. Б. Томас, напротив, считает, что «идея Боливара о великом колумбийском государстве задержала нормальное политическое развитие Колумбии, Эквадора и Венесуэлы» и что только «когда «Освободитель» сошел со сцены, возобновилось нормальное развитие упомянутых государств»⁴⁰. А. Б. Томас не прав. Стремление Боливара к единству, к созданию единого крупного и сильного государства, способного противостоять империалистическим хищникам, было, безусловно, прогрессивным, и ему удалось немало сделать в этом направлении. Другое дело, что не вся Великая Колумбия, не все слои населения его поддержали. Эквадор, Колумбия и Венесуэла экономически и территориально были слишком оторваны друг от друга.

Той же идеей единства руководствовался Боливар, созывая в 1826 г. конгресс латиноамериканских стран в Панаме; лишь выступая единым фронтом, эти слабые государства могли заставить страны Европы и США уважать их суверенитет.

Боливар мечтал заключить общеамериканский пакт, который, «объединив все республики в один политический организм, позволил бы Америке предстать перед миром в ореоле такого величия, какого не знали народы древности»⁴¹. На конгрессе в Панаме он выдвинул идею «Соединенных Штатов Юга». Союз равноправных и самостоятельных наций, по мнению Боливара, был бы действенным противовесом экспансионистской политике Соединенных Штатов. Однако попытка Боливара создать федерацию всех стран Южной Америки потерпела неудачу главным образом из-за сопротивления США и Англии, а также вследствие разногласий помещичье-буржуазных группировок латиноамериканских стран.

Идеологи американского империализма пытаются интерпретировать призыв Боливара к объединению латиноамериканских стран по-своему, так, как это выгодно им. Они расточают лицемерные похвалы Боливару и... провозглашают его «духовным отцом панамериканизма!». Но между стремлением Боливара к объединению, к солидарности, к сотрудничеству суверенных государств и панамериканизмом нет ничего общего, поскольку панамериканизм всегда сводился лишь к красивой фразе, всегда был и остается идеологическим оружием в руках крупных североамериканских монополий. Разглагольствования об общеамериканских целях и интересах, об эфемерном межамериканском сотрудничестве — это лишь один из способов отвлечь народные массы Латинской Америки от борьбы за национальную независимость, за ликвидацию иностранного господства.

Республика Новая Гранада

После смерти Боливара брожение в Новой Гранаде резко усилилось, и генерал Урданета, узурпировавший власть, был не в силах справиться с ситуацией. В апреле 1831 г. он подал в отставку, и исполняющим обязанности президента снова стал бывший вице-президент Кайседо. Кайседо созвал в Боготе 20 октября национальную конвенцию (конгресс), президентом которой был избран епископ Санта Марты Хосе Мария Эстевес. 29 февраля 1832 г. была принята новая конституция. Делегаты долго спорили о том, как будет называться новая страна: Колумбия или Новая Гранада. В конце концов было решено назвать ее «Республика Новая Гранада». В соответствии с новой конституцией исполнительную власть возглавлял президент, избираемый на четыре года и не имеющий права быть переизбранным на новый срок. При президенте учреждался государственный совет из семи человек, избираемых конгрессом на четыре года. Ликвидировалось деление на департаменты. Новое административное устройство предусматривало деление страны на 15 провинций во главе с губернаторами, назначаемыми президентом, на кантоны во главе с «политическими руководителями» и муниципальными советами и приходы, возглавляемые алькальдами. Конгресс состоял из сената (сенаторы избирались на четыре года) и палаты представителей, избираемых на два года. Выборы президента, вице-президента и членов конгресса должны были осуществляться специальные избирательные ассамблеи, членами которых могли быть только мужчины, отвечавшие определенному образовательному цензу и имевшие семью, или же холостые мужчины старше 25 лет. Избирательное право было жестко ограничено: им пользовались лишь мужчины, имеющие семью или достигшие 21 года, за исключением слуг и поденщиков⁴². «Совершенно ясно, что лишь немногие граждане могли воспользоваться избирательным правом», — пишет Мануэль Хосе Фореро, автор «Аналитической истории Колумбии»⁴³.

Следует заметить, что как в рассмотренной конституции, так и во всех предыдущих и последующих, несмотря на неизменно фигурировавший принцип «народного суверенитета», феодальные отношения и рабство сохранялись. Как правило, видные генералы, участвовавшие в войне за независимость, получали в награду крупные поместья и превращались в помещиков.

Президентом Новой Гранады 49 голосами против 14 конгресс избрал Франсиско де Паула Сантандера, находившегося в эмиграции. Острая борьба разгорелась вокруг кандидатуры вице-президента, только после пятнадцатого голосования на этот пост был избран Хосе Игнасио Маркес, временно приступивший к исполнению обязанностей президента.

В этот период весьма обострились отношения Новой Гранады с Эквадором. Дело в том, что диктатор Эквадора Хуан Хосе Флорес оккупировал новогранадские города Пасто и Буэнавентуру;

эквадорский конгресс поспешил узаконить их присоединение. Дипломатические переговоры не дали желаемых результатов, и новогранадская армия под командованием генералов Хосе Иларио Лопеса и Хосе Мария Обандо изгнала захватчиков. В декабре 1832 г. между Новой Гранадой и Эквадором был заключен договор о мире, дружбе и союзе.

Сантандер прибыл в Санта Марту в июле 1832 г. из Нью-Йорка и приступил к исполнению обязанностей президента 7 октября 1832 г. Вскоре состоялись выборы президента по новой конституции. Из 1263 избирателей за Сантандера отдали голоса 1012; собравшийся в марте 1833 г. конгресс утвердил его избрание. Вице-президентом стал Хоакин Москера — экс-президент Великой Колумбии.

Не успел Сантандер приступить к исполнению своих президентских обязанностей, как вокруг него возникла атмосфера нескончаемых заговоров. Самым крупным из них был заговор генерала Хосе Сарда, наметившего убийство Сантандера на 27 июля 1833 г. Узнав о заговоре, Сантандер жестоко расправился с его участниками. 17 человек были расстреляны и около 30 брошены в тюрьмы. Генералу Сарда удалось бежать из тюрьмы; больше года он скрывался, но затем был выслежен и убит.

После распада Великой Колумбии Великобритания и другие кредиторы потребовали уплаты долгов. Весь 1833 г. шли жаркие споры о том, какую часть долга должно платить каждое из трех государств. Сантандер предлагал разделить сумму долга на девять частей, с тем чтобы Новая Гранада выплатила четыре, Венесуэла — три и Эквадор — две части. Вице-президент Москера доказывал, что при этом надо учитывать благосостояние каждой страны и численность ее населения. Министр иностранных дел Помбо предлагал исходить только из объема казны и т. д. Эквадор в переговорах не участвовал, а Новая Гранада и Венесуэла после долгих споров договорились, что Новая Гранада заплатит половину долга, а вторая половина будет поделена между Венесуэлой и Эквадором из расчета 28,5 и 21,5% соответственно. 14 декабря 1833 г. Новая Гранада и Венесуэла подписали договор о дружбе, союзе, торговле и навигации, урегулировавший в тот момент все спорные вопросы. Однако год спустя конгресс Венесуэлы отказался ратифицировать этот договор из-за территориальных споров; речь шла о небольшой территории Сан Фаустино, расположенной на правом берегу реки Тачира, недалеко от города Кукуты*.

Администрация Сантандера осуществила ряд внутриполитических реформ. Сантандер принял также меры для улучшения образования. В 1834 г. в Новой Гранаде насчитывалось свыше 500 школ

* Спор этот тянулся долгие годы и был передан на рассмотрение испанскому двору. Королева-регентша Мария-Кристина 16 марта 1891 г. вынесла решение, и специальная комиссия Венесуэлы и Новой Гранады провела, наконец, демаркационную линию.

первой ступени, в которых обучалось около 17 тыс. учащихся обо-его пола. В университетах Боготы, Картахены и Попайяна и в 17 государственных и частных колледжах провинций обучалось 1700 студентов⁴⁴.

К моменту окончания президентского срока Сантандера в стране снова бушевали политические страсти, что, впрочем, не удивительно: слишком очевидными были противоречия между правом, конституцией, с одной стороны, и колониальной экономикой отсталого аграрного государства, с другой.

Спор о преемнике Сантандера привел страну к полному расколу. Выявились три течения. Первое возглавлял сам Сантандер. Он и его сторонники исходили из того, что, поскольку страна все еще переживает период становления, президентом может быть только генерал, сильная личность, например генерал Обандо; его поддерживали также военные, выступавшие в свое время против Боливара.

Второе течение составляли «цивилисты», считавшие, что президентом должен быть «сивико» — гражданское лицо. Это течение в свою очередь делилось на две группы. Первая, получившая впоследствии название группы радикалов, выдвинула своим кандидатом доктора Висенте Асуэро, умного человека, доказавшего свою преданность интересам страны и резко критиковавшего правительство, но обладавшего крайне неуравновешенным, порой бешеным нравом. Вторая группа этой фракции выдвинула Хосе Игнасио де Маркеса, вице-президента Новой Гранады, человека умеренных взглядов, спокойного, осмотрительного.

Наконец, третье течение, объединявшее бывших сторонников Боливара, поддержало Маркеса.

Хотя Сантандер неоднократно подчеркивал свою объективность, он тем не менее не скрывал, что поддерживает кандидатуру генерала Обандо. По всеобщему мнению, Обандо располагал наибольшими шансами на успех.

Выборы, состоявшиеся в 1837 г., дали следующие результаты: из 1623 избирателей проголосовали за Маркеса 622, за Обандо — 555, за Асуэро — 164 и за прочих — 282⁴⁵. Поскольку ни один из трех не получил необходимого большинства, конгресс в том же году 64 голосами избрал президентом Маркеса; Асуэро собрал 32 голоса. Таким образом, конгресс, в какой-то мере отражая общественное мнение и недовольство правлением Сантандера, высказался за то, чтобы пост президента принадлежал гражданскому лицу.

Хосе Игнасио де Маркес (1793—1880), бывший министр экономики, депутат и председатель конституционной ассамблеи, при президенте Сантандере был вице-президентом Новой Гранады, а в течение семи месяцев, пока Сантандер находился за границей, замещал президента. 1 апреля 1837 г. Маркес принес присягу. Новый президент начал с уточнения и окончательного решения вопроса о внешних долгах бывшей Великой Колумбии. В соответствии с указанной выше раскладкой на долю Новой Гранады при-

ходила огромная сумма — 51 699 143,34 песо (Венесуэла должна была выплатить 29 468 511,70, а Эквадор — 22 230 631,64 песо) ⁴⁶. К этому времени Новая Гранада сумела выплатить лишь около 4 млн. песо.

Первые два года правления Маркеса прошли относительно спокойно: в стране был восстановлен порядок, принимались меры для упорядочения экономики, подорванной смутой и хаосом предшествующих лет. В 1837 г. конгресс издал уголовный кодекс. В 1838 г. были установлены торговые отношения с Испанией*.

В 1839 г. конгресс принял постановление о закрытии опустевших монастырей в Сан-Франциско, Ла Мерсед, Санто-Доминго и Сан Агустин (провинция Пасто). В каждом из них оставалось всего от двух до восьми монахов. Часть богатств этих монастырей предполагалось использовать для улучшения образования в этой провинции. Однако при первой же попытке властей осуществить это решение в Пасто вспыхнуло восстание и губернатор, располагавший очень ограниченным числом солдат, был вынужден (в июле 1839 г.) подписать капитуляцию. Президент Маркес отказался одобрить действия губернатора и направил в Пасто войска под командованием генерала Педро Алкантара Эррана, который энергично навел там порядок. Мир в Новой Гранаде был восстановлен, но ненадолго. В январе 1840 г. генерал Хосе Мария Обандо, потерпевший неудачу как кандидат в президенты на выборах 1837 г., поднял в Тимбио мятеж против правительства. Генералу Эррану удалось уговорить Обандо сложить оружие, и на какое-то время страсти улеглись.

Вскоре умер Сантандер (1792—1840), признанный глава оппозиции. После того как он в 1837 г. оставил пост президента, Сантандер в 1838 и 1840 гг. избирался депутатом конгресса. Смерть Сантандера всколыхнула давние споры о роли этого несомненно выдающегося государственного деятеля Колумбии. Спор этот продолжается и поныне. Одни историки и политические деятели непомерно раздувают заслуги «человека закона», другие сознательно замалчивают его очевидные достоинства. Истина лежит где-то посредине: фигура, безусловно, незаурядная; сторонник республиканской формы правления, талантливый организатор, Сантандер в 1816—1827 гг. был сподвижником Боливара, активным борцом за независимость, а в 1827—1840 гг. стал противником Боливара, сторонником жестких мер; если в начале 30-х годов он возглавлял либеральную партию, то впоследствии фактически возглавил реакционеров-консерваторов. Имя Сантандера пользуется популярностью в Колумбии, оно присвоено одному из департаментов страны, многим населенным пунктам и учреждениям.

В июле 1840 г. генерал Обандо снова поднял мятеж; на этот раз он прибегнул к партизанским методам ведения войны. Генерал

* Договор о мире и дружбе между Испанией и Новой Гранадой был подписан лишь в 1881 г.

провозгласил себя защитником религии, «попранной антинародным правительством», присвоил себе звание «верховного главнокомандующего армии Пасто, выступившего на защиту христовой веры». Правительство Новой Гранады обратилось за помощью к диктатору Эквадора (провинция Пасто находилась на границе с Эквадором) Флоресу, и тот послал войска. Но разгром Обандо не принес стране мира. Например, во многих департаментах вспыхнуло восстание против правительства. То тут, то там появлялись генералы, провозглашавшие себя «верховными правителями», «спасителями» и т. д., они рвались к власти, становились мелкими диктаторами, обзаводились земельной собственностью. Страну охватило пламя братоубийственной гражданской войны.

Генерал Эрран, прославившийся при подавлении мятежей, был избран конгрессом (в марте 1841 г.) президентом Новой Гранады (вступил в должность 2 мая). Но ему пришлось целый год провести на полях сражений, борясь с многочисленными претендентами на пост диктатора Новой Гранады. В этой мясорубке погибли тысячи людей, цвет тогдашней молодежи. Последствия войны были ужасны: казна опустела, в стране царил беспросветная нищета, экономика пришла в полный упадок. К ужасам войны добавилась эпидемия оспы. Министр внутренних дел Мариано Ospina в своем отчете конгрессу в 1842 г. сообщал, что оспа унесла двенадцатую часть населения республики ⁴⁷.

Видный колумбийский ученый Хосе Мария Сампер следующим образом характеризует войну 1839—1841 гг.: «Новая Гранада не знала такой бессмысленной разрушительной революции, как та, которая началась в 1839 г. и закончилась в 1841 г. и расчистила почву для наступления реакции» ⁴⁸.

Президентство генерала Педро Алькантара Эррана (1800—1872), длившееся с 1842 по 1845 г., протекало в относительно спокойной обстановке и характеризовалось стремлением наладить жизнь страны. В 1843 г. была проведена перепись населения, которая установила, что население Новой Гранады составляет 1 931 648 человек ⁴⁹. Много внимания было уделено образованию. Руководить образованием было поручено ордену иезуитов. В 1844 г., впервые после изгнания иезуитов в 1767 г., в Боготе появились представители ордена. Мариано Ospina разработал обширный план реорганизации всей системы образования. Были созданы три университетских центра: в Боготе, Попайяне в Картахене. В большинстве провинций появились колледжи и во всех провинциях — средние школы. В учебных заведениях был установлен строгий режим. Так, например, занятия в колледжах длились с пяти утра до пяти вечера; на завтрак, обед и отдых отводилось всего три часа. Учащимся полагалось носить форму; надевать поверх нее что-либо еще запрещалось; на головном уборе стояло название учебного заведения. Впервые в Новой Гранаде появились детские учреждения, училища, где обучали ремеслам, сельскохозяйственные школы.

20 апреля 1843 г. была принята очередная конституция, предусматривавшая расширение прав президента и централизацию политической власти.

На президентских выборах 1845 г. баллотировались два кандидата: генерал Томас Сиприано де Москера и генерал Эусебио Борреро, оба либералы. Существенной разницы между их избирательными программами не было, поэтому выборы прошли спокойно. Однако ни один из кандидатов не набрал необходимого большинства, и окончательное решение принял конгресс, остановивший свой выбор на генерале Москере (1798—1878), который вступил на пост президента 1 апреля 1845 г. Москера — в прошлом видный участник войны против Испании, адъютант Боливара, военный и морской министр, интендант департамента Гуаякиль и пр. По утверждению некоторых историков, Москера весьма напоминал Цезаря как внешне (смотри бюст знаменитого римлянина в Лондонском музее), так и необузданностью характера, противоречивостью взглядов и решений. Живописный портрет этого генерала и государственного деятеля рисует в своей книге «Великий генерал Москера» Рафаэль Нуньес⁵⁰.

Новый президент провел ряд преобразований. В частности, занялся развитием судоходства по реке Магдалене, навел порядок в системе денежного обращения, улучшил работу почтовой службы, начал строительство капитолия, оснастил новейшими приборами национальную обсерваторию, пособиями — учебные заведения, основал военно-инженерную школу, занялся строительством шоссе дорог.

В эти годы заметно улучшилось печатное дело. Первый печатный станок появился в Новой Гранаде в 1737 г. (был завезен иезуитами). В 1808 г. Антонио Нариньо организовал небольшую типографию. Но первая настоящая большая типография, по последнему слову техники, была создана лишь в 1846 г. при президенте Москере; одновременно было налажено и обучение наборщиков.

В 1847 г., после жарких дебатов, конгресс отменил протекционистскую политику — ввел свободу торговли: в Колумбию хлынул поток иностранных товаров. Зажиточная часть населения была довольна: не надо было ездить за хорошими вещами за границу, стельные все можно было приобрести в Боготе. Но народ, особенно ремесленный люд, роптал. Слабая, лишь зарождавшаяся промышленность не могла выдержать конкуренции с продукцией развитых капиталистических держав. Фабрики и мастерские закрывались, тысячи рабочих оставались без средств к существованию. Росла преступность. Тем временем население Новой Гранады постоянно увеличивалось, в частности за счет того, что Москера поощрял приток иммигрантов из Европы (среди них было много людей, бежавших от преследований после поражения революции 1848 г.).

В период президентства Москеры были закончены переговоры и в 1846 г. подписан договор между Новой Гранадой и США.

Американо-колумбийский (новогранадский) договор 1846 г.

Государственные руководители Новой Гранады, в первую очередь Симон Боливар, прекрасно понимали стратегическое и экономическое значение Панамского перешейка. Вопрос о постройке канала через Панамский перешеек силами народов Западного полушария Боливар поставил еще в 1826 г. на конгрессе в Панаме. В 1834 г. президент Новой Гранады Сантандер выступил с проектом постройки железной дороги через перешеек. Важная роль ее была ясна уже тогда: такая дорога сократила бы на несколько тысяч километров морской путь, идущий вокруг мыса Горн, и значительно оживила бы торговлю; практически все страны мира получили бы доступ в Латинскую Америку.

Однако осуществить свой замысел руководители Новой Гранады не смогли: не было средств, а все силы уходили на междоусобные войны, на борьбу за власть.

Не имея возможности построить канал своими силами и не желая подпускать к столь лакомому кусочку иностранное государство, колумбийское правительство задумало предоставить концессию на строительство канала группе иностранных капиталистов. В 1838 г. такая концессия была предложена одной французской компании; та приняла предложение и приступила к изыскательским работам. Компании удалось заинтересовать французское правительство, которое в 1843 г. послало на перешеек своего представителя для ознакомления с положением дел. Эмиссар французского правительства, однако, счел проект канала фантастическим. В результате французское правительство не оказало материальной поддержки компании, и она отказалась от концессии.

В 1843 г. министр иностранных дел Новой Гранады поручил своему посланнику в Лондоне предложить правительствам Великобритании, Франции, США, Голландии и Испании построить канал через Панаму совместными усилиями⁵¹. В инструкции посланнику совершенно четко оговаривалось сохранение суверенитета и юрисдикции Новой Гранады над Панамским перешейком. Правительство Новой Гранады не могло не думать при этом об обороне Панамы, оно отчетливо представляло себе, что канал через Панаму будет иметь крупнейшее стратегическое значение для всех морских держав и что обеспечить неприкосновенность Панаме будет не просто. Вот почему всякий раз, когда ставился вопрос о сооружении канала или железной дороги через Панамский перешеек, колумбийские министры иностранных дел немедленно требовали обеспечения нейтралитета этих путей. В ноте министра иностранных дел Новой Гранады, о которой мы говорили выше, также предлагалось, чтобы Великобритания, Франция, США, Голландия и Испания совместно гарантировали нейтралитет пути через перешеек.

Эта и другие попытки Новой Гранады привлечь европейские державы к строительству канала и обеспечению гарантии его нейтралитета не увенчались успехом. Касаясь перспективы заключения

договора с США, МИД Колумбии писал в своем отчете конгрессу: «Этот договор не мог быть заключен, так как инструкции правительства Соединенных Штатов предписывают в качестве обязательного условия отмену всех преференциальных прав и не представляют взамен никакой компенсации»⁵². Как замечает министр, лишь в начале 1845 г. США поняли, что без элементарных уступок с их стороны колумбийское правительство на заключение договора не пойдет.

К этому времени интерес США к Панамскому перешейку заметно усилился. С самого начала XIX в. США стремились к тому, чтобы канал через перешеек был построен если не под безраздельным контролем американцев, то по крайней мере под контролем нескольких государств. В 1826 г. государственный секретарь США, давая инструкции делегатам, собиравшимся на конгресс в Панаме, заявил: «Если при постройке канала будет обеспечен проход морских кораблей из океана в океан, то выгоды не могут быть присвоены исключительно одной нацией...»⁵³.

В 1835 г. конгресс США уполномочил президента Джексона вести переговоры с правительствами Новой Гранады и Центральной Америки о защите прав компаний по строительству канала между Тихим и Атлантическим океанами и об обеспечении «свободы и равных прав судоходства по этому каналу для всех тех стран, которые будут платить установленную стоимость за проезд для компенсации предпринимателей, вложивших свои капиталы в это предприятие, и для завершения его строительства»⁵⁴.

В 1839 г. конгресс вновь возвратился к этому вопросу. В эти годы правительство США принимает все меры к тому, чтобы ни одно из иностранных государств не установило единоличного контроля над будущим Панамским каналом.

В июне 1845 г. правительство США направило в Боготу Б. Бидлока с заданием препятствовать иностранным представителям в получении каких-либо привилегий на Панамском перешейке и заручиться такими привилегиями для США. Убедившись, что других стран, заинтересованных в сооружении канала через Панаму, нет, Новая Гранада осенью 1846 г. начала переговоры с Бидлоком. 27 ноября 1846 г. в докладной записке государственному секретарю США Бьюкенену Бидлок просил, как можно скорее, прислать инструкции и полномочия ввиду возможности заключения договора с Колумбией и «обеспечения Соединенным Штатам права прохода через Панамский перешеек»⁵⁵.

Вначале США стремились заключить два договора: один — о праве США пользоваться Панамским перешейком и второй — о торговле. Однако Новая Гранада настояла на том, чтобы оба вопроса были включены в один документ.

Соглашаясь на переговоры с США, Новая Гранада, как ясно видно из отчетов министра иностранных дел за 1840—1846 гг., не собиралась делать США единственным гарантом и защитником Панамского перешейка. Новогранадские деятели считали, что этот

договор будет одним из серии подобных договоров с крупнейшими странами мира, которым Новая Гранада собиралась предоставить торговые привилегии в обмен на гарантию суверенитета Новой Гранады над Панамским перешейком. О том, что это было именно так, свидетельствует и специальное послание президента США Полка сенату от 10 февраля 1847 г. Касаясь договора с Новой Гранадой, Полк писал: «По-видимому, единственный эффективный способ обеспечения для всех стран выгод из этого важного пути — это *гарантирование великими торговыми державами существования перешейка в качестве нейтральной территории* (курсив мой.— С. Г.). Гарантия суверенитета Новой Гранады над перешейком является естественным следствием гарантии его нейтралитета»⁵⁶.

После длительных переговоров между Новой Гранадой и США 12 декабря 1846 г. в Боготе был подписан договор сроком на двадцать лет. Большинство статей договора была посвящено вопросам торгового обмена. Предусматривалось также открытие консульств в портах обеих сторон.

Наибольшее значение имела статья 35 договора, главные положения которой сводились к следующему. Во всех портах Новой Гранады, включая порты Панамского перешейка, от самой южной точки страны до ее границы с Коста-Рикой, подданные США, североамериканские корабли и товары полностью освобождались от налогов и могли пользоваться всеми привилегиями и иммунитетом в отношении торговли и навигации, которые уже были или могли быть предоставлены в будущем гранадским гражданам, их кораблям и товарам. При проходе через перешеек подданные Соединенных Штатов не должны были облагаться дополнительными налогами и пошлинами, т. е. такими, которые не взимались с граждан Новой Гранады.

Чтобы закрепить за собой эти привилегии, Соединенные Штаты в виде особой компенсации за них гарантировали Новой Гранаде полный нейтралитет перешейка, с тем чтобы в будущем, когда данный договор вступит в действие, свободный транзит из океана в океан не мог бы быть нарушен или затруднен.

Подобным же образом Соединенные Штаты гарантировали права суверенитета и собственности, которыми располагала Новая Гранада на перешейке. При нарушении гражданами любой стороны каких-либо статей этого договора они несут за это личную ответственность. Ни одна из сторон ни при каких обстоятельствах не будет защищать нарушителя или санкционировать такое нарушение. Договором четко обуславливалось, что при нарушении какой-либо из статей договора ни одна из двух договаривающихся сторон не допустит актов репрессии, каковы бы ни были претензии в связи с понесенным убытком или ущербом. Она также не объявит войны другой стороне до того, как сама не предъявит противной стороне претензии о возмещении понесенных убытков и ущерба, подкрепленной вескими доказательствами, требующими справедливого удо-

влетворения, и отклонение которых было бы нарушением международного права.

Таким образом, из договора 1846 г. совершенно ясно вытекало, что США обязались: 1) защищать нейтралитет Панама от иностранного нападения и оградить ее от внутренних беспорядков, 2) поддерживать суверенитет Колумбии над перешейком, не допускать иностранной агрессии, 3) с одобрения колумбийского правительства сохранять свободу транзита даже в случае внутренних беспорядков, если колумбийские власти не смогут контролировать положение, 4) не мешать передислокации вооруженных сил Колумбии.

Специалист по вопросам внешней политики США У. Джонсон писал относительно этого договора: «Он был чем-то вроде новой эры в наших отношениях с этой частью света...»⁵⁷. При помощи этого договора «США установили протекторат над Новой Гранадой в той части, в какой это касалось перешейка. Они гарантировали независимость и целостность этой иностранной державы»⁵⁸.

Президент Полк в своем послании конгрессу от 10 февраля 1847 г. так оценивал значение договора с Новой Гранадой: «Значение этой уступки торговым и политическим интересам Соединенных Штатов трудно переоценить. Путь через Панамский перешеек является самым коротким путем между двумя океанами, и из собранной информации явствует, что он, по-видимому, является самым подходящим для железной дороги или канала. Громадные выгоды от постройки такого пути для торговли не только с западным побережьем Америки, но и с Азией, и с островами Тихого океана слишком очевидны и не нуждаются в уточнении... Путь через перешеек привлекал внимание правительства Соединенных Штатов, начиная с момента провозглашения независимости южноамериканских республик»⁵⁹. Касаясь будущего Панама, Полк в этом же послании указал: «Новая Гранада *не захочет поступиться* (курсив мой.— С. Г.) этой провинцией, не даст ей стать нейтральным государством, а даже если согласится на это, то провинция Панама недостаточно населена и богата, чтобы провозгласить себя суверенным государством и сохранить независимость»⁶⁰.

США в течение многих десятилетий ратовали за строительство канала. Еще в 1835 г. американский сенат принял резолюцию, рекомендовавшую президенту США начать переговоры с Центральной Америкой и Новой Гранадой о том, чтобы оказать поддержку лицам, готовым заняться постройкой канала. Карлос Бидль, назначенный президентом Джексоном для изучения гипотетической трассы канала, в сентябре 1836 г. доложил президенту, что сооружение канала в ближайшее время мало вероятно, а посему никаких оснований для переговоров с латиноамериканскими странами по этому вопросу нет.

Несмотря на отрицательное мнение Бидля, 2 марта 1839 г. палата представителей приняла решение, подобное решению сената, и вашингтонское правительство вновь послало на перешеек своего представителя; он положительно отзывался о сооружении канала че-

рез Никарагуа и оценил стоимость строительства в 25 млн. долларов. Представитель Вашингтона, однако, заявил, что начинать строительство канала не имеет смысла, так как обстановка в Латинской Америке неустойчивая, а экономическое значение этих стран равно нулю.

Дело было, конечно, не в этом: Соединенным Штатам еще не под силу было справиться с такой грандиозной задачей, как строительство канала, соединяющего два океана; к тому же они все время натывались на противодействие Великобритании. Но договор, заключенный между США и Новой Гранадой в 1846 г., содействовал проникновению США в Латинскую Америку.

Традиционные партии. Прогрессивные реформы

В колумбийской литературе до сих пор идет спор о том, когда же образовались традиционные партии консерваторов и либералов и кто были их организаторами. И либералы, и консерваторы утверждают, что они прямо или косвенно обязаны своим существованием Боливару. Вряд ли это так. Боливар мечтал о таком государстве, которое выражало бы интересы народа, а не той или другой политической группы. Фактически партии начали складываться в 30-е годы прошлого века, уже после смерти Боливара. Больше оснований предполагать, что родоначальником обеих партий явился Сантандер. Сторонники Сантандера раскололись на две фракции. Хосе Игнасио Маркес, Руфино Куэрво и Мариано Ospina возглавили группу, которая в 1848 г. определилась как правящая партия. Москера предлагал назвать ее партией «умеренных либералов» или «прогрессивных патриотов», но за ней в конце концов укрепилось название консервативной. Газеты этой группы «Эль Насиональ» и «Ля Сивилизасьон» так и писали в тот год, определяя свою позицию: «Мы — консервативная партия». Однако с самого начала, как, впрочем и сегодня, единства в этой партии не было и нет. Она на всем протяжении своей истории состояла из двух или трех соперничающих групп.

Противники правящей консервативной партии объединились в оппозиционную либеральную партию, которая начала складываться еще в 1840 г., во время восстания генерала Обандо. Видным ее представителем был Хосе Иларпо Лопес.

Вся история Колумбии, начиная с 30-х годов прошлого века, отмечена ожесточенной борьбой консерваторов и либералов. Неправильность к политическим противникам передавалась из поколения в поколение, предопределяла судьбу целых семей. Консервативная партия отражала главным образом интересы крупных латифундистов, реакционно настроенных военных и высшего духовенства. Либеральная партия являлась выразителем интересов нарождавшейся промышленной и торговой буржуазии, средних и мелких помещиков, большой группы среднего и высшего офицерства. Со време-

нем и та, и другая стали традиционными, классическими буржуазными партиями, и, хотя консервативная партия по-прежнему выражает интересы колумбийских магнатов и пользуется поддержкой католической церкви, а либеральная партия представляет интересы национальной буржуазии, борьба между ними ведется главным образом за прибыльные места в государственном аппарате и за право распродавать иностранным монополиям национальные богатства.

Первая же избирательная кампания, состоявшаяся после появления обеих партий (1849 г.), вылилась в ожесточенную схватку. Консервативная партия раскололась надвое: на тех, кто выдвигал в президенты Руфино Куэрво, и на тех, кто ратовал за Хоакина Хосе Гори. И сейчас каждая фракция, как правило, издает свою газету и ведет агитацию за своего кандидата. Либеральная партия объединилась вокруг выдающегося борца за независимость, одаренного государственным и военного деятеля генерала Хосе Иларио Лопеса. Ни один из трех кандидатов не набрал нужного количества голосов. По действовавшей конституции, чтобы быть избранным, кандидату в президенты надо было получить половину общего числа голосов выборщиков плюс один. В 1849 г. эта цифра составляла 852. Лопес, набравший наибольшее количество голосов (734), простого большинства все же не получил. Следовательно, президента должен был избрать конгресс на совместном заседании обеих палат.

Выборы 1849 г. носили особо острый характер еще и потому, что страна находилась в бедственном положении, переживала затяжной экономический кризис. Вот как описывает, например, Боготу 50-х годов прошлого века известный государственный деятель и писатель Мигель Сампер: «Все улицы и площади запружены нищими... Они не просят, а нагло требуют подаяния, и тот, кто не подает, подвергается оскорблениям. Это наводит на серьезные размышления. Попрошайничество в таких невиданных масштабах в богатой стране с мягким климатом, где использование природных богатств только начинается, где есть столько возможностей обеспечить себе благосостояние и где теоретически, по закону, права всех граждан равны,— это факт весьма тревожный... Улицы и площади Боготы кишат ворами, пьяницами, бездельниками... некоторые тут же, на тротуарах, располагаются на ночлег... На улицах непролазная грязь, по вечерам освещается только торговый центр»⁶¹.

Это была, так сказать, нищета видимая, бросавшаяся в глаза. Но, по словам того же Мигеля Сампера, в Боготе в жалких лачугах ютились тысячи семей бедняков, годами влачивших полугодное существование и стыдившихся своей нищеты. «Если бы провести перепись этих семей,— пишет Сампер,— цифры бы получились ужасающие»⁶².

Безработица, возросшая в те годы и в столице, и в провинции, приобрела особо болезненный характер, так как пышным цветом расцвела система политического «кумовства»; консерваторы старались избавляться от работников-либералов, а либералы — от

консерваторов, приберегая освобожденные места для «своих».

Ремесленники с момента провозглашения республики, в борьбе за которую они активно участвовали, требовали политики протекционизма для защиты слабой, делавшей первые шаги промышленности Колумбии. В 1847 г. движение за установление протекционистского режима приняло массовый характер. Недовольные стали объединяться. Странники Лопеса, в первую очередь студенты и ремесленники, призывали поддерживать кандидата либералов. В столице было создано «демократическое общество».

Заметное влияние на политические настроения в Новой Гранаде оказала Французская революция 1848 г. Так что обстановка, в какой собрался для выборов президента конгресс Новой Гранады, состоявшийся в боготинской церкви Санто Доминго, была весьма напряженной. Присутствовало 84 конгрессмена. Для избрания требовалось простое большинство — 43 голоса. Три тура голосования не принесли победы ни одному из претендентов. Лишь при четвертом голосовании 7 марта 1849 г. Лопес собрал 45 голосов. При этом член конгресса консерватор Мариано Ospina сделал следующую приписку в своем избирательном бюллетене: «Я голосую за Лопеса, чтобы не погубили конгресс». Эта запись дала обильную пищу для всякого рода предположений относительно того, как голосование протекало. Реакционные историки изображают дело таким образом, будто либералы грозилась убить членов конгресса — консерваторов, если те не проголосуют за Лопеса. Документы и свидетельства эпохи не подтверждают этой версии. Действительно, борьба за избрание Лопеса приняла широкий и бурный характер, но никакого «физического» нажима на конгрессменов оказано не было. По свидетельству очевидцев, весь день 7 марта шел проливной дождь, но толпы людей сгрудились вокруг церкви Санто Доминго в ожидании исхода выборов. Это была мирная толпа: люди ждали результатов голосования, а вовсе не покушения на чью-то жизнь. Кстати, тот факт, что пришлось переголосовать четыре раза, сам по себе говорит о том, что имело место свободное волеизъявление. Чем же объяснить на первый взгляд странную запись Мариано Ospiny? По-видимому, его желанием дискредитировать и Лопеса, и либеральную партию, и сами выборы, а также страхом перед разбушевавшейся народной стихией: народные массы Колумбии впервые так четко и решительно сформулировали свои требования, и грубо игнорировать их значило вызвать взрыв. Генерал Лопес был избран потому, что его прогрессивная программа пользовалась народной поддержкой. Его победе в немалой степени содействовало и то, что партия консерваторов уже переживала глубокий кризис и не смогла выставить единого кандидата.

Хосе Иларио Лопес (1798—1869) — один из самых выдающихся государственных деятелей Колумбии. Пятнадцатилетним юношей он вступил в армию, участвовал в сотнях сражений за независимость родины, блестяще руководил многими военными операциями. Боливар не раз назначал его на ответственные государственные посты.

Приход Лопеса к власти означал победу молодой торговой буржуазии, стремившейся положить конец колониальной экономике, колониальной системе управления. Война за независимость изменила политическую структуру страны, но оставила почти нетронутой экономическую и налоговую системы.

Лопес сформировал коалиционное правительство, назначив на самые ответственные посты молодых, прогрессивно настроенных людей. Консерваторы с первого же дня оказывали ему противодействие. В Боготе они создали даже антилопесовское «народное общество».

Президентство Лопеса — одно из самых значительных в истории Колумбии XIX в. Именно президент Лопес провел ряд радикальных реформ политической и экономической жизни Колумбии. 21 мая 1850 г. он подписал декрет о немедленной высылке из страны иезуитов. Как мы уже писали, иезуиты прибыли в Боготу в 1844 г. и, опираясь на реакцию, развернули бурную миссионерскую и «просветительскую» деятельность. Они открыли свои колледжи в Боготе, Медельине и Попайяне, пытались прибрать к рукам все народное образование. Но в народе иезуиты пользовались дурной славой, повадки их всем уже были известны: спекулируя на невежестве деревенского люда, иезуиты разжигали религиозную рознь, провоцировали конфликты. Президент Лопес получил тысячи писем, гневно требовавших запретить их деятельность. Во многих письмах слышались отзвуки идей Французской революции, и Лопес распорядился изгнать иезуитов в 48 часов. Иные историки XIX в. и их современные коллеги, особенно из числа приверженцев консервативной партии, осуждают Лопеса за столь «резкий шаг», но вряд ли кто-нибудь станет отрицать сегодня, что изгнание Лопесом иезуитов содействовало развитию национальной культуры, государственной системы народного образования. Лопес издал специальный закон о расширении народного образования; в Боготе, Картахене и Попайяне были созданы новые учебные заведения — «колехи».

В 1850 г. правительство Лопеса пыталось осуществить частичную аграрную реформу. Проблема земли стояла весьма остро, главным злом было неравномерное распределение угодий. Но реформа по существу не коснулась латифундистов, а лишь еще более ущемила интересы индейцев. Еще в 1838 г. индеец получил право продавать свою часть общинной земли. В результате латифундисты и маклеры скупали индейские наделы по смехотворно низким ценам, сгоняли индейцев с земли, те становились издольщиками. Большинство индейских семей вынуждены были переселяться в другие места в поисках земли и заработка. Многие исследователи (Камачьо Рольдан, Ньето Артета и др.) считают, что ликвидацию ресгуардос следует расценивать как факт не только положительный, но и необходимый, поскольку он повлек за собой пролетаризацию масс, которая содействовала в дальнейшем «индустриализации» страны. «Покончить с коллективным землевладением в ресгуардос было необходимо, — утверждает Артета, — ради создания пролетарской массы с тем, чтобы затем развивать культуру табака, создать

базу для мануфактуры»⁶³. Практически же ликвидация ресгуардос привела к депрессии и дальнейшему обнищанию индейского населения и не содействовала развитию экономики страны.

Заметному экономическому прогрессу таких центров, как Амба-миа, Хирон, Эль Кармен и Пальмира, способствовала отмена монополии на разведение и продажу табака. Эта мера, принятая президентом Лопесом, привела к расширению внутренних связей и увеличению судоходства по реке Магдалене.

История табаководства, история борьбы, развернувшейся вокруг законодательства, связанного с разведением и продажей табака, — один из первостепенных факторов в истории развития экономики Новой Гранады. «Табак оказал глубокое влияние на экономическую структуру Колумбии»⁶⁴. Как уже отмечалось, в колониальный период посевы табака были огромны. Государственная монополия на табак осуществлялась следующим образом: власти определяли, в каких районах страны можно выращивать табак, и урожай подлежал реализации только через государственные лавки, перепродававшие табак по весьма высоким ценам. Табачная монополия сохранилась и после установления республики. До 1833 г. за пределы Новой Гранады табак не вывозился, но с 1833 г. он стал экспортироваться в Европу, США, в страны Антильского архипелага и в Чили. Экспорт табака непрерывно рос: в 1864—1865 гг. он составил 82 250 арроб, а в 1868—1869 гг. достиг наивысшей цифры — 5 722 811 арроб (в стоимостном выражении это составляло 3 019 931 долл.). Главным покупателем табака была Германия. С 1873 г. производство табака пошло на убыль; снизилось его качество; из-за отсталой технологии повысилась себестоимость; труднее стало конкурировать с экспортерами табака — Явой и Бразилией. Отмена табачной монополии привела к расширению производства табака и укреплению экономики страны; крестьяне и мелкие фермеры были в ней крайне заинтересованы.

В период президентства Лопеса была отменена смертная казнь, разрешен гражданский брак и издан закон о свободе печати, об обязательном и бесплатном начальном образовании. Лопес упразднил все церковные привилегии. Разъяренные церковники совсем было решили отлучить Лопеса от церкви, но он их опередил — выслал из страны архиепископа Боготы Мануэля Хосе Москеру и внес законопроект о полном отделении церкви от государства.

Президент Лопес учредил специальную географическую комиссию под руководством итальянского генерала Аугустина Кодацци, проделавшую большую и скрупулезную работу. Плодом восьмилетних трудов комиссии явилась первая полноценная географическая карта Колумбии⁶⁵.

В 1851 г. была проведена перепись населения; согласно ее данным, население Новой Гранады исчислялось в 2 240 054 человека*,

* Такой демографический спад объясняется, во-первых, непрерывными гражданскими войнами и междоусобицами; кроме того, в 1849 г. в Новой Гра-

из них мужчин — 1 086 705, женщин — 1 153 349; население столицы — 30 тыс. человек. Согласно собранным сведениям, $\frac{9}{10}$ новогранадцев жили в неблагоустроенных жилищах. В домах крестьян и ремесленников не было окон. Сточные канавы отводили воздух даже на улицах столицы. Питьевую воду в глиняных кувшинах разносили по домам водоносы. Убранство дома, где жила семья среднего достатка, составляли обычно следующие предметы: деревянный стол, большие стулья с подлокотниками, кушетка, обтянутая ситцем, серебряная посуда; в спальне — небольшое зеркало, ширма, кровати, застланные шкурами. Об одежде известно, что женщины носили ситцевые платья, сафьяновые туфли, на плечах — шерстяной платок, большие золотые серьги. Мужской костюм: шляпа из растительного волокна, длинный жилет, широкая куртка, пальто, пальто напоминающее шинель, брюки, сапоги или ботинки. Учащиеся школ и «коলেখос», которых воспитывали в спартанском духе, для «закалки» обходились без нижнего белья, носков и галстука. Школьники носили грубошерстный костюм, ботинки, изготовлявшиеся без колодки (т. е. без учета левой и правой ноги), и соломенную шляпу. Питались новогранадцы среднего достатка преимущественно рисом, картофелем, яйцами; мяса ели мало; во время еды употребляли сахарный напиток. Главным и любимым их развлечением были танцы. Весьма распространены были народные гулянья, продолжавшиеся от трех до восьми дней и включавшие посещение церкви, крестный ход, игры, лотерею, непременно — танцы, кукольные представления и нечто похожее на современный бой быков. Праздничные обеды готовились прямо на площадях.

Крестьянский быт оставался таким же, как в колониальные времена. Работая от зари до зари на помещика, крестьянин получал 5 сентаво в день. Не лучшим было и положение городских низов. Так, прислуга получала 50—60 сентаво в месяц, повар — 1 песо 20 сентаво, швея — 1 песо.

В год переписи Новая Гранада состояла из 31 провинции: Антюкия, Асуэро, Барбакоас, Богота, Буэнавентура, Валледупар, Велес, Верагуас, Картахена, Касанаре, Каука, Кордоба, Марикита, Медельин, Момпос, Нейва, Оканья, Памплона, Панама, Пасто, Попаян, Риоача, Сантандер, Санта Марта, Сокорро, Сото, Тукеррес, Тундама, Тунха, Чирики и Чоко.

При Лопесе началось строительство первой в Новой Гранаде шоссе́йной дороги, соединившей столицу с городком Факататива, расположенным в 45 км к западу от Боготы. Строительство дорог было неотложной задачей: летом над старыми новогранадскими

наде разразилась эпидемия азиатской холеры, завезенной из Европы в Северную Америку, а оттуда через Панаму в Картахену и Барранкилью. Страшный недуг, лечить который не умели, косил по 30—50 человек в день. Погибла четвертая часть населения Картахены (2400 человек). В марте 1850 г. эпидемия перекинулась на Боготу, но продолжалась здесь недолго: по-видимому, сказался тот факт, что город расположен на высоте 2640 м над уровнем моря.

дорогами нависала сплошная завеса из пыли, а в дождливый сезон стояла непролазная грязь. Чтобы доехать на мулах от столицы до Факатативы зимой, надо было затратить три дня. Строительство первой шоссеной дороги обошлось казне в 300 тыс. песо. Были наняты 1000 рабочих, получавших мизерную плату — 20—25 сентаво в день, но им и эта плата казалась царской: ведь поденщик получал от силы 5—10 сентаво.

Министр экономики в правительстве Лопеса Мурильо Торо провел крупную налоговую реформу: были упорядочены, а во многих случаях значительно сокращены налоги. Некоторые налоги, как, например, церковная десятина, были отменены.

Но главной заслугой президента Лопеса была отмена рабства. Закон об отмене рабства был принят 21 мая 1851 г. Формально рабство в Новой Гранаде было отменено еще в 1821 г., практически же оно продолжало существовать. В 1843 г. был разрешен вывоз рабов из Новой Гранады в Перу. И лишь в 1851 г. рабство было окончательно отменено. Рабовладельцы получили от правительства компенсацию: за раба в возрасте от 30 до 45 лет выплачивалось 160 песо, в возрасте от 45 до 60 лет — 120 песо, за рабов старше 60 лет компенсация не выплачивалась. В 1851 г. в Новой Гранаде насчитывалось около 20 тыс. рабов, не считая детей, родившихся после 1821 г. и формально считавшихся свободными. Всего «пострадавшим» латифундистам было выплачено 2 млн. песо. Отмена рабства способствовала расширению рынка рабочей силы и развитию промышленности. Раб, обретая свободу, мог теперь продавать свой труд хозяину предприятия. «Для экономики Новой Гранады,— пишет Ньето Артета,— отмена рабства означала создание широкого рынка свободного труда и повышение спроса внутри страны»⁶⁶. Отмена рабства привела к некоторому дроблению земельной собственности: освобожденный раб становился мелким арендатором. Помещик выделял ему небольшой участок земли; за это «благоденствие» тот должен был бесплатно обрабатывать землю своего господина. Отмена рабства означала начало кризиса латифундистского хозяйства, она способствовала созданию животноводческих ферм и внедрению новых сельскохозяйственных культур.

Реформы президента Лопеса у одних вызывали бурю восторга, у других — негодование. Партия либералов раскололась на две фракции: на «драконовцев» и «голгофцев» — сторонников осторожных, умеренных реформ; эта группа представляла интересы богатой верхушки среднего класса, торговой буржуазии, нажившейся на торговле табаком.

Фракция либеральной партии, именовавшая себя «драконовцами», включала в себя военных «каудильо», которые единодушно выступали за отмену рабства, но вверенными им провинциями управляли как собственными вотчинами. Долгие годы именно эти «каудильо» решали судьбы правительств, поскольку имели в своем распоряжении солдат и крестьян. «Драконовцы» требовали подчинения церкви государству, протекционистской политики для зарож-

давшей промышленности. Они в значительной мере опирались на ремесленников. Лучшие из них увлекались идеями утопического социализма.

Демократические идеи имели широкое распространение в народе. Возникли общественные организации, получившие наименование «демократических обществ», десятки дискуссионных клубов. Члены их, преимущественно ремесленники, носили большие соломенные шляпы и необъятные, до пят, красные юнаны, отороченные синей каймой; «драконовцев» прозвали поэтому «красными». Активно включалась в политическую жизнь и учащаяся молодежь.

Студенты столичного университета основали «Республиканскую школу» и пригласили на ее открытие президента республики, министров и ряд высших государственных чиновников. Эта школа, просуществовавшая три года (1850—1853), пропагандировала идеи Французской революции. Впоследствии многие ее воспитанники стали видными государственными и общественными деятелями.

Консерваторы стали готовиться к вооруженному захвату власти. Молодежь, входившая в консервативную партию, организовала свое тайное общество «Ла Филотемика». В мае 1851 г. консерваторы подняли вооруженный мятеж* в провинции Пасто, а затем гражданская война перекинулась и на другие районы. Одной из главных причин, побудивших консерваторов взяться за оружие, была отмена рабства. Война носила особенно ожесточенный характер в Антпокии и южных провинциях, где было больше всего консерваторов-рабовладельцев. Севера страны эти события почти не коснулись. Второй причиной восстания было желание консерваторов «оградить от преследований» церковь. Мятеж был вскоре подавлен. Одним из его последствий явилось углубление раскола партии либералов: одни требовали сурового наказания консерваторов-мятежников, другие были склонны пойти с ними на мировую.

К президентским выборам 1853 г. партия либералов пришла, раздираемая непримиримыми противоречиями. «Голгофцы», имевшие большинство в конгрессе, выдвинули на пост президента панамского генерала Томаса Эрреру, а «драконовцы», поддерживаемые армией, — генерала Хосе Марию Обандо. Консерваторы бойкотировали выборы. Победу на выборах одержал Обандо (1795—1861), живший до этого семь лет в эмиграции в Лиме. 1 апреля 1853 г. Обандо приступил к исполнению обязанностей президента. 16 мая 1853 г. конгресс принял, а 21 мая промульгировал новую конституцию, предусматривавшую децентрализацию и усиление власти провинций. Новая конституция провозгласила свободу печати, всеобщие прямые и тайные выборы членов конгресса, верховного суда и губернаторов провинций. Конгресс состоял преимущественно из противников президента и саботировал все его предложения.

* По словам колумбийского историка Абели Круса Сантоса, в ту пору «новогранадцы все свои идеологические споры решали на поле боя»⁶⁷.

«Голгофцы» предлагали сократить армию и урезать права президента. Острая борьба разгорелась по вопросу о так называемом патронате. По соглашению, достигнутому между папой римским и королем Испании, церковь в Латинской Америке находилась под покровительством (патронатом) государства; правительство рекомендовало кандидатов на замещение высоких постов в церкви, устанавливало жалование священнослужителям. Но при этом священники принимали активное участие в политической жизни страны, избирались на общественные должности. Институт патроната существовал и в первые десятилетия республики. 15 июня 1853 г. «голгофцы» добились отмены патроната, что вызвало злобную реакцию со стороны церковников. В некоторых приходах священники не пускали сторонников отмены патроната в церковь, призывали на их головы «кару небесную». «Драконовцы» выступали против отмены патроната, полагая, что это на руку церкви, поскольку священники, утратив покровительство правительства и попав в полную зависимость от епископов, будут сторониться либералов. «Все это, — пишет Мануэль Хосе Фореро, — глубоко задело чувства католиков, привыкших к тому, что правительство уважало и охраняло веру»⁶⁸.

Конституция 1853 г. отражала борьбу федералистов и централистов.

Ремесленники добивались от конгресса введения протекционистских налогов. Но в конгрессе хозяйничали в основном коммерсанты. Пренебрежение конгресса к нуждам ремесленников создало напряженную обстановку. Представители торговой буржуазии в конгрессе добились того, что часть армии, сочувствовавшая ремесленникам, была выведена из Боготы. Эта акция объединила ремесленников с определенными кругами армии. 17 апреля 1854 г. главнокомандующий, боевой генерал, участник боев за независимость Новой Гранады Хосе Мария Мело (1800—1860) возглавил переворот. Главный его лозунг был: «Долой конгресс и конституцию! Долой голгофцев». Армия при поддержке ремесленников установила диктатуру. Конституция была отменена, конгресс распущен, правительство арестовано. Генерал Мело предложил президенту Обандо возглавить диктатуру, но тот отказался. Тогда Мело взял в свои руки всю полноту власти, назначил министров и губернаторов.

Современный колумбийский историк Карлос Лосано-и-Лосано утверждает, что «Мело не собирался свергать Обандо; он хотел ему служить; идея Мело состояла в том, чтобы превратить президента в диктатора и таким образом укрепить шаткий режим»⁶⁹. Такое объяснение не лишено оснований; вполне вероятно, что нерешительная позиция Обандо объяснялась его сочувствием настроениям Мело и поддерживавших его сил.

Конституционный вице-президент Хосе де Обальдиа, укрывшийся в миссии США в Боготе, возглавил заговор против Мело. В Ибаге собралась часть конгресса; президент Обандо был объявлен преда-

телем и смещен, причем в данном случае и либералы, и консерваторы действовали единодушно.

Вот как историк Мануэль Хосе Фореро характеризует позицию традиционных партий в связи с приходом к власти генерала Хосе Марии Мело: «Как в либеральной, так и в консервативной партиях нашлись разумные люди, которые нашли общий язык и свергли узурпатора, поднявшего мятеж, захватившего самый высокий пост в государстве... Эта акция показала, что Колумбия не терпит противозакония. Она также показала, что приверженцы двух разных партий все же могут договориться, чтобы соединить свои усилия на благо родины»⁷⁰.

За высокопарным красноречием Фореро отчетливо просматривается весьма типичное для политической жизни Колумбии обстоятельство: когда возникает реальная угроза потерять власть, господствующие классы на время забывают о своих разногласиях и расприх и объединяются для совместной борьбы против главной опасности. В истории Колумбии так было неоднократно.

В Новой Гранаде снова, в который уже раз, вспыхнула гражданская война. Против Мело выступили генералы Томас Сиприано де Москера и Хосе Иларио Лопес. Координировал их действия срочно возвратившийся из США генерал Педро Алькантара Эрран. 4 декабря 1854 г. армия Мело была разгромлена, а сам он взят в плен, отдан под суд и приговорен к 8 годам изгнания*. Обандо был смещен с поста президента**.

Незадолго до разгрома войск Мело состоялись выборы вице-президента, которому предстояло исполнять обязанности президента до окончания президентского срока (31 марта 1855 г.). Этот пост занял консерватор Мануэль Мария Мальярино. В период его правления была осуществлена административная реформа, укрепившая федеральную систему Новой Гранады. Число провинций непрерывно росло: в 1843 г. их было 20, в 1848 г.— 22, а в 1855 г.— 35. В 1855 г. был принят закон о предоставлении Панаме статуса суверенного штата, состоявшего из провинций Асуэро, Верагуас, Панамы и Чирики. В 1856 г. был создан штат Антиокия, в 1857 г.— штаты Сантандер, Каука, Бояка, Кундинамарка, Боливар и Магдалена.

Президентские выборы 1857 г. были всеобщими и тайными. Однако высокий имущественный и образовательный цензы практически лишали права голоса большую часть населения, прозябавшего

* Мело был расстрелян в Мексике в 1860 г. по обвинению в «заговорщической и революционной деятельности».

** Хосе Мария Обандо рано начал военную карьеру и до 1821 г. служил в роялистских войсках. В 1822 г., после встречи с Боливаром, он перешел на сторону патриотов. Позднее генерала Обандо обвинили в причастности к убийству Сукре, и он эмигрировал в Лиму. По возвращении он тщетно пытался снять с себя ничем не доказанное, необоснованное обвинение. (Колумбийские историки впоследствии установили его невиновность.) Генерал Обандо погиб 29 апреля 1861 г., сражаясь против консерваторов.

в нищете, в полной материальной и духовной зависимости от помещика и священника. Левые и правые либералы не смогли договориться о выдвижении единого кандидата. «Голгофы» выдвинули Мануэля Мурильо Торо, консерваторы — Мариано Оспину Родригеса. «Драконовцы», объединившись с небольшой группой консерваторов, отколовшихся от своей партии, организовали новую «Национальную партию» и выдвинули своим кандидатом генерала Томаса Сиприано де Москера. Победу одержал консерватор Оспина, собравший 96 тыс. голосов; за Мурильо было подано 82 тыс. голосов, а за Москера — 32 тыс. голосов.

Хотя президентом страны стал консерватор, выборы губернаторов в штатах Сантандер и Каука принесли победу либералам Мануэлю Мурильо и генералу Томасу Сиприано де Москера.

1 апреля 1857 г. Оспина приступил к исполнению обязанностей президента. В отличие от своих предшественников, он сформировал однопартийное правительство, чем вызвал недовольство либералов, тотчас же создавших оппозицию. 22 мая 1858 г. была принята новая конституция, согласно которой Новая Гранада провозглашалась конфедерацией, состоявшей из департаментов Антиокия, Боливар, Бояка, Каука, Купдинамарка, Магдалена, Панама и Сантандер. Стране было присвоено новое название: «Гранадская конфедерация». Президент избирался на четыре года; штаты сами избирали свои органы самоуправления, но права их были урезаны.

Президент Оспина позволил иезуитам вновь вернуться в Колумбию и заняться миссионерской и педагогической деятельностью. В 1859 г. были приняты законы, еще более ущемлявшие права штатов: центральное правительство получило право влиять на ход избирательной кампании в штатах по выборам президента и членов национального конгресса. Президент оставил за собой право определять правомочность выборов губернаторов штатов. Кроме того, правительство установило контроль над численностью вооруженных сил — как в масштабе всей страны, так и в отдельных штатах — и учредило институт финансовых инспекторов для контроля над таможенными штатов. Законы эти вызвали крайнее неудовольствие либералов. Когда же консерваторы попытались силой оружия отобрать власть у либералов (так было в 1859 г. в штате Сантандер и позднее в штате Бояка), опять начались беспорядки.

В штате Боливар либералы перешли в наступление и разгромили местное правительство консерваторов. Пока в штатах рвались к власти консерваторы, президент Оспина «терпел», но как только либералы воцарились в штате Боливар, он 3 сентября 1859 г. объявил чрезвычайное положение. Генерала Педро Алькантара Эррана, возглавлявшего дипломатическое представительство Колумбии в Вашингтоне, Оспина назначил главнокомандующим. (Напомним, что в 1854 г., во время восстания генерала Мело, генерал Эрран также был отозван из США для «спасения отечества»). В 1860 г. пламя гражданской войны охватило и другие штаты Гранадской конфедерации. Оппозицию возглавил генерал Москера. Под его нача-

лом штат Каука вышел из состава Гранадской конфедерации. Так же поступили штаты Боливар и Магдалена. Штаты требовали полной автономии. Москеру поддержал генерал Обандо, в прошлом его заклятый враг. Кровопролитная гражданская война шла с переменным успехом: то брали верх консерваторы, то либералы. В рядах либералов по-прежнему царил глубокий раскол. Одна фракция считала, что мира и прогресса следует добиваться мирным путем, другая настаивала на решительных действиях. В июне 1860 г. газета «Эль Тьемпо» писала по этому поводу: «Одни хотели развязать узел, другие — разрубить его... Одни думают о будущем, другие борются за настоящее»⁷¹.

1 апреля 1861 г. истек срок полномочий президента Оспины, и поскольку конгресс не мог состояться (из-за неявки депутата Рафаэля Нуньеса не было кворума), то в соответствии с конституцией временным президентом стал генеральный прокурор Бартоломе Кальво. Но президентство его было недолгим: в апреле 1861 г. войска либералов захватили столицу; бывший президент Оспина и временный президент Кальво, как и многие другие высшие гражданские и военные чиновники, оказались в плену. Москера провозгласил себя временным президентом Соединенных Штатов Новой Гранады и верховным военным руководителем. Он отменил все привилегии церкви, ликвидировал орден иезуитов и национализировал их собственность.

Декретом Москеры собственность церковных корпораций и подчиненных им учебных и благотворительных заведений была передана государству. Но это был мертвый капитал, и было решено объявить публичные торги. Тогда князья церкви объявили, что всякий, кто осмелится приобрести бывшую церковную собственность, будет предан анафеме. Богатых колумбийцев это не остановило: они не без оснований полагали, что набитый карман всегда поможет вернуться в лоно церкви. Историк Милтон Пуэнтес осуждает Москеру за этот шаг, называет его «либералом-империалистом» и «милитаристом»⁷². Но большинство ученых (Камачьо Рольдан, Милтон Пуэнтес и др.) считают, что национализация церковной собственности сыграла в развитии Колумбии не менее важную роль, чем отмена рабства.

20 июля 1861 г. правительство Москеры объявило о созыве конгресса уполномоченных штатов. Сессия этого конгресса открылась 10 сентября. 20 сентября был принят «Пакт Союза», объявивший штаты независимыми и суверенными членами Соединенных Штатов Колумбии. Кроме того, Москера задумал созвать конвенцию для выработки новой конституции и необходимых законов. Выборы депутатов носили целенаправленный характер: все депутатские мандаты оказались в руках либералов. Конвенция (учредительное собрание) Колумбии начала свою работу 4 февраля 1863 г. в старинном городке Рио-негро в штате Антиокия. Несмотря на свой однопартийный состав, конвенция раскололась на две фракции: «голгофцев» и «москеристов», состоявшие из одинакового числа де-

депутатов (по данным Энао и Аррублы, в каждой фракции было по 28, а по данным Пуэнтеса — по 30 депутатов).

«Голгофцы» предлагали провести всеобщую амнистию, восстановить гарантию личных прав граждан, вывести войска из Рио-Негро, чтобы они не оказывали давления на конвенцию, отправить Москеру на почетную пенсию. Эта же группа представила проект конституции. Сторонники Москеры ополчились против всех предложений группы «гольгофцев», которую возглавляли Сальвадор Камачьо Рольдан, Хосе Иларио Лопес, Рафаэль Нуньес, Хосе Араухо и др.*

После острой борьбы был принят временный статут Колумбии, в соответствии с которым страной должен управлять совет из шести министров, назначаемых конвенцией. Министром иностранных дел был назначен генерал Хосе Иларио Лопес, военным министром — генерал Москера. 8 мая 1863 г. была принята конституция, действовавшая до 1886 г. и вошедшая в историю как «конституция Рио-Негро». Одной из причин сравнительной долгосрочности этой конституции (как правило, основной закон страны менялся с приходом каждого нового президента) является то, что была усложнена сама процедура ее изменения. Отныне требовалось согласие большинства законодательных органов штатов, причем палата представителей и сенат должны были тщательно обсудить и единогласно одобрить предлагаемое изменение. Эту конституцию иногда называют «конституцией преувеличенного федерализма»: штаты получили полную автономию. Один экземпляр «конституции Рио-Негро» через колумбийского посланника в Лондоне Антонио Марию Прадилью был переслан Виктору Гюго, который в посвящении именовался ее вдохновителем. Виктор Гюго высоко оценил ее достоинство, назвав «конституцией для ангелов». «Пусть Америка движется вперед, а Европа пойдет по ее стопам»⁷⁴, — писал великий гуманист колумбийскому конгрессу.

Преамбула новой конституции, впервые в истории Колумбии, не содержала упоминания о боге. Конституция начиналась словами: «От имени и по поручению народа...». Страна получила название «Соединенные Штаты Колумбии».

В соответствии с новой конституцией президентский срок длился два года, без права переизбрания на очередной срок, а выборы президента осуществлялись голосованием штатов. Каждый штат

* О характере дискуссии свидетельствует следующий эпизод. В одном из своих многочисленных выступлений Москера позволил себе оскорбительный выпад против генерала Лопеса. После окончания заседания Лопес, обнажив саблю, подошел к Москере и сказал: «Генерал Москера, вы меня оскорбили! Вы — низкий человек. Но если Вы человек чести, обнажите свой меч и сражайтесь со мной». Москера молча ретировался. Зато несколько дней спустя в доме Москеры сторонники его подписывали какой-то важный документ и один из присутствующих заартачился, генерал выхватил саблю и, приставив ее к груди непокорного соратника, коротко приказал: «Подписывай или я тебя прикончу!»⁷³.

при избрании президента имел один голос. Судьбу первого президента решила сама конвенция в Рио-негро: на срок с мая 1863 г. до 1 апреля 1864 г. был избран генерал Москера.

Конвенция в Рио-негро заседала 100 дней и провела 145 заседаний.

США американизируют Панамский перешеек

За бурными событиями, сотрясавшими в середине прошлого века Колумбию, пристально следили «владычица морей» — Великобритания и готовившийся к прыжку молодой империалистической хищник — США.

Англия, привыкшая контролировать все торговые морские пути, стояла на страже своего установленного господства в Латинской Америке и не допускала даже мысли о том, что строительство межконтинентального канала может иметь место не под ее руководством.

США отчетливо видели, как велика опасность упустить все те огромные выгоды, которые сулило строительство нового канала, и как нежелательно попасть в зависимость от иностранного государства, которое будет распоряжаться каналом по своему усмотрению, в любой момент сможет его закрыть. Но Соединенные Штаты еще недостаточно окрепли, чтобы обеспечить себе господство в этом районе. Поэтому, чтобы предотвратить сооружение канала англичанами, США выдвинули идею его нейтрализации, идею защиты его великими державами. Англия вынуждена была согласиться с этим предложением, игнорировать такую растущую империалистическую силу, как США, было рискованно; они могли, не объявляя открытой войны, в любой момент сорвать план английского капитализма в отношении стран Латинской Америки. Кроме того, Англия была относительно спокойна: владея Ямайкой, она могла обеспечить себе постоянный контроль над каналом. Англия больше, чем кто-либо другой, была заинтересована в быстрейшем сооружении канала, но было очевидно, что это потребует больших капиталовложений. Нейтрализация канала давала возможность привлечь капиталы из многих стран.

Вопрос о проектируемом межконтинентальном канале вызвал длительную дипломатическую борьбу между Англией и США. В 1850 г. между Англией и США был заключен Клейтон-Бульверский договор* о межконтинентальных путях (водных и сухопутных) через Центральную Америку. По условиям этого договора, все межконтинентальные пути считались открытыми как для Англии, так и для США. Обе державы совместно гарантировали нейтралитет будущего канала. Канал считался открытым также и для всех остальных стран, ко-

* Клейтон — тогдашний государственный секретарь США, Бульвер — уполномоченный Англии.

торые пожелают присоединиться к гарантии его нейтралитета. Обе великие державы обещали отказаться от всяких поползновений подчинить своему влиянию или оккупировать какую-либо часть Центральной Америки. Клейтон-Бульверский договор явился итогом первого этапа борьбы между Англией и США за влияние, это был компромисс, скрывавший их подлинные империалистические интересы: на этом этапе и Англии, и США было выгодно отказаться от исключительных прав на сооружение будущего канала и контроля над ним.

По мнению французского историка Баррель Монферра, «Клейтон-Бульверский договор был продиктован требованиями текущего момента... При подписании его не слишком заботились ни о философских теориях, ни о так называемых политических принципах, так как нужно было первым делом решить самый насущный вопрос, а именно: помешать Великобритании захватить власть над будущим никарагуанским каналом... Добиться этого скорее можно было мирным путем, нежели насильственным, скорее с помощью договора, чем с помощью войны. Но едва был заключен договор, как против него поднялся дружный хор недовольных голосов, критических замечаний, а порой и проклятий»⁷⁵.

Англичане были шокированы тем, что «владычица морей» поступилась своим положением в Центральной Америке. В Америке считали, что договор противоречит доктрине Монро. Поэтому различное толкование договора правительствами Англии и США началось сразу же после его подписания и в течение 50 лет было предметом неумных споров в общественных кругах обеих стран.

Между тем, пользуясь договором 1846 г., американские капиталисты, при прямой поддержке своего правительства, получили у Новой Гранды концессию на постройку железной дороги через Панамский перешеек. Район этот стал особенно «бойким» после того, как в 1848 г. в Калифорнии были открыты золотые россыпи и туда через Панаму сплошным потоком устремились золотоискатели.

Карл Маркс в одном из своих международных обзоров за 1850 г. писал: «Самым важным событием здесь (речь идет об Америке.— С. Г.), еще более важным, чем февральская революция, является открытие калифорнийских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем даже открытие Америки. В течение трехсот тридцати лет вся торговля Европы с Тихим океаном с трогательным долготерпением велась на путях вокруг мыса Доброй Надежды или вокруг мыса Горна. Все предложения прорыть Панамский перешеек разбивались о мелочное соперничество занимающихся торговлей стран. Прошло всего восемнадцать месяцев со времени открытия калифорнийских золотых приисков, а янки уже приступили к сооружению железной дороги[...] Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба побережья Тихого океана скоро будут так же густо на-

селены, так же открыты для торговли, так же развиты в промышленном отношении, как теперь побережье от Бостона до Нового Орлеана. И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море,— роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море»⁷⁶.

Строительство железной дороги через перешеек, начавшееся в 1850 г., шло быстрыми темпами. Американские дельцы не брезговали никакими средствами лишь бы поскорее начать эксплуатацию этой выгоднейшей артерии. Условия, в которых жили и работали строители дороги — панамцы, не поддаются описанию; панамская железная дорога построена на костях десятков тысяч рабочих. За период строительства полоса, прилегавшая к железной дороге, была в значительной мере «американизирована»; американские резиденты стали вмешиваться во внутренние дела Панамы.

Инциденты, свидетельствовавшие о вмешательстве США во внутренние дела Новой Гранады, в частности Панамы, участились. Поэтому в 1852 г. правительство Новой Гранады обратилось к США с просьбой определить границу зоны строительства дороги и уточнить гарантии нейтралитета перешейка, предоставляемые США. Вашингтон отказался урегулировать этот вопрос — ему была выгодна неясность в интерпретации отдельных пунктов договора 1846 г. Более того, правительство США попробовало прибегнуть к явному нарушению этого договора. В июле 1852 г. без разрешения новогранадского правительства через Панамский перешеек были перевезены американские войска. Когда поверенный в делах Новой Гранады в Вашингтоне Паредес потребовал объяснений, заявив, что США нарушили не только договор 1846 г., но и конституцию его страны, то государственный секретарь Мерси в развязном тоне «разъяснил» Паредесу, что США действовали в полном «соответствии» с договором⁷⁷.

В январе 1855 г. закончилось строительство Панамской железной дороги. Когда 25 января 1855 г. в Панаму прибыл первый поезд, местная американская газета похвасталась: «То, чего в течение четверти века не могли достигнуть ни деньги Англии, ни технический гений Франции, американцы совершили за пять лет, доказав всему миру свою настойчивость и жизненную энергию»⁷⁸.

Добившись нейтрализации Панамского перешейка, американские империалисты перешли в наступление. Они повели себя в Панаме как хозяева, тотчас восстановив против себя все местное население. По словам американского историка Герстла Мака, абorigены «ненавидели высокомерных янки, устремившихся через перешеек в Калифорнию; несомненно, эта враждебность была во многих случаях оправданна»⁷⁹.

Взаимная неприязнь приняла такой острый характер, что вскоре, через какой-нибудь год после открытия дороги, вылилась в

вооруженное столкновение. Утром 15 апреля 1856 г. в порту Колон с американского корабля «Иллинойс» высадились 940 американцев; в тот же день они прибыли поездом в Панаму, откуда должны были направиться в Сан-Франциско. Один из пассажиров, по имени Джек Оливер, отказался заплатить негру — продавцу фруктов за арбуз и затеял с ним ссору. Оказавшиеся поблизости панамцы возмутились поведением американца и вступились за негра. Ватага подгулявших американских пассажиров взяла под защиту Оливера. Завязалась перестрелка, длившаяся несколько часов, в результате чего 2 панамца и 15 американцев были убиты, 13 панамцев и 16 американцев были ранены. Колумбийская полиция и войсковая часть, прибывшие на место происшествия, отказались действовать; более того, некоторые полицейские и солдаты поддержали возмущенных земляков.

Для расследования инцидента США назначили специального уполномоченного и заняли позицию безоговорочной поддержки всех требований своих граждан. Уполномоченный Амос Корвин «установил», что первый выстрел сделали панамцы, и «доказал», что стычка, поддержанная войсками, была специально подстроена с целью расхитить американскую собственность. Корвин заключил свое «расследование» следующей рекомендацией: «Если Новая Гранада не сможет удовлетворить наши требования, доказав тем самым, что она не способна или не намерена гарантировать нам соответствующую защиту, и если она откажется от немедленного и полного возмещения убытков, то я рекомендую Соединенным Штатам *срочно оккупировать перешеек от океана до океана*»⁸⁰ (курсив мой.— С. Г.).

Большинство источников, в том числе и ряд американских, неоспоримо доказывают, что в кровавых событиях 15 апреля виновны американцы.

Президент Колумбии Мальярино в своем послании конгрессу в 1857 г. писал: «Основываясь на самых достоверных и беспристрастных показаниях, следует признать, что достойный сожаления инцидент 15 апреля произошел вследствие ничем не оправданного выстрела, сделанного американцем Джеком Оливером в гражданина Новой Гранады, продававшего фрукты... Перевес сил был на стороне вооруженных пассажиров, поскольку народ был безоружен»⁸¹. И далее: «Джек Оливер без всякого повода и основания стрелял в сына нашей родины. Это и послужило первой причиной беспорядков. После того как губернатору удалось успокоить жителей Панама, из здания железнодорожной станции и из окон отелей началась стрельба по представителям властей и собравшемуся народу, и борьба возобновилась. Эти факты, в подлинности которых может сомневаться только человек пристрастный, показывают, что панамцы, по природе своей народ покладистый и добрый, как и весь народ Новой Гранады, первыми не нападали... Претендовать на то, чтобы всякий, кто проезжает через перешеек, имел бы право безнаказанно стрелять в наших граждан, было бы верхом несправедливости и сумасбродства. Народ, который покор-

но сносит такие оскорбления, был бы не достоин права на существование»⁸².

Несмотря на то что консулы Великобритании, Франции и Эквадора официально показали, что зачинщиками были американцы, представители США продолжали настаивать на удовлетворении своих требований.

В июле 1856 г. США направили в Панаму два военных корабля — «Индепенденс» и «Сент Мэри». 19 сентября 1856 г. 160 американских солдат под командованием В. Мервина высадились в Панаме и установили контроль над железнодорожной станцией. Лишь через несколько дней по настойчивому требованию Новой Гранады американские войска покинули перешеек.

Это была первая военная оккупация Панамы американцами.

Анализируя причины столкновения и дальнейший ход событий, известный американский специалист по Латинской Америке Фред Риппи призывает учесть три обстоятельства: «1) наличие массы рабочих-негров, завезенных в Панаму и оставшихся без работы в связи с окончанием строительства железной дороги; 2) невыдержанный характер проезжих американцев; 3) крайняя подозрительность жителей Панамы к североамериканцам»⁸³.

Однако главными причинами взрыва народного недовольства были бедственное положение жителей перешейка, еще более ухудшившееся с приходом иностранных капиталистов, их ненависть к колонизаторам, усугубляемая вызывающим поведением американских официальных представителей в Панаме. В отчете министра иностранных дел Колумбии Помбо за 1856 г. приведен, например, такой факт: «Недавно на одной из главных улиц Панамы произошел следующий случай. Губернатор беседовал с консулом Соединенных Штатов. Какой-то американец подошел к губернатору и, сильным ударом сбив с его головы шляпу, сказал: «Когда разговаривают с нашим консулом, снимают шляпу»⁸⁴.

Таким образом, атмосфера была раскалена до предела; чтобы произошел взрыв, достаточно было малейшего повода. Таким поводом послужил выстрел американца Джека Оливера.

Урегулирование конфликта 1856 г. носило тягостный характер: США заняли вызывающе непримиримую позицию. Ведение переговоров американское правительство поручило своему посланнику в Боготе Джеймсу Боулину и специально уполномоченному правительства Исааку Морсу. Государственный секретарь Мерси направил им 3 декабря 1856 г. следующую инструкцию: «Правительство Новой Гранады, по-видимому, не обратило должного внимания на панамское восстание... и не приняло мер, которые бы учитывали всю серьезность происшедшего инцидента... Не были приняты эффективные меры для наказания виновников восстания. Ничего не было сделано для компенсации пассажиров, лишившихся своей собственности. Безразличие правительства к наглому поведению населения Панамы поощряет преступников и прочий сброд надеяться на безнаказанность... Такое поведение Новой Гранады можно

объяснить лишь тем, что она не в состоянии наказать правонарушителей и гарантировать в будущем неприкосновенность имущества и личности всем, кто пересекает Панамский перешеек. Есть все основания полагать, что там имели бы место и другие беззакония, не будь в гаванях Панама и Аспинваля значительных морских сил США»⁸⁵.

С такими инструкциями — поставить на колени Новую Гранаду и навязать свою волю — американские представители начали в феврале 1857 г. переговоры с новогранадским правительством. С официальными показаниями консулов Великобритании, Франции и Эквадора в Папаме, подтверждавшими правоту правительства Новой Гранады, делегаты США ознакомиться отказались. 4 февраля 1857 г. они вручили новогранадцам следующие ультимативные требования: 1) Города Панама и Колон, оставаясь под суверенитетом Новой Гранады, должны стать свободными самоуправляющимися городами. США и Новая Гранада будут совместно контролировать полосу земли шириной в 20 миль вдоль линии Панамской железной дороги; 2) Новая Гранада должна уступить США несколько островов Панамского залива для размещения военно-морских баз Соединенных Штатов; 3) Новая Гранада должна передать США свои права на Панамскую железную дорогу; 4) Новая Гранада должна оплатить убытки, связанные с гибелью нескольких американских граждан, и ущерб, причиненный американской собственности; 5) За все вышеизложенные уступки США согласны уплатить Новой Гранаде 2 млн. долларов.

Любопытно, что сумма, предложенная США Новой Гранаде в порядке компенсации за «уступки», была в несколько раз меньше стоимости новогранадской доли Панамской железной дороги.

Американский историк Риппи не без основания замечает по этому поводу: «Если бы этот план был принят Новой Гранадой, то Рузвельту не понадобилось бы «брать Панаму с бою» в 1903 г.»⁸⁶.

Правительство Новой Гранады решительно отказалось выполнить требования американцев, и переговоры продолжались в весьма накаленной атмосфере. Наконец, 10 сентября 1857 г. был подписан договор, по которому Новая Гранада согласилась возместить убытки, понесенные американскими гражданами. Формулировки договора были очень неопределенными и туманными. 8 марта 1859 г. этот договор был ратифицирован конгрессом США, а 8 ноября 1860 г. — конгрессом Новой Гранады.

Однако этот договор выполнен не был, так как колумбийская общественность резко его осудила, а также потому, что стороны по-разному его толковали. Пришлось возобновить переговоры, и лишь 19 августа 1865 г. было достигнуто соглашение, по которому Новая Гранада обязалась уплатить США громадную по тому времени сумму — 412 394 доллара.

Как справедливо указывает американский историк Г. Мак, «переговоры и споры, тянувшиеся целое десятилетие, а также вызывающее высокомерие правительства Соединенных Штатов крайне осложнили отношения с Новой Гранадой, глубоко оскорбили ла-

тиноамериканские республики и способствовали широкому распространению недоброжелательного отношения к США»⁸⁷.

Большинство американских историков, пытаясь преуменьшить значение событий 1856 г., оправдать беспардонное поведение американцев и военную интервенцию, иронически называют эти события «арбузной войной». Однако события 1856 г. показали народу Колумбии, народам всей Латинской Америки, что их ожидает в будущем и кого им впредь надо бояться в первую очередь. Жители Новой Гранады глубоко затаили чувство обиды к новым конкистадорам.

Показательно, что американцы, проезжавшие через Панаму, еще много лет боялись выходить на перрон. С тех пор США все более усиливали свое политическое, экономическое и военное проникновение в Панаму. Вся дальнейшая история Панамы отмечена усилением влияния США и постоянной угрозой американской агрессии.

Гарри Барнес в предисловии к книге Риппи «Капиталисты и Колумбия» имел все основания заявить, что «с тех пор, как золотая лихорадка, начавшаяся в 1849 г., продемонстрировала значение пути через перешеек к западному побережью, зоне Панамского канала постоянно грозила опасность захвата ее Соединенными Штатами. Часть перешейка едва не была оккупирована в агрессивный довоенный период (1857 г.)»⁸⁸.

Из всего изложенного с полной очевидностью вырисовывается твердое намерение США хозяйничать в Новой Гранаде вообще, а на перешейке в особенности. США хотели построить канал сами, хотели максимально укрепиться в этом районе. Эти их стремления нашли наиболее яркое выражение в первой временной оккупации Панамы и в предложениях 1857 г., когда США беззастенчиво требовали уступки зоны, создания морских баз и пр. Об этом свидетельствует и то, что оккупация Панамы в 1856 г. была только началом целой серии военных интервенций США против Панамы и всей Новой Гранады.

Эпоха «возрождения»

Как мы уже отмечали, генерал Томас Сиприано де Москера (1798—1878) играл выдающуюся роль в течение довольно длительного периода политической жизни Колумбии. Участник борьбы за независимость, он прославился беспредельной храбростью. Боливар сделал его одним из своих ближайших помощников. Человек выдающегося ума и больших способностей, Москера был, однако, высокомерен и груб, болезненно самолюбив и тщеславен, экстравагантен, непоследователен и порою жесток. Его любили и ненавидели, прославляли и низвергали. Четырежды занимал он высокий пост президента Колумбии. Конгресс присвоил Москере почетный титул «великого генерала», звание, которого не был удостоен даже Боливар. Впервые он занял пост президента в 1845 г. как представи-

тель партии консерваторов. Затем он перешел в партию либералов и возглавил фракцию, много раз менявшую название, но чаще всего именуемую фракцией «москеристов». Очередной раскол либеральной партии произошел в 1865 г. в связи с очередными президентскими выборами. Победил Москера; это было его четвертое президентство. В данном случае Москера врался к власти уже не только из честолюбивых побуждений: его тревожило обострившееся внутриполитическое положение. Дело в том, что во время правления Мурильо Торо церковь и консерваторы быстро наверстывали утраченные позиции. Москера видел, что его прогрессивные реформы оказались под угрозой.

С первых же дней правления Москеры сложились весьма напряженные отношения между правительством и конгрессом. Орган радикалов (фракция либеральной партии) «Эль Менсахеро» превратился в антиправительственную трибуну. Конгресс блокировал законопроекты Москеры. Тогда президент принял энергично расправляться с наиболее оголтелыми своими противниками в конгрессе. От некоторых депутатов-консерваторов он избавился, направив их на дипломатическую работу. В послании конгрессу от 13 февраля 1867 г. Москера заявил, что часть депутатов избрана незаконно и никого не представляет, что, например, штаты Боливар, Сантандер и Толима прислали в палату представителей больше депутатов, чем полагалось в соответствии с количеством населения, и разослал циркуляр, предписывавший произвести проверку законности выборов в штатах. Конгресс специальным законом этот циркуляр отменил; Москера отказался промульжировать этот закон, ссылаясь на то, что он неконституционен и может привести к анархии. В это время из заметки в одной нью-йоркской газете стало известно, что президент Москера втайне от конгресса заключил оборонительный союз с Перу для отражения возможного нападения Испании на латиноамериканские республики, расположенные на побережье Тихого океана. И хотя существо договора не вызывало возражений, конгресс считал действия президента неконституционными и осудил их. Противники Москеры, недовольные его реформами, сочли момент подходящим для свержения президента. Чтобы предупредить своих противников. Москера 29 апреля 1867 г. ввел в стране осадное положение и распустил конгресс. Оппозиция во главе со вторым заместителем президента генералом Сантосом Акостой* формировала подготовку государственного переворота. В ночь на 23 мая 1867 г. заговорщики арестовали Москеру в президентском дворце Сан Карлос (кстати, в той самой комнате, из которой удалось бежать Симону Боливару во время попытки государственного переворота 25 сентября 1828 г.). 30 сентября 1867 г. сенат Колумбии судил Москеру

* Генерал Сантос Акоста (1827–1901) – видный политический деятель Колумбии. Молодой врач, он был произведен в полковники, а в 1861 г. Москера, считавший его преданным другом, присвоил ему звание генерала. Акоста избирался депутатом и сенатором.

за нарушение конституции и злоупотребление властью и приговорил его к двум годам лишения свободы. Впоследствии приговор был заменен высылкой из страны. Москера поселился в Лиме. Позднее, в 1871 г., он вернулся в Колумбию, занимал пост президента штата Каука (1871—1873), был сенатором республики.

Многие колумбийские историки осуждают генерала Акосту и всю либеральную партию за то, что они предали Москеру. «Жестоко свергнув Москеру,— пишет Милтон Пуэнтес,— либеральная партия поступила вероломно»⁸⁹.

После падения Москеры страной правили «голгофцы», которые стали именовать себя радикальной партией. Они легко вступали в политические союзы и блоки. На выборах 1870 г., например, снова всплыла кандидатура Москеры на пост президента, и политические блоки оформились следующим образом: либералы-москеристы объединились с фракцией консерваторов, представляющей почти 70% партии; консерваторы считали Москеру своим заклятым врагом, но это было раньше, а в 1870 г. они исходили из того, что Москера, преданный либералами, захочет вернуться в ряды консервативной партии.

После Москеры в президентском кресле побывали генералы Сантос Гутьеррес (1868—1870)* и Эусторхио Салгар (1870—1872)**⁹⁰, Мануэль Мурильо Торо (1872—1874)***⁹¹ и Сантьяго Перес (1874—1876)****⁹². В эти годы межпартийная борьба несколько утихла, страна медленно восстанавливалась после опустошительных гражданских войн. Но передышка была недолгой. В 1876 г. вокруг кандидатуры преемника Переса снова разгорелись страсти. Правящая радикальная партия раскололась. Правительство выдвинуло Акилео Парру, а либералы-оппозиционеры — Рафаэля Нуньеса, поэта и писателя, ловкого политического деятеля, незадолго перед тем вернувшегося из Европы, где он провел десять лет на дипломатической службе. В последующие десятилетия Рафаэль Нуньес играл выдающуюся роль в жизни Колумбии.

Сторонники Нуньеса, образовавшие «независимую партию», проводили избирательную кампанию под лозунгом: «Нуньес или война!». На пост президента баллотировались три кандидата, но ни один не набрал необходимого числа голосов (требовалось набрать минимум пять голосов, ибо в выборах участвовали все штаты, а их было де-

* Генерал Сантос Гутьеррес (1820—1872) — по образованию адвокат, выдвинулся в годы гражданской войны (1854 и 1860); единственный колумбийский генерал, не знавший поражений. Занимал различные государственные и дипломатические посты.

** Генерал Эусторхио Салгар (1831—1885). В 20 лет был доктором права, в 29 — генералом, в 39 лет — президентом.

*** Мануэль Мурильо Торо (1816—1880) — политический журналист, основатель ряда газет, в том числе «Эль Тьемпо», начавшей выходить с 1 января 1855 г. Сегодня это одна из ведущих газет не только Колумбии, но и всей Латинской Америки. С 1850 г. — глава фракции либералов-голгофцев. Первый раз стал президентом Соединенных Штатов Колумбии в 1864 г.

**** Сантьяго Перес (1830—1900) — писатель, журналист, один из основателей Академии языка.

вать), и 21 февраля 1876 г. конгресс 48 голосами из 84 избрал Акилео Парру (1825—1900). Консервативная партия, находившаяся у власти в штатах Антиокия и Толима, подняла мятеж. Консерваторы других штатов поддержали мятежников. Снова разразилась гражданская война. Из Антиокии и Толимы войска консерваторов прибыли в Кауку, и 12 июля начались военные действия. Все фракции, кроме группы Нуньеса, объединились, чтобы дать отпор консерваторам. Два сражения носили особенно ожесточенный характер. 31 августа недалеко от г. Буги в местечке Лос Чанкос сошлись две армии — четырехтысячная армия консерваторов и трехтысячная армия либералов. На поле боя осталось 2500 человек убитых и раненых, 2000 солдат, сражавшихся за консерваторов, были взяты в плен. Второе сражение разыгралось 20—22 ноября того же года на равнине Гаррапата в штате Толима. Там против 7200 консерваторов выступили 4500 либералов. Трехдневное сражение не принесло победы ни одной из враждующих сторон; потери были большие: 2000 убитых и 1000 раненых. Сражение закончилось перемирием, но в других районах гражданская война продолжалась. Лишь после разгрома консерваторов в Манисалесе и сражения в г. Кокуе 27 апреля закончилась эта разрушительная война, длившаяся десять месяцев. Война унесла тысячи жизней и нанесла огромный ущерб и без того слабой экономике. Правительство вынуждено было держать под ружьем 25-тысячную армию, обходившуюся 20 тыс. песо в сутки, что по тем временам составляло огромную сумму.

Президентом на 1878—1880 гг. был избран снискавший себе популярность во время гражданской войны генерал Хулиан Трухильо. Прямодушный, далекий от политики, генерал вскоре стал игрушкой в руках своего главного советника министра экономики Рафаэля Нуньеса. В речи, произнесенной Трухильо при вступлении на пост президента и, по-видимому, составленной не без участия Нуньеса, впервые прозвучал излюбленный мотив Нуньеса — призыв к «возрождению». Трухильо сказал: «Страна нуждается в радикальном административном возрождении, иначе наступит катастрофа»⁹⁰.

Фактически президент Трухильо готовил почву для прихода Нуньеса к власти; он установил контакт между «независимыми» либералами и консерваторами, создавшими партию «независимых», или республиканцев. Давно мечтавший занять пост президента, Нуньес, наконец, добился своей цели. 8 апреля 1880 г. он приступил к исполнению обязанностей президента.

Вступая в должность, президент Рафаэль Нуньес следующим образом охарактеризовал положение в стране: «Наше сельское хозяйство находится в эмбриональном состоянии... На огромной территории нашей страны всего несколько километров стальных путей... Вот уже несколько лет, как наш экспорт не покрывает импорт. Если такое положение сохранится, наступит опасная ситуация, при которой колумбийский народ будет потреблять больше, чем производить. Во всяком случае очевидно, что национальная

экономика переживает упадок. Нас ожидают еще худшие времена — надвигается всеобщая нищета»⁹¹.

Действительно, экономическое положение Новой Гранады в этот период было критическим. Антикониальные реформы 1850 г., покончившие с колониальным способом ведения хозяйства, частично стимулировали экономическое развитие страны. Организация паровозного сообщения по главной водной артерии — реке Магдалене расширила внутриэкономические связи. Экспорт Колумбии в 1855—1856 гг. состоял из золота (40%), табака (27,5%), хины (16,2%), шпала (6,2%), кофе (6,15%) и кож (4,02%)⁹².

Отмена монополии на табак привела к росту его производства. В годы самых высоких цен на табак на мировом рынке в 1856—1857 и в 1863—1869 гг. экспорт табака давал Колумбии более 3 млн. песо в год. Однако ввиду снижения качества табака из-за длительной транспортировки, а также в результате конкуренции колумбийский табак стал быстро терять покупателей на европейском рынке. Его заменили хина и индиго. Производство хины имело большое значение в развитии экономики Колумбии. Добывали ее в лесах примитивным способом, но продвижение в глубь лесов в поисках хины содействовало освоению новых районов. Расширение добычи хины относится к середине 50-х годов прошлого века; с тех пор экспорт хины начал играть заметную роль в экономике страны. Рекордного объема экспорт хины достиг в 1880—1881 гг. (5 839 476 кг), когда он принес Колумбии 5 123 814 долл. прибыли⁹³.

Разведение индиго, растения, из которого добываются красящие вещества, — процесс сложный. Индиго быстро истощает почву, поэтому требуется замена посевных культур, вспашка, применение удобрений. Посадки индиго производятся в районах с постоянной температурой 25—30° тепла. Растение достигает метровой высоты. Вызревание кустов индиго происходит довольно быстро, собирать урожай надо сразу, иначе он погибнет. В 1868/69 г. в плантации индиго был вложен 1 млн. песо — сумма, для значительного расширения посевных площадей недостаточная. Поскольку средств у правительства не было, то большого размаха выращивание индиго не получило. Экспорт индиго в основном шел во Францию и Англию.

Понижение цен на мировом рынке на хину и индиго привело к тому, что эти культуры потеряли экономическое значение для Колумбии. А затем Индия вытеснила колумбийский индиго с европейского рынка. Не выдержала длительной конкуренции и хина. Их место в экспорте начал прочно занимать кофе.

Кофе появился в Колумбии в первой половине XVIII в.: в 1723 г. — в Сантандере, в 1738 г. — в Кауке, в 1758 г. — в Сьерре Неваде, в 1761 г. — в Панаме. С 1810 г. кофе стали разводить для продажи, а с 1834/35 г. — на экспорт: в этом году было вывезено 2592 мешка по 18 песо за мешок. В 1845 г. экспорт кофе достиг 100 тыс. мешков и составил 10% стоимости всего

экспорта страны. Значительное расширение плантаций кофе произошло в 1857 г. Климатические и географические условия Колумбии идеальны для выращивания кофе; особенно пригодны для этого земли на высоте 800—1500 м над уровнем моря. Однако не эти факторы оказались решающими для расширения кофейных плантаций. Дело в том, что в середине прошлого века резко сократилось производство кофе на Кубе, в Пуэрто-Рико и на других Антильских островах. Произошло это потому, что орудовавшие там иностранные монополии переключились на другие культуры в других странах.

Культивирование кофе содействовало развитию целых районов на западе Колумбии — Антиокии, Кальдаса и Валье, как в свое время расширение плантаций табака, хины и индиго способствовало развитию восточных районов страны.

В колониальный период быстро развивалась лишь восточная часть страны (территория современного департамента Сантандер). Экономика этого района не была типична для колонии: поскольку индейцы здесь были почти полностью истреблены, то отсутствовали и латифундии, и энкомьенда. Земля распределялась более или менее поровну среди испанских колонистов. Здесь возникали и росли города, появилось мелкое товарное производство. Центром мануфактуры стало местечко Сокорро. После реформы 1850 г. иностранные компании, пользуясь правом свободной торговли, быстро свели на нет местную промышленность, и население востока было вынуждено заняться изготовлением шляп и выращиванием кофе. Со временем примитивные кофейные плантации превращались в налаженное производство. Появились молодые предприимчивые предприниматели, открывавшие небольшие фабрики.

Любопытно шло развитие снежного горного района Киндио, расположенного между департаментами Толимой и Каукой на высоте свыше 5000 м. Хозяином положения здесь стал топор дровосека: крестьянин, чтобы обосноваться, построить дом, рубил лес, корчевал пни.

Промышленность страны нуждалась в протекционизме, национальная экономика — в упорядочении, а часто менявшиеся министры финансов не успевали даже разобраться в существе дела.

Придя к власти, Рафаэль Нуньес широкообещательно объявил о своем намерении проводить программу «возрождения». Он пытался изменять не только методы управления, но даже традиции и обычаи, даже манеры. Нуньес прилагал все усилия, чтобы заменить федеральную систему централистской, провел закон о праве центрального правительства вмешиваться во внутренние дела штатов, начал строительство железной дороги в Хирардоте. Но президентский срок его ограничивался двумя годами; продлить свое пребывание у власти Нуньесу не удалось, и он подыскал себе престарелого и послушного преемника — адвоката Франсиско Хавьера Салдуа (1811—1882). Однако тот от роли марионетки отказался. Нуньес, будучи первым заместителем президента и пользуясь своим влия-

нием на конгресс, блокировал все действия президента. Такому старому больному человеку, как Салдуа, было не под силу выдержать столь напряженную ситуацию: президентом он стал 1 апреля 1882 г., а 21 декабря того же года скончался (в истории Колумбии это был единственный случай смерти президента во время исполнения своих обязанностей). Как первый заместитель президента Нуньес мог занять освободившееся место, но он решил выждать, чтобы занять президентский пост на полный срок в 1884 г., поэтому президентом стал второй заместитель Салдуа, сторонник Нуньеса, Хосе Эусебио Оталора. Он сформировал смешанный кабинет, в который вошли четыре независимых либерала, два радикала и один консерватор. Однако, почувствовав вкус власти, Оталора стал подумывать о том, чтобы порвать с Нуньесом и продлить свои президентские полномочия. Произошла, как пишут многие колумбийские историки, так называемая эволюция Оталоры. Однако Рафаэль Нуньес и его сторонники вынудили Оталору отказаться от честолюбивых планов. Оталора написал своему бывшему шефу покаянное письмо.

5 февраля 1884 г. голосами независимых либералов и консерваторов Рафаэль Нуньес был избран во второй раз президентом Колумбии. Новый президент образовал правительство из представителей различных партий и занялся реформами. Но снова помешала война. В августе 1884 г. происходили выборы президента штата Сантандер. Победу одержал генерал Эусторхио Салгар (президент Колумбии в 1870—1872 гг.), избранный голосами радикалов и фракцией консервативной партии. Независимые либералы, находившиеся у власти, отказались признать результаты выборов. Помимо чисто политических причин разногласия были вызваны ухудшением экономического положения штата. Дело в том, что в это время на мировом рынке резко упали цены на хину и кофе — основные статьи экспорта этого штата.

Президент Нуньес послал в Сантандер войска, и очередная гражданская война стала печальным фактом. Из Сантандера междоусобица перекинулась в другие штаты. Все Атлантическое побережье Колумбии оказалось в руках либералов — противников Нуньеса. В штате Паанама в подавлении повстанцев участвовали 800 морских пехотинцев США. Президент Колумбии официально поблагодарил США за «помощь». Отменив очередную сессию конгресса, 27 января 1885 г. Рафаэль Нуньес фактически установил личную диктатуру.

В марте 1885 г. либералы — противники Нуньеса решают приступом взять порт-крепость Картахену. Операция, видимо, была заведомо обречена на неудачу: крепостная стена, которую испанцы воздвигали 200 лет, была практически непреступна; кроме того, боеспособность армии либералов, состоявшей из 1800 солдат и 30 генералов (т. е. на каждые 60 солдат приходился один генерал), оставляла желать лучшего: ее подтачивали постоянные интриги, соперничество высших офицеров. После бесплодной двухмесячной

осады было решено 8 мая 1885 г. предпринять высадку десанта, которая окончилась неудачей. С наступлением темноты группа смельчаков — 225 солдат батальона «Оканья», подготовленная генералом Рикардо Гайтаном Обесо, высадилась на берег под стеной крепости. Двигаясь по пояс в воде и держась за канат, выброшенный с корабля, солдаты боролись с волнами и медленно приближались к цели. Первая группа в 25 человек вскарабкалась на стену и с криком «Сдавайтесь!» напала на охрану. Завязалась перестрелка. Однако вскоре все 25 солдат были взяты в плен, так как их остальные 200 товарищей не смогли участвовать в атаке: полковник Ранхель, ненавидевший генерала Гайтана Обесо, чтобы помешать успеху соперника, приказал перерезать канат, за который держались солдаты, и те, сбитые волнами, погибли. Это было начало провала всей операции.

«Армия республики», потерпев поражение у степ Картахены, а позднее близ местечка Ля Умареда, была вынуждена сложить оружие. Гражданская война, длившаяся восемь месяцев, закончилась 26 августа 1885 г. подписанием договора о прекращении военных действий.

Генерал Гайтано Обесо был взят в плен, его тотчас доставили в Боготу и судили военно-полевым судом. Есть документы, подтверждающие, что Нуньес лично приказал прокурору не щадить его. Однако под давлением общественного мнения смертная казнь была заменена осуждением на десять лет. Гайтано Обесо пересылали из одной тюрьмы в другую; в тюрьме города Панасаны 12 апреля 1886 г. он скоропостижно скончался. Согласно официальной версии, 32-летний генерал умер во время приступа малярии, но некоторые историки, изучив свидетельские показания, утверждают, что он был отравлен по приказу президента Нуньеса.

Многие колумбийские историки, в частности академик Абель Крус Сантос, считают «революцию 1885 г.» «грубейшей ошибкой либеральной партии»⁹⁴. Одержав победу над либералами, Нуньес заявил: «Конституции 1863 г. больше не существует». Естественно, перестала существовать и федеральная система. Экономическое положение страны катастрофически ухудшалось. В одном из своих посланий президент Нуньес так описывал сложившееся положение: «Подорваны экономические основы. Революция (так Нуньес и подавляющее большинство буржуазных историков называют заговоры, мятежи, государственные перевороты и борьбу за власть.— С. Г.) превратилась в выгодную и безопасную профессию... Правительство вынуждено работать, не выпуская из рук оружия, в ожидании, что с минуты на минуту разразится война, в огне которой гибнут люди, имущество, подрывается престиж, братья становятся заклятыми врагами»⁹⁵.

Консерваторы у власти (1886—1930)

В сентябре 1885 г. президент Колумбии Рафаэль Нуньес разослал циркуляр, обязывавший президентов штатов направить в столицу по два делегата-уполномоченных на предстоявший Национальный совет. 11 ноября того же года этот совет, избранный правительством в составе девяти консерваторов и девяти независимых либералов, был учрежден. (В 1884 г. Нуньес создал так называемую Национальную партию из независимых либералов и консерваторов; этой партии, собственно, и нужен был Национальный совет). Ведущую роль в совете играл независимый либерал (а по существу консерватор) Мигель Антонио Каро — ученый, филолог, писатель, известный остроумец, ярый католик и реакционер, человек необузданного права. Первое, что сделал Национальный совет, — это отменил конституцию Рионегро (1863 г.) и до выработки новой избрал президентом Колумбии на шесть лет Рафаэля Нуньеса, вице-президентом — Элисео Пайана, а замещающим президента — генерала Хосе Мариа Кампо Серрано. Независимые либералы считали, что Нуньес представляет их интересы; в том же были убеждены и консерваторы.

Следующим актом совет преобразовал штат Кундинамарку в федеральный округ, чтобы избавиться от президента штата генерала Даниэля Алдана, либерала. Затем Национальный совет долго обсуждал проект новой конституции, инспирированной Нуньесом и разработанной Мигелем Антонио Каро. От федеральной конституции 1863 г. не осталось и следа.

Политический хамелеон

4 августа 1886 г. Национальный совет утвердил новую, восьмую по счету конституцию Колумбии (газеты прозвали ее «монархической»). На следующий день она была промульжирована исполнительной властью. Конституция 1886 г., со многими поправками дожившая до сегодняшнего дня, нарекла страну «Республикой Колумбия» и ввела унитарную систему государственного устройства; штаты были преобразованы в департаменты и лишены самоуправления. Главой департамента стал губернатор, назначаемый президентом и

являющийся представителем центрального правительства. Исполнительную власть возглавил президент, избираемый на шесть лет (позднее этот срок был сокращен до четырех лет). Ежегодно конгресс избирает первого и второго заместителя президента. Президент является одновременно главой кабинета министров, состоящего из восьми человек. Выборы президента осуществляются прямым голосованием, и он не может быть переизбран. Высшая законодательная власть — двухпалатный конгресс — поначалу собирался на сессию раз в два года, а после поправки 1910 г. — ежегодно. Сенаторы избираются городскими ассамблеями на шестилетний срок, депутаты — на четыре года по одному от 50 тыс. жителей.

Высшим судебным органом стал верховный суд, кроме того, имеются две другие инстанции — высшие окружные трибуналы и муниципальные суды. Судьи могут переизбираться неограниченное количество раз.

В целом конституция 1886 г. является типичной буржуазно-демократической конституцией, декларировавшей, но не гарантировавшей демократические права граждан — свободу слова, печати, собраний и т. д., конституцией, провозгласившей незыблемость частной собственности и охрану ее законом, превыше всего поставившей интересы крупной буржуазии и помещиков. Ее четко ориентированный классовый характер проявился уже в том, что фактически большинство населения страны было лишено избирательных прав: устанавливался жесткий возрастной, имущественный, образовательный цензы; женщины к политической жизни допущены не были, права голоса не имели. По выборам в советы муниципалитетов и ассамблей департаментов правом голоса пользовались только мужчины, достигшие 21 года и имевшие профессию и постоянное занятие. Для участия в выборах в палату представителей надо было уметь читать и писать, иметь годовой доход не менее чем в 500 песо. Учитывая, что 75% населения тогдашней Колумбии было неграмотным и что страна переживала хроническую безработицу, большинство населения практически было отстранено от участия в политической жизни.

Для того чтобы быть избранным сенатором, вице-президентом и президентом, необходимо было быть колумбийцем по рождению и иметь годовой доход не ниже 2 тыс. песо. Правительство, назначаемое президентом, было ответственно только перед ним. Кабинету министров предоставлялись чрезвычайные полномочия. Таким образом, конституция 1886 г. претворила в жизнь девиз консерваторов: «политическая централизация и административная децентрализация». Консерваторы были полны решимости покончить с «политическим хаосом» и править железной рукой.

Конституция 1886 г. в корне изменила отношения между государством и церковью. В отличие от конституции 1863 г. в преамбуле снова появилось упоминание о боге. Католическая религия была объявлена государственной; в основу всей системы воспитания и образования были положены церковные догмы. Статья 54

конституции гласила: «Католические священники могут использоваться в области просвещения и благотворительности».

Конституция уполномочивала правительство заключать соглашения с Ватиканом — конкордаты.

Первый конкордат между Колумбией и Ватиканом был заключен 31 декабря 1887 г. Католическая церковь снова получила самые неограниченные права: владеть и управлять имуществом, учреждать религиозные ордена, религиозные автономные ассоциации и благотворительные общества. Во всех учебных заведениях вводилось обязательное преподавание закона божьего и теологии. Более того, церковь получила право контролировать всю систему преподавания вообще и учебные пособия в частности. Отныне Ватикан назначал архиепископов и епископов из списка лиц, рекомендованных президентом Колумбии. Снова был узаконен церковный брак. Правительство Колумбии обязалось выплачивать Ватикану компенсацию за экспропрированное церковное имущество. Словом, Нуньес подписал безоговорочную капитуляцию. «С тех пор как был заключен конкордат, — пишут Энао и Аррубла, — отношения между церковью и государством носили гармоничный, сердечный характер»¹; иначе говоря, церковники вернули и упрочили свою власть в стране.

Многие историки ошибочно считают, что религия была единственным водоразделом, который отличал позицию консерваторов от позиции либералов. Но факты показывают, что это не так, что и те, и другие становились то клерикалами, то антиклерикалами в зависимости от политической конъюнктуры. Слов нет, связь консерваторов, особенно их руководящей верхушки, с церковниками всегда была прочнее. Консервативная партия всегда стремилась к сохранению социальных институтов эпохи испанского колониального владычества. Бесспорно также и то, что в прошлом веке либеральная партия была прогрессивнее в том смысле, что выступала против рабства негров и феодальных привилегий католической церкви. Но, как мы уже неоднократно указывали, коренного классового различия между колумбийскими либералами и консерваторами никогда не существовало; вот почему конституцию 1886 г. поддержали не только пришедшие к власти консерваторы, но и значительная часть их противников — либералов.

Итак, наступил новый этап провозглашенной Нуньесом «эры возрождения». Держа в руках все бразды правления, новый президент не спешил вступать в должность (до 4 июня 1887 г.); сначала оставил вместо себя замещающего президента Кампо Серрано (правившего до 5 января 1887 г.), затем передал свои полномочия вице-президенту Пайану (которого вскоре за непослушание сместил); сам же, взяв отпуск у конгресса, отбыл в Картахену, в свое имение «Эль Кабреро». С августа 1888 г. Нуньес жил там безвыездно.

Рафаэль Нуньес (1825—1894), не сходявший с арены политической жизни Колумбии в течение двух десятилетий, заслуживает

особого разговора. Человек незаурядных и разносторонних способностей, талантливый организатор и вместе с тем честолюбец, демагог и интриган, Нуньес отличался столь сложным и «гибким» политическим «темпераментом», что снискал себе репутацию «колумбийского Маккиавелли». Сын профессионального военного, Рафаэль Нуньес родился и вырос в Картахене. Смолоду он любил книги и писал стихи, но уже пятнадцатилетним юношей с головой окунулся в политику. В начале 50-х годов он был активным членом группы «голгофцев», левой фракции либералов, был избран делегатом конституционной ассамблеи 1853 г. Убежденный федералист, он, не найдя поддержки своим взглядам со стороны делегатов, тотчас перестроился. Быстрая и радикальная смена взглядов, в зависимости от политической конъюнктуры, — главная черта Нуньеса. Так, резко раскритиковав президента Обандо, Нуньес затем перестроился и стал его министром внутренних дел. В правительстве Мальярино он занимал посты военного министра и министра экономики. В 1860 г. Нуньес был избран сенатором. Его заклятый враг Москера стал президентом, и Нуньес в очередной раз меняет курс — перестраивается и занимает пост министра экономики в правительстве Москеры. Будучи делегатом конвенции, состоявшейся в Рионегро в 1863 г., он выступал как ярый сторонник федеральной системы управления и голосовал за федеральную конституцию 1863 г. 23 года спустя, заняв пост президента Колумбии, он решительно выступил против этой конституции и добился ее отмены. Десять лет, с 1864 по 1875 г., Нуньес провел на дипломатической службе, представляя Колумбию в европейских странах. После его возвращения на родину, сторонники выдвигают либерала Нуньеса на пост президента. Во время избирательной кампании он по-прежнему выступает как ярый федералист и антиклерикалист, но, стараясь привлечь голоса консерваторов, намекает, что он не такой уж враг католицизма, как это может показаться. Двойственная позиция Нуньеса насторожила обе партии, и на президентских выборах 1875 г. он потерпел поражение. С досады на либералов он всячески содействовал консерваторам в развязывании гражданской войны. Но, увидев, что поражение консерваторов неизбежно, цинично заявил: «Я не сажусь на корабль, который идет ко дну»².

Наконец, жажда власти была утолена: в 1880 г. Нуньес добивается поста президента; в 1884 г. он снова становится президентом, с 1885 г. и до самой смерти — фактический диктатор. Он годами жил на своей вилле «Эль Кабреро» в Картахене, но оттуда пристально следил за событиями и активно в них вмешивался.

Многие годы Нуньес добивался контроля над деятельностью католической церкви; вдруг в 1886 г. он становится ярым ее защитником, а год спустя заключает конкордат с Ватиканом. Оказалось, что, помимо всего прочего, у Нуньеса были на то личные причины: он оставил законную жену и добивался от Ватикана разрешения обвенчаться с другой женщиной³.

Незадолго до смерти Нуньеса папа Лев XIII возвел его в рыцари первого класса, тем не менее президент отказался от покаяния. Епископу Биффи он сказал: «Я не буду исповедоваться, ибо хочу умереть, не простив моих врагов»⁴.

События показали, что ни о каком «возрождении» говорить не приходится: страна снова погружалась в пучину экономического кризиса; в результате политической неустойчивости и междоусобиц сельское хозяйство пришло в полный упадок, углубилась инфляция.

Нуньес стал терять приверженцев. Появилась партия «исторических консерваторов», куда вошла группа консерваторов и остатки Национальной партии, которая к этому времени распалась. В 1892 г., ловко манипулируя государственной машиной и опираясь на реакционное офицерство, Нуньес снова переизбрался президентом. Однако многие из его противников стали членами конгресса, и Нуньес уже не имел прежней поддержки в законодательном органе.

Общество было деморализовано. Коррупция разъедала весь государственный аппарат снизу доверху. Единственный представитель либералов в конгрессе генерал Урибе Урибе в одной из своих речей горько пошутил: «Если среди деятелей «возрождения» найдется хоть один, не присвоивший народных денег, на его надгробии надо написать: «Хоть он и был «возродителем» родины, он при этом не крал»⁵.

Вице-президентом в 1892 г. был избран Мигель Антонио Каро, исполнявший с 7 августа обязанности президента, поскольку Нуньес безвыездно жил в Картахене.

В середине января 1893 г. в столице произошли кровавые события. На улицы вышли толпы голодных боготинцев — стариков, женщин, детей. Камни полетели в окна полицейских участков, в дома министра внутренних дел и алькальда Боготы. Город был объявлен на осадном положении; полиция и армия учинили над демонстрантами кровавую расправу. В августе того же года были закрыты некоторые газеты либеральной партии, введена цензура и выслана из страны группа «опасных» заговорщиков; бывший президент Сантос Акоста был арестован.

В декабре 1893 г. в Боготе состоялась конвенция либералов, укрепившая организационную структуру партии и создавшая новое руководство во главе с Сантьяго Пересом; представители руководства были разсланы во все департаменты. Колумбия вновь оказалась накануне гражданской войны. Сторонники Нуньеса стали решительно требовать, чтобы президент вернулся в столицу и встал во главе государства, иначе всей политике «возрождения» грозил полный крах. Нуньес начал собираться в путь, но 18 сентября 1894 г. внезапно скончался.

22 января 1895 г. либералы подняли восстание в нескольких департаментах Колумбии. Гражданская война продолжалась два месяца и закончилась 15 марта полным разгромом повстанцев. Правительственными войсками командовал генерал Рафаэль Рейес.

Преемник Нуньеса Мигель Антонио Каро хотел продлить свое пребывание у власти, но это ему не удалось. В стране воцарилась, если можно так выразиться, «устойчивая неустойчивость».

Тысячедневная война

В результате компромисса между враждующими группами консерваторов на выборах 1898 г. президентом стал престарелый (в момент избрания ему было 84 года), ничем не выдающийся государственный деятель Мануэль Антонио Санклементе (1814—1902). Вице-президентом был избран представитель партии националистов известный писатель и дипломат Хосе Мануэль Маррокин. Новый президент был болен, и его обязанности стал выполнять Маррокин. «Динамичный» Маррокин совершенно явно рвался к власти, чем вызвал настороженность среди членов бывшей Национальной партии, и те заставили Санклементе вступить в должность. Конгресс, в котором хозяйничали «исторические консерваторы», сторонники Маррокина, так и не смог собраться, чтобы принять присягу президента, и он вынужден был принести ее перед верховным судом (3 октября 1898 г.). Через несколько дней Санклементе заболел и испросил разрешения сената поселиться неподалеку от столицы, в местечке Анапойма, откуда перебрался в Виллету. Престарелый и немощный Санклементе не имел никакого контакта ни с парламентскими, ни с деловыми кругами и фактически с самого начала был не у дел. Между тем страна остро нуждалась в политических и экономических реформах. Росла инфляция. Основная отрасль хозяйства Колумбии — производство кофе — переживала упадок. В стране насчитывалось всего 400 миль железных дорог. Назревала (в которой уже раз!) гражданская война. В июле 1899 г. либералы предприняли попытку мятежа, но были разгромлены. 18 октября правительство ввело осадное положение, после чего вспыхнула самая страшная, самая опустошительная гражданская война из всех, пережитых Колумбией. Она известна под названием «тысячедневной войны» *. Она охватила департаменты Сантандер, Кудинамарку, Топиму, а затем распространилась на всю страну. Трехтысячная армия либералов под командованием генерала Рафаэля Урибе Урибе в сражении под Букарамангой потерпела поражение. Но в сражении на реке Пералонко 16 декабря 1899 г. либералы одержали крупную победу. Сражение в Палонегро 11—26 мая 1900 г., неподалеку от Букараманги, напротив, принесло победу правительственным войскам.

Война наносила все более жестокие удары по экономике страны. В пламени пожаров гибли дома и мосты. Скот и урожай реквизировались то правительством, то восставшими; невозделанные и

* В действительности она продолжалась 1128 дней: началась 18 октября 1899 г., а закончилась 21 ноября 1902 г.

разоренные кофейные плантации пустовали; народ нищал. Президент СанкLEMENTE фАКТИЧЕСКИ утратил всякую власть. Приближенные ставили печать с его подписью на документы, о существовании которых он не имел понятия.

Группа «исторических консерваторов» выступила за то, чтобы СанкLEMENTE передал власть Маррокину. Вначале они обратились в верховный суд, требуя отставки президента в связи с тем, что он, нарушая конституцию, не живет в столице. Однако верховный суд не поддержал их требование. Тогда «исторические консерваторы» пошли на соглашение с либералами, пообещав им, в случае успеха, освобождение политических заключенных, свободу печати и свободные выборы в конгресс. Обстановка снова накалилась.

Вице-президент Хосе Мануэль Маррокин, в прошлом ректор Колумбийского католического университета, с первых же дней своего вице-президентства мечтал о захвате власти. 31 июля 1900 г. при поддержке группы сторонников и армии Маррокин совершил государственный переворот и арестовал жившего с семьей в Виллете президента СанкLEMENTE.

Один из приверженцев нового президента, Карлос Мартинес Сильва, в награду за активное участие в перевороте был назначен министром иностранных дел. В инструкции дипломатическим представителям Колумбии за границей, разосланной 16 августа 1900 г. и имевшей целью объяснить причины государственного переворота, новый министр иностранных дел следующим образом описывал положение Колумбии в 1898—1900 гг.: «Во всех сферах государственной жизни росла и ширилась целая система коррупции и злоупотреблений, принявших такие размеры, что против правительства образовалась сильная оппозиция, которая сама по себе, даже без поддержки военных, могла осуществить государственный переворот»⁶.

Финансовое положение республики было настолько катастрофическим, что в 1900 г. в целях экономии правительство ликвидировало большинство своих дипломатических представительств в Европе и Америке. Большая часть консулов была заменена почетными консулами. В Европе Колумбия оставила лишь два представительства: одно — в Ватикане и другое — в Англии (аккредитованное одновременно во Франции и Швейцарии). Эти мероприятия по сокращению и без того малочисленной и плохо организованной дипломатической службы за два года дали стране экономию лишь в 490 тыс. песо⁷. Но страна нуждалась в радикальных реформах, а не в копеечной экономии.

Маррокин, упоенный властью, не принимал никаких мер и по-прежнему боялся компромисса с либералами. Обещания правительства об уступках оказались невыполненными, и либералы вновь взялись за оружие. Ничего существенно нового по сравнению со своим бездейственным предшественником СанкLEMENTE Маррокин не внес. Вся разница, по словам министра иностранных дел Карлоса

Мартинеса Сильвы, свелась к тому, что «исторические консерваторы — это консерваторы-националисты без жалования, а консерваторы-националисты — это исторические консерваторы с жалованием...»⁸.

Президента сменили, но гражданская война продолжалась. Многочисленные сражения происходили в департаменте Бояка. Особенно памятно сражение в Чите — городке, затерявшемся высоко в Андах. Там заняла оборону небольшая армия либералов, всего 1200 человек. 15 января 1901 г. к Чите подошла пятитысячная армия консерваторов и на рассвете 16 января неожиданно атаковала либералов. Солдаты либералов дрались за каждый дом, и превосходящие силы консерваторов отступили. На улицах Читы осталось 1200 убитых и раненых.

Особый оборот приняли события в департаменте Панама. В декабре 1901 г. 1500 солдат армии либералов под командованием одного из лучших стратегов Колумбии генерала Эрреры одержали там ряд внушительных побед. Колумбийское правительство направило в Панаму пятитысячную армию для разгрома либералов. Но армия Эрреры 30 июля 1902 г. окружила Агуадульсе, где окопались части консерваторов, и приступила к осаде. Вскоре в осажденном городе начался голод, и 27 августа осажденные капитулировали; в плен сдались 3500 солдат, 13 генералов и 500 офицеров. Около 30% солдат, сдавшихся в плен, в свое время были силой мобилизованы консерваторами и тут же перешли в ряды армии либералов. Вся Панама оказалась в руках либералов, но главные города Панама и Колон, а также соединяющая их железная дорога находились под контролем морской пехоты США. Правительство Маррокина, напуганное победами либералов, обратилось к правительству США с просьбой высадить части в Панаме и обеспечить мирное урегулирование конфликта. 11 сентября командир американского корабля «Рэножер» Поттер сообщил морскому министерству, что Панама под угрозой и что у него недостаточно сил для защиты американских интересов. Морское министерство немедленно направило корабли «Цинциннати» и «Висконсин» в Колон и Панаму. 12 сентября Поттер запросил дальнейших инструкций. Ответ был получен немедленно: «Соединенные Штаты гарантируют полный нейтралитет перешейка, а также свободный транзит от океана к океану. Соединенные Штаты Колумбии гарантируют правительству и гражданам Соединенных Штатов и их собственности свободный и открытый транзит через перешеек. Вы не должны санкционировать какую-либо перевозку войск, противоречащую этим условиям. Железная дорога также не должна превращаться в линию транзита, связывающую с театром военных действий»⁹.

Это указание санкционировало вмешательство во внутренние дела Колумбии.

Президент США Т. Рузвельт поручил командиру корабля «Цинциннати» Маклину урегулировать конфликт в Панаме. Маклин запретил и повстанцам, и представителям колумбийского правитель-

ства пользоваться железной дорогой. Губернатор Панама Салазар опротестовал это распоряжение, так как в соответствии с договором правительство могло использовать железную дорогу по своему усмотрению. Вице-консул США в Панаме Эрман ответил Салазару, что соответствующий пункт договора не предусматривал перевозку вооруженных сил, особенно в период военных действий.

В конце сентября Рузвельт направил в Панаму контр-адмирала Кейзи. 2 октября после инспекционной поездки Кейзи заявил губернатору, что не допустит транспортировки вооруженных сил по железной дороге. Губернатор Салазар выступил с резким протестом и потребовал согласия на переброску из Колона в Панаму хотя бы одного вооружения. Кейзи категорически отказал; в своей информации морскому министерству он сообщал, что, по его мнению, Колумбия потеряла контроль над перешейком.

20 октября адмирал сообщил своему начальству: «Я твердо уверен в том, что, отзови мы наших солдат с побережья, инсургенты через 48 часов будут в Панаме. Поэтому я считаю, что правительству очень хочется, чтобы солдаты остались; иногда оно делает слабые попытки возражать, но принимать их всерьез не следует»¹⁰.

21 ноября 1902 г. на борту американского крейсера «Висконсин» между воюющими сторонами был подписан мирный договор. Так закончилась важная страница истории Колумбии — «тысячедневная война», так закончился в Колумбии XIX век.

Видный государственный и политический деятель Колумбии, один из руководителей либеральной партии Мигель Сампер (1825—1899), дважды занимавший пост министра экономики и опубликовавший в 1867 г. нашумевшую книгу «Нищета Боготы»¹¹, метко охарактеризовал результаты очередной гражданской войны: «Небольшая кучка самозванцев, выдающих себя за героев, якобы обеспечивших победу, отправляется прямо в капитолий захватывать тепленькие местечки. А бедняки, проливавшие кровь, приходят домой и застают пепелище: хижины сожжены, дороги разрушены, мастерские разграблены...»¹².

Подсчитано, что с момента провозглашения независимости Колумбии до 1903 г. в стране сменилось восемь конституций и было 70 гражданских войн. Причем в войне 1879 г. было убито 80 тыс. человек, а в войне 1899—1902 гг. — свыше 100 тыс. (Небезынтересно еще раз подчеркнуть и то, что президент Томас де Москера пришел к власти как консерватор, после чего стал либералом, а президент Рафаэль Нуньес пришел к власти как либерал, а затем стал консерватором).

Отделение Панама

Рассмотрим как складывались во второй половине XIX и начале XX в. отношения между Колумбией и США.

Как мы уже отмечали, американо-колумбийский договор 1846 г. был заключен на 20 лет. Сразу же по истечении срока его дейст-

вия колумбийское правительство поставило вопрос о пересмотре договора. Посланник Колумбии в Вашингтоне генерал Сальгар обратился 23 января 1867 г. в госдепартамент с нотой, в которой уведомил о том, что ему даны указания начать переговоры об изменении договора 1846 г. Но США не были заинтересованы в этом и потому всячески оттягивали переговоры. Тогда для ускорения дела колумбийское правительство решило перенести переговоры в Боготу. В декабре 1867 г. посланнику США в Колумбии Питеру Сулливану был вручен предварительный проект договора. В нем колумбийское правительство соглашалось, чтобы строительство канала осуществляли США, и предоставляло им для этого зону земли в Панаме. Однако в договоре четко оговаривались гарантия нейтралитета и совместная оборона будущего канала. Также был оговорен и арбитраж возможных споров между США и Колумбией.

Оставалось только ратифицировать договор в конгрессе. Американское правительство долго маршировало предложение Колумбии. Лишь 2 марта 1868 г. посланник США Сулливан получил подробные инструкции и полномочия на заключение с Колумбией конвенции. Фактически переговоры, номинально продолжавшиеся почти год, начались 14 января 1869 г. Договор был, наконец, подписан. США получили в аренду на 100 лет зону земли для строительства канала, причем Колумбия полностью сохраняла свои суверенные права на эту зону. По истечении срока аренды канал должен был перейти в собственность Колумбии. Правительство США могло передать свои права на зону канала частной компании, но ни в коем случае не иностранной державе.

Колумбийский конгресс, собравшийся в марте того же года, отказался ратифицировать этот договор.

В это время президентом США стал генерал Грант, сторонник немедленной постройки Панамского канала, и в Колумбию прибыл новый посланник США генерал Харлбют. В ноябре 1869 г. возобновились переговоры, и 26 января 1870 г. был подписан новый договор, который, в дополнение к привилегиям США по договору 1869 г., предоставлял американским военным судам право свободного прохода через канал в любое время, а также право на строительство доков и верфей на обоих концах канала. В случае войны любой страны с США путь через канал для вражеских судов преграждался. Но и на этот раз колумбийский конгресс резко выступил против этого неравноправного договора. Проект был отвергнут.

Растущая агрессия США и политика нажима, проводимая Грантом и позднее президентом Хейсом, заставили колумбийское правительство сделать еще одну попытку договориться о сооружении канала с одной из европейских стран. В этот момент (1869 г.) было закончено строительство Суэцкого канала; успешное его использование усилило интерес французских деловых кругов к строительству межконтинентального канала через Панамский перешеек. Учитывали во Франции и англо-американское соперничество за влияние в Латинской Америке, в частности в вопросе о строительстве канала.

В 1876 г. в Париже было создано «Международное гражданское общество строительства межokeанского канала» для изучения вопроса о его строительстве. Это общество отправило на Панамский перешеек экспедицию во главе с французским морским офицером лейтенантом Л. Н. Б. Уайзом. 20 марта 1878 г. Уайз получил у колумбийского правительства для «Международного гражданского общества строительства межokeанского канала» концессию на постройку канала сроком на 99 лет. Компания обязалась платить Колумбии от своих доходов в течение первых 25 лет 5%, затем 6,7% и в последние 25 лет концессии — 8% ежегодно, причем указывалась минимальная сумма — 250 тыс. долларов. (Таковую же сумму Колумбия получала от Панамской железной дороги). После 99-летней аренды вся собственность переходила к Колумбии. До истечения этого срока концессия могла быть передана другой компании, но не иностранной державе. Колумбийский конгресс утвердил договор, после чего Уайз вступил в контакт с автором проекта (и организатором строительства Суэцкого канала) Фердинандом де Лессепсом.

В мае 1879 г. в Париже под руководством Лессепса открылся международный конгресс для рассмотрения вопроса о межokeанском канале. На конгрессе присутствовали 135 делегатов, большинство — от Франции, но были также представители Великобритании, США и Германии. Конгресс постановил строить канал через Панамский перешеек. С этой целью 5 июня 1879 г. была создана «Всеобщая компания по строительству межokeанского канала», которая купила у Уайза концессионные права на строительство канала через Панаму.

Американцы в свою очередь создали «Временное общество по строительству межokeанского канала» под председательством генерала Гранта. «Мы должны, — заявил американский историк У. Джонсон, — контролировать канал как свою территорию; ни одно европейское государство не может участвовать в этом контроле; если договор Клейтона—Бульвера или какой-либо другой договор будет стоять на нашем пути, он должен быть изменен или аннулирован; если какое-либо иностранное государство имеет какие-либо права на перешеек, оно должно от них отказаться; интересы США должны превалировать даже над суверенитетом стран Центральной Америки, через территорию которых может пройти канал»¹³.

Таковы были планы американской экспансии. Обеспокоенные заключением договора между Колумбией и французской компанией, США стали принимать меры для утверждения своего влияния в Панаме.

И без того натянутые отношения США с Колумбией еще более ухудшились. Этому способствовало также вызывающее поведение посланника США в Боготе Дикмана, который то и дело вмешивался во внутренние дела страны. Вот что писал по этому поводу в своем докладе за 1881 г. конгрессу колумбийский министр иностранных дел Рикардо Бесера: «Кто многим неприемлемым по форме и содер-

жанию поступкам, которые уже были отмечены в характере этого посланника, необходимо добавить его неуместное вмешательство в вопрос о Панамском канале, выразившееся в навязывании странных проектов и советов... До некоторых пор... мы терпели вмешательство указанного посланника в наши внутритропические дела и даже позволяли ему давать членам правительства непрошенные советы»¹⁴.

29 апреля 1881 г. правительство Колумбии потребовало, чтобы США отозвали своего посланника Дикмана; в июне того же года правительство США вынуждено было признать, что «поведение г-на Дикмана неприемлемо для министра-резидента»¹⁵, и заменить его другим представителем.

Как только французская компания по строительству канала приступила к работам, колумбийское правительство вновь поставило вопрос о договоре, который бы гарантировал нейтралитет Панамы. Колумбийские представители за границей приступили к переговорам. Правительство США немедленно приняло контрмеры. Государственный секретарь Блейн 24 июня 1881 г. разослал своим представителям в Лондоне, Париже и других столицах циркуляр, в котором напоминал о «исотъемлемых» правах США на Панамский перешеек. «Всякий проект соглашения между европейскими государствами, — писал Блейн, — имеющий в виду коллективную гарантию нейтралитета канала, столь удаленного от их территории и столь близкого к территории США, вызовет законное недовольство США»¹⁶. (Английский министр иностранных дел лорд Грэнвилль, прочитав этот циркуляр, воскликнул: «В конце концов, Панамский канал расположен на территории США лишь в воображении их правительства!»)

В своем послании конгрессу от 6 декабря 1881 г. президент Артур писал: «Правительство узнало, что Колумбия предложила европейским державам присоединиться к гарантии нейтралитета предполагаемого Панамского канала, гарантии, которая будет находиться в прямом противоречии с нашим обязательством быть единственным гарантом целостности колумбийской территории и нейтралитета самого канала»¹⁷.

Под нажимом американской дипломатии европейские правительства заявили колумбийцам, что судьба канала, который еще не построен, их пока не интересует. Таким образом, и на этот раз попытки Колумбии избавиться от назойливого гаранта — США оказались тщетными.

Между тем французская «Всеобщая компания» приступила к строительным работам. По подсчетам, необходимо было вынуть 157 млн. куб. ярдов земли. Лессепс оценивал стоимость строительства в 658 млн. франков и предполагал закончить его за восемь лет. Но к 1887 г. стало очевидно, что первоначальный план нереален, что необходимо изменить проект и строить канал со шлюзами. Сделать это не удалось, так как в 1889 г. компания потерпела крах.

Хотя главной причиной срыва работ были хищения и коррупция (недаром выражение «открылась целая панама» стало с тех пор нарицательным), приложили руку к этому делу и Соединенные Штаты. Вашингтон не мог допустить, чтобы французы довели до конца такое важное начинание.

Центром саботажа и подстрекательства против деятельности французской компании была Панамская железная дорога, принадлежавшая американцам, и французы были вынуждены ее купить, выложив баснословную сумму — 25,5 млн. долларов (строительство этой дороги обошлось США всего лишь в 7,4 млн. долларов). Но поскольку на руководящих постах Панамской железной дороги оставались все те же американцы, саботаж продолжался.

После краха «Всеобщей компании» ликвидационной комиссии французского правительства было трудно найти желающих продолжать строительство. Лишь в сентябре 1894 г. была создана «Новая компания Панамского канала», получившая от колумбийского правительства концессию до 1900 г. — к этому сроку она обязывалась окончить строительство канала. 1 ноября 1898 г. представитель компании в Боготе Александр Манчини попросил правительство Колумбии отсрочить окончание строительства канала; 23 апреля 1900 г. Колумбия предоставила отсрочку еще на четыре года.

К началу XX в. США вырвались вперед: заняли первое место в мире по промышленному производству, оставив далеко позади все капиталистические страны; вырос экспорт капиталов и товаров, усилилась тенденция к захвату новых рынков. Опираясь на свое возросшее экономическое могущество, США стали открыто проповедовать идеи экспансии. Идея безраздельного господства на Американском континенте, и в первую очередь в бассейне Карибского моря, стала знаменем империалистической политики американских трестов и концернов, американской финансовой олигархии. Рост экономических и стратегических интересов США в Латинской Америке и победа в войне с Испанией в 1898 г. привели к усилению их вмешательства во внутренние дела соседей.

В поисках новых рынков, дополнительных источников сырья и сфер выгодного приложения капитала США устремились в Панаму: сооружение канала значительно сократило бы расстояние между портами США и Дальнего Востока; путь от Нью-Йорка до Сан-Франциско сократился бы с 14 до 5 тыс. миль; расстояние от Нью-Йорка до Гонолулу уменьшилось бы на 8 тыс. миль и т. д.

Со стратегической точки зрения канал также представлял для США огромный интерес, ибо его сооружение обеспечило бы Соединенным Штатам контроль над странами Карибского бассейна и значительно облегчило бы перевозку сырья и горючего.

Нельзя не согласиться с мнением американского исследователя Гарри Элмера Барнеса, который в 1930 г. писал: «Трагическая история отношений между Соединенными Штатами и Колумбией со времен золотой лихорадки (1849) до начавшейся недавно эксплуатации нефтяных богатств Колумбии являет собой яркий пример

вмешательства, вызванного соображениями экономического и военного порядка. С того момента, когда золотая лихорадка 1849 г. показала ценность сообщения с западным побережьем нашей страны через перешеек, зона Панамы всегда находилась под реальной угрозой ее захвата Соединенными Штатами»¹⁸.

Но на пути США имелось три препятствия. Во-первых, Англия, которая, опираясь на договор Клейтона — Бульвера, гарантировала нейтралитет Панамского перешейка. Во-вторых, французская компания по строительству Панамского канала. И, наконец, Колумбия, упорствовавшая в своем нежелании согласиться с Соединенными Штатами на строительство канала.

Прежде всего США надо было избавиться от некоторых статей договора Клейтона — Бульвера, заключенного с Великобританией в 1850 г. Тогда этот договор носил компромиссный характер. Но в конце XIX в., в связи с возросшей американской мощью и новой расстановкой сил на международной арене, британская дипломатия заняла более благожелательную позицию в отношении США.

Американские правящие круги выдвинули довод, что, поскольку с 1850 по 1900 г. территория и население США увеличились, условия международной торговли, условия военной и морской обороны берегов Соединенных Штатов изменились, договор 1850 г. должен быть аннулирован. Боясь изоляции в случае осложнения международной обстановки, Англия пошла на уступки и согласилась на пересмотр договора Клейтона — Бульвера.

Переговоры с Англией о пересмотре договора продолжались с декабря 1898 до конца 1901 г. 18 ноября 1901 г. был подписан договор Хэя — Паунсефота*, ознаменовавший полную победу США; Клейтон-Бульверский договор был аннулирован; Англия отказывалась от всяких претензий на Панамский канал и признавала гегемонию США на Панамском перешейке; США получили право строить канал, эксплуатировать и управлять им и объявлялись единственным гарантом нейтралитета будущего канала.

Договор Хэя — Паунсефота обеспечил США двойную выгоду: с одной стороны, право самостоятельно строить канал, с другой — свободу действий в Центральной Америке. Президент Колумбии Маррокин заметил по этому поводу: «Теперь, когда он заручился терпимым отношением или согласием европейских правительств, так называемый американский империализм убрал все препятствия со своего пути и правительство США сможет осуществить свой суверенитет в Центральной Америке»¹⁹.

Договориться с французской компанией по строительству Панамского канала о переходе ее собственности в руки Соединенных Штатов оказалось нетрудно, ибо ее финансовое положение было критическим. В 1902 г. такая договоренность уже имелась. Оставалось

* По фамилиям государственного секретаря США Хэя и посла Великобритании в Вашингтоне лорда Паунсефота.

урегулировать отношения с Колумбией — заключить специальный договор о Панамском перешейке и правах США на строительство канала. Это оказалось делом довольно сложным. Переговоры между США и Колумбией продолжались почти три года. Следует иметь в виду, что к этому времени США располагали в Колумбии определенными экономическими позициями. Усиленное проникновение американского капитала в Колумбию началось с середины прошлого века. В 1864 г. была создана компания, ведавшая навигацией по реке Магдалене. Затем американцы стали проникать в сельское хозяйство и горную промышленность страны. Почти во всех транспортных предприятиях участвовал американский капитал. (В 1855 г. Соединенными Штатами была построена Панамская железная дорога). К 1899 г. действовавшие в Колумбии американские компании были объединены в одну — «Юнайтед фрут компани», которая уже через год владела 13 035 акрами земли и играла важную роль, особенно в департаменте Панама. Все большее число папанамских плантаторов попадало к ней в зависимость, так как она производила широкие закупки фруктов, главным образом бананов, а также предоставляла ссуды. Колумбийская помещичья олигархия, связанная с «Юнайтед фрут компани», выступала за все более тесное сотрудничество с США, за то, чтобы уступить им земли для строительства канала.

Американские инвестиции в Колумбии составляли около 14 млн. долл.²⁰

Правительство Колумбии еще летом 1902 г. заняло предательскую по отношению к своему народу позицию. Когда оно убедилось в том, что своими силами подавить восстание либералов не в силах, президент Маррокин решил заключить договор с США, чтобы с помощью североамериканских вооруженных сил разгромить повстанцев.

22 января 1903 г. поверенный в делах Колумбии в США Томас Эрран и государственный секретарь США Хэй подписали договор, по которому США получали концессию на 100 лет с правом ее продления. Колумбия предоставляла США для сооружения канала зону шириной в 10 км, включая острова Перико, Наос, Кулебра и Фламенко (города Панама и Колон не входили в зону канала), право строить на обоих концах канала порты и свободно пользоваться всеми портами республики. Канал должен был оставаться навечно нейтральным. Лишь в особых случаях США имели право высадить свои войска, без предварительного разрешения Колумбии, но по прибытии к месту действия колумбийских войск американским воинским частям надлежало покинуть занятую территорию.

Правительство США брало на себя обязательство через 12 лет сдать канал в эксплуатацию.

В качестве компенсации за концессию и за то, что Колумбия теряла ренту (250 тыс. долларов в год) от Панамской железной дороги, США обязались выплатить 10 млн. долларов единовременно после обмена ратификационными грамотами и затем, через 9 лет

после вступления договора в силу, платить ежегодно 250 тыс. долларов.

Договор Хэя — Эррана вызвал в Колумбии бурю возмущения. Перед сессией конгресса 20 июня 1903 г., где должен был рассматриваться договор Хэя—Эррана, президент Маррокин, предвидя, что договор встретит всеобщее неодобрение, собрал совещание ведущих членов конгресса и долгое время их уговаривал его ратифицировать. Но даже среди его сторонников не было единодушия.

В приложенной к договору объяснительной записке министр иностранных дел Колумбии Рико указывал на необходимость сооружения канала именно через колумбийскую территорию и призывал конгресс внимательно изучить этот вопрос с политической и экономической стороны.

Когда договор поступил в сенат, выяснилось, что он подписан лишь Эрраном и не апробирован ни президентом, ни министром иностранных дел. Этот факт вызвал бурю возмущения. Две недели длились прения, в ходе которых сенаторы пытались установить, является ли такая позиция президента конституционной.

Борьбу против правительства возглавил сенатор Каро, бывший президент республики, в 1898 г. выдвинувший Маррокина на пост вице-президента Колумбии. В блестящей уничтожающей речи Каро назвал договор «ребенком без отца» и заявил, что президент должен либо подписать договор, либо отвергнуть его. Маррокин, однако, так и не высказал своего окончательного мнения.

12 августа 1903 г. колумбийский сенат отклонил договор Хэя—Эррана. 31 октября 1903 г. закончилась работа конгресса. На следующий день президент Колумбии обратился с воззванием к народу; оно было опубликовано во всех газетах и расклеено по городу. В нем говорилось об усилиях правительства покончить с беспорядками в стране, о необходимости сооружения канала через Панаму и о том, что правительство решило возобновить переговоры с США²¹.

Большинство американских историков считают, что в срыве договора повинен президент Колумбии Маррокин: дескать, если бы он захотел, он добился бы его ратификации. Такой точки зрения придерживались также Т. Рузвельт и его окружение. Но поведение Маррокина и его правительства в течение 1900—1903 гг. свидетельствует о том, что они прилагали все усилия к тому, чтобы договор был ратифицирован, и если им это не удалось, то только благодаря противодействию колумбийского народа и конгресса. Несмотря на то что ряд сенаторов был тесно связан и с правительственными кругами Колумбии, и с миссией США, конгресс не смог не посчитаться с общественным мнением, решительно воспротивившимся позорному договору.

Буржуазная историческая литература почти единодушна в своем мнении, что Колумбия отказалась ратифицировать договор в надежде сорвать с США более солидный денежный куш. Но ни в одном из выступлений в конгрессе или в опубликованных официальных документах колумбийского правительства нет даже намека на это,

хотя без слов было ясно, что денежная компенсация, предложенная Соединенными Штатами, была смехотворно мала.

Некоторые исследователи считают, что Колумбия тянула с ратификацией договора, рассчитывая завладеть имуществом французской панамской компании. Не вдаваясь в подробности, напомним лишь, что 23 апреля 1900 г. правительство Маррокина, без санкции конгресса, продлило срок концессии до 1910 г., за что получило 5 млн. франков; если бы оно пожелало завладеть имуществом панамской компании, пришлось бы вернуть ей 5 млн. франков, но колумбийская казна попросту не располагала такой суммой, финансовое положение страны было более тяжелым, чем когда бы то ни было. Стало быть, и такая мотивировка отказа Колумбии от договора Хэя—Эррана является несостоятельной.

Имеется также версия о давлении на Колумбию Германии, которой будто бы удалось убедить колумбийцев отказаться от договора. Но никаких фактов, подтверждающих это предположение, нет. Ряд современных американских авторов также отвергли эту версию²².

Истинные причины отказа Колумбии ратифицировать договор Хэя—Эррана, однако, следует искать в другом. Во-первых, договор фактически нарушал суверенитет Колумбии над Панамским перешейком, противоречил ее конституции. Даже такой апологет Рузвельта, как его биограф Прингл, писал, что «в договоре, формально признававшем суверенитет Колумбии над территорией канала, были такие условия, которые по доброй воле ни один свободный народ принять не мог»²³.

Народ и передовые политические деятели страны требовали прекращения переговоров, и правительство, конгресс Колумбии не могли с этим не посчитаться.

Во-вторых, возмутительные приемы, к каким прибегала американская дипломатия, не гнушавшаяся ни шантажом, ни подкупам, ни угрозами, вызвали в колумбийском народе взрыв ненависти к захватчикам. Игнорирование воли народа и конгресса Колумбии бросается в глаза даже при ознакомлении с дипломатической перепиской. Белый Дом диктовал: при ратификации договора надлежит «точно придерживаться наших формулировок без каких-либо изменений».

Сыграла свою роль, разумеется, и неудовлетворительная денежная компенсация. Сумма, предложенная американцами (10 млн. долларов), была совершенно ничтожной, что вытекает из следующего очевидного факта: первые же десять лет эксплуатации Панамского канала принесли США более 100 млн. долларов дохода.

1 ноября 1903 г. колумбийское правительство снова обратилось к народу с манифестом, в котором говорило о своем намерении возобновить переговоры с США, а вечером 2 ноября в порт Колон вошел американский крейсер «Нэшвил».

Прикрываясь лицемерными фразами о миролюбии и невмешательстве во внутренние дела других государств, США «поддержали» панамских сепаратистов. Не для того, разумеется, чтобы помочь

им добиться независимости своей родины, а чтобы вооруженным путем захватить часть территории Панамского перешейка и осуществить свой план — построить межокеанский канал.

3 ноября 1903 г. была провозглашена независимость Панамской республики.

Каковы же причины отделения Панамы от Колумбии и факторы, способствовавшие провозглашению независимости Панамы? Прежде всего, давние освободительные стремления панамского народа, мечтавшего об образовании независимого государства. «Не империализм США создал Панаму, — пишут члены политбюро Народной (коммунистической) партии Панамы Рубен Дарио Соуса (генеральный секретарь), Сесар А. де Леон, Уго А. Виктор и Карлос Ф. Чангмарин в книге «Панама 1903—1970», — не он вселил в панамцев желание отделиться от Колумбии. В действительности империализм США воспользовался и тем, и другим в своих корыстных целях, деформируя развитие панамского общества, попирая интересы Панамы»²⁴.

Стремление к автономии панамцев в значительной мере объясняется географической обособленностью Панамы, отсутствием коммуникаций, а также своеобразием ее исторического развития. На протяжении многих лет центральная власть душила развитие перешейка, и экономика Панамы переживала глубокий кризис. Гражданские войны, особенно «тысячедневная», усилили разруху. Жизнь на перешейке замерла. Но «тысячедневная» война имела свою особенность: в частности, то была война панамцев против колумбийской армии, защищавшей панамскую олигархию.

Провал плана строительства межокеанского канала, предпринятого французской компанией, вызвал в Панаме волну недовольства; панамцы возлагали на канал большие надежды, полагали, что он даст толчок экономическому развитию перешейка и обеспечит известную автономию, хотя бы в границах Колумбии.

Отказ сената Колумбии утвердить договор Хэя — Эррана, как писал панамский историк Бонифасио Перейра Хименес, «убедил панамцев в том, что только завоевание независимости может спасти перешеек от экономической разрухи»²⁵.

Так закончился в Колумбии XIX век. Видный колумбийский государственный деятель и писатель Херман Арсиньегас дал ему следующую характеристику: «Девятнадцатый век в Колумбии, как и во всей Америке, характеризуется анархией и гражданскими войнами. Случались и революции, возглавлявшиеся интеллектуалами, которым удавалось добиться изменения конституции»²⁶. Мигель Сампер писал: «Выборы превратились в фарс, в отравленное оружие на потребу всех партий... Имеется с полдюжины «специалистов» по сбору липовых голосов или избирательных списков, и государственные деятели прибегают к их услугам, как обращаются к сапожнику, чтобы стачал сапоги»²⁷.

Культурная жизнь

Интеллектуальная жизнь, культура Колумбии в обстановке непрерывных гражданских войн развивалась медленно. Наибольшее развитие получили медицина и юриспруденция. Кафедры медицины были созданы при колледжах уже в 1821 г. Правда, в середине XIX в. правительство разрешило медицинскую практику людям без соответствующего диплома, и уровень медицинской науки резко упал. Однако в 1867 г. при Национальном университете был создан медицинский факультет, а в 1890 г. образована Национальная Академия медицинских наук. Зажиточные люди стремились дать своим детям либо медицинское, либо юридическое образование. Врачи и адвокаты издавна играли в Колумбии ведущую роль; эти две профессии в большинстве случаев гарантировали богатство и карьеру.

XIX век дал Колумбии целую плеяду видных ученых, в частности историков. Это были одновременно государственные деятели, участники описываемых событий. Так, химик по образованию Хоакин Аюста (1800—1852) был генералом, депутатом, министром иностранных дел и директором национальной обсерватории. Его перу принадлежит классический труд об открытии и завоевании Новой Гранады ²⁸.

Выдающийся историк Хосе Мануэль Рестрепо (1781—1863), по образованию адвокат, занимал пост советника правительства; с 1821 по 1830 г., т. е. во времена Великой Колумбии при Симоне Боливаре, он был министром внутренних дел; позднее он был первым президентом Академии искусств, литературы и наук, директором монетного двора, губернатором, депутатом конгресса многих созывов. Автор многотомного труда о борьбе колумбийцев за независимость ²⁹, охватывающего период с конца XVIII в. до 1838 г., Рестрепо описал многие события как очевидец и активный их участник.

Большой известностью пользуется историк Хосе Мануэль Гроот (1800—1878), написавший пятитомную историю церкви Новой Гранады, выдержавшую несколько изданий. Периоду от завоевания Новой Гранады до революции 1810 г. посвящен труд видного историка адвоката Хосе Антонио де Пласа (1807—1854), собравшего большой и весьма ценный материал ³⁰.

Колумбию недаром называют страной поэтов и писателей. В колумбийской литературе XIX в. преобладал романтизм; особенностью колумбийских романтиков была идеализация жизни древних индейских племен. Рост национального самосознания, освободительная борьба против испанских конкистадоров обусловили появление литературы буржуазно-революционного классицизма, пронизанного национально-патриотической тематикой. Примечательно, что наиболее значительными представителями литературы революционно-патриотического классицизма, ее зачинателями были руководители национально-освободительной борьбы, талантливые ораторы и публицисты Симон Боливар, Камилло Торрес и др. Эту традицию под-

хватили и развили поэт и драматург Х. Фернандес Мадрид (1789—1837), автор трагедий «Атала» и «Гуатемок»; создатель цикла гражданской лирики Х. М. Салазар (1785—1828) — автор эпической поэмы «Колумбиада»; Л. Варгас Техада (1802—1859), написавший комедию «Конвульсии» (1851) в стиле Лопе де Вега, трагедию «Сугамукси» (1857) из жизни индейцев и много патриотических стихов.

XIX век в колумбийской литературе был весьма плодотворен. В 1830 г. в Боготе был создан «Центр любителей изящной словесности», объединивший крупнейших писателей и поэтов. Поначалу он не был связан с зарубежной литературой, но с 1843 г. в Боготу начала поступать литература из-за границы. В 1856 г. родился новый литературный центр — «Гранадский лицей», на основе которого возникла впоследствии Академия языка и литературы.

Отцом колумбийской поэзии считается Грегорио Гутьеррес Гонсалес (1826—1872), автор многих стихов, вошедших в золотой фонд колумбийской поэзии («Почему я не пою», «Воспоминания о посеве маиса в Антиокии» и др.). Прекрасными поэтами были Хосе Эусебио Каро (1817—1853) и Хосе Хоакин Ортис (1814—1892), поэт воин Хулио Арболеда (1817—1862) — автор знаменитой поэмы о конквите «Гонсало де Ойон», увенчанный лавровым венком в 1905 г. Рафаэль Помбо (1833—1912). Им написано много остроумных басен, в его сборнике стихов «Бамбуко» звучат народные мотивы и ритмы; большой известностью пользуется антиамериканская поэма Помбо «Флибустьеры».

Большое распространение получил в Колумбии жанр исторического романа. В этом жанре особенно прославился Х. Кайседо Рохас (1816—1898) — автор романа из колониальных времен «Дон Альваро» и исторических романов «Шпага рода Монсальвес», «Нуаха-колдуныя» и др.; весьма популярна по сей день его романтическая драма «Мигель де Сервантес».

Ф. Перес (1836—1891) создал историческую драму «Гонсало Писарро» и серию исторических романов из жизни древних индейцев³¹.

С романтизмом связана и так называемая костюмбристская школа (*costumbre* — обычай), предпринявшая первую попытку реалистического изображения народной жизни и в немалой мере содействовавшая созреванию национального самосознания колумбийцев. Костюмбристы были преимущественно очеркистами, их перу принадлежит немало интересных очерков нравов, этнографических описаний, очерков-портретов и т. д.

Вокруг их журнала «Мозаика» (1858—1870 гг.) объединилась большая группа писателей: романист Х. М. Сампер (1828—1888); Х. М. Вергара-и-Вергара (1831—1872) — автор книги «Музей живописи нравов», Э. Диас Кастро (1804—1865), прекрасно описавший деревенский быт в романах «Мануэла» и «Рождественские подарки в Чапинеро». Наиболее значительным произведением костюмбристской школы является роман Х. Исаакса (1837—1895) «Мария», увидевший свет в 1867 г.; это трогательная история любви, про-

исходящая на фоне деревенской природы, в атмосфере патриархального быта; роман «Мария» выдержал многочисленные издания и переведен на многие языки³². Реалистические тенденции костюмбризма нашли свое развитие в романах конца XIX в. В этой связи следует назвать имя не раз упоминавшегося нами президента Колумбии Маррокина (1827—1908), который был не только государственным деятелем, но и видным писателем, его перу принадлежат романы «Блас Хиль» и «Любовь и законы». Крупнейшим представителем реалистического течения в колумбийской литературе является Т. Карраскилья (1858—1940) — автор социально острых романов «Плоды моей земли», «Величие» и др.

Широкое распространение получил поэтический сборник Х. П. Посады (1825—1880) «Камей», состоящий из сатирических биографий знаменитых колумбийцев.

В конце XIX — начале XX в. большим влиянием пользовались представители так называемого модернизма Хосе Асуньсон Сильва (1865—1896) — талантливый поэт. Его «Горькие капли» и «Ноктюрн» известны далеко за пределами Колумбии. К группе модернистов принадлежат и такие известные поэты, как Гильермо Валенсия (1873—1943), опубликовавший книгу стихов и переводов «Обряды»; творчество Валенсии сравнивают с творчеством Рубена Дарио; М. А. Осорио (1883—1942), известный под псевдонимом Рикардо Ареналес, и многие другие. В этот период в Колумбии возникли кружки поэтов-символистов — «Символический грот», «Общество Арболеды» и др.

Литературу романтизма широко пропагандировали журналы «Национальная звезда», издававшийся в 1836 г., «Гранадец» (1840—1945 гг.), «Новогранадец» (1848—1857) и «Оазис» (1868—1869)³³.

Журнал «Колумбийский сборник» (El Repertorio Colombiano), выходивший в 1878—1886 и в 1896—1899 гг. как орган писателей костюмбристов и реалистов, пользовался большим влиянием далеко за пределами Колумбии.

Центром пропаганды символического искусства Европы и Америки был «Серый журнал», выходивший в 1892—1896 гг.

Три выдающихся имени представляют литературную критику и филологию Колумбии прошлого века: упомянутые выше поэт и переводчик Виргилия Мигель Антонио Каро (1843—1909), Хосе Мария Вергара-и-Вергара (1831—1872) и Руфино Хосе Куэрво (1844—1911). Каждый из них олицетворяет целую эпоху в истории колумбийской культуры. Каро по праву считают классиком колумбийской литературы. Перу Вергары-и-Вергары принадлежит классический труд по истории литературы Новой Гранады³⁴.

Американские монополии вторгаются в Колумбию

Пролетариат как класс появился в Колумбии в начале нынешнего века. Однако его эволюция носила замедленный и деформированный характер в силу тех же причин, которые предопреде-

лили деформированный характер всего экономического развития Колумбии в условиях зависимости от империализма. Волна промышленной революции докатилась до Колумбии с большим опозданием. Развитие страны ускоряется только начиная с 30-х годов. В начале XX в. в Колумбии имелось лишь 128 зарегистрированных при переписи промышленных предприятий.

Одним из главных препятствий на пути развития колумбийской экономики в течение многих десятилетий было отсутствие железных дорог. Первый проект строительства железной дороги относится к 1848 г., когда генерал Эусебио Борреро, решив соединить порт Буэнавентура на Тихом океане с важным экономическим центром страны городом Кали, находящимся в 110 милях от Буэнавентуры, получил соответствующую концессию. Но контракты заключались и перезаключались, менялись имена концессионеров и названия фирм, а строительство все откладывалось. Построена эта дорога была лишь в 1914 г. Одновременно сооружалась железная дорога, соединившая Пуэрто Беррио, расположенный на левом берегу р. Магдалены, со столицей департамента Антиокия Медельном. Строительство этой линии, начатое в 1874 г., было закончено лишь в 1929 г. В 1881 г. началось строительство железной дороги между Хирардотом, расположенным на р. Магдалена, и Боготой. В те же годы сооружалась дорога между Картахеной и Каламаром. В 1882 г. началось строительство железнодорожного участка от Санта Марты до Сиенаги; через два года после окончания работ, в 1889 г., правительственная комиссия установила, что новая дорога нуждается в... капитальной реконструкции.

Вначале главный пакет акций принадлежал английским капиталистам, затем к ним подключились американцы, которые позднее почти полностью вытеснили своих английских коллег. Со второй половины XIX в. американские компании и частные лица начали скупать земли в Колумбии. В конце XIX в. в Колумбии обосновалась английская «Коломбиэн лэнд компани», предпринявшая в 1881 г. строительство железной дороги от Санта Марты для перевозки сахара.

В 1899 г. в Колумбии появилась «Юнайтед фрут компани», которая поглотила несколько компаний и в 1900 г. уже владела 13 035 акрами земли; одновременно она приобрела 200 голов скота и 37 миль железнодорожной линии. К 1913 г. земельная собственность «Юнайтед фрут» составила свыше 82 тыс. акров, не считая ее плантаций в районе Бокас дель Торо (этот район в 1903 г. отошел к Панаме). В 1916 г. капиталовложения компании в Колумбии равнялись 3 млн. долларов³⁵.

На президентских выборах 1904 г. правящая партия консерваторов снова раскололась; победу одержал популярный генерал Рафаэль Рейес (1849—1921), вступивший на пост президента 7 августа 1904 г. Это был энергичный человек, известный государственный деятель, работавший еще с президентами Нувьесом и Каро. Как отмечают историки Энао и Аррубла, «Рейес не получил солид-

ного образования; его нельзя рассматривать как профессионального политика или партийного деятеля, имеющего конкретные и четко очерченные идеи»³⁶. Такая оценка дана, по-видимому, в связи с тем, что Рейес придерживался девиза: «Меньше политики, больше дела».

В первый же год своего правления Рейес распустил конгресс и арестовал или сослал многих его членов, не согласных с политикой правительства. В 1905 г. он, игнорируя конгресс, создал Национальную ассамблею, куда вошли по три депутата и по два заместителя депутата от каждого департамента. Депутаты избирались советами департаментов под председательством назначенных Рейесом губернаторов. Рейес предоставил либеральной партии право участвовать в правительстве и ассамблее. Был принят закон об обязательном представительстве меньшинства (партии, не добившейся победы на выборах). Крайне правые, заподозрив Рейеса в том, что он собирается передать правительство либералам, 10 февраля 1906 г. совершили на него покушение (президент ехал с дочкой без охраны на загородную прогулку; загородили путь экипажу, выстрелили в упор девять раз и скрылись, но Рейес и его дочь остались невредимыми). Заговорщики были найдены и расстреляны; в стране введено осадное положение. Послушная Рейесу ассамблея изменила конституцию, установив для него десятилетний срок пребывания на посту президента (до 31 декабря 1914 г.).

В годы президентства Рейеса были проведены многие реформы в стране и в армии: построена северная шоссейная дорога, сооружена железнодорожная линия в Хирардоте; создано военное училище под руководством чилийских офицеров; реорганизована административно-территориальная структура Колумбии, созданы новые департаменты: Галан (столица Сан Хиль), Кальдас (столица Манисалес) и Атлантико (столица Барранкилья). Муниципальный округ Боготу Рейес превратил в столичный округ, управляемый центральным правительством. Законом от 5 августа 1908 г. Колумбия была разделена на 34 департамента (такое деление не всегда было оправдано экономически).

Ввиду своих разногласий с вице-президентом Рейес вообще уразднил посты вице-президента и замещающего президента и установил личную диктатуру. Каплей, переполнившей терпение политических противников, были внешнеполитические неудачи Рейеса. После отделения Панамы американо-колумбийские отношения переживали кризис, на урегулирование которого потребовалось целых 18 лет. В результате длительных и сложных переговоров 17 августа 1907 г. был подписан трехсторонний договор между США, Колумбией и Панамой. Согласно договору, Колумбия получила право беспопытного пользования каналом для переброски вооруженных сил; Панама уступала Колумбии часть американской компенсации; Колумбия обязалась признать Панаму. Однако в январе 1909 г. был разработан проект нового договора, согласно которому Колумбия признавала независимость Панамы и получала возмещение за ото-

шедшую теорриторию в сумме 2,5 млн. долларов. Договор вызвал в Колумбии всеобщее осуждение. 13 марта 1909 г. состоялись массовые народные демонстрации в Боготе и других городах. Движение протеста возглавила молодежь. Советчики рекомендовали Рейесу бросить против демонстрантов армию и полицию, но он предпочел подать в отставку; 13 июня 1909 г. Рейес тайно покинул страну, возложив обязанности президента на генерала Хорхе Ольгина (1848—1928).

В борьбе против диктатуры Рейеса объединились фракции консерваторов и либералов, содавшие в феврале 1909 г. «Республиканский союз» — центристское объединение, ставшее основой Республиканской партии, которая вскоре распалась.

Собравшийся в июле 1909 г. конгресс внес в конституцию ряд изменений, в том числе статью 32, запрещающую президенту покидать страну без разрешения сената. (Бегство президента Рейеса за границу было беспрецедентным в истории Колумбии). Конгресс избрал генерала Рамона Гонзалеса Валенсию (1851—1928) президентом на один год, до 7 августа 1910 г. Новый президент созвал 15 мая 1910 г. конституционную ассамблею для выборов президента и изменения конституции. Конституционная ассамблея внесла следующие изменения в конституцию 1886 г.: отменила смертную казнь; ввела ежегодную сессию конгресса и ежегодное избрание двух замещающих президента, ввела всенародные выборы президента на срок четыре года, запретила избрание одного лица на два срока подряд.

Конституционная ассамблея избрала президентом Карлоса Э. Рестрепо (1867—1937), которого в 1914 г. сменил глава консервативной партии, блестящий оратор и публицист Хосе Висенте Конча (1867—1929).

Период 1910—1918 гг. был относительно спокойным; в стране установился порядок, восстанавливалась экономика. Но экономика страны и положение народа находились еще на весьма низком уровне. Вот несколько данных: в 1912 г. 75% пятимиллионного населения Колумбии было неграмотным; из миллиона детей школьного возраста начальную школу посещало едва 243 тыс. человек; в средних и высших учебных заведениях обучалось менее 30 тыс. учащихся; во всей стране насчитывалось лишь 4371 учебное заведение; на всю страну, территория которой превышала 1 млн. кв. км, приходилось всего 700 миль железных дорог; чтобы из Барранкильи на побережье Карибского моря через столицу Боготу проехать, скажем, в Пасто (на границе с Эквадором), требовалось не менее пяти-шести недель, причем надо было сделать от семи до десяти пересадок и передвигаться на ослах, лошадях, лодках и по железной дороге.

Либеральная партия частично сотрудничала с консервативным правительством, однако сотрудничество это длилось недолго — до 15 октября 1914 г.: в этот день у дверей Капитолия был убит руководитель либеральной партии Рафаэль Урибе Урибе (род. в 1859 г.).

Он был видным политическим деятелем, блестящим оратором и ученым (автором трудов по филологии, истории партий; писал он также о разведении кофе и каучука). Рафаэль Урибе Урибе с 17 лет участвовал в гражданских войнах, воевал в 1876, 1885, 1899—1902 гг. и дослужился до генерала. Он был одним из главных военных и идейных руководителей «войны тысячи дней». На похоронах его присутствовало около 200 тыс. колумбийцев.

В первой мировой войне Колумбия не принимала участия — объявила нейтралитет; тем не менее она извлекла большие выгоды: в годы войны вырос спрос со стороны Англии и особенно США на продукцию колумбийского сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Экспорт Колумбии увеличился с 32,6 млн. колумбийских песо в 1914 г. до 79,0 млн. песо в 1919 г. Производство кофе и бананов удвоилось. Платины из Колумбии было вывезено в 1912 г. на 594 тыс. песо, а в 1919 г. — на 3,5 млн. песо. Напротив, импорт промышленных изделий из Англии и США сократился, что способствовало развитию местной обрабатывающей промышленности, прежде всего пищевой и текстильной. Увеличились золотые запасы страны.

Большим событием для Колумбии явилось открытие в 1916—1918 гг. богатейших месторождений нефти. Не располагая собственными средствами, правительство предоставило концессию на разведку нефти частным лицам. Первую концессию президент Рафаэль Рейес выдал еще в 1905 г. своему родственнику Роберто де Маресу и генералу Вирхилио Барко. Это было разрешение на поисковые работы на территории Барранкабермехи, в средней части долины р. Магдалены, и в Кататумбо — районе, находящемся вблизи залива Марокамбо на границе с Венесуэлой. История с концессией приобрела скандальный характер, так как со временем выяснилось, что нефть нашел не родственник президента де Марес, а некий Хосе Хоакин Бооркес, которого де Марес взял в компаньоны, а затем обманул. Впрочем, обманул он и государство, так как не выполнил работ в срок, и в 1919 г., с благосклонного разрешения правительства, передал свои права американской «Тропикал ойл компани», которая в 1921 г. приступила к добыче нефти и внедрилась в новую и многообещающую отрасль колумбийской экономики.

Срок концессии, заключенной де Маресом и переданной им американской компании, истекал в 1946 г., но «Тропикал ойл компани», умело лавируя, добилась отсрочки до 1951 г. Только на одной этой махинации Колумбия потеряла 100 млн. долларов.

Другой концессионер, Вирхилио Барко, в 1918 г. передал свой контракт фирме «Колумбиан петролеум компани», специально созданной американскими нефтяными компаниями. Колумбийское правительство утвердило передачу контракта, но в 1927 г. аннулировало контракт, поскольку большинство его пунктов компанией не было выполнено. Владельцы концессии обратились в верховный суд с жалобой на «самоуправство» колумбийского правительства и одновременно обратились за помощью к государственному департа-

менту, который открыто, через свое посольство, вмешался во внутренние дела Колумбии. Еще бы! Ведь среди акционеров нефтяной компании были члены правительства США. Переписка между миссией США и министерством иностранных дел Колумбии отчетливо отражает нажим нефтяных магнатов. Правительство США фактически прекратило выплату Колумбии займов. Эта мера возымела действие, и правящая колумбийская олигархия пошла на уступки.

В послевоенный период резко увеличился приток в Колумбию иностранного капитала. Монополии США стремились овладеть колумбийской нефтью, расширить производство кофе и укрепить позиции «Юнайтед фрут компани», увеличившей свои инвестиции с 2,8 млн. долларов в 1916 г. до 4,6 млн. долларов в 1923 г.

Президентские выборы 1918 г. носили бурный характер. Правящая консервативная партия раскололась. Коалиция, состоявшая из либеральной партии, возглавлявшейся Бенхамино Эррерой, и фракции консерваторов под руководством Лауреано Гомеса (1890—1965), выдвинула кандидатом в президенты известного поэта Гильермо Валенсию. Основная же группа консервативной партии выдвинула своим кандидатом выдающегося журналиста-международника и филолога, неоднократно занимавшего пост министра иностранных дел Марко Фиделя Суареса. Победу на выборах одержал 70-летний Марко Фидель Суарес (1855—1927).

Суарес принял бразды правления от правительства, задолжавшего 5 млн. песо. Увлеченный изучением классиков литературы, президент не особенно вникал в государственные дела. При нем государственные служащие месяцами не получали жалования, а полиция не платила жалования в течение года. Оппозиция и особенно ее молодой честолюбивый руководитель Лауреано Гомес, вплоть до 60-х годов нынешнего века игравший видную и зловещую роль в истории Колумбии, следили за каждым шагом Суареса. В 1921 г. палата представителей обвинила президента в нарушении конституции, и 10 ноября 1921 г., за девять месяцев до окончания срока, он ушел в отставку*.

Следует все же отметить, что в период президентства Суареса было проведено несколько важных мероприятий: в 1919 г. была налажена телеграфная связь, в 1920 г. введено воздушное сообщение между городами Барраникильей и Хирардотом, был построен порт в Буэнавентуре. 14 октября 1918 г. была проведена перепись населения Колумбии. Согласно утвержденным конгрессом (в 1921 г.) данным в Колумбии проживало 5 855 077 человек.

Преемником президента Суареса на период с 10 ноября 1921 г. до 7 августа 1922 г. конгресс избрал генерала Хорхе Ольгина, уже занимавшего этот пост в 1909—1910 гг. Именно во время короткого президентства Ольгина, в конце 1921 г., колумбийский конгресс ратифицировал договор с США. США предложили Колумбии проект

* Уйдя в отставку, Суарес (под псевдонимом Лусиано Пульгара) опубликовал интересную книгу «Сны».

договора еще в 1913 г.; по замыслу Вашингтона, Колумбия должна была признать независимость Панамы, предоставить США базы в бухте Сан Андрес и Провиденсия и территорию для сооружения в Колумбии канала в районе реки Аtrato; за все это США обещали уплатить Колумбии 10 млн. долларов и предоставить некоторые привилегии при пользовании каналом. Колумбия отвергла этот открыто экспансионистский план США.

В апреле 1914 г. США в лице президента Вильсона выразили «искреннее сожаление» о случившемся и предложили за признание Колумбией Панамы 25 млн. долларов. 8 июня 1914 г. новый американо-колумбийский договор был ратифицирован колумбийским конгрессом и направлен в сенат США, который, однако, не спешил его утвердить, и договор три года пролежал в комиссии по иностранным делам.

Вступление США в мировую войну 1914—1918 гг. на долгое время затянуло обсуждение в конгрессе договора с Колумбией. Американский конгресс ратифицировал его после жарких дебатов в сенате с многочисленными поправками лишь 20 апреля 1921 г.; окончательный текст договора не содержал ни «искренного сожаления» США о случившемся, ни привилегий Колумбии при прохождении ее судов через Панамский канал.

Спрашивается, почему США так «расщедрились», что были готовы даже увеличить компенсацию за отделение Панамы. В чем причина их заинтересованности в урегулировании отношений с Колумбией? Дело в том, что в Колумбии, как мы уже отмечали, были заинтересованы американские нефтяные монополии. Поток иностранных дельцов, в первую очередь из США, хлынул в Колумбию. Правительство президента Суареса приняло в июне 1919 г. декрет, регламентировавший изыскательские работы и эксплуатацию недр Колумбии. Декрет основывался на законе, принятом в 1873 г. и установившем, что недра Колумбии, независимо от того, кому принадлежит земля, являются собственностью государства. Согласно декрету 1919 г., разведка нефти могла производиться только с разрешения правительства в течение не более шести месяцев, после чего предприниматели или компании были обязаны заключить контракт с государством³⁷. Этот декрет поставил под угрозу сделки американских нефтяных магнатов с частными лицами колумбийского происхождения. Декрет президента Суареса вызвал резкое недовольство государственного департамента; в результате его закулисных интриг и подкупа верховный суд Колумбии 21 ноября 1919 г. пятью голосами против четырех признал декрет Суареса неконституционным и отменил его. По новому закону, принятому в том же году в соответствии с решением верховного суда, нефть, обнаруженная на земле, приобретенной до принятия закона 1873 г., являлась собственностью владельца земли; недра пустовавших земель, а также земель, приобретенных частными лицами после 1873 г., принадлежали государству. Новый закон вызвал целую вакханалию незаконных сделок и махинаций. Министры становились президен-

тами нефтяных компаний, а президенты компаний — министрами. Страна же понесла огромный ущерб*.

Американский исследователь Гарри Элмер Барнес пишет: «Канал в течение 50 лет определял нашу позицию в отношении Колумбии. Но после того как он вступил в действие, на горизонте появилась нефть; отныне наше поведение в этом районе стало зависеть от нефти». Фред Риппи, автор известной книги «Капиталисты и Колумбия», откровенно признает, что США заплатили Колумбии 25-миллионное возмещение, «чтобы помочь американским нефтяным компаниям; Колумбия стала экономическим придатком США»³⁹.

К 1921 г. в Колумбии находились представители 24 американских и 10 английских нефтяных компаний. Открытие огромных нефтяных залежей ускорило подписание американо-колумбийского договора; представители нефтяных компаний оказывали нажим на членов американского конгресса. Любопытно, что из пяти сенаторов, выступавших в 1917 г. против договора с Колумбией, в 1921 г. отстаивал свою позицию лишь сенатор Бора. Сенатор Рид прямо заявил: «Недавно в Вашингтон прибыл представитель нефтяных компаний и других заинтересованных лиц, заявивший, что, если договор не будет ратифицирован, это отразится на всей нефтяной промышленности и что нынешнее правительство Колумбии может не удержаться, тогда все американские капиталы пропадут. Из беседы стало ясно, что интересы нефтепромышленников настойчиво требуют ратификации договора»⁴⁰.

Первые шаги колумбийских трудящихся

На выборах 1922 г. либеральная партия решила выдвинуть собственного кандидата, главу партии генерала Банхамина Эрреру, пользовавшегося широкой популярностью. Положение в стране и на-

* Летом 1919 г. пекий Джеймс Флэнген добился концессии на нефтеразработку в Колумбии и создал «Эндиан эшнл корпорейшн» — филиал «Стандард ойл компани», предварительно установив, вместе с бывшим сенатором и министром США Фоллом, близкие отношения с посланником Колумбии в США Карлосом Уруэтой. Любопытно, что Уруэта, до этого настойчиво отговаривавший свое правительство от каких-либо уступок США, теперь сам рекомендовал быть створчивее. Выйдя в отставку, Уруэта вернулся в Колумбию, чтобы добиться от конгресса ратификации договора с США; дипломат Уруэта стал адвокатом «Эндиан корпорейшн»³⁸.

Территория Васкес в департаменте Бояка, простирающаяся вдоль восточного берега реки Магделены, была приобретена компанией «Техас петролеум» за сумму, равную стоимости нефти, добытой в течение одного года; с 1951 по 1960 г. компания добыла на этом участке 53 324 125 баррелей нефти на сумму в 110 529 596 долларов; Колумбии досталось всего 8 791 365 песо, что составляет 1% прибыли, полученной компанией. Встревожившись, правительство Колумбии приняло декрет, согласно которому иностранные компании по истечении срока контракта обязывались передавать государству всю свою собственность, включая оборудование. Начались нескончаемые имущественные споры и тяжбы.

строение общественности было таково, что победа Эрреры казалась очевидной. Однако вследствие фальсификации выборов — приема, столь типичного для Колумбии, победу одержал кандидат консервативной партии, крупный текстильный фабрикант генерал Педро Нель Оспина (1858—1927). Разочарование и возмущение среди либералов было столь сильным, что страна чуть не оказалась снова ввергнутой в гражданскую войну. В том же году в Ибаге либералы созвали национальную конвенцию; она постановила прекратить всякое сотрудничество с правительством консерваторов, в той или иной форме имевшее место с 1904 г.; либералы разработали политическую платформу, предполагавшую в известной мере учет интересов рабочего класса.

В годы президентства Педро Нель Оспины Колумбия получила от США 25 млн. долларов в виде компенсации за утрату Панамы и, кроме того, несколько крупных займов за рубежом, в основном в США. Начался тот период истории Колумбии, который стали называть периодом «пляски миллионов». Здесь нелишне заметить, что перед вступлением на пост президента (7 августа 1922 г.) Педро Нель Оспина посетил США, где вел секретные переговоры. Став президентом, он изменил законодательство в пользу нефтяных монополий США, а своим советником по этим вопросам сделал бывшего посланника Колумбии в Вашингтоне Уруэту, тесно связанного с американскими монополиями ⁴¹.

Для консультаций по финансовым вопросам в 1923 г. из США прибыла специальная миссия во главе с Эдвином В. Кеммерером. В 1923 г. правительство Колумбии заключило с канадской «Эндиэн лэшил корпорейшн» контракт на строительство нефтепровода протяженностью в 800 км для соединения внутренних нефтяных районов (Барранкабермеха) с портом Картахены. В июле 1926 г. нефтепровод вступил в строй.

В эти годы значительно расширилось строительство шоссеиных и железных дорог, мостов, промышленных зданий и т. д. Однако уже в ходе работ от многих проектов пришлось отказаться ввиду того, что они были недостаточно продуманы; миллионы оказались выброшенными на ветер. Последний год пребывания Оспины у власти был годом пышных церемоний; бросалось в глаза несоответствие между незначительностью вводимых объектов и пространностью торжественных речей.

Развитие экономики Колумбии происходило весьма неравномерно в разных районах страны. Консервативные власти сосредоточили свои усилия на производстве кофе и расширении текстильной промышленности; особое покровительство правительство консерваторов оказывало кофейным районам департаментов Кундинамарка, Сантандер, Антиокия и Кальдас. В 1927 г. была учреждена «Кофейная федерация», объединившая крупных производителей кофе. Город Кали благодаря железной дороге, соединившей его с портом Буэнавентурой, стал важным торговым центром. Развитие нефтяных промыслов на севере и в центральной части страны выдвинуло на

первый плап порт Барранкилью; порт Картахена, напротив, захирел.

Между тем положение трудового народа Колумбии было ужасающим. Порядки, царившие в Колумбии, наглядно показал в своем романе «Пучина» (1924) писатель Хосе Эустасио Ривера (1890—1929); эта замечательная книга выдержала десятки изданий и переведена на многие языки мира. Известный писатель и юрист, выходец из мелкобуржуазной семьи, Ривера занимал видное положение среди колумбийской интеллигенции. Он провел много лет на дипломатической службе, в 1912 г. был первым секретарем колумбийского посольства в Лиме (Перу), а позднее участвовал в работах смешанной пограничной комиссии по урегулированию спора между Колумбией и Венесуэлой; работая в этой комиссии, Ривера объехал районы добычи каучука, так ярко описанные в его книге. В 1923 г. Ривера был депутатом национального конгресса и одно время вице-председателем палаты депутатов. Затем он оставил государственную службу, занялся адвокатурой, а с 20-х годов посвятил себя литературе. В 1921 г. он опубликовал сборник стихов «Обетованная земля», воспевающий человека и природу, а три года спустя появилась его «Пучина»⁴². Смелая книга принесла Ривере широкую известность и навлекла на него много бед: последние годы жизни он прожил в тяжелой атмосфере преследований и травли. В Латинской Америке многие считают, что умер Ривера насильственной смертью, от рук людей, не простивших ему «Пучины», правдивого, реалистического рассказа о беспросветной жизни «каучеро» — добыгателей каучука. Роман и по сей день не утратил своей остроты и разоблачительной силы.

Образ главного героя Артуро Ковы — молодого поэта и мечтателя, который попадает в суровые условия колумбийской саванны, претерпевает глубокую эволюцию. Рафинированный интеллигент, эгоистично сосредоточившийся на своих переживаниях и тщеславных мечтах, соприкоснувшись с ужасной действительностью, с подневольной жизнью задавленного нуждой народа, он постепенно превращается в гневного обличителя «бездушных магнатов, бессердечных, как эти деревья, которые равнодушно смотрят, как люди изнемогают от голода, как их терзает лихорадка, осаждают пиявки и муравьи».

Обращаясь к потерявшему человеческий образ каучеро Клементе Сильве, Кова восклицает: «Мира и справедливости не добиться, сидя сложив руки... Кротость расчищает дорогу тирании, пассивность эксплуатируемых поощряет эксплуататоров».

Мы остановились на личности Риверы и на его «Пучине» потому, что эта книга — не только выдающееся произведение колумбийской прозы, она может служить достойным всяческого доверия «пособием» для изучения колумбийской действительности, так как насыщена описаниями и наблюдениями, представляющими большой исторический, этнографический интерес, помогающими понять колумбийский национальный характер. Вот, например, что говорит

Ривера устами одного из своих персонажей о том, как вербовщики переправляли завербованных обманом рабочих в саванну: «Напоив нас допьяна, Паломо нас переписал и связал по двое. С этого дня мы стали рабами, нас уже не выпускали из лодок. Нам швыряли маниок, и мы ели его по-собачьи, стоя на коленях, уткнувшись лицом в плоски: ведь руки у нас были связаны».

Прибыв на плантацию, каучеро оказываются в долговом рабстве у предпринимателя, причем оно передается по наследству от убитого отца, от замученной матери. Собранный каучук рабочий сдает по 5 сентаво за 1 кг, за рубаху платит 20 песо. На разработках царит произвол надсмотрщиков: за самый незначительный проступок рабочего могут убить, объяснив затем, что он сбежал или умер от лихорадки. Побои на разработках — рядовое явление; надсмотрщик не расстается с плетью.

Ривера так описывает труд каучеро: «Я приставляю к сочащемуся стволу трубчатый стебель караны, и в чашку сбегают горькие слезы дерева, а туча moskitov, обороняя его, сосет мою кровь, и лесные испарения застилают глаза. И так дерево и я, плакальщики смерти, истязая друг друга, мы бьемся до последней капли крови».

Тех, кто восстает против рабских условий жизни, ждет бесчеловечная расправа: плантаторы, понукаемые американскими хозяевами, беспощадны. Французский натуралист, приехав на каучуковые плантации, был сражен тем, что он там увидел, и сообщил о преступлениях, возмущающих род человеческий, в Лондон и Париж хозяевам разработок. По свидетельству Риверы, «несчастный француз так и сгинул где-то в сельве». Когда на разработки попала газета, разоблачавшая преступления предпринимателей, «тому, кто ее читал, зашили веки, а остальным залили уши расплавленным воском».

В 1925—1926 гг. Колумбию постигло ужасное бедствие — небывалая по длительности и температуре засуха. Урожай погиб, в городах исчезла питьевая вода, начался падеж скота, резко поднялись цены на продукты питания; было прервано сообщение по реке Магдалене, главной водной артерии страны.

В президентских выборах 1926 г. либеральная партия не участвовала, и президентом был избран консерватор адвокат Мигель Абадиа Мендес (1867—1947). При нем «пляска миллионов» продолжалась. Выяснилось, что государственный долг Колумбии достиг 200 млн. песо. Инфляция охватила страну. Коррупция и семейственность приняли невиданные дотоле масштабы.

Крах, пережитый 29 октября 1929 г. ньюйоркской биржей, имел тяжелые последствия для Колумбии, которая к этому времени находилась в большой зависимости от США. Монополии США оказывали колумбийскому правительству щедрую, но не бескорыстную финансовую помощь, они все глубже проникали в экономику Колумбии.

До первой мировой войны английский капитал занимал в Ко-

лумбии первое место. В 1918 г. общая сумма британских капиталовложений оценивалась в 33 млн. долларов⁴³. Капиталовложения США были ничтожны: они не превышали 4 млн. долларов. К 1920 г. они поднялись до 30 млн. долларов, к 1926 г.— до 80, а к 1929 г.— до 280 млн. долларов. США не только догнали Англию, но и вытеснили ее, заняв господствующее положение в экономике Колумбии. В 1929 г. доля США в импорте Колумбии составляла 67%. Приблизительно 60% колумбийского экспорта направлялось в США.

Мировой экономический кризис привел к ужасающим последствиям. Мы уже отмечали, что в 20-е годы Колумбия переживала заметный экономический подъем. Среднегодовой вывоз кофе увеличился с 46 тыс. т в 1909—1913 гг. до 162 тыс. в 1926—1930 гг. Добыча нефти возросла со 144 тыс. т в 1925 г. до 2,9 млн. т в 1929 г. Но мировой экономический кризис подорвал экономику страны. Экспорт упал. Иностранные капиталовложения обесценивались. Едва оперившаяся промышленность переживала застой, тысячи мелких и средних предпринимателей и торговцев разорились, выросла безработица.

Население Колумбии, составлявшее в 1900 г. около 4 млн. человек, в 1929 г. достигло 6 млн. Основная масса населения — рабочие плантаций, транспорта, коммунального хозяйства, небольших промышленных предприятий — была сосредоточена во внутренней части страны. По уровню жизни Колумбия была на одном из самых последних мест на континенте. Заработная плата рабочих кофейных плантаций составляла несколько сентаво в день. Не лучшим было и положение рабочих, занятых на банановых плантациях и на нефтяных промыслах. Рабочие ютились в жалких хибарках на окраинах. Смертность среди трудового люда Колумбии достигла чудовищных масштабов. Особенно велика была детская смертность. Количество школ было мизерным. В 1929 г. в школах обучалось едва 170 тысяч детей. 80% населения было неграмотным. Рабочие были бесправны: забастовки и стачки были запрещены и расценивались как мятеж, подлежащий подавлению войсками. И тем не менее 20-е годы характеризуются резким усилением стачечной борьбы в Колумбии. В 1920 г. бастовали докеры Картахены, в 1924 г.— нефтяники, рабочие табачных плантаций, матросы речного флота.

В 1924 г. вспыхнула первая забастовка батраков в Пуэрто Беррио на реке Магдалене. Здесь начали создаваться профсоюзы, появились первые профсоюзные вожаки, например, коммунистка Анхель Мария Кано, простая женщина, долгие годы возглавлявшая борьбу трудящихся за свои права.

Нефтяной ажиотаж, охвативший страну с конца первой мировой войны, сопровождался захватом земель, принадлежавших индейским общинам. Примерно треть всего индейского населения Колумбии проживала в резервациях так называемой Внутренней территории («Тьеррадентро») — в департаментах Нариньо, Каука, Уила и То-

лима. Еще в колониальный период земля в этой части страны была признака собственностью индейских племен. Когда в XIX в. была разрешена продажа земель, лучшие участки были скуплены крупными плантаторами. В 20-е годы правительство приступило к систематической экспроприации индейских земель для нужд железнодорожного строительства и нефтяных компаний. В 1919—1927 гг. были приняты законы о размежевании необрабатываемых земель, на основании которых у индейских общин без всякой компенсации были изъяты сотни тысяч гектаров земель. Индейцы протестовали, обращались с петициями во все инстанции, но безуспешно. Тогда они взялись за оружие: в 1926 г. в департаменте Толима вспыхнуло индейское восстание. Армейские части подавили его, но правительство Колумбии все же сочло нужным запретить продажу индейских земель.

На предприятиях американской «Тропикал ойл компани», как только началась добыча нефти, забастовки следовали одна за другой; наиболее крупные имели место в октябре 1924 г. и в сентябре 1926 г. А забастовка в январе 1927 г. в Барранкабермехе и Инфантас приняла такие масштабы, что для ее подавления правительство бросило крупные войсковые соединения. Американский исследователь Фред Риппи, ссылаясь на то, что «Тропикал ойл компани» платила своим рабочим, не скупясь, объясняет забастовки отчасти «влиянием коммунистов»⁴⁴.

В 1928 г. в Текендаме (находится в трех часах езды на юго-запад от столицы) вспыхнуло крестьянское восстание. Латифундисты обратились к правительству с просьбой прислать войска, чтобы «обуздать бунтующие крестьянские массы». Борьба была неравной. У восставших не было ни прочной организации, ни зрелых политических руководителей. Народное выступление было подавлено. В том же году крестьяне муниципалитета Виоты, расположенного в 85 км от Боготы, доведенные до отчаяния нищетой и полицейскими расправами, захватили земли помещиков. Захваченная земля была распределена поровну между крестьянами, были созданы органы самоуправления. Власти не раз пытались расправиться с жителями Виоты. Но стойкость защитников Виоты и солидарность с ними всей трудовой Колумбии сделали ее непобедимой.

В конце 1928 г. мир был потрясен зверской расправой над рабочими, учиненной хозяевами «Юнайтед фрут компани» и правительством Колумбии. На обширных плантациях американской компании, расположенных в провинции Санта Марта на Атлантическом побережье (департамент Магдалена), рабочие жили в казармах, в ужасающих условиях, фактически вне цивилизации, без медицинского обслуживания. Чтобы не отвечать за увечья и не вводить страхование, компания брала с рабочих подписку о том, что они... не являются штатными работниками «Юнайтед фрут компани». Рабочий день продолжался от зари до зари. Вместо зарплаты, и без того мизерной, рабочим выдавались боны, которые можно было отоварить только в лавках (комиссариатах) «Юнайтед

фрут компани» по ценам, произвольно установленным ею же и, как правило, намного (на 50—60%) превышавшим средние. Компания сама вершила суд и расправу над непокорными — имела собственную полицию и тюрьмы. Штрафы и плетка надсмотрщика определяли «производственные отношения» на промысле.

Доведенные до отчаяния, рабочие потребовали повышения зарплаты, улучшения бытовых условий и условий труда. Вначале стачечный комитет, созданный профсоюзом трудящихся Магдалены во главе с Альберто Кастрильоном, пытался мирно урегулировать конфликт. 6 октября 1928 г. ассамблея представителей рабочих изложила свои требования; вручить их управляющему «Юнайтед фрут» в Санта Марте удалось лишь 22 октября; тот, однако, отказался их рассмотреть. Рабочие, проявляя выдержку, ждали. И лишь 11 ноября, когда окончательно выяснилось, что переговоры не состоятся, 32 тыс. рабочих объявили забастовку, поддержанную тысячами крестьян из окрестных деревень, также работавших на «Юнайтед фрут компани». В тот же день хозяева компании подослали провокаторов устраивать грабежи и поджоги, чтобы затем все бесчинства свалить на забастовщиков и вызвать армейские части. Но руководителям забастовки удалось поддержать полный порядок. 12 ноября была объявлена всеобщая забастовка, и в тот же день правительство Абадии Мендеса ввело в район забастовки войска. Генерал Карлос Кортес Варгас стал военным и гражданским правителем района. Государственный чиновник, национальный инспектор по труду, заявивший, что забастовка имеет законные основания, был арестован!

«Юнайтед фрут» устроила для офицеров банкет; виски и шампанское лились рекой, солдат спаивали пивом, подговаривали их заменить забастовщиков на уборке и погрузке бананов, а также безнаказанно грабить «бунтовщиков» и творить над ними любые насилия. Забастовщики не допустили солдат и штрейкбрехеров к погрузке бананов. Это было 4 декабря; на следующий день правительство Колумбии ввело в этом районе военное положение, а 6 декабря солдаты открыли пулеметный огонь по 4-тысячной безоружной толпе. 410 рабочих были убиты, многие ранены. Военщина, действовавшая по приказу военного министра генерала Игнасио Ренхеро, распоясалась: было расстреляно полторы тысячи забастовщиков, свыше трех тысяч было тяжело ранено. Каратели действовали с неслыханной жестокостью; жгли дома, уничтожали жалкий скраб, вместе с убитыми закапывали раненых. Десятки руководителей забастовки были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, многие высланы из страны.

Эта зверская расправа вызвала движение протеста не только в Колумбии, но во всей Латинской Америке, во всем мире. На страницах газет и журналов публиковались многочисленные статьи, разоблачавшие преступления «Юнайтед фрут компани» и ее колумбийских прислужников. 29 декабря 1928 г. администрации «Юнайтед фрут» пришлось удовлетворить почти все требования рабочих. Это

было первое крупное и успешное выступление латиноамериканских трудящихся против банановой компании.

Летом 1929 г. члены конгресса Колумбии от либеральной партии потребовали тщательного расследования массовых убийств и наказания виновных. Возглавить расследование было поручено депутату конгресса Хорхе Элисеру Гайтану. Он доказал, что распоясавшаяся военщина действовала под диктовку «Юнайтед фрут компани». Под давлением общественности верховный суд Колумбии вынужден был отменить многие приговоры трибуналов, а военному министру пришлось уйти в отставку. Милтон Пуэнтес пишет, что именно генерал Игнасио Ренхеро «отдал тупоумный приказ, приведший к убийству тысяч рабочих банановых плантаций, единственное преступление которых состояло в том, что они объявили забастовку и потребовали от иностранной компании более справедливой платы за труд»⁴⁵.

Казалось бы, все ясно. Но если мы откроем «Историю Колумбии» — учебник, официально рекомендуемый для средней школы и вышедший в 1967 г. восьмым изданием, то о кровавой расправе 1928 г. прочтем следующее: «5 декабря 1928 г. правительство Колумбии ввело военное положение как меру социальной защиты, поскольку все разумные доводы и попытки восстановить порядок в провинции Санта Марта были исчерпаны. Принятые меры привели к восстановлению спокойствия и порядка»⁴⁶.

В этой небольшой цитате как в капле воды отражается антинародный курс правящих кругов Колумбии, стоящих на страже своих классовых привилегий.

Американский историк Фред Риппи также ищет оправдания кровавой политике колумбийского правительства: «Безжалостную расправу над забастовщиками колумбийские власти объясняют страхом перед коммунизмом и возможностью высадки американской морской пехоты»⁴⁷.

Оба эти довода притянуты за волосы, в 1928 г. они не имели под собой никакого основания.

Трагические события 1928 г. явились одной из главных причин происшедшего в 1930 г. падения консерваторов.

Молодой рабочий класс играл в политической жизни страны все более активную роль. Первые классовые организации колумбийского пролетариата возникли еще в годы первой мировой войны и в послевоенный период. В 1915 г. в Боготе был создан Центральный рабочий профессиональный союз. В ряде городов образовались местные профобъединения и общества взаимопомощи. Многие из этих организаций находились под руководством либералов. Но в ряде профсоюзов большим влиянием пользовались левые элементы.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Колумбию было огромным. Крепла революционная сознательность, формировались социальные требования пролетариата. Настроения передовой части интеллигенции отразились в выступлениях вы-

дающегося мыслителя Бальдомеро Санина Кано и известного писателя Луиса Техады, высказавшихся в защиту русской революции и отдававших должное величию исторической роли В. И. Ленина.

Тогда еще молодой Луис Техада, узнав о смерти В. И. Ленина, так сказал о руководителе и организаторе Великой Октябрьской революции: «Глупо было бы сравнивать Ленина с христианскими пророками, вещающими произвольные идеи освобождения мира. Ленин больше, чем пророк, ибо он сам добился осуществления части своих предсказаний и дал практические методы воплощения остальной их части в жизнь. Он не устанавливал метафизической справедливости, не высказывал угнетенному и несчастному человеку лишь пустое теоретическое сострадание. Ленин четкими, точными чертами определил основу своей мечты и сам приступил к ее воплощению в жизнь. Его дело живет и крепнет и принесит конкретные плоды. Не будем сравнивать этого настоящего Человека ни с какими призраками фантазии прошлого. Это единственный спаситель мира»⁴⁸.

В 20-е годы среди передовых рабочих и левых групп интеллигенции начинают получать распространение идеи марксизма-ленинизма. В 1919 г. в Онде была образована Социалистическая партия, которая в 1922 г. приняла участие в президентских выборах — поддержала кандидата либеральной партии Бенхамина Эрреру. Представители Социалистической партии завоевали места во многих муниципалитетах департаментов Кундинамарка, Антиокия и Топима. Партия издавала газету «Эль Сосиалиста». 1 мая 1924 г. в Боготе состоялся ее первый съезд; в нем участвовали видные государственные деятели, в частности, будущий президент Колумбии Альфонсо Лопес Пумарехо. По предложению другого видного государственного деятеля (занимавшего в 1943—1945 гг. пост министра иностранных дел) Габриэля Турбая было принято решение воздвигнуть в Боготе памятник Ленину.

В 1926 г. Социалистическая партия была преобразована в Революционно-социалистическую партию Колумбии, принятую в 1928 г. в Коминтерна на правах его секции.

Марксистские идеи стали проникать в Боготинский университет, активизировался интерес студентов и преподавателей к национальной истории, к жизни и культуре племен, населявших Колумбию в доколумбов период. Студенты требовали университетской реформы. Была создана федерация студентов. Федерация открыла Дом студента, студенческий Красный Крест. В каждом департаменте и муниципалитете были созданы комитеты, представлявшие центральный исполнительный комитет федерации. В работе студенческой федерации участвовали представители всех партий и беспартийные. Но как только федерация стала влиятельной организацией, в ее ряды начали проникать иезуиты, и вскоре это привело к расколу.

В 1928 г. в Ибаге собрался третий национальный конгресс

студентов. На повестке дня стояли следующие проблемы: молодежь в борьбе против империализма; проблема диктатуры; женщина и образование; обязательное начальное образование; автономия университета; участие учащих в управлении учебными заведениями, подготовка и избрание преподавателей; организация семинарских занятий и дискуссий.

Конгресс, на котором присутствовали представители всех партий, единодушно одобрил программу деятельности федерации, включавшую борьбу: 1) за автономию университета; 2) за повышение морального и материального уровня студентов; 3) за интересы пролетариата; 4) защиту национальных интересов — национализацию нефтяной промышленности и расширение связей с братскими республиками Латинской Америки. Конгресс постановил: студенты должны идти в народ, быть с народом, помогать народу. Среди подписавших воззвание конгресса были самые разные люди: и Карлос Льерас Рестрепо, нынешний руководитель либеральной партии и президент Колумбии в 1966—1970 гг., и Хильберто Алсате Авенданьо, ставший впоследствии руководителем фашистской группировки, и Хосе Гутьеррес Гомес, глава национальной Ассоциации промышленников Колумбии...

Мировой экономической кризис 1929 г. еще более выявил язвы режима консерваторов, его неспособность решить стоявшие перед страной экономические, социальные, культурные проблемы. Кучка алчных и бездарных политиков фактически грабила государство. Темные сделки, взяточничество, семейственность разъедали верхушку колумбийского общества. Возмущение росло и ширилось; режим консерваторов зашатался.

Большинство решений федерации студентов осталось на бумаге: контакт с рабочим классом установлен не был; многие студенческие руководители использовали федерацию студентов в качестве трамплина для перехода в традиционные буржуазные партии. В результате прогрессивное студенческое движение тех лет ограничилось мирными демонстрациями, а то и просто сентябрьскими карнавалами, предлогом для которых служили выборы «студенческой королевы», а подлинной целью — сбор денег для Дома студента*. Студенческую молодежь этих лет, которая свела деятельность своей федерации к увеселениям, так и называли «поколением серпантина». Руководители федерации, вопреки своим декларациям, как правило, не пошли к рабочим, они пополнили правящую олигархию.

* Чтобы обеспечить солидную сумму, королевой обычно делали одну из самых богатых девиц, принадлежавших к высшему обществу. В те годы девушек в университет не принимали, а среднее образование могли получить только девушки из богатых семей. Процедура этих выборов была сложная, «многоступенчатая», последний этап протекал в клубах, концертных залах, в богатых домах и т. д. и завершался «гала» — представлением в театре «Колумб», после чего устраивался многодневный карнавал.

Подлинным выразителем интересов рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции стала Коммунистическая партия Колумбии, образованная в 1930 г. В июле 1930 г. делегация Коминтерна рекомендовала созвать расширенный пленум Революционно-социалистической партии; съехались делегаты почти всех районов страны и приняли решение о создании Коммунистической партии Колумбии. 17 июля 1930 г. в Боготе на площади Боливара состоялись демонстрации и митинги, организованные Коммунистической партией Колумбии. Здесь коммунисты объявили о создании своей партии и изложили цели и задачи борьбы. Одним из основателей партии был ее нынешний генеральный секретарь Хильберто Виейра, который руководит компартией с 1947 г. В 1930 г. в колумбийской компартии было всего 300 коммунистов, но уже два года спустя она насчитывала около 2 тыс. человек.

**Эпоха правления либералов
(1930—1946)**

В конце 20-х — начале 30-х годов североамериканские монополии продолжали свою экспансионистскую политику в Латинской Америке, прокладывая себе путь любыми средствами, применяя политику «большой дубинки», не останавливаясь перед вооруженной интервенцией. Однако открытые формы агрессии вызывали такую ненависть к США латиноамериканских народов, что американские позиции теряли устойчивость. Поэтому в правящих кругах США стали все чаще выдвигаться требования пересмотра и изменения средств и методов экспансии в Латинской Америке, зашла речь о «панамериканской солидарности», о «защите демократии и порядка». В 1933 г. президент США Франклин Д. Рузвельт провозгласил политику «добраго соседа», якобы основанную на принципах равенства наций, невмешательства во внутренние дела других государств, уважения суверенных прав всех народов.

Многие американские историки и государственные деятели пытались и пытаются доказать, что политика «добраго соседа» и связанные с ней внешнеполитические мероприятия США предусматривали главным образом противодействие фашистской Германии, «защиту» свободы и демократии в Западном полушарии. На самом же деле, провозглашение политики «добраго соседа», т. е. некоторое изменение методов и средств проникновения США в Латинскую Америку, было продиктовано обстановкой, сложившейся в 30-е годы, целым рядом факторов, важнейшим из которых был, помимо упомянутого выше опасения грубым нажимом вызвать революционную вспышку, мировой экономический кризис 1929—1933 гг.

Мировой экономический кризис и Латинская Америка

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. обрушился на слаборазвитые страны Латинской Америки с огромной силой. Особая острота кризиса обуславливалась не только отсталостью основанного на монокультуре хозяйства и многочисленными феодальными пережитками, но и зависимостью от империалистов США и Англии, которые стремились найти выход из кризиса за счет усиления эксплуатации колониальных и зависимых стран.

Введение высоких протекционистских тарифов в США и Англии в 1930—1932 гг. закрыло доступ многим латиноамериканским товарам на их рынки, что усугубило экономические трудности, переживаемые республиками Латинской Америки. Правительство Перу, Чили, Бразилии, Боливии и Уругвая объявили о своем финансовом банкротстве. За ними вскоре последовали и другие латиноамериканские республики, объявившие частичный мораторий. Господствующие классы Латинской Америки встали на путь варварского уничтожения огромных запасов сырья и продовольствия — кофе, пшеницы, хлопка, фруктов, не находивших сбыта.

Мировой экономический кризис принес неисчислимые бедствия трудящимся массам Латинской Америки. Образовалась армия безработных, численность которой в 1930—1933 гг. колебалась в пределах 4—7 млн. человек. Заработная плата промышленных рабочих была снижена на 40—50%, а горняков и сельскохозяйственных батраков — на 60—70%. На многих предприятиях продолжительность рабочего дня увеличилась до 10 и даже 12 часов. Рабочий класс и крестьянство ответили на попытки господствующих классов и иностранных монополий переложить на их плечи основную тяжесть экономического кризиса усилением революционной борьбы. Ввиду этого обострения классовых противоречий правящие круги стран Латинской Америки включились в антикоммунистическую кампанию международной реакции, пытавшейся свалить вину за переживаемые экономические трудности на Советский Союз, революционизирующее влияние идей Октября. Был спровоцирован разрыв дипломатических отношений с СССР Мексики и Уругвая, тем не менее реакция не достигла желаемых результатов, ей не удалось приостановить рост авторитета СССР в Латинской Америке.

Революционный подъем в Латинской Америке в годы мирового экономического кризиса ознаменовался героическими выступлениями рабочего класса, поддержанного трудящимися массами деревни в Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили, Перу, Боливии, на Кубе, двумя восстаниями батраков и сельскохозяйственных рабочих в Гондурасе (1931 г.), крупнейшим восстанием крестьян в Сальвадоре (1932 г.), волнениями в Гватемале, вооруженной борьбой крестьян за землю в Колумбии, протестом против дороговизны в Панаме, национально-освободительными войнами в Никарагуа, восстаниями индейцев в Боливии, Мексике, Перу, восстаниями в армии и на флоте в Чили, на Кубе, в Бразилии, Перу, Сальвадоре.

Важным завоеванием трудящихся явилось создание пролетарских профсоюзов и коммунистических партий в наиболее отсталых странах Латинской Америки. В 1930 г. коммунистическая партия возникла не только в Колумбии, но и в Эквадоре, Перу, Панаме, Парагвае, Сальвадоре и Гватемале. В 1931 г. были созданы коммунистические партии в Венесуэле и Коста-Рике, в 1934 г. — в Гаити и Пуэрто-Рико. Первые марксистские группы появились в Боливии.

Подъем национально-освободительного движения был одним из главных факторов, заставивших правительство США отказаться от грубых методов вмешательства во внутренние дела Латинской Америки и провозгласить пресловутую «политику доброго соседа».

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел также к резкому обострению борьбы крупнейших империалистических держав за влияние в Латинской Америке. Англия получила ряд временных преимуществ перед США. Торговля США со странами Латинской Америки сократилась значительно больше, чем торговля Англии с этими странами, так как в интересах монополий правительство США закрыло американский рынок для многих латиноамериканских товаров; Англия же, несмотря на кризис, продолжала импортировать промышленное сырье и особенно продовольствие для внутреннего потребления.

Капиталовложения США в Латинской Америке обесценивались быстрее, чем капиталовложения Англии. К 1935 г. облигации латиноамериканских республик, размещенные на рынке США, обесценивались на 85%. Частные банки и правительство США прекратили предоставление займов и кредитов латиноамериканским республикам как раз в тот момент, когда они больше всего в них нуждались.

Мировой экономический кризис нанес настолько сильный удар позициям главных империалистических держав в Латинской Америке, что ни США, ни Англия не удалось восстановить в полном объеме свои инвестиции в Латинской Америке даже к началу второй мировой войны. Капиталовложения США в 1929 г. составили 5587 млн. долларов, а в 1939 г. — 3874 млн. долларов. Капиталовложения Англии соответственно исчислялись в 5891 млн. долларов и в 4908 млн. долларов¹.

Япония, воспользовавшись военно-инфляционной конъюнктурой, сложившейся после начала ее агрессии против Китая в 1931 г., в годы мирового экономического кризиса в 2,5 раза увеличила объем торговли с латиноамериканскими странами. Японские монополии стали открывать в Латинской Америке свои филиалы. Германия с помощью системы клиринга (безналичных расчетов) также расширила торговлю с латиноамериканскими республиками. Активизация германских и японских компаний подлила масла в огонь — межимпериалистическое соперничество в Латинской Америке приобретало все более острые формы.

Либералы приходят к власти

Мировой экономический кризис тяжело отразился на Колумбии, поскольку экономика страны почти полностью зависела от экспорта, а он резко сократился. Так, если в 1929 г. экспорт Колумбии исчислялся в 126,8 млн. песо, то в 1932 г. он снизился до 70,3 млн. песо; экспорт кофе упал с 2,8 млн. мешков (в мешке

60 кг) до 1,9 млн. мешков в 1932 г.; экспорт бананов уменьшился с 11,2 млн. связок до 5,4 млн. связок, а экспорт нефти — с 20,2 млн. баррелей до 13,5 млн. баррелей². Поступление иностранных вкладов сократилось; более того, наблюдалось «бегство» капиталов; многие предприятия обанкротились, тысячи средних и мелких предпринимателей разорились. С особой силой кризис ударил по трудящимся: треть колумбийского пролетариата (100 тыс. человек) не имела работы. То и дело вспыхивали голодные бунты. Обстановка в стране накалилась до предела, недовольство консервативным правительством охватило широкие круги колумбийцев. Президентские выборы 1930 г. вылились в ожесточенную политическую схватку.

Незадолго до этого конгресс Колумбии внес некоторые изменения в конституцию. Был восстановлен Государственный совет под председательством первого замещающего президента в составе шести членов, назначаемых конгрессом, был введен новый порядок избрания членов конгресса. Департаментская ассамблея избирала сенаторов республики из расчета один сенатор от каждых 120 тыс. жителей; при этом каждый департамент избирал не менее трех и не более девяти сенаторов. Члены палаты представителей избирались из расчета один депутат от 50 тыс. жителей, причем департаментская ассамблея должна была делить территорию департамента на такое число избирательных округов, чтобы в каждом из них избралось не менее трех депутатов.

Подготовка к президентским выборам началась с середины 1929 г. В печати появились многочисленные статьи, отражавшие разногласия в правительстве и в муниципальном совете Боготы. Мэр столицы Луис Аугусто Куэрво был отстранен от должности; это вызвало бурный протест горожан. Толпы народа во главе со студентами вышли 7 июня 1929 г. на манифестацию; полиция приняла «меры предосторожности» — в результате был убит студент юридического факультета Национального университета. Похороны, состоявшиеся 8 июня, вылились в мощную демонстрацию протеста. Перепуганное правительство, решив успокоить общественное мнение, пошло на уступки: 8 июня уволило губернатора департамента Кундинамарка, отстранившего мэра Боготы, начальника полиции и двух министров. Эти бурные события вошли в историю как «июньские дни» (*jornadas de junio*). С тех пор день 8 июня колумбийские студенты ежегодно отмечают демонстрациями и митингами.

Острая борьба развернулась и внутри консервативной партии. Более сильная правая фракция снова выдвинула своим кандидатом поэта Гильермо Валенсию. Вторая фракция консерваторов сделала своим кандидатом генерала Альфредо Васкеса Кубо, надеясь на альянс с правыми либералами. Включилась в избирательную кампанию и церковь, разумеется, на стороне консерваторов. Правда, архиепископ Боготы долго не мог решить, кого из двух кандидатов консервативной партии поддержать. Дело доходило до курьезов: например, священник города Тунхи в проповеди, которую он про-

изнес в 8 часов утра, припугнул прихожан, что, если они будут голосовать за Васкеса Кобо, они совершат смертный грех. Однако, получив несколько минут спустя от архиепископа Боготы новое указание, в своей следующей проповеди священник так же страстно убеждал, что смертный грех совершит тот, кто будет голосовать за Валенсию...³

Либералы решили выставить собственного кандидата. После долгих споров и дискуссий выбор пал на Энрике Олайю Эрреру (1880—1937), тогдашнего посланника Колумбии в США. Чтобы привлечь на свою сторону часть консерваторов, правый либерал Олайя Эррера предложил, чтобы его кандидатура была выдвинута не от либеральной партии, а от «Национального объединения».

Известный адвокат и журналист Олайя Эррера рано занялся политической деятельностью и уже в 1910 г. был депутатом Национальной ассамблеи от либеральной партии. Затем он активно сотрудничал с консерваторами. Так, при консервативных правительствах Рестрепо и Ольгина он занимал пост министра иностранных дел, а позднее был посланником Колумбии в Аргентине, Чили и США. Таким образом, правый либерал Олайя Эррера являл собой кандидатуру, частично приемлемую и для консерваторов, что и обеспечило ему победу. 9 февраля 1930 г. состоялись выборы, и Олайя Эррера стал президентом*.

Придя к власти, Эррера столкнулся с огромными трудностями. Одно только падение цен на кофе снизило национальный доход в 1930 г. на 47 млн. долларов по сравнению с 1928 г. Чтобы покончить с экономическим хаосом, президент взял на себя чрезвычайные полномочия и пригласил из США финансовую миссию во главе с профессором Кеммерером, которая на этот раз пробыла в Колумбии пять месяцев. Были повышены тарифы, запрещен вывоз золота и ввоз предметов роскоши, установлен контроль государства над экспортом.

4 марта 1931 г. был принят новый нефтяной закон, по которому над всей нефтяной промышленностью устанавливалась государственная опека. В деятельность иностранных нефтяных компаний были введены некоторые ограничения: отныне они, например, подлежали юрисдикции колумбийских судов; размер концессии также ограничивался: одно лицо могло получить не более 50 тыс. га. В знак протеста против этого закона несколько иностранных нефтяных компаний прекратили свою деятельность.

Новый президент действовал осторожно, лавируя между силами реакции и прогресса, стараясь угодить и тем, и другим.

В своем докладе конгрессу в 1932 г. министр экономики назвал экономическое положение страны кризисным⁴. Обстановка осложнялась тем, что консерваторы в связи с приходом либералов к власти

* За него было подано 369 934 голоса, за Гильермо Валенсию — 240 360, за Альфредо Васкеса Кобо — 213 583 голоса; отсюда видно, что если бы консерваторы выставили единого кандидата, они могли победить.

повели против них яростную борьбу; фактически началась необъявленная война: убивали алькальдов, гражданских чиновников, полицейских чинов. Порой вооруженные стычки между консерваторами и либералами выливались в настоящие побоища; во время одного из них погибло 5 тыс. человек. Кое-кто из консерваторов, спасаясь от преследований, бежал в Венесуэлу.

В 1932 г., пытаясь вывести экономику из кризиса и спасти предпринимателей от банкротства, правительство Олайи Эрреры вынуждено было вмешаться в дела частных колумбийских компаний путем предоставления займов предпринимателям и коммерсантам, прежде всего владельцам кофейных и банановых плантаций. Было предпринято несколько крупных строек, чтобы расширить внутренний рынок и сократить безработицу. Так, были сооружены здание верховного суда, полицейские казармы, медицинский факультет Национального университета; строительство государственных зданий развернулось также в департаментах.

Чтобы обеспечить выплату процентов по займам, полученным государством на протяжении 20-х годов, президент сократил расходы правительства. Олайя Эррера ограничил деятельность некоторых иностранных компаний, тормозивших развитие национальной промышленности. Были приняты законы, регулировавшие деятельность промышленных предприятий; отныне нефтепромышленникам вменялось в обязанность использовать на своих предприятиях труд колумбийских рабочих и служащих.

Олайя Эррера издал закон об улучшении начального образования и выделении специальных фондов на нужды образования; муниципалитеты были обязаны выделять на образование 10—15% своего бюджета, департаменты и центральное правительство — по 15%. Было улучшено качество преподавания в средней и высшей школе; проведена первая конференция ректоров высших учебных заведений.

В 1932 г. был принят новый закон о браке, предоставивший супругам право свободно распоряжаться добрачной собственностью. По новому закону каждый из супругов отдельно отвечал за долги, не связанные с содержанием дома и семьи. Впервые в истории Колумбии были уравнены юридические права мужа и жены.

Но вскоре попытки президента Олайи Эрреры нормализовать положение были практически парализованы: Колумбия оказалась втянутой в вооруженный конфликт с Перу.

Колумбийско-перуанская война

Война между Перу и Колумбией, вспыхнувшая осенью 1932 г., была порождена столкновением интересов трех империалистических держав: США, Англии и Японии.

Американская дипломатия выбивалась из сил, чтобы сколотить Тихоокеанский блок из латиноамериканских республик, расположен-

ных вдоль побережья Тихого океана. Серьезным препятствием для осуществления этих планов явилась позиция, занятая под влиянием Англии и Японии правительством Перу. Английские империалисты были полны решимости любыми средствами похоронить Тихоокеанский блок.

В этом же самом направлении действовала и Япония. Перу была одним из главных районов экспансии японского капитала. Кстати, там имелась многочисленная японская колония. Япония значительно увеличила закупки в Перу стратегического сырья: нефти, меди, свинца. Демонстрацией японо-перуанского сближения явилась поездка перуанской военной миссии в Токио. Естественно, что японские империалисты использовали свое влияние на Перу для противодействия американским планам. Правительство Японии предоставило перуанскому правительству заем в 100 млн. иен (20 млн. долларов) для приобретения японского оружия; за это правящие круги Перу обязались развязать войну против Колумбии, являвшейся одним из главных опорных пунктов американского империализма в Южной Америке. Временно интересы Японии и Англии совпали: они выступили против американских империалистов единым фронтом.

Соединенные Штаты тем временем укрепляли свои позиции в Колумбии и готовили ее к войне против Перу, надеясь руками колумбийцев покончить с перуанским правительством, перешедшим на службу к английским и японским империалистам. Американские банкиры помогли правительству Колумбии разместить на рынке США военный заем в размере 10 млн. долл.

Соперничество США, Англии и Японии породило крайнюю напряженность в отношениях между Перу и Колумбией. Первой военные действия начала Перу. Перуанская военная клика во главе с полковником Серро, совершившая в 1930 г. государственный переворот, ничего не сделала для населения, страдавшего от экономического кризиса. В мае 1932 г. вспыхнуло восстание на флоте; началась всеобщая забастовка железнодорожников. Через месяц взялись за оружие жители города Трухильо на севере страны. Правительство Серро искало выход из острого внутривнутриполитического кризиса в войне.

В ночь на 1 сентября 1932 г. речной порт на р. Амазонке Летисия — главный город колумбийского округа Амазонки — был захвачен группой вооруженных перуанцев, жителей этого города. Они арестовали, а затем выслали колумбийских правительственных чиновников, подняли над городом перуанский флаг и объявили «о своем страстном желании вернуться.. в лоно любимой перуанской родины». Само собой разумеется, что переворот в Летисии был подготовлен правительством Серро. Части регулярной перуанской армии тотчас оккупировали город, дабы «защитить своих граждан». Несмотря на то что между Колумбией и Перу в 1922 г. был подписан договор о границах Саломон—Лосано, договор, ратифицированный обеими сторонами и зарегистрированный в Лиге

Наций, правительство Перу, в оправдание агрессии, объявило «спорным» весь район Лорето — значительную территорию между реками Амазонка и Путумайо.

Экономического значения затерявшийся в джунглях Амазонки малонаселенный район Лорето тогда не имел. Единственный населенный пункт — порт Летисия насчитывал всего несколько сот жителей. Но правительство Колумбии заявило о своей твердой решимости сохранить выход к великой реке Южной Америки — Амазонке (на этой территории североамериканские компании искали нефть).

Колумбия оказалась в затруднительном положении. Ее армия состояла из 4 тыс. плохо вооруженных солдат. 11 сентября 1932 г. колумбийское правительство ввело в районе Летисии осадное положение, разорвало дипломатические отношения с Перу и передало решение вопроса в Лигу Наций. Между тем оно лихорадочно перевооружало и увеличивало армию (вскоре она выросла до 12 тыс.), приступило к строительству стратегических дорог, выпустило заем на 10 млн. песо на нужды войны, на который была организована «добровольная» подписка; этих денег оказалось недостаточно, и президент Эррера выхлопотал несколько займов в США. Шовинистический угар охватил страну. Для молодой компартии Колумбии это было тяжелым испытанием; некоторые коммунисты заняли оборонческую позицию, но вскоре эти шатания были преодолены, и компартия развернула антивоенную агитацию.

Между тем шесть колумбийских судов с десантными войсками подошли по Амазонке к Летисии, чтобы «восстановить порядок на территории, подвергшейся вторжению». 14 февраля 1933 г. командир колумбийской флотилии предъявил перуанским частям, захватившим Летисию, ультиматум. В ответ перуанские самолеты начали бомбить колумбийский флот. 15 февраля колумбийская десантная часть высадилась на берег и атаковала противника.

Война грозила охватить и соседние республики. Правительство Бразилии направило свои войска в район конфликта; Эквадор сосредоточил воинские части на своей границе с Перу; США демонстративно устроили маневры своего Тихоокеанского военно-морского флота.

Война между Перу и Колумбией продолжалась девять месяцев. Она потребовала новых жертв, принесла новые страдания колумбийскому и перуанскому народам. Воюющие стороны потеряли более 70 тыс. человек убитыми. Зато нажились на военных поставках Перу и Колумбии фабриканты оружия в США, Англии и Японии.

Колумбийско-перуанская война закончилась в 1933 г. В апреле 1933 г. глава перуанской правящей клики полковник Серро был убит. Пришедшее к власти правительство Бенавидеса пошло на соглашение с американскими империалистами. Его первым шагом был кабальный заем у «Стандард ойл» — для «стабилизации» перуанской экономики; стало быть, отпало главное препятствие, ме-

шавшее примирению. Колумбия и Перу согласились на посредничество комиссии Лиги Наций.

Комиссия Лиги Наций, заседавшая под председательством министра иностранных дел Бразилии в Рио-де-Жанейро, выработала, совместно с представителями Перу и Колумбии, соглашение, которое обязывало правительство Перу принести извинения Колумбии и вернуть ей область Лорето с портом Летисия. Это соглашение было ратифицировано обеими сторонами в 1935 г.

А в 1932 г. лишь коммунистическая партия имела мужество разоблачить антинациональный, антинародный характер колумбийско-перуанского конфликта, возглавить движение против этой братоубийственной войны, сотни коммунистов были брошены в тюрьмы и сосланы в исправительные колонии за «пораженчество»!

Война навлекла на народ Колумбии новые бедствия, и стачечное движение охватило всю страну. В крупнейшем порту Барранкилье и в промышленном центре Медельине в 1933 г. во всеобщих стачках участвовало свыше 30 тыс. рабочих — цифра по тем временам огромная; бастовали транспортники, тактильщики, табачники. Крестьяне захватывали необрабатываемые помещичьи земли. В декабре 1934 г. бастовали 10 тыс. рабочих банановых плантаций.

Оценивая президентство Олайи Эрреры, которого американский историк А. Б. Томас назвал «человеком широких взглядов»⁵, следует подчеркнуть, что особых изменений в экономике Колумбии и в положении трудящихся при нем не произошло. Представитель правого крыла либералов Олайя Эррера сотрудничал с консерваторами и ориентировался на Соединенные Штаты. За долгие годы, проведенные им в ранге посланника Колумбии в Вашингтоне, он насквозь «американизировался». Впрочем, не он первый, не он последний: недаром латиноамериканцы говорят: «Пост посла в США — преддверие президентства».

Реформы Альфонсо Лопеса

Подъем народного движения сказался на всей политической жизни страны. В либеральной партии тоже взяло перевес левое течение. Единым кандидатом либералов стал руководитель левого крыла партии Альфонсо Лопес (1886—1962). Выходец из богатой банкирской семьи, Альфонсо Лопес занимал видные государственные посты, в 1931 г. был посланником в Великобритании. Представляя Колумбию на VII паанамериканской конференции в Монтевидео, Лопес резко критиковал США: энергично требовал невмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, уточнения содержания «политики доброго соседа». Выступления Лопеса на конференции были одобрительно встречены всей прогрессивной общественностью Латинской Америки⁶. Лопес стал одним из самых популярных лидеров либеральной партии. Во время избирательной

кампании он выдвинул ряд прогрессивных проектов, а, придя к власти 7 августа 1934 г., стал пытаться проводить их в жизнь, разумеется, с оглядкой: ему, типичному представителю прогрессивных кругов национальной буржуазии, заинтересованных в быстром капиталистическом развитии Колумбии, в силу извечной классовой ограниченности было боязно сделать окончательную ставку на народ.

Американский историк А. Б. Томас, комментируя президентские выборы 1934 г., приходит к ошибочному выводу, будто «Альфонсо Лопес был избран потому, что консервативная партия бойкотировала выборы»⁷. Ошибка Томаса в том, что он преувеличил роль, которую консерваторы играли в этот период. Утратив свое влияние, они попросту боялись поражения. Бойкотируя выборы, они рассчитывали ввести кое-кого в заблуждение относительно своих реальных возможностей.

Еще более легковесны другие объяснения. Так, по мнению известного колумбийского писателя и общественного деятеля Х. А. Осорио Лисарасо, Альфонсо Лопес победил на выборах благодаря тому, что во время избирательной кампании пользовался... микрофоном (!)⁸.

Став президентом, Лопес задумал далеко идущий социально-экономический эксперимент, он хотел превратить Колумбию в «либеральную республику». Его лозунг был: «Революция на марше». В многочисленных речах и заявлениях Альфонсо Лопес мужественно критиковал реакционную олигархию. Он говорил: «Колумбией всегда правили олигархи-либералы и олигархи-консерваторы, считавшие друг друга помехой прогрессу. Не облегчила положения страны и смешанная каста, правившая страной от имени республиканской партии; эта партия, вопреки воле народа, пыталась ошастливить колумбийцев своим абсурдным курсом «аполитической политики».

Придя к власти, Лопес сформировал однопартийное правительство из способных молодых энергичных людей и не только на словах, но и на деле боролся против феодальных пережитков, ратовал за капиталистическое развитие Колумбии. Новый президент начал свою деятельность с того, что осудил и прекратил преследование рабочих и крестьянских организаций, легализовал коммунистическую партию. Он всякий раз отстранял от должности губернаторов и алькальдов, не умевших разговаривать с народом иначе, как на языке пухля.

В послании конгрессу (1934 г.) Альфонсо Лопес настаивал на перераспределении земельной собственности, на улучшении методов обработки земли, доказывал необходимость реформы системы прощения, изменения нефтяного закона, издания закона о трудовых соглашениях.

Именно при Лопесе были приняты законы о бесплатном и обязательном начальном образовании; контроль над школой перешел в руки государства, что ослабило влияние Ватикана.

По инициативе Лопеса в конституцию 1886 г. были внесены существенные изменения. Было добавлено 35 статей, изменивших или отменивших 47 статей старой конституции. Так, были внесены поправки, которые узаконили право всех трудящихся (кроме занятых в сфере обслуживания) на забастовку, разрешили правительству вмешиваться в экономические отношения с целью регулирования производства, распределения и потребления. В 1936 г. был создан национальный департамент труда, осуществлен еще ряд прогрессивных мер в области социального законодательства: рабочие добились признания своих прав на создание профсоюзов, на 8-часовой рабочий день, на заключение коллективных договоров, на ежегодные оплачиваемые отпуска, на пособия по болезни и безработице.

Изменение конституции дало возможность провести некоторые социально-экономические преобразования. Мелкие фермеры стали получать кредиты от государства; владельцев иностранных предприятий обязали следить за тем, чтобы не менее 80% рабочих мест предоставлялось колумбийским гражданам. За колумбийскими предприятиями, принадлежавшими американцам, был установлен особый контроль. Церковь была отделена от государства. 38-я и 40-я статьи конституции 1886 г. «о защите религии» были отменены. Была введена специальная статья, в соответствии с которой правительство получило право, с одобрения подавляющего числа членов конгресса, безвозмездно национализировать частную собственность.

В 1936 г. был принят закон об аграрной реформе. По этому закону крупные землевладельцы обязаны были в течение десяти лет обеспечить производительное использование хотя бы половины своих земельных угодий, в противном случае через десять лет необрабатываемые земли должны были перейти в собственность государства.

Аграрный закон, с точки зрения требований крестьянства, был весьма половинчатым; первоначальный проект его, выдвинутый Лопесом, предусматривал более глубокие преобразования, но сенат, где задавали тон правые либералы — помещики и капиталисты, сильно его урезал. Тем не менее владельцы латифундий не желали слышать о каких-либо посягательствах на свои права, начали яростную кампанию против аграрного закона 1936 г. и в конце концов сорвали его осуществление. Таким образом, даже половинчатая аграрная реформа, на которую колумбийцы возлагали столько надежд, обманула их ожидания.

К бесспорным достижениям Лопеса надо отнести то, что при нем была введена система прямого голосования при выборах муниципальных советов, членов законодательных собраний департаментов (департаментских ассамблей), членов конгресса и президента.

Правительство оказало большое содействие развитию производства кофе, предоставило значительную техническую и финансовую

помощь для расширения производства пшеницы, копры, хлопка, табака и риса.

Введение прямого налога на недвижимое имущество увеличило доходы правительства. За три года пребывания у власти президент Лопес ликвидировал хронический дефицит Колумбии и сбалансировал бюджет. До июля 1934 г. в Колумбии было построено 3873 км дорог, а в 1936 г. страна располагала 10 тыс. км дорожных магистралей.

Президент Лопес развернул школьное строительство (нехватка школьных помещений привела к тому, что свыше миллиона детей были лишены возможности учиться). Одновременно была налажена подготовка учителей, усовершенствовано университетское образование.

Внешняя политика Лопеса отличалась известной самостоятельностью, стремлением установить связи со всеми странами мира. В июне 1935 г. были установлены дипломатические отношения между Колумбией и Советским Союзом. Лопес активно выступал против фашизма.

Компартия Колумбии вначале не поддержала Альфонсо Лопеса и на президентских выборах 1934 г. выдвинула своего кандидата — индейского вожака департамента Толима Эутикио Тимоте. После VII конгресса Коминтерна (1935 г.) компартия провела в Боготе (ноябрь 1935 г.) национальную конференцию, на которой обсудила решения VII конгресса и ход их выполнения, призвала к созданию в Колумбии единого рабочего и единого народного фронта и поддержала демократические реформы президента Лопеса. Она возглавила зарождавшееся движение промышленного пролетариата, успешно руководила забастовками нефтянников, железнодорожников Антиокии, рабочих банановых плантаций. Prestиж компартии, ее влияние в рабочей среде заметно выросли. На профсоюзном конгрессе в Медельине в 1936 г. была создана Конфедерация трудящихся Колумбии (КТК), объединившая в своих рядах почти все профсоюзы страны. Семеро из 17 членов правления КТК были коммунистами. Созданная тогда же Национальная конфедерация служащих оказывала полную поддержку политике Лопеса.

1 мая 1936 г. в Боготе состоялась грандиозная демонстрация трудящихся. Впервые в истории Колумбии с балкона президентского дворца демонстрантов приветствовал секретарь ЦК компартии (Хильберто Виейра). Президент Лопес, выступивший на многочисленном митинге, подтвердил свое намерение и впредь проводить радикальные реформы, опираться на народные массы. В 1937 г. компартия впервые участвовала в парламентских выборах, а секретарь ЦК компартии Хильберто Виейра стал первым коммунистическим депутатом.

Итак, правительство Альфонсо Лопеса пользовалось широкой поддержкой профсоюзов, крестьянских лиг, коммунистической партии и других прогрессивных организаций. Политический курс но-

вого президента не мог не вызвать бурного недовольства крупных помещиков, нефтепромышленников и, конечно, иностранных капиталистов. Особенно разъярены были консерваторы и князя католической церкви.

«Политика, проводившаяся Лопесом,— писал в 1969 г. американский исследователь Гарри Кантор,— по существу не была революционной, тем не менее она напугала консерваторов и оттолкнула традиционных либералов»⁹.

Силы реакции, особенно правые консерваторы во главе с архиреакционером Лауреано Гомесом, под влиянием международного фашизма, в частности испанской фаланги, с начала 1936 г. перешли к активным действиям против демократических реформ Лопеса. Своему открыто антинародному курсу — покушениям, террористическим актам — они присвоили отдававшее фашистским духом наименование «бесстрашной акции».

Острый характер приняли столкновения Лопеса с верховным судом, пачавшиеся сразу же после его прихода к власти: в декабре 1934 г. Лопес издал законы о повышении имущественного налога и налога на капитал, а в апреле 1935 г. верховный суд отменил их как неконституционные.

Реформы Лопеса наталкивались на оппозицию не только со стороны его противников — открытых реакционеров. Внутри либеральной партии произошел раскол, и правые либералы где-то сошлись с консерваторами.

Правые элементы были напуганы укреплением профсоюзов, в частности профсоюзным конгрессом, состоявшимся в Медельине в 1936 г., в котором принимала активное участие компартия. Профсоюзная конфедерация поставила своей задачей добиться избрания представителей рабочего класса в конгресс, чтобы левые силы могли поддержать прогрессивный курс президента Лопеса. Решив парализовать политику Лопеса, правые либералы во главе с известным политическим деятелем — владельцем и директором одной из самых влиятельных колумбийских газет «Эль Тьемпо» Эдуардо Сантосом, начали кампанию за вторичное избрание Энрике Олайи Эрреры, проявившего себя на посту президента (1930—1934) человеком умеренных взглядов, для латифундистов и промышленников неопасным. Сантоса связывала с Олайя Эррерой не только общность политических концепций (они вместе начинали свою политическую карьеру в 1909 г., оба были активными членами Республиканского союза, пытавшегося объединить либералов и консерваторов), но и давняя личная дружба. Олайя Эррера скоропостижно скончался, кандидатом в президенты был выдвинут Эдуардо Сантос (1888—1965).

Придя к власти, Эдуардо Сантос фактически приостановил демократическое развитие страны. В годы его президентства экспансия американского капитала в Колумбию заметно усилилась.

Накануне второй мировой войны США занимали господствующее положение в экономике Колумбии, прежде всего в нефтяной

промышленности. Сотни тысяч гектаров колумбийской земли принадлежали американским нефтяным концернам. Важное место занимали американские инвестиции в горной промышленности, где действовало несколько крупных американских компаний. Основная отрасль сельского хозяйства Колумбии — производство кофе — также попала в руки американцев, не только владевших обширными плантациями, но и контролировавшими экспорт кофе из Колумбии. Капиталовложения США в производство кофе превышали 80 млн. долларов. В другой важной отрасли сельского хозяйства Колумбии — производстве бананов — американский капитал занимал монопольное положение: 50 тыс. акров земли — такова была площадь «банановой империи», принадлежавшей весильной «Юнайтед фрут». Она же вершила судьбами тысяч мелких производителей бананов.

«Правительство Сантоса,— пишут колумбийские историки Энао и Аррубла,— проводило политику сближения и союза с Соединенными Штатами»¹⁰.

Сантос с самого начала постарался расколоть профсоюзное движение: путем подкупа и запугивания заставил руководителей КТК порвать с коммунистами. Сантос отрицал классовую борьбу. Он говорил: «По-моему, борьба классов — это ужасно. Это самое худшее несчастье, которое может свалиться на наш народ... Наше общество в своем развитии может избежать трагедии, именуемой классовой борьбой и социальными конфликтами».

Чтобы «избежать» социальных и трудовых конфликтов, Сантос создал так называемые мировые и арбитражные комиссии.

Колумбия во второй мировой войне

В связи с успешной экспансией американского монополистического капитала в страны Латинской Америки в 1938—1939 гг. резко возросла конкурентная борьба между империалистическими державами. Реакционные круги США рассчитывали, что развязывание войны в Европе отвлечет европейских конкурентов и обеспечит Соединенным Штатам монопольное положение в Западном полушарии.

Новым моментом в борьбе за господство в Латинской Америке явилось активное наступление на латиноамериканские рынки Германии и Японии. Германский империализм с 1933—1934 гг. начинает завоевывать рынки Южной Америки. За латиноамериканские товары Германия платила не валютой, имевшей международное хождение, а особыми марками, годными только в Германии. Пользуясь этим методом, Германия рассчитывала втянуть латиноамериканские страны в орбиту своего экономического влияния, так же как она это сделала с балканскими государствами во время второй мировой войны.

Занятый подготовкой к войне за мировое господство, германский фашизм уделял много внимания странам Латинской Америки.

Особенно сильны были позиции Германии в Бразилии, Аргентине, Колумбии, Уругвае, Чили, Гватемале, Коста-Рике, Никарагуа. Влияние Германии шло по различным каналам, в основном это были германские посольства, миссии и консульства. Шпионаж, диверсии, террор являлись едва ли не первоочередными задачами немецких дипломатов. Важным проводником германской политики в Латинской Америке была многочисленная «пятая колонна», состоявшая из немцев, специально посланных германской разведкой в Западное полушарие. Засылка немцев в Латинскую Америку началась уже с 1926—1927 гг. Немецкие разведчики получали задание обосноваться там на постоянное жительство; многие из них вступали в брак с латиноамериканками, а поскольку, согласно конституциям большинства латиноамериканских стран, иностранец, женившийся на местной гражданке, получал соответствующее гражданство, многие немцы, застигнутые второй мировой войной в Латинской Америке, даже, если они сохраняли немецкое гражданство, не подвергались преследованиям.

Многочисленные немецкие землячества в Латинской Америке представляли собой хорошо организованные шпионские центры, вели шпионскую, диверсионную, пропагандистскую работу в пользу фашистской Германии. Многие немцы были членами гитлеровской партии или гитлеровского союза молодежи.

Проникновению Германии в Латинскую Америку в большой мере способствовали германские монополистические объединения, неизменно поддерживавшие деловой контакт со странами Западного полушария, а также авиационные компании. Первая немецкая авиационная компания («Скадта») обосновалась в Колумбии в 1920 г. К 1938 г. в Латинской Америке действовали германские авиационные компании «Кондор» (линия Сантьяго — Буэнос-Айрес), «Седта», эксплуатировавшая все авиалинии Эквадора, «Варип» — в Бразилии, «Ллойд аэрис Боливианс» — в Боливии и др.

К началу второй мировой войны капиталовложения Германии в Латинской Америке значительно возросли. Германия стремилась не только захватить латиноамериканские рынки, но и закрепить за собой источники сырья, например добычу платины в Колумбии.

Активизировалась и Япония. Используя демпинг, она все энергичнее проникала на латиноамериканские рынки: ее доля в импорте Латинской Америки в 1935 г. равнялась 3,7% (против 0,1% в 1913 г.).

Заметную роль стала играть в Латинской Америке и фашистская Италия, установившая дипломатические отношения со всеми латиноамериканскими странами.

Однако накануне второй мировой войны наиболее стойким и упорным противником США в Латинской Америке продолжала оставаться Англия, хотя ее торговые позиции были серьезно подорваны германской конкуренцией. Английское влияние на Американском континенте основывалось прежде всего на громадных капиталовложениях. Но было у Англии и другое преимущество. Накануне вто-

рой мировой войны на долю США приходилось 12,9% общего тоннажа мирового торгового флота; доля Англии составляла 26,1, Японии — 8,2, Германии — 6,5%. Преимущество Англии станет еще более очевидным, если учесть, что большая часть американских торговых судов устарела (на долю США приходилось всего 4,9% общего тоннажа новых судов), а английский торговый флот на 55% состоял из новых кораблей. Флот США перевозил лишь 27,9% американских грузов. Еще менее значительна была его роль в перевозке иностранных грузов (5%). Как правило, латиноамериканские страны обслуживали либо английские, либо германские пароходные компании. Даже в перевозках через Панамский канал доля американских судов составляла всего 35%¹¹.

Вместе с тем имелись факты, свидетельствовавшие об ослаблении позиций английского империализма в Латинской Америке. Показательно, что Англия почти не делала новых инвестиций. Ее огромные вложения в займы и железные дороги зачастую не оправдывали себя. Например, перед второй мировой войной $\frac{2}{3}$ инвестиций в железные дороги почти не приносили дохода; развитие воздушного сообщения, строительство шоссе в значительной мере обесценивали эти вложения.

Таким образом, накануне второй мировой войны Латинская Америка стала ареной острой империалистической борьбы. Империализм США рвался к господству на всем Американском континенте.

Вторая мировая война сократила хозяйственные связи Латинской Америки с Европой и создала предпосылки для захвата Соединенными Штатами монопольного положения в Западном полушарии. Война отрезала латиноамериканские страны от ряда европейских государств, что повело к сокращению экспорта стран Латинской Америки и к резкому уменьшению импорта. Англия не могла снабдить эти страны рядом необходимых товаров, а закупки у США лимитировались долларовым дефицитом. Такие продукты, как кофе, какао и т. п., в ряде латиноамериканских стран, в частности в Колумбии, составлявшие основу экономики, в военных условиях не находили сбыта. Сравнивая экономическое положение латиноамериканских стран в начале первой и второй мировых войн, английский «Экономист» писал: «В связи с утратой европейских рынков латиноамериканские страны должны волей-неволей приравниваться к США»¹².

Американские монополии не преминули воспользоваться этими затруднениями латиноамериканских стран.

В сложнейшей политической обстановке 1939—1941 гг. народные массы Латинской Америки выступали и против засилия американского монополистического капитала, и против реакционной олигархии в своих странах.

Агрессия гитлеровской Германии против Советского Союза вызвала возмущение народных масс Латинской Америки; они выразили полную солидарность советскому народу; во многих странах Латинской Америки стихийно возникали мощные антифашистские

демонстрации. Все прогрессивные организации латиноамериканских стран поставили перед собой новые задачи — выступили за разгром гитлеровской Германии, за немедленную и широкую помощь советскому народу и его союзникам, за установление дипломатических и торговых отношений с СССР.

I съезд Коммунистической партии Колумбии, собравшийся в июле 1941 г., призвал к борьбе против фашистской угрозы и высказал уверенность в победе советского народа. По инициативе коммунистов в Колумбии создавались комитеты солидарности, происходили демонстрации с требованием активизировать дипломатические отношения с СССР.

С самого начала второй мировой войны Колумбия, как и многие другие страны Латинской Америки, ориентировалась в своей внешней политике на США: вначале придерживалась нейтралитета, а после нападения Японии на Пирл-Харбор вместе с Мексикой и Венесуэлой разорвала дипломатические отношения с державами «оси»*.

В это время внутривластная обстановка в Колумбии была весьма сложной. Президентские выборы 1942 г. носили бурный характер: решался вопрос о том, будет ли дан ход либеральным реформам, провозглашенным Альфонсо Лопесом в 1934—1938 гг., или же страна пойдет вправо, по пути, предложенному правым либералом Эдуардо Сантосом. Предстояло также решить вопрос об участии Колумбии во второй мировой войне: будет ли страна активно бороться против фашизма или же, прикрываясь нейтралитетом, будет потворствовать местной реакции, тесно связанной с испанской фалангой и агентурой держав «оси». Лидер консерваторов Лауреано Гомес открыто призывал к сотрудничеству с Германией, Италией и Японией. Консервативная партия по-прежнему бойкотировала выборы. А либеральная партия после 12-летнего пребывания у власти раскололась: левое крыло решительно требовало положить конец «затянувшейся паузе» в демократическом развитии страны, паузе, которую так старательно выдерживал президент Эдуардо Сантос; все свои надежды они возлагали на Альфонсо Лопеса, который и был выдвинут кандидатом в президенты.

Дельцы, нажившие в 1939—1942 гг. большие капиталы, не хотели прихода к власти Лопеса. Правые либералы блокировались с частью консерваторов и выдвинули своим кандидатом Карлоса Аранго Велеса. Избирательные лозунги Альфонсо Лопеса были поддержаны компартией; во внутренней политике он предлагал радикальные социально-экономические реформы, во внешней политике призывал бороться до победного конца с фашизмом, наладить практические связи с Советским Союзом и освободиться от диктата США.

Президентские выборы, состоявшиеся 2 мая 1942 г., дали сле-

* В декабре 1941 г. вслед за США девять латиноамериканских стран (Куба, Панама, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика, Сальвадор, Доминиканская республика и Гаити) объявили войну державам «оси».

дующие результаты: Альфонсо Лопес набрал 673 169 голосов, Араго Велес — 473 707 голосов. 7 августа того же года Альфонсо Лопес вступил на пост президента Колумбии.

На выборах в конгресс и муниципальные органы компартия получила 27 тыс. голосов и послала по одному представителю в сенат и палату представителей; десять коммунистов были избраны в департаментские ассамблеи.

Придя к власти, Альфонсо Лопес приступил к упорядочению экономики и улучшению положения трудящихся, но столкнулся с массой трудностей. Спекуляция приняла гигантские размеры; ловкие дельцы в течение нескольких месяцев становились миллионерами. Коррупция разъедала все звенья государственного аппарата. Росли инфляция и стоимость жизни; положение трудящихся ухудшалось, крестьяне разорялись. Правительство Лопеса выпустило внутренний заем на сумму в 60 млн. песо, предназначенный на покрытие государственного дефицита и содействие развитию экономики. Лопес пытался также провести в жизнь законы о земле, о труде, об улучшении просвещения.

Однако с первых дней прихода Лопеса к власти реакция парализовала его действия. Консерваторы во главе с Лауреано Гомесом блокировали каждое предложение нового президента и грозили развязать гражданскую войну. Да и сам Лопес явно боялся правых либералов и консерваторов, поэтому действовал с оглядкой и главные усилия направил на то, чтобы избежать конфликтов с олигархией, которая за годы войны еще более укрепилась. Промышленная перепись 1945 г. показала, что в стране имелось 7853 промышленных предприятия, среди них на долю 116 крупных предприятий приходилось 65,3% капитала (на долю остальных 7737 — 34,7%). Среди 116 крупных предприятий выделялись семь гигантов, сосредоточивших 33,2% всех капиталов (в абсолютных цифрах — 103 737 792 доллара). В Колумбии появились семьи, сконцентрировавшие в своих руках огромные богатства, взявшие под свой контроль банки, целые отрасли промышленности, а следовательно, и государственную машину. Иначе говоря, появилась финансовая олигархия. В это время возникли Национальная ассоциация промышленников и Национальная федерация коммерсантов.

В порядке компромисса Лопес отдал министерство труда представителю крупных промышленников, а министерство экономики — представителю латифундистов. Созданное им управление по контролю над ценами оказалось в руках дельцов-спекулянтов.

Коммунистическая партия вначале несколько идеализировала и личность самого Альфонсо Лопеса, и его возможности как политика. Конфедерация трудящихся Колумбии тоже была дезориентирована — она поддерживала Лопеса, но выступала против его министра труда, который добивался отмены права рабочих на забастовку.

Между тем почти все прогрессивные мероприятия Альфонсо Лопеса, включая аграрную реформу, были сведены на нет.

Отношения с конгрессом у Лопеса были весьма напряженными. Чтобы разрядить обстановку, президент взял отпуск и с 19 ноября 1943 г. до мая 1944 г. жил в США. Исполняющим обязанности президента оставался Дарио Эчандиа. Воспользовавшись отсутствием Лопеса, консерваторы, подогреваемые представителями американских монополий, приступили к подготовке государственного переворота. В начале февраля 1944 г. глава консервативной партии Лауреано Гомес опубликовал манифест с прямым призывом к восстанию. Прогрессивные организации страны, и в первую очередь коммунистическая партия, заявили, что они поддерживают правительство либералов и готовы оказать ему помощь.

В июле 1944 г. Лопес в сопровождении нескольких министров совершил инспекционную поездку по военным гарнизонам. 10 июля в городе Пасто, недалеко от границы с Эквадором, Лопес и сопровождавшие его лица были арестованы группой восставших офицеров во главе с полковником Хилем. Хиль провозгласил себя президентом.

Этот переворот, в подготовке которого был замешан военный атташе США в Колумбии, вызвал глубокое возмущение во всей стране. Вице-президент Эчандиа провозгласил себя временным президентом. Таким образом, в Колумбии оказалось три президента: Лопес, находившийся в тюрьме, Эчандиа в Боготе и полковник Хиль в Пасто¹³.

По стране прокатилась волна митингов и забастовок; народ требовал оружия, чтобы участвовать в подавлении реакционного мятежа. Центральное правительство приняло решительные меры, и попытка государственного переворота была подавлена, а большинство его организаторов арестованы, однако вскоре под нажимом консерваторов и монополий США они были освобождены.

Колумбийская реакция поддерживала через Испанию контакты с фашистской Германией. Небольшая, но влиятельная немецкая колония в Колумбии во время войны не испытывала особенных трудностей; до 1942 г. немцы пользовались неограниченной свободой, и лишь на третьем консультативном совещании министров иностранных дел стран Западного полушария (январь 1942 г.) была принята резолюция о мерах борьбы с подрывной деятельностью держав «оси» на Американском континенте. Гражданам держав «оси», проживавшим на Американском континенте, было запрещено заниматься политической деятельностью; был введен более строгий контроль за выдачей паспортов; резолюция призвала судебные и полицейские власти координировать свои действия в интересах «обороны»¹⁴.

Однако наряду с установкой на борьбу против агентуры держав «оси» (кстати сказать, сформулированной слишком общо, чтобы служить руководством к действию) в резолюции отчетливо звучал призыв ширить реакционный фронт борьбы против народно-освободительного, прогрессивного, демократического движения, в первую очередь против передового отряда трудящихся масс Латинской Америки — коммунистических партий.

Лишь после того как нацисты потопили две колумбийские шхуны, правительство Колумбии объявило (в ноябре 1943 г.) «состояние войны с Германией» и «упорядочило» контроль за «опасными элементами немецкого происхождения». Часть немецких граждан, скомпрометировавших себя тесными связями с «пятой колонной», была интернирована, т. е.... помещена в загородную гостиницу. Банковские счета их были «заморожены», так что «интернированные» лица, среди которых имелись прямые агенты немецкой разведки, могли получать ежемесячно не более... тысячи песо. (Если вспомнить, что тогдашний заработок колумбийского рабочего не превышал 50—60 песо в месяц, то станет ясным, что «меры пресечения» были не слишком суровыми).

Колумбийские плантаторы, крупные помещики и промышленники наживались на войне. Прибыли от продажи сырья и продовольствия странам Объединенных наций нередко достигали 200, 300, вплоть до 1000%. США увеличили свои закупки продукции колумбийского сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Колумбийский экспорт вырос со 176,2 млн. песо в 1941 г. до 246,1 млн. песо в 1945 г. Напротив, импорт промышленных изделий резко сократился, что послужило толчком к развитию местной обрабатывающей промышленности, прежде всего текстильной. Производство хлопчатобумажных тканей, например, увеличилось с 73,5 тыс. т в 1940 г. до 160,2 тыс. т в 1950 г. Колумбия стала экспортировать хлопчатобумажные ткани в другие страны Латинской Америки, прежде всего в Венесуэлу. Расширилась энергетическая база местной промышленности. Производство электроэнергии возросло со 186 млн. квт-ч в 1937 г. до 705 млн. квт-ч в 1950 г. Золотые и валютные запасы страны увеличились с 42,4 млн. песо в 1939 г. до 309,4 млн. песо в 1945 г.

Вместе с тем экономические позиции США и их политическое влияние на Колумбию еще более усилились. В 1941 г. США предоставили Колумбии новый заем в 12 млн. долларов. В марте 1942 г. между США и Колумбией было заключено соглашение о снабжении Колумбии вооружением по закону о лендлизе. Прямые частные капиталовложения США в Колумбии увеличились со 112 млн. долларов в 1940 г. до 189 млн. долларов в 1946 г.

По данным переписи, в 1942 г. в Колумбии насчитывалось 1415 предприятий, на которых было занято 45,4 тыс. рабочих, в 1945 г.— 7853 предприятия с 135,4 тыс. рабочих¹⁵. За годы войны значительно шагнули вперед текстильная, кожевенная, пищевая, бумажная и цементная отрасли промышленности.

К концу второй мировой войны американский капитал занял ключевые позиции во внешней торговле Латинскоамериканских республик. В 1945 г. 75% экспорта США в Латинскую Америку приходилось на долю пяти стран: Мексики, Бразилии, Кубы, Венесуэлы и Колумбии; 70% импорта США из Латинской Америки приходилось на пять стран, но состав их — несколько иной: Куба, Бразилия, Мексика, Аргентина и Чили; это — основные поставщики сырья

в Соединенные Штаты и основные покупатели североамериканских товаров.

С потерей восточноазиатских баз перед американской военной промышленностью остро встал вопрос об изыскании новых источников стратегического сырья. Таким источником стала Латинская Америка.

Значительно активизировался торговый баланс латиноамериканских стран. Если в четырехлетие перед войной (1936—1939) актив торгового баланса Латинской Америки с США составил 270 млн. долларов, то в военное четырехлетие (1941—1944) он достиг огромной цифры — 1529 млн. долларов. (Следует учесть, что часть латиноамериканских материалов США передавали другим странам, посредничая между этими странами и Латинской Америкой). В латиноамериканских странах, в том числе в Колумбии, скопился значительные запасы золота и валюты.

В годы второй мировой войны в Колумбии были построены первые крупные предприятия тяжелой промышленности. Была расширена топливно-энергетическая база. Значительно возросла добыча угля.

Развитие некоторых отраслей промышленности в Латинской Америке дало повод апологетам североамериканского капитализма утверждать, что с помощью США осуществляется «индустриализация» латиноамериканских стран. Как известно, не всякое развитие промышленности есть синоним индустриализации; основу индустриализации составляет тяжелая промышленность. США же имели в виду развитие второстепенных отраслей промышленности, чтобы сохранить Латинскую Америку в качестве своего сырьевого придатка. Развивая обрабатывающую промышленность некоторых стран Латинской Америки, североамериканский капитал стремился к увеличению емкости латиноамериканского рынка. Промышленность, созданная в Колумбии, находилась в большой зависимости от крупных иностранных монополий. Лишь пивоваренная, табачная и цементная промышленность использовала на 50% местное сырье; остальные отрасли работали преимущественно на 70—90% на импортном сырье.

Почти все строившиеся предприятия попадали под контроль американских монополий, поскольку обычно это были предприятия с незаконченным производственным циклом. Кроме того, новым предприятиям нелегко было конкурировать с дешевой продукцией промышленности США. Например, в 1941 г. в Колумбии при участии американских фирм началось строительство шинного завода. Предприятие вступило в строй лишь после окончания второй мировой войны, т. е. тогда, когда мировой рынок был наводнен дешевыми американскими шинами. Завод, разумеется, не смог выдержать конкуренции и пришел в упадок. Иногда строительство предприятий, начатое в период войны, после ее окончания под нажимом США прекращалось.

Важнейшим фактором внутренней жизни латиноамериканских республик в годы второй мировой войны явился численный рост

рабочего класса, укрепление его боеспособности. Другим важным фактором явился рост влияния компартий, превратившихся в подлинный авангард рабочего класса и всех трудящихся Латинской Америки.

В годы второй мировой войны в странах Латинской Америки развернулось широкое движение солидарности с СССР. В ряде латиноамериканских стран происходили многолюдные митинги, требовавшие поддержки и помощи Советскому Союзу. На Кубе, в Венесуэле, Уругвае, Аргентине, Чили и других странах народ требовал установления дипломатических и торговых отношений с СССР. Представители прогрессивных кругов Латинской Америки неоднократно указывали на то, что развитие торговых связей с СССР сулит латиноамериканским странам немалые выгоды.

3 февраля 1943 г. министр иностранных дел Колумбии Г. Турбай направил советскому послу в США ноту, в которой писал, что «в развитие нормальных дипломатических отношений, установленных в 1935 г. между нашими двумя странами, колумбийское правительство желает обменяться полномочными посланниками с Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁶. Предложение Колумбии было принято, и в том же году состоялся обмен дипломатическими представителями.

В годы второй мировой войны 13 латиноамериканских стран из 20 установили дипломатические отношения с Советским Союзом; это явилось признанием возросшей мощи и международного авторитета СССР.

К концу войны в Колумбии резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. Альфонсо Лопес, надеясь умиротворить разбухавшую оппозицию, снова взял длительный отпуск (с ноября 1944 г. до мая 1945 г.) и опять уехал в США. Исполняющим обязанности президента остался вице-президент Дарио Эчандиа, человек малоинициативный, более склонный к занятиям науками (он увлекался средневековой философией), нежели к практической деятельности. В отсутствие Лопеса обстановка еще более осложнилась, и, возвратившись из отпуска, президент, вопреки воле народа, решил уйти в отставку: он явно терял уверенность в себе, чему в немалой степени содействовал нажим посольства США. Альфонсо Лопес покинул пост президента в июле 1945 г. Исполняющим обязанности президента на оставшийся год, до очередных президентских выборов, конгресс назначил Альберто Льераса Камарго (род. в 1900 г.). Блестящий журналист, политический обозреватель, Льерас сделал молниеносную карьеру: сначала был личным секретарем Альфонсо Лопеса, затем редактором газеты Эдуардо Сантоса «Эль Тьемпо», министром внутренних дел, министром иностранных дел. Лопес доверял Льерасу Камарго. Но тот был близок также с правыми либералами и с консерваторами, которых возглавлял профашист Лауреано Гомес; он был своим человеком в посольстве США. Не случайно кандидатура Льераса Камарго устраивала всех. Придя к власти, он сформировал коалиционное правительство, в которое

вошли либералы и консерваторы, и фактически расчистил путь к приходу консерваторов к власти и установлению диктатуры.

Льерас Камарго показал себя демагогом, ловким политиком, послушным исполнителем воли правящих классов Колумбии. Он был тверд и непреклонен в своей антирабочей, антипрофсоюзной политике. Когда мощная федерация профсоюзов портовиков Магдалены объявила в декабре 1945 г. забастовку в знак протеста против нарушения прав рабочих, Льерас Камарго заявил: «Посмотрим, кто у нас хозяин — правительство или федерация портовиков Магдалены!», и железной рукой подавил забастовку, добился раскола в профсоюзном движении.

Такое характерное для политической жизни Колумбии явление, как взаимопроникновение двух партий, стало фактом повседневной жизни. Москера, пришедший к власти в 1845 г. как консерватор, стал либералом; Рафаэль Нуньес, придя к власти в 1880 г. как либерал, стал затем консерватором. Олайя Эррера в 1930 г. как бы олицетворял переходный этап, когда управление страной перешло от консерваторов к либералам; теперь, в 1946 г., Льерас Камарго, либерал, расчистил путь к власти консерваторам. Прав был выдающийся общественный деятель Колумбии Хорхе Элиесер Гайтан, когда говорил: «Кто бы ни был у власти в Колумбии, ответственность за голод, нищету, болезни, поголовную неграмотность народа несет правящая олигархия».

Диктаторы «нового» типа (1946—1957)

Либералы, бесценно стоявшие у власти с 1930 по 1946 г., подстегиваемые забастовочным движением предвоенных лет и массовыми выступлениями трудящихся в годы второй мировой войны, при активной поддержке коммунистов разработали трудовое законодательство; в 1936 г. они приняли основанный на принципах буржуазной аграрной реформы закон о земле, наметили целый ряд мероприятий, перекликавшихся с рузвельтовским «новым курсом».

Раскол в либеральной партии

Перед президентскими выборами 1946 г. либеральная партия раскололась на две группы — правую и левую. Правые либералы, тесно связанные с монополиями США, стремились к сотрудничеству с консерваторами. Они выдвинули своим кандидатом в президенты доктора Габриэля Турбая. Левые либералы выступали за независимое развитие Колумбии, против вмешательства США в ее дела. Левых либералов возглавил Хорхе Элиесер Гайтан *, выдвинутый кандидатом на пост президента. Воспользовавшись расколом либеральной партии, консерваторы, до того времени не участвовавшие в президентских выборах, бойкотировавшие их, на сей раз решили выдвинуть своего кандидата. Конвенция консервативной партии, состоявшаяся 24 марта 1946 г., остановила свой выбор на кандидатуре миллионера Мариано Ospины Переса (род. в 1891 г.). Во время избирательной кампании консерваторы не скупились на посулы: обещали создать правительство «национального единства», прекратить вражду между консерваторами и либералами, гаранти-

* Хорхе Элиесер Гайтан (1898—1948) — выходец из небогатой семьи. В 1926 г. получил степень доктора правовых и политических наук; в 1926—1929 гг. учился в Европе, увлекался идеями Муссолини. Возвратившись в Колумбию, он создал в 1933 г. Национальный левый революционный союз, объединивший небольшую группу молодых либералов. Программа союза носила, однако, расплывчатый характер, была направлена против олигархии. В 1935 г. Гайтан распустил свою партию. В 1936—1937 гг. в течение восьми месяцев он был мэром Боготы, в 1940 г. в течение нескольких месяцев — министром просвещения; в последующие годы Гайтан успешно занимался адвокатской практикой.

ровать гражданские права, обеспечить всеобщий прогресс и т. п.

На президентских выборах, состоявшихся 5 мая 1946 г., голоса распределились следующим образом: М. Осина Перес получил 565 849 голосов, Г. Турбай — 437 707 и Х. Э. Гайтан — 360 263 голоса. Таким образом, победу одержал представитель консервативной партии, за которого голосовало всего 40% избирателей. Главной причиной победы консерваторов явился раскол в либеральной партии: два кандидата либералов собрали 60% голосов, т. е. на 20% больше, чем кандидат консерваторов. К сожалению, тогдашнее руководство молодой коммунистической партии не разобралось в ситуации и вместо борьбы за широкий демократический фронт, за объединение всех левых сил развернуло кампанию против Гайтана, пользовавшегося популярностью среди широких кругов колумбийского народа. Правда, еще до президентских выборов компартия на чрезвычайном съезде пересмотрела свое отношение к Гайтану, но было поздно: добиться сплочения левых сил уже не удалось. (Следует заметить, что Гайтан опережал своих соперников и в столице, и во всех крупных городах страны; ядро рабочего класса Колумбии — нефтяники, транспортники, строительные рабочие и портовики Магдалены — голосовали за Гайтана.)

Придя к власти, Осина Перес, по примеру своего предшественника Альберто Льераса Камарго, образовал коалиционное правительство и, как замечает американский профессор Гарри Кантор, «в основном проводил ту же самую политику»¹. Разница состояла лишь в том, что, выполняя волю руководства консервативной партии, президент начал преследовать либералов. Глава консерваторов Лауреано Гомес рассуждал так: консервативная партия — партия меньшинства, либералы пользуются большим влиянием и если на очередных президентских выборах они объединятся, то они, несомненно, одержат победу, стало быть, надо подорвать их влияние.

Начало правления Осины Переса ознаменовалось народными волнениями в связи с ухудшением положения трудящихся, ростом стоимости жизни, отменой контроля над ценами. В сентябре 1946 г. мощная забастовка охватила весь департамент Валье дель Каука и перекинулась в крупные нефтяные центры Барранкабермеху и Петролеа. Правительство Осины Переса жестоко расправлялось с забастовщиками. Начались аресты членов либеральной партии. Либеральное большинство конгресса потребовало от либералов — членов правительства ухода в отставку. 14 ноября 1946 г. произошел правительственный кризис. Однако Осина Перес отставки министров-либералов не принял, и они некоторое время оставались в правительстве.

После поражения либералов на президентских выборах лидер их левого крыла Гайтан объединил под своим руководством всю либеральную партию и стал ее признанным вождем. Вокруг него объединились все прогрессивные силы Колумбии — возникло «гайтанистское движение», издававшее свою газету «Хорнада». На парламентских выборах в марте 1947 г. либералы, выступившие на

этот раз единым фронтом, завоевали большинство в конгрессе. Гайтан стал председателем сената. Учитывая расстановку сил, консерваторы предложили создать правительство «национальной коалиции» во главе с консерватором. Либералы согласились, однако борьба между обеими партиями продолжалась, принимая все более ожесточенный характер.

У Гайтана имелись все шансы на то, чтобы быть избранным президентом на следующих выборах, в 1950 г. Видный юрист и блестящий оратор, он пользовался в Колумбии большой популярностью, особенно в средних слоях населения; под его влиянием находились и многие рабочие, главным образом благодаря его резким антиамериканским выступлениям*.

В июле 1947 г. в сложной внутривнутриполитической обстановке состоялся V съезд компартии; он исключил из партии членов ревизионистской группы во главе с бывшим генеральным секретарем Аугусто Дураном; группа Дурана безуспешно пыталась создать параллельную коммунистическую партию.

Экономическое положение республики ухудшалось из года в год. Так, в течение 1947 г. стоимость жизни в стране поднялась на 30 пунктов (достигнув 254 по сравнению со стоимостью жизни в 1937 г., принимаемой за 100). К марту 1948 г. индекс стоимости жизни дошел до 283,8². Национальная буржуазия, заметно укрепившаяся за годы второй мировой войны, стала добиваться увеличения своих прибылей за счет монополий США. Чтобы потеснить американский капитал, правящие круги Колумбии, Венесуэлы и Эквадора создали в 1946 г. совместную пароходную компанию «Великая Колумбия». Правительственные органы и монополии США, не останавливаясь перед прямым вмешательством во внутренние дела Колумбии, всячески тормозили нормальную работу компаний. Такая позиция правящих кругов США вызвала волну бурных антиамериканских демонстраций. На какое-то время, казалось, даже распри между либералами и консерваторами отошли на второй план, так сильна была ненависть к янки, бесцеремонно попиравшим элементарные нормы международного права.

Гайтан выступил с публичным разоблачением связей членов консервативного правительства с монополиями США, доказал, что ряд министров просто находятся на их содержании. Стремясь объединить народ Колумбии для борьбы за национальную независимость и экономическое развитие страны, Гайтан призывал укреплять Конфедерацию трудящихся Колумбии. Ему стало известно, что американские самолеты перебрасывают из зоны Панамского канала в Колумбию оружие для военного атташе американского посольства и что тот передает его начальнику колумбийской полиции генералу Торресу Дурану для расправы с бастующими рабочими и студен-

* Роль Х. Э. Гайтана, а также внутривнутриполитическое положение в стране в этот период широко и интересно освещены в книге Н. Г. Ильиной «Политическая борьба в Колумбии (1946—1957)». М., 1968.

тами. Разоблачения Гайтана взволновали колумбийский народ; сторонники и друзья Гайтана выступили в палате депутатов с резкой критикой реакционного режима. Депутат колумбийского парламента Ромеро Эрпандес, член фракции либеральной партии, тоже с фактами в руках показал, откуда тянутся нити к правительству Колумбии (как оказалось, министр финансов Перес был адвокатом «Тропикал ойл компани», министр внутренних дел Урданета — адвокатом «Колумбиан голф ойл компани», а министр связи Давила — адвокатом «Ричмонд петролеум компани») ³.

Видя единственный выход из создавшегося напряженного положения в «обуздании» масс, министр внутренних дел Хосе Антонио Монतालво официально провозгласил «политику огня и меча». Так буржуазное государство Колумбии по существу объявило войну колумбийскому народу. Полиция и армия были приведены в боевую готовность, кроме того, были созданы хорошо оплачиваемые банды профессиональных убийц для расправы с противниками режима. В январе 1948 г. в департаменте северный Сантандер между представителями двух правительственных партий вспыхнула настоящая война. Спасаясь от террора консерваторов, сотни членов либеральной партии бежали за границу. В феврале в городах Манисалес и Перейра то и дело происходили уличные бои: «консервативные дружины» под прикрытием пулеметного огня полиции вели наступление на «либеральные комитеты». Либеральная партия отозвала своих представителей из правительства. Положение в стране стало еще более напряженным.

7 февраля 1948 г. в Боготе состоялись 200-тысячная демонстрация и митинг либералов, в которых участвовали многие представители провинций. На митинге с блестящей речью выступил Гайтан, требовавший прекратить террор.

Ожесточенное соперничество двух политических партий Колумбии по-прежнему подогревалось империалистической конкуренцией двух великих держав: в Колумбии столкнулись интересы могущественных нефтяных концернов — американской компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и английского треста «Ройял датч шелл».

После выхода либералов из правительства «национальной коалиции» в марте 1948 г. Оспина Перес сформировал консервативный кабинет. Пост министра иностранных дел занял в нем ставленник американских монополий Лауреано Гомес. Следовательно — такова была установившаяся традиция — ему предстояло стать и председателем ожидающейся вскоре межамериканской конференции в Боготе. Кандидатура Лауреано Гомеса вполне устраивала монополистические круги Соединенных Штатов.

IX межамериканская конференция открылась 30 марта 1948 г. Ей предстояло обсудить ряд политических и экономических проблем, а главное — преобразовать панамериканскую систему в организацию американских государств.

Конференция проходила в атмосфере антикоммунистической истерии. Руководители американской делегации рассчитывали создать

единый антикоммунистический фронт и уйти от серьезного обсуждения экономических проблем, однако единодушия в данном вопросе не добились. Вскоре после открытия конференции лидер либерально-демократических кругов Колумбии Хорхе Гайтан созвал совещание делегатов — членов либеральной партии Колумбии для обмена мнениями о ходе работы конференции. На совещании было принято решение осудить антикоммунистическую кампанию, искусственно разжигаемую американскими представителями, и потребовать снятия с поста председателя межамериканской конференции министра иностранных дел Колумбии Лауреано Гомеса. В решении совещания указывалось, что назначение председателем конференции Гомеса, в недалеком прошлом активного сторонника Гитлера — Муссолини, выглядело издевательством над демократически настроенными американскими народами. Решения совещания были вручены всем делегатам конференции.

Нежелание делегации США обсуждать вопросы экономической помощи латиноамериканским странам, ее упорное стремление навязать антикоммунистическую резолюцию серьезно обострили положение на межамериканской конференции. Атмосфера, сложившаяся в первые дни ее работы, не благоприятствовала планам организаторов конференции. Нужен был отвлекающий маневр, и вскоре он был изобретен.

Апрельские события 1948 г.

9 апреля 1948 г. в Боготе был убит Хорхе Элиесер Гайтан. Убийство Гайтана понадобилось реакционным силам как предлог для разговоров о «происках мирового коммунизма», целью которого, среди прочего, якобы был и срыв работы Боготинской конференции. Чтобы инсценировать попытку захвата власти, якобы замышляемую коммунистами, по приказу консерваторов на улицы Боготы вышли переодетые в штатское солдаты национальной гвардии, которые начали грабить магазины и поджигать (с помощью завезенного заранее керосина) общественные здания.

Убийство Гайтана вызвало взрыв возмущения в стране. Объявленная трудящимися в знак протеста забастовка, ставшая вскоре всеобщей, переросла в вооруженное восстание, которое к вечеру 9 апреля охватило всю Боготу, а позднее перекинулось на другие районы страны. В нескольких провинциях были разогнаны местные власти и созданы либеральные хунты. Восставшие разгромили дворец Осипины Переса — официальную резиденцию правительства и здание консервативной газеты «Эль Сигло», пострадал и капитолий, где происходили заседания межамериканской конференции. Недовольство колумбийских народных масс тяжелыми условиями жизни и политическим режимом, установленным консерваторами, вылившееся в вооруженную борьбу народа против ставленников иностранного капитала, было настолько глубоким, что охватило даже часть армий и полиции. В Боготе некоторые полицейские части

перешли на сторону народа и в течение нескольких дней оказывали сопротивление карательным отрядам. Некоторые армейские части столичного гарнизона отказались стрелять в восставших. Вооруженный народ овладел радиостанцией, министерствами и зданием конгресса, где заседали делегаты межамериканской конференции. Если делегаты латиноамериканских стран выходили из зала заседания, неся впереди себя как опознавательный знак свои национальные флаги, то делегация США вынуждена была удаляться через запасной выход. Вечером сторонники Гайтана объявили по радио об образовании революционной правительственной хунты.

Конфедерация трудящихся Колумбии, руководство которой состояло преимущественно из левых либералов, призвала рабочих превратить стихийно начавшуюся забастовку во всеобщую, но вскоре, испугавшись широкого размаха движения и накала революционных настроений, либералы вступили в закулисный торг с консерваторами. Восстание продолжалось еще несколько дней, но из-за отсутствия централизованного руководства и конкретного плана действий оно было подавлено правительственными войсками, поддержанными танками. Последние очаги сопротивления были ликвидированы 18 апреля. Центр Боготы был серьезно поврежден. В столице было убито 1500 и ранено 2500 человек; всего по стране убитых насчитывалось около 20 тыс.⁴

Двадцать пять лет спустя, 9 апреля 1973 г., генеральный секретарь Компартии Колумбии Хильберто Виейра в газете «Вос пролетариа» писал: «Двадцать пять лет спустя мы можем утверждать, что убийство Гайтана было организовано Центральным разведывательным управлением США в сговоре с ультрареакционными кругами Колумбии»⁵.

В то время как на улицах Боготы шла вооруженная борьба, лидер либералов Дарио Эчандиа вел переговоры с консерваторами; в ночь с 10 на 11 апреля было сформировано «коалиционное правительство» во главе с Дарио Эчандиа; оно состояло из шести либералов и шести консерваторов. Это спасло режим Оспины Переса от неизбежного краха. Утром 11 апреля страна была объявлена на осадном положении. Началась расправа, чистка армии, замена полицейских частей столицы солдатами-запасниками. В подавлении народного движения в г. Кали особенно рьяно действовал полковник Густаво Рохас Пинилья, получивший в награду генеральские погоны.

Богота еще была объята пламенем восстания, когда государственный секретарь США Маршалл собрал корреспондентов, чтобы сделать им заявление о последних событиях. Он объяснил события в Боготе «заговором международного коммунизма», направленным против межамериканской конференции^{5а}. Маршалл задал тон: буржуазная пресса США и Латинской Америки, начиная с 12 апреля, вела систематическую кампанию по обработке общественного мнения и подготовке почвы для принятия антикоммунистической резолюции. Любопытно, что до выступления Маршалла «Нью-Йорк

таймс» 10 и 11 апреля писала, что кровавые события в Боготе возникли стихийно, в результате убийства лидера либералов Гайтана и что колумбийская компартия, «видимо, не подстрекала к этим выступлениям»⁶. Однако после оглашения 12 апреля версии государственного департамента та же газета в тот же день писала, что восстание — «дело рук коммунистов, задумавших сорвать межамериканскую конференцию», и что Гайтан «сам виноват» в том, что его убили, так как отказался участвовать в коалиционном правительстве⁷. «Нью-Йорк таймс» договорилась до того, что уверяла, будто события в Боготе были «подстроены Москвой», и что «доказательством» тому «не случайное совпадение» — то, что волнения начались именно в момент, когда межамериканская конференция приступила к обсуждению антикоммунистической резолюции.

Реакционная пресса на все лады перепевала «вашиingtonские мотивы»: расписывала «красную опасность» и «угрозу коммунизма», «нависшую над Западным полушарием», требовала возложить ответственность за события в Боготе на международный коммунизм.

Но раздавались и трезвые голоса. Так, американский журнал «Нэйшн» писал: «Только конгрессмены в состоянии острой истерии могли принять за чистую монету басню о том, что взрыв недовольства был результатом коммунистического заговора против Соединенных Штатов и конференции»⁸.

После убийства Гайтана в США, Колумбии и в остальных странах Латинской Америки началась бешеная антикоммунистическая, антисоветская кампания. Президент Колумбии Оспина Перес дошел до того, что объявил по радио, будто схвачены два «советских агента», руководивших восстанием. Уже предварительное следствие по делу Гайтана показало, что убийца был агентом колумбийской реакции и во время войны служил в немецкой миссии в Боготе. В его квартире была обнаружена пропагандистская литература гитлеровской Германии и франкистской Испании*. Это не мешает некоторым колумбийским историкам по-прежнему утверждать, что апрельские события 1948 г. были организованы коммунистами и что «революция» вспыхнула после того, как был дан «тайный сигнал»⁹.

Реакционные круги не предполагали, что эта провокация вызовет такое глубокое негодование колумбийского народа. Prestижу США и панамериканизму был нанесен серьезный удар. Бывший заместитель государственного секретаря США Сэмнер Уэллес писал: «Антиамериканские настроения на конференции в Боготе были сильнее, чем на какой-либо иной межамериканской конференции, начиная с 1928 г...»¹⁰.

Для дальнейшего разжигания антисоветской истерии правительство Колумбии, по указанию монополистических кругов США, разорвало дипломатические отношения с СССР.

* В 1958 г., когда колумбийский сенат занимался делом бывшего президента Колумбии генерала Густаво Рохаса Пинильи, сенатор Арсе под присягой заявил, что Лауреано Гомес, глава партии консерваторов, знал о готовившемся убийстве Хорхе Гайтана.

События, последовавшие за восстанием в Боготе, заявление Маршалла от 12 апреля и провокационное сообщение колумбийского правительства о захвате «советских агентов» — все это неопровержимо свидетельствует о том, что убийство Гайтана было подготовлено заранее. Имелись и вещественные доказательства: завезенный заранее керосин, с помощью которого неизвестные лица поджигали общественные здания¹¹, массовое появление на улицах Боготы солдат национальной гвардии, переодетых в гражданское платье, с заданием грабить и поджигать магазины¹².

Боготинская провокация понадобилась для того, чтобы создать единый антикоммунистический фронт американских государств, чтобы расправиться с демократическими организациями, подавить растущее в Западном полушарии рабочее движение, движение в защиту мира. В итоге участники конференции все-таки проголосовали за антикоммунистическую резолюцию, которую инспирировали США. Исходя из того, что «международный коммунизм или любая другая тоталитарная доктрина... несовместимы с американской концепцией свободы», резолюция «О сохранении и защите демократии в Америке» обязывала латиноамериканские республики обмениваться информацией по поводу «коммунистической опасности» в Западном полушарии и принимать совместные меры для «пресечения подрывной деятельности международного коммунизма»¹³.

Народное восстание в Боготе, вспыхнувшее в связи с убийством лидера либеральной партии Гайтана, имело серьезные политические последствия. В день убийства один из его идейных организаторов — Лауреано Гомес, министр иностранных дел Колумбии, председательствовавший на межамериканской конференции, бежал за границу и до июня 1949 г. находился в Испании у своего друга диктатора Франко в качестве личного гостя. Созданное в дни восстания коалиционное правительство из представителей обеих партий — консерваторов и либералов — просуществовало до мая 1949 г., когда президент Ospina Перес сформировал правительство из одних консерваторов.

Компартия издала манифест, в котором осудила создание консервативного правительства как усиление террористической диктатуры и призвала оказать отпор наступлению реакции. В августе-сентябре 1949 г. состоялся VI съезд компартии, посвященный анализу внутривнутриполитического положения и урокам апрельских событий 1948 г. Съезд продемонстрировал крепнущее идейное и организационное единство партии.

События в Боготе до сих пор являются предметом всестороннего исследования не только в Колумбии, но и в других странах, особенно в США (американский историк Гарри Кантор писал: «Боготасо * — важный поворотный пункт современного политического развития Колумбии»)¹⁴.

* Так называют буржуазные историки события 1948 г. в Боготе.

Либеральная партия отозвала своих представителей со всех постов в департаментах, по существу перешла к пассивному сопротивлению. 5 июня 1949 г. состоялись выборы в колумбийский конгресс; победу одержали либералы. По их настоянию конгресс принял решение провести президентские выборы досрочно (вместо 5 июня 1950 г.— 27 ноября 1949 г.), чтобы ликвидировать политическую напряженность в стране. Но президент Ospina Перес отменил решение конгресса. Верховный суд, где большинство принадлежало либералам, в свою очередь отменил решение президента. 8 сентября 1949 г. новое рассмотрение этого вопроса в конгрессе сопровождалось перестрелкой; руководитель либеральной партии департамента Бояка Густаво Хименес был убит, а известный деятель либеральной партии, писатель Хорхе Сото дель Корраль, смертельно ранен. Вооруженные столкновения между либералами и консерваторами участились: в результате только в сентябре — ноябре 1949 г. было убито около 2 тыс. человек. Так, 21 октября 1949 г. в г. Кали в помещение, где заседало руководство либеральной партии, ворвалась полиция и были убиты 24, а 70 человек ранены. Один из руководителей либеральной партии, бывший министр иностранных дел Карлос Лосано-и-Лосано, покончил с собой, бросившись под поезд. Спасаясь от террора фашистских банд, сельские жители укрывались в горах или бежали в Венесуэлу, в другие соседние страны. Прислужники режима присваивали опустевшие дома и земли.

И все-таки под давлением народных масс президент Ospina Перес согласился на досрочные президентские выборы. Кандидатом от консервативной партии был выдвинут Лауреано Гомес, кандидатом от либералов — Дарио Эчандиа. Но вынужденное согласие Ospina Переса на проведение выборов не разрядило обстановки. В стране царил террор: консерваторы жестоко расправлялись со своими политическими противниками; избиратели были запуганы. В подобных условиях нормальных выборов быть не могло. 31 октября либералы объявили бойкот выборам: 8 ноября Эчандиа снял свою кандидатуру. На следующий день Ospina Перес распустил конгресс и ввел осадное положение; войска заняли столицу. В обстановке террора 27 ноября президентом был избран единственный имевшийся кандидат — Лауреано Гомес. (Любопытно, что 7 августа 1950 г., в день вступления Гомеса на пост президента, в знак протеста не вышла ни одна газета либеральной партии).

Фалангист на посту президента

Приход к власти Гомеса означал установление в Колумбии реакционнейшего режима, ориентирующегося на монополию США. В речи при вступлении на пост президента Лауреано Гомес на все лады расхваливал «американскую демократию» и заявил о своей полной готовности вести борьбу против «коммунистической опасности». Осадное положение в стране сохранялось в течение почти

всего президентства Гомеса. Малейшие проявления свободомыслия жестоко карались. Буржуазная либеральная партия, находившаяся в оппозиции к правительству, была отстранена от участия в управлении страной. Лидеры левого крыла этой партии подвергались преследованиям, арестам, пыткам. Генеральный секретарь Коммунистической партии Колумбии Хильберто Виейра и другие руководители Коммунистической партии стали жертвами провокационных судебных инсценировок. Их обвиняли, без каких-либо доказательств, в «подрывной деятельности», в «подстрекательстве населения к неповиновению властям». На Венском конгрессе народов в защиту мира колумбийский писатель Хорхе Саламеа заявил, что за три года пребывания Гомеса у власти в стране было убито около 100 тыс. человек. Не менее 300 тыс. колумбийцев были вынуждены покинуть родину.

Латифундисты воспользовались сложившейся обстановкой для захвата земель, принадлежавших «красным», для преследования крестьянских организаций и их руководителей, богатые коммерсанты — для повышения цен на предметы первой необходимости, капиталисты — для эксплуатации дешевой рабочей силы, наводившей города (тысячи крестьян, спасаясь от преследования наемных убийц, переселялись в город).

С приходом Лауреано Гомеса к власти снова усилилось влияние церкви. Летом 1950 г. один из руководителей церкви в департаменте Антиокия монсеньор Буилес заявил: «Те, кто на прошлых выборах сознательно голосовали за либералов, не получают отпущения грехов до тех пор, пока не покаются и не убедят в своем раскаянии исповедника»¹⁵.

27 октября 1950 г. обнаглевшие колумбийские фашисты устроили заупокойную службу в память нацистских главарей, казненных за военные преступления. «Виоленсия» (насилие, произвол), т. е. разгул бандитизма, поощряемого тогдашними правителями страны, стал фактом повседневной действительности. В ответ на вооруженное насилие со стороны реакции стало расти сопротивление народных масс. Учитывая сложившуюся обстановку, коммунистическая партия выдвинула в октябре 1949 г. лозунг «самообороны масс». XIII пленум ЦК компартии (1950 г.) указал народу на «необходимость отвечать на насилие фашистских банд организованным отпором... путем создания самообороны трудящихся во всех областях, которым грозят атаки реакции»¹⁶. Р. Лопес в брошюре «Самооборона масс» следующим образом объясняет эту особую, чисто колумбийскую форму борьбы: «Возникновение и рост групп самообороны в нашей стране были вызваны объективной необходимостью борьбы народных масс против террора реакции... Сегодня самооборона масс стала настоящей необходимостью для всего народа Колумбии... Это — организация масс, объединившихся в процессе борьбы ради установления мира и соблюдения народных интересов... В ней могут участвовать представители всех партий и течений при условии, что они будут последовательно защищать инте-

ресы народа. Эта организация придерживается сознательной военной дисциплины, основанной на принципах равенства, братства и полного уважения прав и интересов всех граждан и каждого в отдельности. Самооборона призвана воплотить на практике политику демократического фронта, предусматривающую объединение дружественных партий и политических течений с целью укрепления единства народа и союза рабочих и крестьян»¹⁷.

Тяжелое положение сложилось в профсоюзном движении. До 1950 г. большинство профсоюзов страны входило в Конфедерацию трудящихся Колумбии. КТК насчитывала в своих рядах 200 тыс. членов и пользовалась большим влиянием в стране. Она входила в состав Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА) и Всемирной федерации профсоюзов (ВФП). Руководящую роль в КТК играли коммунисты и левые либералы. В конце 40-х годов в руководстве КТК возникли разногласия: либералы требовали выхода КТК из КТЛА и ВФП и присоединения ее к так называемой Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП), созданной лидерами Американской федерации труда и Британского конгресса тред-юнионов в противовес ВФП. Коммунисты возражали против выхода КТК из КТЛА и ВФП. В мае 1950 г. состоялся X съезд КТК, где произошел раскол конфедерации. Она распалась на две части: одну фракцию возглавили либералы, другую — коммунисты. Вскоре эти фракции были реорганизованы в два отдельных профцентра. Профцентр под руководством либералов сохранил прежнее название — Конфедерация трудящихся Колумбии (КТК); профцентр под руководством коммунистов стал называться Независимой конфедерацией трудящихся Колумбии (НКТК). КТК примкнула к МКСП, а НКТК осталась в составе КТЛА и ВФП.

Колумбия была единственной латиноамериканской страной, которая принимала участие в корейской авантюре 1950—1953 гг. Диктатор Гомес направил в Корею 1000 колумбийских солдат и офицеров и военный фрегат «Адмирал Падилья». В Боготу для инструктажа приезжала специальная военная миссия США во главе с полковником Шредером; благословившего солдат на «ратный подвиг» архиепископа Боготы даже произвели в генералы.

8 марта 1951 г. Гомес подписал соглашение с США о помощи, согласно четвертому пункту «программы Трумэна». 26 апреля того же года между США и Колумбией был подписан договор о дружбе. Наконец, 17 апреля 1952 г. Колумбия подписала с США двусторонний пакт о военной помощи. Это соглашение явилось прямым следствием решений конференций в Рио-де-Жанейро (1947 г.), в Боготе (1948 г.) и четвертого консультативного совещания министров иностранных дел в Вашингтоне (1951 г.).

Двусторонний пакт* о военной помощи состоял из преамбулы и 11 статей. Преамбула содержала ссылки на ряд американских за-

* Кроме Колумбии США заключили двусторонние военные пакты еще с десятью странами Латинской Америки.

конов и включала широковещательное заявление о «мире», «безопасности», о верности принципам Устава Организации Объединенных Наций и т. п. Страны, подписавшие пакт, обязаны «эффективно» использовать оружие, получаемое «для важных задач по обороне Западного полушария»¹⁸. Пакт не раскрывает конкретного содержания этих «важных» задач. Оно будет уточняться в соответствии с планами и более детальными соглашениями, путем обмена нотами между двумя правительствами — иначе говоря, тайно, в министерствах иностранных дел и в генеральных штабах, помимо парламента и общественности.

Двусторонний пакт о военной помощи, заключенный США с Колумбией, и подобные соглашения с другими странами Латинской Америки предоставляли в распоряжение США вооруженные силы государств Латинской Америки, усиливали гонку вооружений и рост военных расходов, окончательно расстраивали экономику этих стран, превращая их в простых поставщиков сырья. Двусторонние пакты давали возможность США овладеть важными стратегическими позициями и строить военные базы на территории латиноамериканских стран.

Двусторонние пакты ставили под контроль монополий США природные богатства ряда стран Латинской Америки, их армии. Эти пакты ущемляли национальный суверенитет латиноамериканских стран. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, представитель СССР отмечал, что даже реакционная пресса в странах Латинской Америки не скрывает истинного смысла соглашений «о взаимном обеспечении безопасности».

США форсировали милитаризацию Латинской Америки, ибо связанная ими в 1950 г. война в Корее требовала увеличения поставок стратегического сырья латиноамериканскими странами. Миротворческие силы во всем мире во главе с Советским Союзом развернули борьбу за разрядку международного положения, за прекращение войны в Корее, за заключение Пакта мира между великими державами.

Ввиду антинародного характера договора колумбийское правительство предпочло скрыть его от общественности; он был опубликован лишь в 1960 г. Компартия, узнавшая о договоре в момент его подписания, решительно и последовательно его разоблачала.

Возмущение народных масс террористической диктатурой вылилось в партизанскую войну, охватившую многие районы страны. «Карательные миссии умиротворения» применяли против партизан пулеметы, пушки и даже авиацию. Жителей города Мерида каратели согнали на центральную площадь и расстреляли. Та же участь постигла жителей городов Либано, Фриас, Армеро и многих других. Первой акцией нового военного министра Урданеты Арбелаэса по возвращении его с четвертого консультативного совещания министров иностранных дел, где он представлял Колумбию, был приказ жителям обширного района льянос эвакуироваться. С самолетов были сброшены листовки следующего содержания: «Настоящим все

жители района между Паратабуэно и Таурамена уведомляются о том, что армия получила указание считать вне закона всех лиц, не покинувших данный район в указанный срок, а именно — до 8 марта». Небезынтересно отметить, что среди летчиков, строчивших из пулеметов по беззащитному населению, были завербованные в Испании фалангисты. Кроме того, как признал журнал Организации американских государств «Америкас», «колумбийские войска получили ценную помощь от военной миссии США, возглавляемой полковником Стюардом Винесентом»¹⁹.

За три года пребывания Гомеса у власти полиция, армия и вооруженные банды истребили десятки тысяч людей только за то, что они были членами либеральной партии или просто не состояли в рядах правительственной партии. У многих крестьян в порядке репрессий отобрали землю. Тысячи политических заключенных подверглись пыткам и были расстреляны, хотя в Колумбии официально смертной казни не существует. С особенной жестокостью реакция обрушилась на коммунистов; несколько руководителей компартии были убиты.

В результате хозяйничанья реакционной клики еще более усилилась зависимость Колумбии от монополий США. Милитаризация страны и ограбление ее естественных богатств американскими монополиями, непрерывный рост стоимости жизни, грубое попрание элементарных демократических свобод накалили обстановку до предела.

Партизанская борьба развернулась в районах Толима, Антиокия, Кундинамарка, Бояка, Сантандер, Уила, Каука, Кальдас, Магдалена и Льянос Ориенталес. Партизанские части состояли преимущественно из крестьян-бедняков и батраков; в конце 1951 г. они пополнились за счет сотен хорошо обученных солдат, отказавшихся воевать против корейского народа. Число партизан достигало в отдельные периоды 30 тыс. Однако у партизан отсутствовал единый центр, который бы руководил борьбой всех отрядов, отсутствовала революционная программа действий.

Отношение либеральной партии к партизанскому движению было разноречивым; правое крыло и руководство партии придерживались двусмысленной формулы: «Мы не за и не против»²⁰. Часть левых либералов считала партизанское движение единственной эффективной формой борьбы, а другая часть уповала только на заговоры и государственный переворот.

Не было единства мнений о партизанском движении и в правящей консервативной партии, но здесь спорили лишь о формах борьбы с ним: правое крыло консерваторов и его руководитель Лауреано Гомес требовали физической расправы, создания концентрационных лагерей; умеренные консерваторы во главе с бывшим президентом Осипиной Пересом опасались, что террор может привести к революции, и предлагали путь переговоров. В конце 1951 г. точка зрения умеренных консерваторов временно возобладала: ненависть к президенту Гомесу грозила вылиться через край и смести

профашистскую диктатуру. Гомес временно, «по болезни», ушел в отпуск, оставив исполняющим обязанности президента Урданету Арбелаэса, который вскоре стал применять те же диктаторские методы, что и Лауреано Гомес. Его действия возмутили даже профессиональных военных (так, 23 отставных генерала опубликовали в ноябре 1951 г. в газете либеральной партии «Эль Тьемпо» воззвание, призывавшее восстановить республиканские институты).

В условиях глубокого подполья Коммунистическая партия Колумбии 6—13 апреля 1952 г. провела свой VII съезд. Анализируя внутриполитическое положение, съезд предупреждал об угрозе военного переворота и подчеркнул, что активная борьба народа может сорвать планы реакции²¹. Съезд призвал все народные силы страны участвовать в борьбе против военно-фашистской диктатуры, поддержать партизанское движение, создать демократический фронт Национального освобождения, основой которого является союз рабочего класса и крестьянства. Решения съезда способствовали дальнейшему укреплению национально-освободительного движения в Колумбии.

Компартия добивалась координации действий партизан, старалась соединить вооруженное сопротивление с борьбой за проведение аграрной реформы. Коммунистам удалось утвердить свое влияние во многих партизанских отрядах и добиться создания Национальной хунты по координации движения сопротивления. В июле 1952 г. состоялась первая национальная партизанская конференция, на которой присутствовали представители крупнейших партизанских отрядов различных политических направлений. На конференции была разработана серия мер по сочетанию партизанских действий с проведением демократической аграрной реформы и установлением народной власти в районах действия партизан. Руководство либеральной партии во главе с Альфонсо Лопесом отмежевалось от решений конференции, дезориентировав тем самым основную массу партизан.

Между тем партизанская конференция вызвала усиление репрессий.

По подсчетам председателя колумбийского Красного Креста Хорхе Бехарано, с 1948 по 1953 г. колумбийские вооруженные силы, руководимые генералом Пинилья, сожгли около 12 тыс. жилищ, уничтожили 30 деревень, лишили крова более 80 тыс. человек, 100 тыс. человек стали жертвами репрессий и террора. Были разгромлены редакции либеральных газет «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор», сожжены дома руководителей либеральной партии Альфонсо Лопеса и Карлоса Льераса Рестрепо; сами они укрылись в посольстве Венесуэлы, а затем эмигрировали.

В ответ на террор партизаны еще плотнее сомкнули ряды. В первых числах июня 1953 г. состоялось совещание партизанских командиров, на котором был избран верховный главнокомандующий партизанских соединений Г. Сальседо и создан генеральный штаб.

Профсоюзное движение, несмотря на репрессии и раскольниче-

скую деятельность пробравшейся в его ряды агентуры реакции, превращалось в серьезную силу, крепило свое единство.

Колумбийские сторонники мира сумели собрать около 200 тыс. подписей под обращением о заключении Пакта мира.

В результате своей антинациональной политики правительство Гомеса оказалось в изоляции, фактические хозяева страны — американские монополисты — забеспокоились. Поняв, что Гомес не способен держать в повиновении колумбийский народ, они решили заменить его менее одиозной фигурой, что и было осуществлено посредством испытанного метода — государственного переворота.

Взлет и падение генерала Рохаса Пинильи

Мы уже отмечали, что в консервативной партии шли споры по вопросу об отношении к партизанскому движению между сторонниками Лауреано Гомеса и сторонниками бывшего президента Оспина Переса. К концу 1952 г. появилась еще третья группа во главе с Х. Альсате Авенданьо, которая критиковала правительство за отправку войск в Корею, за разгул цензуры и т. д. Разногласия грозили кончиться расколом, когда «лауреанисты» решили провести конституционную реформу фашистского образца (вместо президента — диктатор, вместо всеобщих выборов — избрание выборщиков, запрещение деятельности компартии, контроль правительства над печатью и т. п.). Оспина Перес выступил против этого плана Гомеса и стал искать поддержки в армейских кругах, чтобы подготовить государственный переворот. Во главе переворота стал начальник генерального штаба армии генерал Густаво Рохас Пинилья. Узнав о заговоре, Лауреано Гомес сразу «выздоровел» и, вернувшись в начале июня 1953 г. к исполнению своих обязанностей, потребовал отставки Рохаса Пинильи, сместил Урданету Арбелазса и назначил нового военного министра. Однако гарнизон, перешедший на сторону Рохаса Пинильи, без единого выстрела захватил резиденцию президента.

В тот же день командующий вооруженными силами генерал-лейтенант Густаво Рохас Пинилья объявил себя президентом (так, в течение одного дня 13 июня 1953 г. в Колумбии сменилось три президента: утром управлял страной Урданета Арбелазс, днем вернулся к своим обязанностям президента Лауреано Гомес, а к вечеру президентом стал Рохас Пинилья).

Новый президент (род. в 1900 г.) получил военное образование в США, входил в Межамериканский совет обороны и был тесно связан с кругами, ориентированными на США.

«К 1953 г., — пишет Гарри Кантор, — обстановка настолько ухудшилась, что почти все колумбийцы были против правительства... Они были так рады избавиться от консерваторов, что приветствовали Рохаса Пинилью как героя»²².

Каковы же причины свержения диктатуры Гомеса? Прежде всего то, что его политикой были недовольны все: и трудящиеся, ус-

тавшие от террора, произвола, бесправия, и крупная буржуазия, критиковавшая Гомеса «за мягкотелость», за его нечеткую экономическую политику. Буржуазия, ловко используя недовольство масс, как всегда, призвала на помощь военную клику.

В итоге приход Рохаса Пинильи к власти приветствовали и либералы, и консерваторы. «Консерваторы,— пишет Милтон Пуэнтес,— поддержали Рохаса Пинилью, чтобы не потерять свои позиции. А либералы поддержали его, чтобы спасти свою жизнь»²³.

Придя к власти, новый президент обещал стране «мир, справедливость, равноправие, свободу» и заверил, что его правительство откажется от проводившейся до него «политики огня и меча», добьется проведения «истинно национальной политики» и процветания страны.

22 июня 1953 г. правительство Рохаса Пинильи обратилось к партизанам с воззванием, в котором предложило им сложить оружие и гарантировало им свободу. Руководители либеральной партии также призвали партизан прекратить борьбу. Введенные в заблуждение демагогическими обещаниями военных и либеральной партии, некоторые партизанские отряды сложили оружие. Но значительная часть партизан еще продолжала борьбу.

Генерал Рохас Пинилья провозгласил «новый порядок»; во всех городах и крупных населенных пунктах были размещены военные гарнизоны, командиры которых возглавили местную власть.

Колумбийская буржуазия, поддержавшая военный переворот, вскоре разочаровалась в его результатах: страна оказалась ввергнутой в еще более острый экономический и финансовый кризис, и Рохас Пинилья в конце концов вынужден был ввести новые налоги и переложить часть тягот на буржуазию.

Народные массы, уставшие от «виоленсии» и от бесконечной грызни между консерваторами и либералами, на первых порах поверили обещаниям генерала. Но вскоре Рохас Пинилья показал себя слугой правящих классов, как и его предшественники. 8 июня 1954 г. с разрешения властей как всегда состоялось траурное шествие в память жертв студенческой демонстрации, расстрелянной в Боготе в 1929 г. Манифестация прошла мирно. Но во второй половине дня в университетский городок Боготы прибыла полиция и потребовала, чтобы студенты покинули городок. Студенты отказались подчиниться этому ничем не мотивированному приказу. Полиция открыла огонь: был убит студент Уриель Гутьеррес, несколько человек было ранено. На следующий день студенты направились к президентскому дворцу, чтобы выразить протест, но были встречены пулеметным огнем. 13 человек были убиты, 23 ранены. Расстрел 9 июня 1954 г. безоружной молодежи подорвал позиции и влияние Рохаса Пинильи. Что касается консервативной и либеральной партии, то раздираемые внутренними и межпартийными противоречиями, они тоже стали отходить от сотрудничества с генералом-президентом.

В начале июля 1954 г. в Боготе было собрано «учредительное

собрание», состоявшее исключительно из приверженцев генерала; оно «избрало» Рохаса Пинилью на пост президента.

В декабре 1954 г. либеральная партия провела свой конгресс и избрала председателем партии Альфонсо Лопеса, который выдвинул требование восстановления нормальных демократических порядков.

Учитывая ситуацию, правительство Рохаса Пинильи применяло не только кнут, но и «пряник»: так, генерал создал Национальный секретариат социальной помощи (СЕНДЭС), руководство которым поручил своей дочери Марии де Рохас, весьма энергичной женщине. В задачи СЕНДЭС входили борьба с нищетой, помощь детям, социальное обеспечение беднейших слоев населения и т. д. Нашуывая для себя опору в массах, Рохас Пинилья создал Движение национального действия (МАН), которое выступило в качестве третьей силы и привлекло на свою сторону многих бывших сторонников Гайтана.

В 1954 г. правительство добилось от учредительного собрания запрещения компартии. Генеральный секретарь Компартии Колумбии Хильберто Виейра направил от имени Центрального Комитета депутатам учредительного собрания письмо, получившее широкий отклик среди колумбийской общественности. Отвергая измышления, к которым в Колумбии прибегали в борьбе против прогрессивных сил все последователи маккартистов, Хильберто Виейра указывал: «Компартия Колумбии желает быть конституционной партией и проводить свою деятельность легально. Но она никогда не прекратит своей политической деятельности, ибо не может отказаться от выполнения своей исторической миссии»²⁴.

В горах и джунглях Колумбии не утихала партизанская война, возглавляемая представителями трудящихся, армии и интеллигенции. Правительство Колумбии держало в сельских местностях в состоянии боевой готовности около 35 тыс. солдат и офицеров. Время от времени проводились карательные экспедиции: авиация сбрасывала на некоторые лесные районы напалмовые бомбы, полиция разрушала крестьянские фермы, жгла посевы. И все-таки партизаны держали под своим контролем обширные районы страны. Наиболее активные очаги вооруженного сопротивления находились в департаментах Уиле и Толиме. В прокламации, опубликованной партизанами департамента Толимы, говорилось: «Наша цель состоит в том, чтобы создать настоящую армию национального освобождения. Мы призываем солдат, которым приказано сражаться против крестьян, переходить на нашу сторону вместе с оружием, присоединяться к нам в нашей борьбе за землю, за повышение зарплаты трудящимся города и деревни, за гражданские свободы и свободу профсоюзов. Мы призываем студентов, интеллигенцию и всех колумбийских демократов всеми силами содействовать усилению партизанского движения за национальное освобождение».

XVIII пленум ЦК КП Колумбии, состоявшийся в конце 1955 г., рассмотрел вопросы координации партизанского движения. Усиле-

ние репрессий тормозило реализацию этого решения, тем более что многие партизанские отряды были связаны с различными политическими партиями.

С 1957 г. компартия, добившаяся в результате упорной борьбы широких народных масс права на легальную деятельность, издает еженедельную газету «Вос Пролетариа» (до 1963 г. она называлась «Вос де ла Демокраспа») и журнал «Документос Политикос».

В августе 1956 г. Рохас Пинилья приказал закрыть крупнейшую газету либеральной партии «Эль Тьемпо»*. Закрытие этой старейшей и самой массовой газеты вызвало бурю негодования. Неодобрительно отнеслись к этой акции правительства даже многие консерваторы.

Традиционные партии решили воспользоваться всеобщим недовольством. В июле 1956 г. в Испании встретились представители консерваторов (Лауреано Гомес) и либералов (А. Льерас Камарго). Результатом встречи явился пакт о создании гражданского фронта для борьбы против Рохаса Пинилья. В 1957 г. представители обеих партий окончательно оформили Гражданский фронт и даже наметили кандидата в президенты — поэта Гильермо Леона Валенсию, члена консервативной партии.

В начале 1957 г. генерал Пинилья объявил о своем намерении, вопреки конституции, продлить президентские полномочия до 1962 г., что вызвало небывалый взрыв возмущения. Партизаны активизировались. Боготинские студенты организовали внушительные демонстрации протеста. Генерал Пинилья восстановил против себя даже католическую церковь. Кульминационным моментом явилась всеобщая забастовка.

8 мая 1957 г. Рохас Пинилья созвал законодательную ассамблею, состоявшую из верных ему людей (здание, где заседала ассамблея, надежно охранялось войсками), и «избрал» себя президентом Колумбии на следующие четыре года — с 1958 по 1962 г. Перед голосованием ассамблея отменила тот пункт конституции, в котором говорилось, что президент не может быть избран на второй срок и что избрание президента непременно происходит путем всеобщих выборов.

Поправление конституции всколыхнуло всю страну. В забастовку включились, наряду с рабочими и служащими, торговцы и даже часть священнослужителей. Деловая жизнь Колумбии полностью прекратилась. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» писал в те дни: «Атмосфера накалена: кто-то должен взять верх — или правительство Рохаса Пинилья, который, очевидно, продолжает пользоваться поддержкой вооруженных сил, или большинство населения Колумбии»²⁵.

* «Эль Тьемпо» (основана в 1911 г., тираж — 200 тыс. экземпляров (1972 г.), объем номера до 40 страниц) — крупнейшая газета не только Колумбии, но и всей Латинской Америки. С 1913 г. ее владельцем и главным редактором был Эдуардо Сантос, занимавший пост президента в 1938—1942 гг.

Победил народ. 10 мая, на третий день всеобщей забастовки, Рохас Пинилья бежал из Колумбии и на несколько лет стал гостем Франсиско Франко (там же, как помнит читатель, в 1948—1949 гг. проживал и «диктатор в штатском» — Лауреано Гомес).

Власть перешла в руки военной хунты в составе четырех генералов и одного адмирала. Коммунистическая партия обратилась 10 мая к народу с манифестом, в котором призывала колумбийцев к бдительности, к единству, к расширению и продолжению национальной забастовки. Под давлением трудящихся военная хунта распустила конституционную ассамблею, создала временное двухпартийное правительство и освободила политзаключенных.

Период президентства Рохаса Пинильи характеризовался обострением экономического кризиса. Положение колумбийской деревни стало катастрофическим. Сельское население хронически недоседало. Детская смертность в 1957 г. достигла 42%. По минимальным расчетам, в Колумбии необходимо было строить ежегодно 45 тыс. жилищ, между тем с 1951 по 1955 г. было построено всего 47 448 домов. В 1958 г. на каждые 10 тыс. жителей приходилось 2,5 врача, а в сельской местности — еще меньше, поскольку две трети врачей работали в городах. За период с 1940 по 1950 г. количество неграмотных в стране увеличилось на 19%²⁶.

Перед захватом власти Рохасом Пинильей правительство располагало резервом в 45 млн. песо; в 1956 г. государственный дефицит составил 85 млн., а в 1957 г. он ежемесячно возрастал на 15 млн. песо.

Правящая верхушка Колумбии, испугавшись, что критическое положение в стране может привести к захвату власти народом, решила «упредить события» и направить их в «спокойное» русло. Так закончился сложный период 1946—1957 гг. — период господства консерваторов, штатских и военного диктаторов, период кровавого террора и «виоленсии».

**«Национальный фронт» олигархии
(1958—1970)**

Военную хунту, состоявшую из четырех генералов и одного адмирала с мая 1957 г. по август 1958 г., в народе прозвали «пятью близнецами». Хунта прекратила карательные операции против партизан, было достигнуто перемирие. Но наученные горьким опытом партизаны не поверили обещаниям военного командования и не сложили оружия.

Руководители традиционных партий за спиной народа готовили сделку (вернее, они начали плести хитроумную сеть политических комбинаций еще до свержения диктатуры Рохаса Пинильи). Значение соглашения между двумя «историческими» партиями столь велико, что мы позволим себе хотя бы вкратце остановиться на предыстории вопроса.

В марте 1956 г. старейший руководитель либеральной партии Альфонсо Лопес в письме к своим коллегам предложил реформу конституции, которая предусматривала бы избрание совета министров с тем, чтобы члены правительства избирались пропорционально представительству партий в конгрессе. Хотя предложение Лопеса и не встретило поддержки, оно послужило толчком к обсуждению возможного варианта сотрудничества двух партий. Этим вопросом занялся «специалист по компромиссам», однажды уже расчистивший путь для прихода к власти консерваторов, Альберто Льерас Камарго. Он направился в Испанию — на поклон к Лауреано Гомесу. Матерый реакционер встретил либерала с распростертыми объятьями, и 24 июня 1956 г. в испанском городе Бенидорм Лауреано Гомес и Льерас Камарго подписали пакт¹, проникнутый духом сотрудничества. В нем говорилось о необходимости свержения генерала Рохаса Пинильи и установления новой формы правления на паритетных началах, создания «великой коалиции» или «Национального фронта». В развитие «пакта Бенидорма» 20 марта 1957 г. в Боготе представители либералов и консерваторов подписали совместный манифест, призывавший заменить военный режим гражданским правлением двух партий. Чтобы ускорить дело, либералы были готовы к тому, что первым президентом Колумбии после победы коалиции будет представитель консервативной партии.

Тактической целью манифеста, фактически являвшегося программой «великой коалиции», было направить борьбу народных масс

на свержение военной диктатуры; его стратегической целью — руками масс защитить буржуазную конституцию, поправленную Рохасом Пинильей. Уже в период правления военной хунты Льерас Камарго снова отправился в Испанию и там в городе Ситхесе 20 июля 1957 г. был подписан новый пакт — «пакт Ситхеса»². Развивая и конкретизируя два предыдущих соглашения, «пакт Ситхеса» предусматривал всенародный плебисцит для внесения ряда поправок к конституции: срок паритетного управления страной устанавливался в 12 лет; в конгресс на основе всеобщих выборов избираются представители только консервативной и либеральной партии; места в конгрессе делятся между ними поровну (при этом надо иметь в виду, что каждая фракция внутри партии имела право выдвигать свой список кандидатов; распределение мест между фракциями определялось голосованием). Принцип паритетности должен был соблюдаться также при формировании правительства и других высших государственных органов.

Колумбийская олигархия предпочла всеобщим выборам плебисцит не случайно: пусть народ скажет «да» или «нет», не обсуждая наболевшие вопросы и не задумываясь над формой правления; только так его можно заставить проглотить «пилюлю» — принцип паритетности. А чтобы «позолотить пилюлю», в бюллетень референдума были включены предложения о предоставлении права голоса женщинам и об отмене ненавистных актов учредительного собрания времен Рохаса Пинильи.

Измученный долгими годами террора, колумбийский народ 1 декабря 1957 г. охотно пошел к избирательным урнам. Это было самое единодушное волеизъявление во всей истории Колумбии: из общего числа избирателей в 4 397 000 человек за реформу проголосовали 4 169 294³.

Так был юридически оформлен пресловутый «Национальный фронт колумбийского народа».

«Национальный фронт»

Согласно первоначальной договоренности между консерваторами и либералами первым президентом должен был стать консерватор Гильермо Леон Валенсия, сторонник бывшего президента Ospina Переса. Однако на конвенции консервативной партии, состоявшейся в марте 1958 г., победила группа Лауреано Гомеса, забаллотировавшая кандидатуру Леона Валенсии. Во время новых переговоров с либералами Лауреано Гомес предложил кандидатуру все того же Альберто Льераса Камарго — он был «персона грата» и для правых либералов, и для консерваторов-реакционеров, и для Уолл-стри-та, при условии, однако, что срок действия паритетной системы будет продлен с 12 лет до 16 лет, с тем чтобы у власти побывали поровну по два представителя от каждой партии. Эту новую поправку, не предусмотренную плебисцитом, должен был утвердить конгресс, выборы которого были проведены в марте 1958 г. Вновь

избранный конгресс узаконил сделку консерваторов и либералов. В конституции отныне значилось, что новая система является переходной и будет действовать до 1974 г. Ее основные положения сводились к следующему:

1. Только либеральная и консервативная партии, входящие в коалицию, распределяют между собой на паритетных началах посты в правительстве, парламенте и юридических органах государства.

2. Всякий новый закон входит в силу лишь в том случае, если за него подано не менее двух третей голосов в палатах конгресса (следовательно, обе партии вынуждены заранее выработать единую точку зрения).

3. В течение четырех периодов президентства начиная с 1958 г. главы государства должны поочередно принадлежать к одной из двух коалиционных партий.

По заверению Льераса Камарго, «Национальный фронт» был создан «для того чтобы правящий класс Колумбии использовал эти 16 лет для гигантских преобразований... вместо того чтобы заниматься самоуничтожением»⁴. Иными словами, главной целью «Национального фронта» было преодолеть внутренние раздоры, которые зашли так далеко, что грозили самому существованию правящей элиты. Паритетная система, ограничив возможности выбора двумя традиционными партиями, отняла у народа возможность свободного избрания своих представителей, лишила все другие партии, например коммунистическую, возможности легально участвовать в управлении государством. Так по воле правящей верхушки колумбийские граждане были разделены на две категории: тех, кто в силу своей принадлежности к одной из двух партий имел право избирать и быть избранным, и на «людей второго сорта», имеющих право только избирать.

Уместно напомнить, что коалиционное двухпартийное правительство — формула, для колумбийской политики не новая. Как мы уже отмечали, коалиции верховных руководителей партий возникали и раньше. Например, в конце XIX в. образовалась коалиция под названием «Национальной партии», правда быстро распавшаяся. Во время правления консерватора Оспины Переса либералы (в 1946 г.) входили вместе с консерваторами в так называемый «Национальный союз». Чтобы удержаться у власти, либеральная колумбийская буржуазия не раз была инициатором различных «пактов», «союзов», «перемирий» и т. д. Все они были недолговечными — всякий раз брали верх сугубо эгоистические интересы, стремление урвать для себя самый большой кусок пирога.

В мае 1958 г. состоялись президентские выборы, на которых, как и следовало ожидать, президентом был избран лидер правого крыла либеральной партии Льерас Камарго. Следует заметить, что даже тогда, на заре «Национального фронта», традиционные партии не сумели добиться единства: вопреки решению руководителей «фронта» кроме официального кандидата баллотировался еще консерватор Хорхе Лейва, набравший 614 861 голос.

Противоречия внутри «Национального фронта» возникли с первых же дней его существования. Объединение партий привело к углублению раскола внутри каждой из них. Кроме двух враждовавших фракций («лауреанистов» — сторонников Лауреано Гомеса и «оспинистов» — сторонников Оспины Переса), в консервативной партии имелись еще две группировки: уже упоминавшаяся группа «альсатистов» во главе с Хильберто Альсате Авенданьо и другая во главе с Хорхе Лейвой. Поскольку правительство должно было состоять из равного количества представителей консерваторов и либералов, то при его формировании Льерас Камарго столкнулся с серьезными трудностями. Четыре фракции консервативной партии не смогли прийти к единому мнению, и тогда президент решил ориентироваться на фракцию, завоевавшую больше мест на выборах в конгресс, состоявшихся в марте 1958 г., т. е. на «лауреанистов». Льерас Камарго не забыл, что ведь именно лидер этой группы махровых реакционеров Лауреано Гомес первым назвал имя Льераса Камарго в качестве кандидата в президенты от «Национального фронта». Но уже в 1959 г. «альсатисты» и «оспинисты» создали блок для борьбы против «лауреанистов».

Раздираемая противоречиями либеральная партия тоже распалась на группы и фракции. Вернувшийся из эмиграции Альфонсо Лопес Микельсен * основал «Либерально-революционное движение» — ЛРД, ратовавшее за либерализацию порядков в Колумбии, за легализацию всех политических партий, включая коммунистическую, за национализацию некоторых отраслей промышленности и установление торговых отношений со всеми странами.

Сплотила свои ряды лишь Коммунистическая партия Колумбии. Даже при диктатуре Рохаса Пинильи, объявившего компартию вне закона, колумбийские коммунисты сохранили свою организацию, укрепили связь с крестьянством, были зачинателями народного сопротивления. После многих лет подполья партия колумбийских коммунистов получила возможность для легальной деятельности и стала издавать еженедельную газету «Вос пролетариа» («Пролетарский голос»).

7 декабря 1958 г. в Боготе легально собрался VIII съезд компартии Колумбии. Вот как описывает открытие съезда один из

* Лопес Микельсен (род. в 1917 г.) — сын Альфонсо Лопеса Пумарехо, видного деятеля либеральной партии, избравшегося дважды президентом Колумбии. Закончил юридический факультет в Боготе, затем учился на факультете права в столице Чили Сантьяго и в Джорджтаунском университете в Вашингтоне. Несколько лет преподавал в Национальном университете Колумбии и в других учебных заведениях столицы; занимался адвокатской практикой. Микельсен — один из видных теоретиков государственного буржуазного права, автор ряда трудов. В течение семи лет Микельсен находился в эмиграции в Мексике. Выступал в печати с критикой неоколониалистской политики США, за развитие отношений с социалистическими странами. Вернувшись в Колумбию, занимался журналистской деятельностью, стал одним из редакторов еженедельника «Либерал», принимал активное участие в политической жизни, в 1960—1962 гг. избирался в палату депутатов, а в 1962—1966 гг. — в сенат.

участников этого исторического события: «Среди нас, 118 делегатов, собравшихся 7 декабря в Боготе, много рабочих с фабрик и заводов, рудников и плантаций, крестьян из всех районов страны, бывших командиров партизанских отрядов, партийных работников из среды интеллигенции и студенчества. Зал заседаний съезда украшен партийными знаменами и государственным флагом Колумбии. На стенах — портреты шести членов Центрального Комитета, замученных реакцией. На стендах — вырезки из реакционной прессы, сообщавшей об ударах, нанесенных полицией нашему пропагандистскому аппарату. Здесь же выставка подпольной и легальной партийной печати, плакаты с призывами бороться за мир, за национальное освобождение, против империализма янки»⁵.

Съезд компартии Колумбии подвел итоги деятельности коммунистов за тяжелые шесть лет и принял ряд важных решений, определивших задачи на будущее.

В принятой съездом политической резолюции была сформулирована позиция партии по отношению к правительству Альберто Льераса Камарго, в частности опротестовано грубое нарушение демократии, выразившееся в присвоении либералами и консерваторами исключительного права выдвигать своих кандидатов на выборные должности. Партия потребовала признания того вклада, который внесли коммунисты в решение многих общенациональных вопросов. Резолюция осудила ревизионистские тенденции, наблюдавшиеся у отдельных коммунистов, и еще раз подтвердила верность партии принципам марксизма-ленинизма.

В декабре 1959 г. состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Колумбии, который рассмотрел проблемы, стоявшие перед рабочим классом страны: о необходимости демократического единства, об участии компартии в предстоявших выборах. Характеризуя положение в стране, пленум отметил, что колумбийскому народу угрожает «политика движения вспять», которая может свести на нет демократические завоевания, которые были осуществлены в последнее время.

17 июля 1960 г. в Колумбии отмечалось 30-летие компартии. В приветствии ЦК КПСС по случаю 30-й годовщины создания Коммунистической партии Колумбии говорилось: «На протяжении всей своей деятельности Коммунистическая партия Колумбии выступает стойким защитником жизненных интересов рабочего класса, крестьянства и всех трудящихся Колумбии, самоотверженным борцом за национальную независимость своей родины от засилья империалистических монополий, за мир и дружбу между народами. Никакие репрессии, террор, обрушившиеся на Коммунистическую партию Колумбии в период реакционных диктатур, не поколебали верности колумбийских коммунистов великому учению марксизма-ленинизма, верности принципам пролетарского движения»⁶.

Колумбийская олигархия, тесно связанная с монополиями США, — главная опора американского империализма в стране, поэтому любое ее мероприятие в экономической или политической

области неизменно знаменовало еще один шаг на пути порабощения Колумбии американскими монополиями. Одним из таких мероприятий явилась провозглашенная правительством Льераса Камарго официальная экономическая политика «свободного предпринимательства», согласно которой все планы экономического развития страны строились в расчете на «американскую помощь», в частности в рамках «Союза ради прогресса». Проводилась открытая кампания по денационализации государственных предприятий в угоду крупной колумбийской буржуазии и империалистам США.

В годы правления Льераса Камарго под контроль североамериканского капитала постепенно переходили целые отрасли промышленности. Экспортом колумбийского кофе полностью распоряжались американские монополии. Это отразилось на развитии всей экономики Колумбии, ибо почти 90% валюты, необходимой для импорта, страна получала от сбыта кофе. Цены на него неумолимо падали: с 90 центов за фунт в 1954 г. до 43 центов в 1961 г.

Между тем цены на импортируемые продукты постоянно росли. Данные, публикуемые экономической комиссией ООН для Латинской Америки, свидетельствуют о том, что обмен становился все более неэквивалентным. Так, в 1960 г. Колумбия получила за экспортируемые товары почти наполовину меньше, чем она получала до 1954 г.

Крупнейшие колумбийские производители кофе, чтобы задержать дальнейшее падение цен, заключили с другими странами договор о сокращении квот экспорта этого продукта. Каждый год Колумбия оставляла у себя на складах около 2 млн. 60-килограммовых мешков кофе. В некоторых областях страны большое количество кофе уничтожалось.

В начале 60-х гг. укрепилась олигархия крупных капиталистов и помещиков, тесно связанная с монополиями янки. Именно эта олигархия навязывает сегодня проамериканскую политику «стабилизации», «жесткой экономии», приносящую огромные прибыли как североамериканским, так и колумбийским монополиям.

Серьезные экономические осложнения, неспособность Льераса Камарго и правительства справиться с ними обострили политическую обстановку в стране, вели к усилению кризиса олигархической системы, свидетельством чему явились выборы в конгресс, состоявшиеся в марте 1960 г. и явившиеся проверкой прочности либерально-консервативной коалиции. На этих выборах кандидаты ЛРД завоевали 20 мест из 76, выделенных либералам в палате представителей по соглашению о паритетной системе управления. Консерваторы — «альсисты», «оспинисты» и «лауреанисты» получили по 37 мест, а сторонники Лейвы — всего 2; при этом «лауреанисты» потеряли 8 мест и лишились большинства в конгрессе.

Борьба внутри партий обострилась, усилилась оппозиция правительству. «Лауреанисты» вообще отказались сотрудничать с Льерасом Камарго. Уже в 1960 г. началась острая борьба по поводу кандидатуры будущего президента. В правящих кругах начали опа-

таться появления кандидата в президенты со стороны, вне «Национального фронта». Эти опасения особенно усилились в связи с тем, что в 1960 г. члены семьи и сторонники бывшего президента Колумбии Рохаса Пинилья создали «Национальный народный союз» (АНАПО), открыто выступивший против «Национального фронта». Дело в том, что сам Рохас был лишен всех политических прав, включая право избирать и быть избранным. В октябре 1958 г. он вернулся из эмиграции в Боготу, надеясь, что его поддержит армия, но был предан суду за использование служебного положения в корыстных целях (Рохаса Пинилью обвиняли в том, что он приобрел по дешевке огромные скотоводческие фермы и разрешал своим приближенным совершать крупные контрабандные операции). Решением сената в начале 1959 г. Рохас Пинилья был пожизненно лишен всех прав, включая право на пенсию*. Но уже в 1960 г. Рохас Пинилья, несмотря на запрет, активно включается в политическую жизнь — создает АНАПО — партию, которая объединила в своих рядах часть мелкой и средней буржуазии, землевладельцев, часть рабочего класса и крестьянства.

В августе 1959 г. на политической арене Колумбии появилась еще одна партия — христианско-демократическая, представляющая интересы средних классов и привлекающая в свои ряды немало молодежи из элиты.

Политика правительства Льераса Камарго привела к резкому ухудшению положения трудящихся: основная масса населения страны голодала; цены резко возросли; безработных становилось все больше и больше.

В январе 1960 г. разразился скандал с американской «Юнайтед фрут компани». В конгрессе были разоблачены махинации этого зеленого спрута, в течение многих десятилетий высасывающего из Колумбии все жизненные соки. В частности, выяснилось, что «Юнайтед фрут», чтобы не платить пособия рабочим, проработавшим на банановых плантациях более 20 лет, периодически меняла вывеску, становясь то «Ла Магдалена фрут», то «Ла Компаниа фрутера де Севилья»⁷.

На ухудшение условий жизни колумбийские трудящиеся отвечали забастовками, демонстрациями протеста и даже вооруженными выступлениями в сельских районах. Особенно широкий размах приняли майские забастовки 1961 г. на сахарных заводах департамента Валье-дель-Каука, августовская забастовка 1961 г. рабочих американских компаний «Гудьир» и «Эрроу», сентябрьская забастовка текстильщиков в Медельине.

Обстановка в стране накалилась до предела. Казалось бы, «необъявленная гражданская война» между консерваторами и либералами прекратилась, но и в начале 60-х годов продолжали орудовать вооруженные банды, жившие за счет грабежа населения (и не истребленные по сей день).

* Решением верховного суда он был восстановлен в правах в 1967 г.

Процветал также «официальный бандитизм», поддерживаемый властями, армейским командованием и латифундистами,— террор против крестьянского движения, в особенности против крестьянских организаций самообороны. Во время набегов этих банд были убиты сельские активисты-коммунисты.

Самооборона масс — характерная черта народного движения Колумбии, составная часть борьбы колумбийского народа против реакции и империализма. Она возникла и развивалась во многих областях страны в ответ на открытое насилие. Самооборона масс — глубоко демократическая всенародная форма борьбы, так как ее создают и ею руководят сами трудящиеся, в ней участвуют все, кому дороги демократические завоевания страны, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности.

В июне 1961 г. состоялся IX съезд компартии Колумбии, который призвал к объединению всех демократических сил страны, к созданию правительства широкой демократической коалиции. В политическом отчете ЦК Коммунистической партии Колумбии IX съезду говорилось, что «фактически правительство разрешает свои внутренние противоречия в основном в пользу реакции, милитаризма, крупного капитала и североамериканского империализма». Компартия страны указала трудящимся массам единственный способ разрешения политических кризисов — «это подлинно радикальная антиимпериалистическая и аграрная революция, которая приведет к власти народные и патриотические классы»⁸. Съезд отметил, что «только путем создания настоящего национально-демократического фронта можно будет оказать успешное сопротивление планам североамериканского империализма, крупной буржуазии и реакции и добиться революционных перемен, в которых так нуждается страна».

О формах борьбы и путях колумбийской революции в политическом отчете IX съезду партии сказано следующее: «Мы, коммунисты, хотим, чтобы колумбийская революция развивалась мирным путем. Но мы понимаем, что этот мирный путь не зависит лишь от наших добрых намерений и что путь развития революции будет определяться в значительной мере политикой господствующих классов»⁹. Колумбийские коммунисты уже в те годы считали, что если все силы прогресса будут действовать сплоченно, то правящие круги будут вынуждены пойти на уступки и тем самым можно будет добиться многих изменений мирным путем. Коммунисты не исключали поэтому возможность сочетания разных форм борьбы: участие в выборах и в парламентской борьбе, забастовки и демонстрации в городах и рабочих поселках, борьбу за землю и партизанские действия.

В 1961 г. на рассмотрение конгресса было представлено два проекта аграрной реформы. Первый проект предусматривал раздел и продажу крестьянам государственной или приобретенной государством у собственников земли. Этот проект носил название «Плана колонизации и раздела». Другой проект «Об экономическом ис-

пользовании земли», составленный бывшим министром сельского хозяйства Эспиносой Вальдеррамой, предусматривал введение налогов на пустующие земли, с тем чтобы заставить латифундистов либо их обрабатывать, либо продать. Однако этот проект имел недостатки, в частности допускал обложение налогами даже небольшие пастбища.

Соединив элементы двух указанных проектов воедино, президент Камарго представил свою программу аграрной реформы, в которой ни слова не говорилось об экспроприации латифундий, но зато предусматривались налоги на хозяйства с низкой продуктивностью. После длительной дискуссии в 1961 г. был принят закон об аграрной реформе, предполагающий выкуп земель у помещиков, владеющих более 2000 га земли, и продажу ее безземельным крестьянам.

Сельское хозяйство Колумбии находилось в бедственном положении. Более полумиллиона крестьянских семей, или 61% всех сельских хозяев, владевших участками менее 5 га, имели в общей сложности около 900 тыс. га, т. е. менее 3% используемых в этих департаментах земель. В то же время 8 тысяч крупных помещиков (0,9% всех собственников), обладавших более чем 500 га каждый, владели примерно 40% эксплуатируемых земель. В руках 637 крупных латифундистов, каждый из которых имел более 5300 га, находилось больше земли, чем у 750 тысяч сельских хозяев, владевших участками до 20 га, хотя последние составляли свыше 82% всех земельных собственников.

Отсталость сельского хозяйства Колумбии проявлялась прежде всего в примитивных способах эксплуатации большей части земли, в широком распространении таких форм аренды, как испольщина, издольщина, оплата натурой, отработки на помещичьей земле и др.

Как и следовало ожидать, кудая аграрная реформа Льераса Камарго, оставившая нетронутыми латифундии, не могла обеспечить коренного преобразования сельского хозяйства. К концу 1967 г. было распределено всего 2 млн. га земли среди 67 тыс. крестьянских хозяйств.

В декабре 1961 г. правительство Льераса Камарго, основываясь на пресловутой программе «Союза ради прогресса», провозглашенной в марте 1961 г. президентом США Джоном Кеннеди, ввело в действие десятилетний план экономического развития, предусматривавший ежегодный прирост продукции на 5,6%. То, что Колумбия стала первой страной, включившейся в реализацию «Союза ради прогресса», не было случайным. Льерас Камарго на посту президента Колумбии зарекомендовал себя откровенным прислужником монополий США. Выслуживаясь перед Вашингтоном, он в декабре 1961 г. разорвал дипломатические отношения с Кубой. Для обсуждения коллективных санкций против Кубы президент США Кеннеди отправился именно в Колумбию (17 декабря 1961 г.); наконец, в январе 1962 г. на VIII консультативном совещании министров иностранных дел в Пунта-дель-Эсте Колумбия потребовала исключения Кубы из Организации американских государств.

Прислужничество колумбийского президента перед США возымело действие, и Колумбия стала получать американские займы по программе «Союза ради прогресса». По замыслу Белого дома, Колумбия должна была стать «витриной» «Союза ради прогресса».

Но, попав в еще большую зависимость от Соединенных Штатов, Колумбия не улучшила своего положения. Напротив, извечные проблемы ее еще больше обострились. В связи с неэквивалентным обменом за последние десять лет Колумбия понесла большие потери.

За период с 1952 по 1962 г. экспортные товары Колумбии поднялись в цене на 140%; за тот же период товары, которые покупает Колумбия, ввозили на 251%. Вывоз кофе давал стране 76% получаемой ею иностранной валюты, поэтому снижение экспортной цены этого продукта хотя бы на 1 цент за фунт наносит Колумбии ущерб в 8 млн. долл. Общие же потери от снижения экспортной выручки составили до 300 млн. в год. Сюда следует добавить еще 75 млн. долл., которые вывозят из страны монополии США в качестве процентов на займы и прибылей от прямых капиталовложений.

Монсеньор Гусман разоблачает «виоленсию»

Характеризуя политическую обстановку, сложившуюся в Колумбии в начале 60-х годов, нельзя не рассказать о книге Хермана Гусмана Кампоса «Произвол в Колумбии. Исследование одного общественного процесса». Появление этого острого, разоблачительного документа вызвало бурную реакцию и оказало влияние на всю политическую жизнь страны. Книга вышла в 1962 г. в Боготе *. Кроме основного автора — католического священника Хермана Гусмана Кампоса, перу которого принадлежат первые две части (347 страниц из 430), в написании книги приняли участие декан факультета социологии Национального университета профессор Орландо Фальс Борда и профессор права Эдуардо Уманья Луна¹⁰. Это было разоблачение политических махинаций правящей элиты, вызвавшее массу откликов не только в Колумбии, но и далеко за ее пределами. Так, мексиканский журнал «Сьемпре» писал: «Посетив около полутора тысяч партизан в их камерах, Херман Гусман написал потрясающую книгу... Автор приводит поразительные факты — без прикрас и без опасения оскорбить чей-либо вкус»¹¹. Даже такой реакционный американский журнал, как «Юнайтед Стейтс Ньюс энд уорлд рипорт», вынужден был признать: «Это, несомненно, одна из самых значительных книг, какие были опубликованы в Латинской Америке за последние годы»¹².

История вопроса вкратце такова. В 1958 г. военная хунта учредила «Комиссию по расследованию причин произвола» из семи че-

* В 1964 г. вышел второй ее том, однако с точки зрения изучения внутриполитического положения в Колумбии он представляет меньший интерес.

ловец, среди которых был католический священник Херман Гусман Кампос. Комиссия в течение восьми месяцев ездила по стране и собирала материалы, беседовала с жертвами произвола, с участниками вооруженной борьбы против военной диктатуры. Собранные Гусманом документальные данные — указы, распоряжения, показания очевидцев, статистические данные, фотодокументы, письма и т. д. — убедительно доказывают, что главным виновником произвола — «виоленсии» является олигархия — руководящая верхушка традиционных партий и армии; разоблачительные документы называют конкретных организаторов «виоленсии»: это президенты Оспина Перес, Лауреано Гомес, Урданета Арбелас.

Первая часть книги «История и география произвола» посвящена политической истории Колумбии с 1930 по 1948 г.; здесь подробно описаны причины насилия и районы, где террор носил особенно ожесточенный характер. Вторая часть «Основные элементы конфликта» является сердцевинной всей книги. В ней дается характеристика основных групп колумбийского общества, игравших решающую роль в конфликте; показана роль женщин и детей, даны портреты партизанских вожakov, описана их тактика. Большой интерес представляет восьмая глава «Культура и быт участников конфликта», посвященная специфическим условиям, в которых разворачивалась вооруженная борьба в Колумбии. В ней содержатся интересные данные о быте участников вооруженной борьбы, о том, как они были одеты, чем питались, чем болели и как лечились, о средствах связи, о новой своеобразной лексике, о песенном творчестве партизан. Дается характеристика и организаторов чудовищных зверств; это чаще всего армейские офицеры, полицейские, бандиты, уголовные преступники. Автор приводит десятки примеров геноцида. «Невиданный моральный ущерб, который нельзя оценить в песо, — таково главное последствие произвола»¹³, — пишет Херман Гусман. Об ущербе, нанесенном «виоленсией» политическим, культурным и социальным институтам Колумбии, свидетельствуют сотни красноречивых фактов. Книга рассказывает о бездействовавших муниципалитетах, о том, как власть на местах захватывала полиция, которая нередко зачисляла в свой штат уголовников-рецидивистов, убийц.

В одиннадцатой главе «Некоторые последствия произвола», написанной Херманом Гусманом в соавторстве с профессором Орландо Фальсом Бордой, делается попытка на основании официальных документов и статистических данных установить число жертв и материальный ущерб, нанесенный «виоленсией». Здесь говорится: «Всего вследствие произвола погибло около 180 тыс. человек (а включая 1962 г. — все 200 тыс.). Это очень много, по-видимому, больше, чем число убитых во время всех гражданских войн, происходивших на территории нашей страны в течение XIX в. Эти цифры — показатель того страшного катаклизма, который обрушился на народ Колумбии»¹⁴. Что касается материального ущерба, то он исчисляется миллиардами долларов.

Второй соавтор Хермана Гусмана — профессор Эдуардо Уманья Луна рассматривает социально-юридическую сторону политики произвола и насилия.

Хотя основные факты, изложенные в книге, в сущности не были ни для кого новостью, собранные воедино и подкрепленные документами, они произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Либералы в общем одобрили книгу. Но консерваторы встретили ее в штыки. Книга обсуждалась на нескольких секретных заседаниях конгресса. Правые конгрессмены требовали предания суду авторов.

Большую тревогу книга вызвала в военных кругах. Начальник пехотного училища полковник Альваро Валенсия Товар заявил, что поскольку в ней предъявлены серьезные и обоснованные обвинения многим офицерам, то виновных необходимо уволить из вооруженных сил. Полковник Товар подчеркнул, что главная ответственность за «политику произвола» лежит на руководстве консервативной партии. Консерваторы потребовали отстранения полковника от должности, но добиться этого не смогли, так как большинство офицеров поддержали полковника Товара.

Орган Коммунистической партии Колумбии газета «Вос де ла демокрасиа» («Голос демократии»), комментируя события, связанные с секретным докладом о книге Гусмана, отмечала, что за последние годы колумбийское офицерство в значительной мере изменилось, оно «не так сильно заражено духом кастовости», начинает смотреть на вещи «шире, чем лидеры традиционных буржуазных партий». Их политические взгляды еще нельзя назвать прогрессивными, но «они уже близки к тому, чтобы рассматривать жизнь под углом зрения борьбы классов, борьбы международных экономических групп».

По мере установления в армии «нового климата» среди офицеров происходит неизбежная дифференциация: одни открыто и цинично берут сторону крупных промышленников и помещиков; другой, пока еще малочисленный сектор, готовый выступить на защиту конституции и демократических свобод, — заключала «Вос де ла демокрасиа», — будет все больше проявлять себя по мере роста своего влияния в армии и изменения положения внутри страны и на международной арене»¹⁵.

Коммунистическая партия Колумбии неоднократно подчеркивала исключительную ценность книги «Произвол в Колумбии». Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии Хильберто Виейра писал: «Не со всеми выводами Хермана Гусмана и его соавторов коммунисты Колумбии согласны, но они одобряют наиболее важные из них»¹⁶.

Весь мир читал книгу Хермана Гусмана, содрогаясь от ужаса, с трудом веря в то, что приводимые им случаи возможны в цивилизованном обществе. Но и после выхода книги, как бы в подтверждение ее достоверности, достоянием гласности становятся все новые и новые факты насилия. Так, например, всех ужаснула весть о кровавой расправе над мирными жителями Баррагана. Группу

крестьян с семьями, подозреваемых в причастности к партизанскому движению, палачи в военных мундирах под командованием лейтенанта раздели догола, выжгли на телах клейма, над женщинами на глазах мужей и отцов надругались, после чего несчастных людей заставили вырыть яму и отрубили им головы¹⁷.

Маркеталия — символ свободы

Выдвинутый в 1949 г. компартией лозунг: ответить организованным отпором масс на насилие, лозунг «самообороны масс», получил широкий отклик. Увидев действенность самообороны, уже сами крестьяне придали ей форму партизанского движения. Так возникли многочисленные очаги партизанской борьбы. Формирование их, как правило, определялось самой «виоленсией»: спасаясь от произвола властей, крестьяне укрывались кто где мог — в городах, в других сельских местностях, в горах. Таким образом, эта вынужденная «миграция» — характерная черта партизанского движения в Колумбии. Так, к началу 50-х годов в департаменте Тольима, в районе Эль-Давис, осели тысячи крестьянских семей, здесь создалась приступившая к военным действиям первая сплоченная группа вооруженных людей — партизан. Это был первый в Латинской Америке крупный очаг партизанской борьбы, руководимый партией пролетариата. Нынешнее партизанское движение продолжает традиции этих бойцов, следует их примеру.

На первом этапе (1949—1953 гг.) вооруженное крестьянское движение не имело единого военно-политического руководства, четкой программы. Слаба была и солидарность городского пролетариата с вооруженным сопротивлением крестьян. Партизанским движением руководили и либералы, и консерваторы, и коммунисты. Но цели у них были различные. За единство действий выступали только коммунисты. Им удалось провести партизанскую конференцию в департаменте Бояка. Но в общенациональном масштабе добиться единства не удалось.

К середине 1953 г. в партизанском движении наметилась определенная перспектива координации действий, активизации. Но когда пришедший к власти в результате государственного переворота (июнь 1953 г.) генерал Рохас Пинилья пообещал «мир, справедливость и свободу для всех» и амнистию политическим заключенным и партизанам, лидеры либералов пустили в ход все свое влияние, чтобы партизаны, находившиеся под их контролем, безоговорочно капитулировали и сдали оружие. Эта предательская акция либералов привела к тому, что основная часть партизанских отрядов сложила оружие, и в результате связь между революционными силами деревни и города нарушилась. Пять тысяч партизан, боровшихся на восточной равнине, разоружились. Так же поступили и другие отряды, находившиеся под влиянием либералов. Партизаны, которыми руководили коммунисты, оказались в изоляции, но не-

смотря ни на что продолжали борьбу. Под напором численно превосходившего их противника — частей регулярной армии — они отступили в южную часть департамента Толимы, за центральный хребет Анд и укрепились в отдаленных труднодоступных районах, в зоне, которая впоследствии стала называться Маркеталией. Другая партизанская группа, во главе с Сиро Трухильо, перешла в департамент Каука — в зону индейского населения, славившегося своими боевыми традициями. Впоследствии эта зона была названа Риочикито.

Начался второй этап (1953—1957 гг.) партизанской войны, под руководством коммунистической партии. В декабре 1954 г. армия приступила к операции по физическому уничтожению крестьян в районе Вильярика под тем предлогом, что это якобы «опасный очаг коммунистического разбоя». Более шести месяцев в Вильярика и Кондай велась героическая позиционная война против отборных, значительно превосходивших сил противника. Когда дальнейшее сопротивление стало невозможным, большое количество крестьян переместилось на юг страны, в департаменты Толима и Уила; позднее партизанские отряды передислоцировались в районы департаментов Мета и Какета.

Партизанские отряды, занявшие высокогорные районы Маркеталии, Риочикито, Эль-Пато, Гуаяберо, куда армия не сумела проникнуть, вступили в новый этап борьбы: превратились в организацию самообороны, взяли на себя охрану безопасности названных районов, куда переместились сотни семей бывших бойцов, спасавшихся от преследований. Новые колонисты занялись земледелием и животноводством и с течением времени эти районы стали поставщиками продуктов и товаров на близлежащие рынки. Именно при таких обстоятельствах и застала крестьян-повстанцев новая политическая ситуация, возникшая в результате падения диктатуры в мае 1957 г. Пришедшая к власти военная хунта отменила карательные рейды. Страна вступила в полосу постепенного восстановления демократических свобод, «виоленсия» заметно сократилась.

В первые годы существования олигархической «паритетной республики» террор и произвол несколько ослабли. Но реакционные помещичьи круги, чтобы сдержать крестьянское движение за аграрную реформу и ограничить права и свободы, завоеванные народом после майских дней 1957 г., стали прибегать к иной форме насилия, которую можно назвать колумбийским вариантом итальянской мафии: они стали расправляться с крестьянскими вожаками-коммунистами и с бывшими партизанскими руководителями руками наемных убийц. Латифундисты щедро платили им за то, что они врывались по ночам в крестьянские дома, грабили, убивали. Высшее военное командование и гражданские власти поначалу смотрели на дела «мафии» сквозь пальцы, а позднее, в конце 1961 г., вместе с членами военной миссии США в Боготе решили, что пришло время окончательно свести счеты с крестьянским движением самообороны. В первые месяцы 1962 г. 4-я армейская бригада получила приказ

атаковать район Маркеталии. В операции участвовало 5154 солдата, 1154 низших офицера и 189 офицеров, прошедших «антипартизанскую» подготовку в специальных учебных центрах, в том числе в американской школе в зоне Панамского канала.

Отряды крестьянской самообороны, применяя тактику партизанской войны, нанесли тогда правительственным войскам чувствительный удар. Движение солидарности с крестьянами Маркеталии охватило всю страну, и Льерас Камарго счел благоразумным отозвать войска.

В мае 1962 г. состоялись президентские выборы. Вопрос о президенте, как уже отмечалось выше, был предрешен на основании заключенной в 1958 г. сделки между консерваторами и либералами. Президентом стал консерватор Гильермо Леон Валенсия. Выборы характеризовались двумя весьма симптоматичными фактами. Во-первых, в них отказались участвовать 70% избирателей. За Леона Валенсию было подано всего 15% голосов. Во-вторых, партия «Либерально-революционное движение», поддержанная компартией Колумбии, выдвинула на пост президента Лопеса Микельсена, который собрал 625 тыс. голосов (официальный кандидат получил 1,5 млн. голосов); это явно свидетельствовало о перегруппировке сил и об успешной борьбе трудящихся за единство. Пленум ЦК Коммунистической партии Колумбии, состоявшийся в феврале 1963 г., разработал программу борьбы народа против политики правящей олигархии, за демократизацию страны, за повышение заработной платы, за полный контроль над ценами, за национализацию нефтяной промышленности и запрещение вывоза прибылей за границу, за подлинную аграрную реформу. В резолюции пленума говорилось о необходимости единства всех демократических сил: «На повестке дня стоит мобилизация народных масс во всех возможных формах и отказ от таких методов, которые, как, например, индивидуальный террор, могут лишь нанести ущерб целям и успеху народа»¹⁸.

В марте 1963 г. разразился правительственный кризис. Причиной его был раскол в консервативной партии, в результате которого создались три группировки; объединившись в борьбе за власть, они вынудили правительство подать в отставку. Напуганная подъемом национально-освободительного движения, правящая олигархия пыталась восстановить пошатнувшееся единство консервативных сил.

Генеральный секретарь компартии Колумбии Хильберто Виейра в этой связи заявил: «Совершенно очевидно, что союз руководителей консервативных групп имеет целью создать прочное правительство, чтобы подавлять пролетарские трудящиеся массы, восстающие против экономической политики правительства. Союз консерваторов намерен оказывать давление на правительство, выполняя хорошо известные инструкции, данные правительством США Организации американских государств, о преследовании и даже объявлении вне закона всех организованных и сознательных кругов народа»¹⁹.

Некоторое представление об атмосфере, царившей тогда в стране, дает речь военного министра Альберто Руиса Новоа. Выступая

24 мая 1963 г. в Высшей школе коммунальной администрации, он заявил: «Развитие науки и искусства и само дело мира покоится на обнаженных шпагах войны. Война — мать всего сущего. Или вы научитесь убивать, или вас убьют»²⁰.

Центральный Исполнительный Комитет компартии Колумбии разослал в июне 1963 г. всем прогрессивным деятелям Колумбии письмо, в котором предлагал создать фронт левых сил как первый шаг к образованию широкого демократического фронта.

«Виоленсия» неумолимо подрывала жизнеспособность страны. По неполным официальным данным, в период с января 1957 по август 1963 г. было убито 21 377 человек. В первые же месяцы правления Валенсии, вступившего на пост в августе 1962 г., во время кровавых расправ погибло более 300 крестьян. Президент Гильермо Леон Валенсия жил безмятежно и уединенно, в полном отрыве от всего, что волновало страну. «В субботу вечером я забываю обо всех социальных проблемах, потому что люблю охоту и рыбную ловлю. Иногда я не прочь выпить немного виски, потанцевать с красивыми, приятными женщинами...»²¹, — признался Валенсия четырем американским журналистам, которые пришли взять у него интервью.

В 1963 г. был издан знаменитый декрет № 2525 о создании особых трибуналов. По новому декрету «за объединение с целью свершения преступления» полагалось от четырех до сорока лет тюрьмы. Практически его можно применить в отношении любого человека, оказывающего в какой-либо форме помощь партизанам. На основании декрета № 2525 были арестованы сотни крестьян по обвинению в оказании помощи партизанам. В тюрьмах Нейвы, Ибаге, Боготы и других городов десятки коммунистов и народных борцов подвергались бесчеловечным пыткам.

Как мы уже отмечали, один из районов действий партизан в джунглях Кордильер, именуемый Маркеталия и охватывающий территорию свыше 4000 кв. км, был партизанами приспособлен для сельского хозяйства. На этом островке колумбийской территории хозяином стал труд, здесь уважают права и достоинство трудящегося человека. Примеру Маркеталии последовали еще несколько районов: Эль-Пато, Гауяберо, Риочикито, Сумапас, Текелдама и др. Колумбийская реакция и ее американские покровители усмотрели в Маркеталии опасный очаг революционного пожара и предприняли решительные попытки ее уничтожить.

План ликвидации Маркеталии, получивший наименование «гражданско-военной акции» и кодовое название «план лассо», был разработан при помощи Пентагона, на основании новой американской стратегии подавления национально-освободительного движения в латиноамериканских странах. В основу этого плана была положена техника войны в джунглях, которой Пентагон уже несколько лет обучал колумбийских солдат и офицеров. Ряд подразделений колумбийской армии прошли специальный курс обучения под руководством американских инструкторов в Форт-Брагге и в зоне Панам-

ского канала. Колумбия стала для Пентагона своего рода опытным полем, где проверяются и подгоняются к условиям Латинской Америки разного рода «теории», рождающиеся в стенах военного ведомства Соединенных Штатов. На уничтожение Маркеталии Соединенные Штаты ассигновали 17 млн. долл. Голова руководителя повстанческого движения Маркеталии майора Мануэля Маруланды была оценена в 200 тыс. песо. К району действий партизан было подтянуто около 20 тыс. колумбийских солдат, вооруженных самой современной, в основном американской техникой. Маркеталию бомбили и обстреливали из пулеметов с воздуха, уничтожали посевы, сжигали дома. Каратели дошли до того, что пустили в ход средства бактериологической войны. Но чем яростнее становились репрессии, тем сильнее разгоралось пламя народного сопротивления.

20 июля 1964 г., в разгар сражений, состоялась партизанская ассамблея в Маркеталии, а 30 сентября была созвана первая конференция партизан и отрядов самообороны юга страны, создавшая «Партизанский блок Юга» в составе шести отрядов. Партизаны сорвали американский «план лассо» — попытку задушить народное движение.

В середине сентября 1965 г. правительственные войска повели наступление на Риочикито — район, расположенный в самой высокой части Центральных Кордильер, пересекающих департамент Каука. Солдаты убивали мирных жителей, отнимали скот, уничтожали посевы, сжигали целые селения. Чуть ли не ежедневно авиация совершала налеты на разбросанные в горах крестьянские хижины; в налетах участвовало одновременно по 10—12 самолетов, на бреющем полете сбрасывавших бомбы, расстреливавших крестьян из пулеметов. Это была самая настоящая война на уничтожение.

И все-таки наступление противника было отбито. В дальнейшем крестьяне Риочикито научились действовать еще более эффективно: быстро переходить от гражданской самообороны к развертыванию партизанского фронта, т. е. превращать свои организации самообороны в мобильные, неуловимые партизанские отряды.

В начале 1965 г. в горах департамента Сантандер, на севере страны, возникло еще одно партизанское движение — Армия национального освобождения, руководимая студенческой молодежью.

Новая фаза партизанской борьбы началась в 1966 г. В условиях полной секретности в одном из районов Кордильер с 25 апреля по 5 мая 1966 г. проходила вторая партизанская конференция. На ней присутствовало 57 делегатов, две трети которых прибыли из Маркеталии, Эль-Пато, Гуаяберо, Риочикито и юга Топимы. Группировка партизан-либералов, действующая на крайнем юге департамента Топима, также направила свою делегацию на конференцию.

Конференция решила создать Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК). До этого партизанские отряды юга и центра Колумбии координировали свою деятельность через «Союз Юга».

Конференция приняла устав новой организации. Структура движения крестьянского сопротивления претерпела существенные изменения: многочисленные партизанские штабы были слиты в один, во главе с командующим. На этот пост был единогласно избран Мануэль Маруланда. Была разработана следующая структура вооруженных сил: партизанское звено — группа (два звена) — рота (две группы) — отряд (две роты) — соединение (от одного до трех отрядов). Во главе каждого из этих подразделений стоит командир и его заместитель. Воинские звания отменяются. Были сформулированы условия, которым должен отвечать партизан, чтобы занять командную должность: он должен проехать не менее года, быть дисциплинированным, активным членом Коммунистической партии, пользоваться доверием масс, уметь читать и писать.

В последующие годы партизанское движение развивалось в трех главных направлениях: 1) боевые действия; в зонах, находящихся на военном положении, эта основная функция отрядов направлена на то, чтобы постепенно изматывать противника при помощи засад, нападения на автодорожный транспорт и т. д.; 2) политическая работа, направленная на завоевание новых зон влияния для последующего расширения радиуса действий; 3) идеологическая разъяснительная работа среди тех групп населения партизанских районов, которые не понимают или не разделяют идеи марксизма-ленинизма.

«Разбитая витрина»

В начале 1965 г. наступила очередь либералов выдвигать своего кандидата на пост президента от паритетного «Национального фронта». Руководство либеральной партии выдвинуло Карлоса Льераса Рестрепо, который в течение многих лет был адвокатом и директором ряда крупных американских предприятий (например, компании «Саленес корпорейшн оф Америка»). Выдвижение кандидатуры Льераса Рестрепо вызвало возражения и в самой либеральной партии, и среди консерваторов. Тогда в поддержку Льераса Рестрепо была брошена «тяжелая артиллерия»: из США, где он руководил американским журналом «Висьон», издаваемом на испанском языке для Латинской Америки, срочно прибыл в Колумбию его двоюродный брат, дважды занимавший пост президента Колумбии, — Альберто Льерас Камарго. Льерас Камарго возглавил комитет, развернувший кампанию за избрание Льераса Рестрепо. В состав комитета вошли видные деятели обеих партий. Выступая перед руководителями обеих партий, Льерас Камарго так аттестовал своего родственника: «Никому так не подходит пост президента Колумбии, как Льерасу Рестрепо». Господствующие классы возлагали на Льераса Рестрепо большие надежды. С мая 1964 г. страна жила на осадном положении, и президент пользовался чрезвычайными полномочиями. 16 июня 1965 г. газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала передовую статью под выразительным названием «Колум-

бийская трагедия». Газета писала: «Кризис в Колумбии обостряется... Страна находится накануне полного банкротства... царит жестокая инфляция»²². 5% населения присваивают более 40% национального дохода. Неграмотность среди сельских жителей составляла 76% — цифра чудовищная, если учесть, что половина колумбийцев живет в деревне. По данным министерства здравоохранения Колумбии, 85% колумбийцев умирают безвременно из-за отсутствия медицинской помощи.

Внешний государственный долг страны достиг 1300 млн. долл. На его покрытие уходило 25% всех валютных поступлений. 50% бюджета уходило на выплату процентов по государственному долгу и на содержание аппарата подавления.

В ноябре 1965 г. американский журнал «Форчун» посвятил реализации «Союза ради прогресса» в Колумбии статью, озаглавленную кратко, но выразительно: «Разбитая витрина». В беседе с корреспондентом журнала один молодой колумбиец с университетским образованием заявил: «Народ снова обманут. Неимущие классы разочарованы и устали от лжи. Большинство колумбийцев голодают, лишены самого необходимого, и вся страна с нетерпением ждет перемен. Назревает революция...»²³

Пресловутый «Союз ради прогресса» дал себя знать в Колумбии сразу и с самой отрицательной стороны. После катастрофической девальвации в конце 1962 г. все вздорожало. С декабря 1962 г. по июнь 1965 г. стоимость жизни выросла на 60%, реальная заработная плата резко снизилась. По заявлению министра труда Мигеля Эскобара Мендеса, в середине 1965 г. в Колумбии насчитывалось 1400 тыс. частично безработных и 500 тыс. полностью безработных²⁴.

В последние дни декабря 1965 г. небольшое происшествие в самом центре Боготы глубоко взволновало всю Колумбию. Холодным утром на одной из центральных улиц, неподалеку от почлежного дома, умер мальчик — как писала одна газета, «от голода, одиночества и заброшенности». Он спал прямо на тротуаре, вместе с двумя другими бродягами — бывшим коммивояжером и ветераном войны в Корее, укрывшись газетами, подобранными вечером на улице²⁵. «В чем беда колумбийцев, совершенно очевидно, — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», — и контраст между богатыми и бедными трагичен»²⁶

Кризис, сотрясающий всю социально-политическую систему Колумбии, проник во все поры колумбийского общества. Даже в такой цитадели реакции, как католическая церковь, появились люди, которые стали поддерживать стремление народа к радикальным преобразованиям.

Позиции клерикалов в Колумбии сильнее, чем в какой-либо другой латиноамериканской стране, и тем не менее именно в Колумбии по инициативе нескольких групп католических священников в 1965 г. зародился «Единый фронт колумбийского народа», ставивший своей задачей достичь взаимопонимания с коммунистической

партией и другими левыми силами, а своей конечной целью — построение в Колумбии социалистического общества.

Лидером движения «Единый фронт колумбийского народа» стал католический священник Камило Торрес Рестрепо, выходец из старинной аристократической семьи, блестящий профессор социологии, кафеллан Национального университета Боготы (далекий предок и тезка Камило Торреса — национального героя Колумбии, возглавившего в 1810 г. первое восстание против испанских колонизаторов).

Близко соприкасаясь как священник с простыми людьми, Камило Торрес понял страдания народа, проникся к нему глубоким сочувствием и, как он сам заявил, «утвердился во мнении, что страна нуждается в революционных переменах». «Я готов,— говорил падре Камило Торрес,— вместе с коммунистами бороться за наши общие цели: против олигархии и господства Соединенных Штатов, за завоевание власти народными массами»²⁷. Ближайшим сподвижником Камило Торреса был монсеньор Херман Гусман Кампос, автор нашумевшей книги «Насилие в Колумбии».

Движение «Единого фронта колумбийского народа» быстро набирало силу, к нему примыкали широкие слои населения, крестьянство, рабочий класс, студенчество. Коммунистическая партия Колумбии поддержала программу «Единого фронта». Это не означало, что компартия разделяла все взгляды руководителей «Единого фронта», но по главному вопросу, касающемуся борьбы за освобождение колумбийского народа от ига империализма янки и колумбийской олигархии, между компартией и «Единым фронтом» расхождений не было.

«Отец Камило Торрес! — писали партизаны Гуаяберо в открытом письме к руководителю «Единого фронта колумбийского народа», — мы вас горячо поддерживаем. С такими людьми, как вы, с помощью борцов Маркеталии, Эль-Пато, Риочикито, Симакоты, с помощью студентов, рабочих и всего народа, в Колумбии произойдут, наконец, изменения, в которых так нуждается наша страна»²⁸.

Правящая верхушка возненавидела Камило Торреса. Были приняты меры, чтобы помешать ему общаться с массами; полиция запрещала и разгоняла митинги с его участием; в конце концов, его привлекли к суду по обвинению в «подстрекательстве к беспорядкам».

Тем не менее Камило Торрес успел объехать всю Колумбию, поговорить со многими тысячами простых людей. Выступая перед журналистами, он заявил, что опыт Великой Октябрьской социалистической революции представляется ему исключительно ценным для всего мира, в том числе и для Колумбии, и что особенно важны те возможности экономического и социального развития, которые эта революция открыла перед народом. Популярности отца Камило способствовали и его выступления в защиту Кубинской революции, которой он искренне восхищался. В конце 1965 г. Камило Торрес примкнул к партизанам. «Народ знает, что легальные пути отрезаны и что ему остается только одно — взяться за оружие.

Поэтому я тоже включился в вооруженную борьбу, начатую в горах», — писал он.

Камило Торрес пал смертью храбрых 15 февраля 1966 г. в сражении с правительственными войсками. Славная жизнь и героическая смерть священника Камило Торреса сделали его национальным героем, выдающимся общественным деятелем современной Колумбии.

Херман Гусман написал о нем прекрасную книгу: «Камило, священник — партизан». Он заканчивает ее следующими словами: «Камило Торрес — это великий символ новой Америки. Он вселяет в нас надежду»²⁹.

С гибелью Камило Торреса «Единый фронт колумбийского народа» практически распался.

Для расправы с освободительными силами правящие круги Колумбии вновь прибегли к помощи американских империалистов. В июле 1965 г. в Боготу прибыли некие Норман Смит и Говард Кауфманн, отрекомендовавшиеся профессорами «Американского университета» в Вашингтоне (при котором имеется финансируемый правительством США «специальный исследовательский центр», выполняющий разведывательные функции в латиноамериканских странах). Они связались с Колумбийским национальным центром исследований — учреждением, занимающимся изучением проблем торговли и рынка, — и подписали с ним контракт на выполнение «исследовательских» работ. Согласно заявлению руководства этого учреждения, контракт был подписан с одобрения и согласия колумбийских министров.

Колумбийский национальный центр исследований пригласил для выполнения работ, предусмотренных планом, 14 колумбийских специалистов: семь социологов, антрополога, специалиста по индейским общинам и пять человек для проведения социологических обследований. В группу входил и известный социолог профессор Хайме Сабала. В середине 1965 г. крестьяне районов Виоты и Сильвани дали знать о том, что у них производятся какие-то подозрительные «исследования». Так колумбийская общественность с негодованием узнала об американской разведывательной программе, закодированной под безобидным названием «план симпатико». В январе 1966 г. группа людей, которые было согласились участвовать в означенных «исследовательских» работах, разобравшись, чем их заставили заниматься, направили в парламент письмо, в котором прямо говорилось, что такая «исследовательская работа» наносила ущерб национальному суверенитету.

Несколько парламентариев, принадлежавших к различным партиям, потребовали поставить вопрос о «плане симпатико» на обсуждение в парламенте и настаивали на том, чтобы правительство дало соответствующие объяснения.

Месяц спустя в парламенте состоялись дебаты о «плане симпатико». Обнаружилось, что «Американский университет» интересовало все, что касается народных лидеров, острых социальных проб-

лем, армии, семьи. «Обследованию» подлежали в первую очередь зоны карательных действий против партизан и районы действия крестьянских демократических организаций. Социологическая анкета по выявлению народных лидеров состояла из следующих вопросов: кого считает колумбийский народ идеальным лидером, кто является кандидатом в лидеры, его имя, кличка, кто теперешний главарь зоны, его возраст, рост и другие приметы, вооружен ли, его семейное положение, его отношение к духовенству, армии и полиции.

Десятки вопросов были направлены на выявление взглядов «по социальным проблемам» — таким, как военная обязанность граждан, религия, семья и пр. Американские «социологи» интересовались, какую прессу читают колумбийцы, действительно ли происходит «сближение населения с вооруженными силами». Их интересовали также детали, касающиеся конкретных районов, а именно миграция населения, как и почему она происходит.

Вопросник для армии выяснял, удовлетворен ли военнослужащий предоставленными ему условиями, доволен ли начальством, наблюдается ли внутри армии недовольство и в чем его причины, какие знания и навыки приобретаются во время службы в армии и насколько возможно их применение в будущем, слушают ли военнослужащие радио, читают ли газеты, знают ли, «что такое Куба» и «кто такой Фидель Кастро» и считают ли возможным революционный взрыв³⁰.

Таким образом, американские «обследователи» несколько не скрывали, что их прежде всего интересуют настроения гражданского населения и армии, степень их недовольства и вероятность военного мятежа, кто может его возглавить и какие районы страны являются наиболее «неблагополучными».

Представителям колумбийского правительства пришлось признать, что официальные круги санкционировали «план симпатики» и содействовали претворению его в жизнь. Не удивительно: ведь господствующие классы Колумбии испытывают такой же страх перед возможными революционными переменами, как и их советники и хозяева на Севере. С помощью «плана симпатики» они рассчитывали выяснить, как сдерживать с каждым днем нарастающую волну народного недовольства.

В конце января 1966 г. состоялся X съезд Коммунистической партии Колумбии; он принял новую программу партии и внес некоторые изменения в устав. В решениях съезда подчеркивалось, что перед Колумбией открывается революционный путь особого рода, характеризуемый сочетанием многих методов и форм борьбы, в зависимости от конкретных местных условий. По мере обострения классовых противоречий, усиления репрессий и расширения интервенции американского империализма вооруженная борьба народа может стать решающим фактором. В политической резолюции съезда отмечалось: «Наиболее значительным фактом последних лет, знаменующим качественное изменение, является возникнове-

ние на новом и высшем этапе революционной борьбы крестьянского партизанского движения»³¹.

Съезд охарактеризовал колумбийскую революцию как аграрную и антиимпериалистическую с последующим перерастанием в социалистическую. Движущей силой колумбийской революции компартия считает рабочий класс в союзе с крестьянством при руководящей роли рабочего класса.

Проанализировав политические процессы, происходящие в Колумбии в последние годы, съезд указал на то, что крайне реакционные группировки в правительстве, в вооруженных силах и в традиционных политических партиях осуществляют непрерывающееся давление с целью навязать стране все более реакционный и антидемократический курс, курс на репрессии, который ограничивает демократические свободы и права народа. Указанную тенденцию не удалось пресечь ввиду недостаточного единства народного движения. Милитаристский характер колумбийского государства проявляется все более отчетливо, что находится в тесной связи с усиливающимся вмешательством империалистов Соединенных Штатов в политику официальных кругов, в деятельность командования вооруженных сил. Поэтому съезд признал, что «милитаризм является главным орудием угнетения Колумбии американскими империалистами».

В приветствии ЦК КПСС X съезду Компартии Колумбии отмечалось: «Коммунистическая партия Колумбии — партия рабочего класса, плоть от плоти своего народа. В сложной обстановке, в условиях жестоких преследований со стороны реакции, прибегающей к убийству коммунистических и демократических деятелей, партия ведет активную борьбу за жизненные интересы и демократические права трудящихся, против гнета монополий США и власти олигархии, за подлинную свободу и независимость своей родины, за мир и социальный прогресс. Этим она завоевала заслуженную любовь и уважение всего трудового народа Колумбии»³².

20 марта 1966 г. состоялись выборы в Национальный конгресс. Олигархия пустила в ход все средства, чтобы сохранить в стране антидемократическую олигархически-паритетную систему. Голоса избирателей распределились следующим образом:

Либералы, входящие в состав «Национального фронта»	1 117 692
Консерваторы-«унионисты»*, входящие в состав «Национального фронта»	521 547
Итого: вся правящая коалиция «Национального фронта»	1 639 239
«Национальный народный союз» (АНАПО) (группировка консерваторов и либералов, возглавляемая генералом Густаво Рохасом Пинильей)	518 738
Либерально-революционное движение	351 500
«Доктринерская» группировка консервативной партии	338 973
Итого: вся оппозиция правительственному «Национальному фронту»	1 204 211
Разница в пользу «Национального фронта»	435 028

* «Унионисты» — группа консерваторов, выступающая за союз с либералами.

Из 7 128 292 зарегистрированных избирателей в выборах приняли участие только 2 843 450 человек. Сравним результаты парламентских выборов 1966 г. с результатами аналогичных выборов 1964 г. В 1964 г. голоса распределились следующим образом:

Либералы, входящие в состав «Национального фронта»	731 189
Консерваторы-«унионисты» и «доктринерская» группировка консервативной партии	786 954
И т о г о: вся правящая коалиция «Национального фронта»	1 518 143
Либерально-революционное движение	374 181
Национальный народный союз	307 852
И т о г о: вся оппозиция «Национальному фронту»	682 033

Из 6 500 000 зарегистрированных избирателей в голосовании 1964 г. приняли участие 2 200 176 человек*.

«Национальный фронт» собрал в 1964 г. 1 518 143 голоса, в 1966 г. — 1 639 239 голосов. Оппозиция в 1964 г. получила 682 033 голоса, в 1966 г. — 1 204 211 голосов.

В результате сопоставления этих данных можно сделать вывод: как проимпериалистическая коалиция олигархии «Национального фронта», так и оппозиция в абсолютных цифрах выросли. Повысилось также число избирателей, воздержавшихся от голосования.

Тем не менее коалиция «Национального фронта» все еще сохраняла свое влияние на широкие круги населения.

Сравнение итогов выборов 1964 и 1966 гг. с данными плебисцита, проведенного в 1957 г., когда был создан «Национальный фронт», свидетельствует о том, что правительственная коалиция потеряла огромное количество голосов (в 1957 г. за нее было подано 4 397 090 голосов). В то же время оппозиция, начавшая в 1927 г. с нуля и получившая на выборах 1966 г. 1 204 211 голосов, достигла существенного успеха. Правящая коалиция «Национального фронта» лишилась широкой поддержки народных масс. Большинство колумбийских избирателей воздержались от голосования, выразив тем самым свое недовольство правящей коалицией; они потянули всякую веру в буржуазные политические партии и практически не поддерживали ни одну из них.

Правительственный «Национальный фронт» после выборов 20 марта вступил в полосу нового кризиса. Согласно условиям плебисцита, конституционно оформившего в 1957 г. создание «Национального фронта», конгресс, ассамблеи штатов и муниципальные советы — одним словом, все представительные органы не могли принять какого-либо важного решения или закона, если за него подано менее двух третей голосов. Но ни в сенате, ни в палате представителей «Национальный фронт» на две трети голосов рассчитывать не мог: в сенате он имел только 68 из 106 мест (тогда как две

* Приведенные данные не включают незаполненных бюллетеней и голосов, поданных за мелкие политические группы.

трети составляют 70 мест), а в палате представителей — 110 мест из 190 (две трети составляют 126). Таким образом, осуществить одну из своих главных целей — завоевать большинство в две трети голосов в конгрессе — правительственной коалиции не удалось.

Парламентские выборы 1966 г. продемонстрировали возросшую силу оппозиции, поэтому коммунисты вместе с другими демократическими организациями предложили выставить единого кандидата в президенты. Это, однако, оказалось невозможным из-за слишком разнородного состава оппозиционных сил и колебаний руководства либерально-революционного движения (ЛРД). Единственным кандидатом, приемлемым для демократической оппозиции, был Альфонсо Лопес Микельсен, но правое крыло партии МРП и «доктринерская» группировка консерваторов не поддерживали его кандидатуру, а руководители АНАПО, критиковавшие олигархию «справа», выдвинули своего кандидата — Хосе Харамильо Хиральдо. К тому же сам Лопес Микельсен тоже не занял четкой позиции.

По своему социальному и политическому составу оппозиция в 1966 г. была весьма разнородна. Руководство ЛРД — партии, имевшей опору в народных массах, — монополизировала национальная буржуазия. Многолетняя внутривнутрипартийная борьба привела к расколу, и в ЛРД образовалось два крыла: «мягкое» и «жесткое». Руководитель движения Альфонсо Лопес Микельсен* занимал колеблющуюся позицию. Кризис завершился тем, что наиболее открытые правые оппортунисты ушли из ЛРД. Внутри движения возникла левая группировка, которая назвала себя «твердой» и сформулировала прогрессивную платформу борьбы, но поскольку она вскоре утратила свое влияние, снизилось и влияние всей партии, что привело к сокращению числа поданных за ЛРД голосов (на выборах ЛРД выступала в союзе с Коммунистической партией).

«Национальный народный союз» (АНАПО) — либерально-консервативная организация, возглавляемая бывшим президентом генералом Густаво Рохасом Пинильей, тоже была очень разнородна по своему социальному и политическому составу. На первом месте в нем находилась группировка, входившая прежде в состав консервативной партии и собравшая на выборах 20 марта 436 754 голоса (против 81 984 либералов-«анапистов»). В АНАПО было представлено все общество: средние слои, латифундисты, буржуазия, крестьяне, рабочие и даже люмпен-пролетариат. За Рохаса Пинилью и его партию голосовали главным образом жители больших городов: в Боготе, например, АНАПО получил 112 037 голосов — значительно больше, чем все буржуазные группы, стоящие в оппозиции к «Национальному фронту», вместе взятые.

«Доктринерская» группировка, куда входили самые реакционные элементы консервативной партии, выступила против кандидатуры

* В 1967 г. Микельсен вышел из ЛРД и, приняв программу президента Льераса Рестrepo, вернулся в либеральную партию. В ноябре 1967 г. Микельсен был назначен губернатором департамента Сесар и занимал этот пост до августа 1968 г., после чего (до 1970 г.) был министром иностранных дел.

Карлоса Льераса Рестрепо на пост президента от «Национального фронта», хотя она не являлась открытым противником паритетной системы. Как показали выборы, «доктринерская» группировка утрачивала свое влияние в стране: 20 марта 1966 г. за нее было подано 338 873 голоса; наибольшее число голосов было подано за «унионистскую» группировку консервативной партии, руководство которой захватили крупная буржуазия и латифундисты.

Христианско-демократическая партия, в которую главным образом входит мелкая буржуазия, порвала все связи с консервативной партией. Отказавшись от своей прежней тактики бойкота, христианско-демократическая партия принимала участие в выборах и набрала незначительное число голосов. Среди христианских демократов была небольшая группа, придерживающаяся антикоммунистических взглядов. Следует заметить, что в Колумбии существовало еще также несколько групп, считающих себя «более революционными», чем Коммунистическая партия, обвиняющих коммунистов в «пацифизме» на том основании, что компартия не считает вооруженную борьбу единственным и универсальным методом борьбы. Однако все эти «ультрареволюционные», сектантские группы и группочки — «Единый фронт революционного действия», «Партия социалистической революции», «Рабочее, студенческое и крестьянское движение» и пр. — потерпели фиаско.

Кандидат «Национального фронта» Карлос Льерас Рестрепо выдвинул широкую предвыборную программу реформ, предусматривавших предоставление прав всем политическим партиям, в том числе коммунистической, расширение внешнеторговых связей со всеми странами мира, установление протекционистских цен на кофе и многие другие мероприятия, отвечавшие национальным интересам Колумбии. Он и одержал победу: получил 1 327 320 голосов, в то время как его противник — кандидат от «Национального народного союза» Хосе Харамильо Хиральдо — набрал 565 168. 60% избирателей воздержались от голосования.

В день выборов 1 мая 1966 г. вновь избранный президент Колумбии Карлос Льерас Рестрепо в заявлении иностранным журналистам подтвердил свое прежнее намерение расширять торговые отношения со всеми странами, «независимо от их социального и политического строя»³³. Касаясь отношений с Соединенными Штатами, Льерас подчеркнул, что США, как и прежде, будут «основным партнером в международной политике Колумбии», но что «эта дружба не исключает расхождения взглядов по континентальным политическим вопросам, а также по вопросам, касающимся общей линии в международной политике».

7 августа 1966 г. новый президент приступил к исполнению обязанностей. Карлос Льерас Рестрепо (род. в 1908 г.) — видный экономист, один из ведущих буржуазных политических деятелей Колумбии, в течение многих лет лидер либеральной партии. Политической деятельностью он занимается с 1931 г.; возглавлял ряд министерств, был сенатором; в 1944 г. баллотировался в пре-

зиденты Колумбии от либеральной партии, но не набрал нужного количества голосов; несколько раз возглавлял колумбийские делегации на международных конференциях по экономическим вопросам.

19 августа 1966 г., менее чем через две недели после вступления на президентский пост Льераса Рестрепо, отряд ФАРК под командованием Мануэля Маруланды почти полностью уничтожил роту «войск особого назначения» на территории муниципалитета Вегаларга в районе Эль-Пато. Это событие привлекло внимание всей страны, поколебало престиж высшего военного командования и показало несостоятельность заявления предыдущего правительства, согласно которому крестьянское вооруженное движение было якобы ликвидировано.

В ответ армия прибегла к жестоким репрессиям, к массовым арестам крестьян. Правительство поклялось уничтожить партизанские отряды. В южной части страны снова началось массовое перемещение населения из одного района в другой. На этот раз, пренебрегая запретом военных властей, корреспонденты «большой прессы» прибыли в зоны боевых действий, и дымовая завеса, в прошлом, как правило, прикрывавшая зверские расправы карателей с незащитным населением, была в значительной мере рассеяна. В прессе появились свидетельства очевидцев и самих пострадавших. Вот одно из них: «Я, Арнубио Пинилья, 22 июня текущего года был задержан на ферме «Эль Саладо», что по дороге на Сан Хоакин, близ Планадас. Мне связали руки и доставили в Нейву, где в таком состоянии продержали целый день. В восемь часов вечера меня бросили в подвал, где я просидел 16 дней. Во время допросов меня топтали ногами, били кулаками, били револьвером, жгли лицо сигаретами, потом отправили в ужасное место — лагерь «Матадеро»; там я просидел еще четыре дня; потом снова начались допросы и пытки. Наконец, я был доставлен в городскую тюрьму, где нахожусь по сей день. Когда я был в Матадеро, четыре офицера на моих глазах застрелили человека по имени Бернабе Гонсалес»³⁴.

26 октября 1966 г. президент Льерас Рестрепо издал ряд декретов, ущемлявших гражданские права: была запрещена деятельность Высшего студенческого совета, Национального университета Боготы; национальной службе безопасности было поручено составлять списки лиц, «занимающихся подрывной деятельностью» или же «подстрекающих к ней путем публичных заявлений»; лица, занесенные в списки, «после рассмотрения их советом министров, должны быть подвергнуты полицейскому надзору и посему не могут покидать место жительства без предварительного уведомления департамента безопасности или местных властей». Один из декретов предусматривал суровые санкции против организаторов и участников демонстраций и митингов, за проведение которых не получено предварительного согласия властей.

Поводом для издания этих декретов послужили бурные студен-

ческие демонстрации, а также инцидент, имевший место в Национальном университете Боготы. Сюда 26 октября для открытия новой лаборатории пожаловал в сопровождении американского магната Джона Рокфеллера сам сенатор президент дон Льерас Рестrepo. Знатных гостей освистали—торжественная церемония была сорвана.

Следует отметить, что антиимпериалистические настроения среди колумбийского студенчества очень сильны, поэтому появление в университете Джона Рокфеллера — не только представителя ненавистой династии Рокфеллеров, но и одного из инициаторов «американизации» университетов Латинской Америки — подлило масла в огонь.

Антистуденческие репрессии явились лишь началом более широкого наступления на демократические свободы. 10 марта 1967 г. в различных городах страны была проведена единовременная акция: массовые аресты коммунистов. Среди сотен арестованных были генеральный секретарь ЦК компартии Хильберто Виейра, многие члены Центрального Комитета компартии и Союза коммунистической молодежи. Полиция совершила налеты на помещения компартии и профсоюзов, установила за ними постоянное наблюдение.

Благодаря выступлениям прогрессивных организаций Колумбии и широкой кампании солидарности, развернувшейся во многих странах мира, арестованные коммунисты были выпущены на свободу.

17 марта 1968 г. в Колумбии состоялись выборы в национальный парламент, провинциальные ассамблеи и муниципальные советы. Коммунисты участвовали в избирательной кампании в блоке с партией «Либерально-революционное движение народа» (ЛРДН), созданной в 1967 г. на основе «Либерально-революционного движения», часть руководства которого открыто перешла в лагерь реакции. Решение об участии в выборах и о союзе с ЛРДН было принято на пленуме ЦК Коммунистической партии Колумбии в январе 1968 г.

Несмотря на препятствия, чинимые властями (во многих районах, занятых «войсками особого назначения», избирателей попросту не допустили к урнам), за программу блока голосовало около 60 000 колумбийцев, что обеспечило ему 4 места в парламенте, несколько мест в провинциальных ассамблеях и муниципальных советах.

В выборах 1968 г. не участвовали около 70% избирателей. Этот факт расценивался по-разному. Ультралевые кричали, что он свидетельствует о политической «сознательности» подавляющего большинства колумбийцев. Коммунисты же пришли к выводу, что нежелание подавляющего большинства граждан участвовать в выборах можно лишь отчасти объяснить ненавистью народа к существующему режиму; гораздо больше оснований полагать, что это — показатель отсутствия организации и разъяснительной работы среди населения, результат политической апатии. «В связи с предложением некоторых революционных групп не участвовать в голосо-

вани,— говорилось на пленуме ЦК,— мы считаем, что это не будет содействовать победе революции... Другое дело, если бы мы при определенных условиях превратили отказ от выборов в боевой протест против существующих порядков. Но подавляющее большинство колумбийского народа еще не достигло столь высокого уровня сознательности»³⁵. Коммунисты считают, что существующий строй сам не рухнет. Мало его клеймить, надо так врасти в политическую жизнь страны, чтобы создать таран, которому было бы под силу разрушить фундамент государственной машины.

Будучи опытным экономистом, Льерас Рестрепо в период своего президентства (1966—1970) пытался упорядочить колумбийское хозяйство. Он провел реформы, направленные на упрощение системы налогообложения, добился относительного равновесия бюджета, провел ряд мер, притормозивших инфляцию. Введение лицензий на импорт и контроль над валютными операциями, за которыми последовала частичная либерализация импорта, сократили торговый дефицит. Был дан толчок развитию животноводства. Происходил подъем в промышленном секторе (в течение 1960—1970 гг. среднегодовой прирост продукции составил 6,5%), в особенности в черной металлургии (был построен сталеплавильный завод в Пас-дель-Рио) и в нефтехимии.

Использованию ресурсов страны способствовал приток иностранных капиталов: займы различных североамериканских организаций, Международного банка реконструкции и развития, Управления международного развития, шведских банков, Международного банка и Консультативной группы по оказанию помощи Колумбии, частные капиталовложения... Приток средств объясняется не только огромными ресурсами Колумбии и «оздоровительными мерами», принятыми правительством, но также гарантиями и льготами, предоставленными иностранным кредиторам: право репатриации капиталов и ежегодного перевода прибылей, составляющих 14% вложенных капиталов. Кроме того, на иностранцев наравне с колумбийцами были распространены некоторые меры, направленные на поощрение фирм, действующих в секторах, имеющих жизненно важное значение для развития страны. Эти меры предусматривали налоговые льготы (вплоть до полного освобождения от налогов), освобождение от таможенных пошлин и арендной платы и возможность формирования свободных от налогов резервных капиталов, подлежащих вложению в производство тех товаров, которые до этого импортировались.

Все эти меры подверглись резкой критике; выгодные в данный момент, они наверняка грозили осложнениями, поскольку способствовали росту иностранной промышленности на колумбийской территории. Правительственные реформы пошли на пользу лишь небольшой части населения. К тому же промышленность, даже заработав на большую мощность, не смогла занять сотни тысяч безработных, в большинстве крестьянского происхождения, прозябающих в бидонвиях Боготы и других городов.

Президентские и парламентские выборы 1970 г.

Подготовка к президентским выборам 1970 г. началась сразу же после парламентских выборов 1968 г. Обстановка в стране оставалась напряженной. Приход к власти в соседней Перу 11 октября 1968 г. прогрессивного военного правительства оказал большое влияние на настроения в Колумбии. Бывший министр горнорудной и нефтедобывающей промышленности Колумбии Энрико Пардо Парра выступил с резкой критикой американского империализма. Напомнив, что в Перу конфисковали имущество «Интернешнл петролеум компани» за то, что та за последние 40 лет недоплатила стране 690 млн. долл., он подчеркнул, что за тот же срок американские нефтяные компании недоплатили Колумбии 2 млрд. долл. Энрико Пардо Парра призвал правительство Колумбии последовать примеру Перу: «Мы должны, — заявил он, — содействовать тому, чтобы у нас как можно скорее произошло то же, что там».

В конце 1968 г. была произведена частичная реформа конституции, санкционировавшая участие всех партий в муниципальных и департаментских выборах, и увеличение срока, на который избирались члены конгресса с 2 до 4 лет, начиная с 1970 г.; то же самое относилось к законодательным ассамблеям департаментов и муниципальных советов. Кроме того, поправки 1968 г. предусматривали участие всех партий в выборах в конгресс, начиная в 1974 г.³⁶

Весь 1969 год прошел в острой межпартийной и внутрипартийной борьбе в традиционных партиях. Грушировок и фракций расплодилось множество. Поскольку в соответствии с соглашением 1958 г. кандидатами в президенты на выборах 1970 г. могли быть только представители консервативной партии, то все предвыборные сделки, а их было очень много, заключались внутри раздираемого противоречиями замкнутого блока «Национальный фронт». После многочисленных комбинаций и вариантов осталось четыре претендента на пост главы государства. Сорокалетний адвокат Мисаэль Пастрана Борреро, четырежды занимавший пост министра и многие годы находившийся на дипломатической работе, был кандидатом номер один. Его поддерживали самые влиятельные круги — бывшие президенты Оспина Перес и Льерас Камарго — и большинство газет, включая наиболее крупную газету либералов «Эль Тьемпо». Второй кандидат — бывший министр в правительствах Оспины Переса и генерала Рохаса Пинильи — 65-летний Эваристо Сурдис представлял интересы крупной буржуазии и земледельцев семи департаментов Атлантического побережья. 47-летний адвокат, бывший министр труда в правительстве Гильермо Леона Валенсии, Белисарио Бетанкур представлял разнородные группы колумбийского общества, от «либерально-революционного движения» до крайне правых сил. Чтобы принять участие в предвыборной борьбе, Белисарио Бетанкур покинул пост представителя внешнеторгового банка Испании в Колумбии. Наконец, четвертым кандидатом был 70-летний генерал Густаво Рохас Пивилья, формально выступавший как

консерватор, но по существу опиравшийся на свою партию АНАПО. Необходимо отметить, что АНАПО ловко приспособился к условиям паритетной игры: в избирательных списках появлялись то кандидаты от «АНАПО либеральной», то от «АНАПО консервативной».

Таковы были главные соперники в борьбе за президентское кресло. Печать Колумбии широко пропагандировала предвыборную программу «Национального фронта»; лейтмотивом этого пространного документа был призыв гарантировать и ускорить капиталистическое развитие. Изобилующая демагогическими обещаниями программа «Национального фронта» содержала и некоторые весьма откровенные признания. Так, в ней указывалось, что 38% колумбийских семей имеют годовой доход ниже 200 долл. Аграрная проблема характеризовалась следующим образом: «Миллион крестьянских семей едва сводят концы с концами. В соответствии с их мизерными доходами находятся и их питание, жилье, образование, здравоохранение. В сельской местности — избыток населения; система землевладения несовершенна; техника примитивная; капиталовложения незначительны; производительность труда низка, товарообмен складывается не в пользу сельскохозяйственного сектора, так как цены на промышленные товары высоки, а на сельскохозяйственные низки и подвержены, кроме того, постоянным колебаниям»³⁷.

Что касается иностранного капитала, программа «Национального фронта» настаивала на «избирательной политике», политике учета его «пользы» для экономического развития страны. Будущему президенту предлагалось «избегать того, чтобы уже действующие национальные предприятия поглощались иностранным капиталом», ограничивая долю акций иностранных фирм до 50%, запрещать приобретение иностранным капиталом государственных предприятий, а также предприятий тяжелой промышленности (металлургической и нефтехимической) и эксплуатацию некоторых полезных ископаемых; президенту рекомендовалось укреплять государственную нефтяную компанию, ставить национальных предпринимателей в «более выгодное в конкурентном отношении положение по сравнению с иностранными вкладчиками». Но вот что странно: все эти протекционистские мероприятия предлагалось осуществлять, «не создавая атмосферы неустойчивости для иностранных вкладчиков»!

Из внешнеполитического раздела программы явствовало, что руководители консервативной партии пошли на уступки либералам и согласились на «универсализацию отношений с иностранными государствами». Программа рекомендовала «проводить смелую, динамичную и независимую международную политику, которая сделала бы универсальными отношения с другими странами, независимо от идеологических разногласий»³⁸.

Кандидат АНАПО генерал Рохас Пинилья обещал «стать отцом родным — и для бедных, и для богатых... Мое правительство будет националистическим и христианским,— твердил он.— Я хочу дать полные гарантии как капиталу, так и труду, потому что если капитал не имеет гарантий, не может иметь гарантий и труд... Ча-

ственное предпринимательство при моем правительстве будет развиваться беспрепятственно». При этом генерал откровенно высказался за «привлечение иностранного капитала»³⁹.

Не менее демагогична была и программа Белисарио Бетанкура. Опубликованная еще 17 мая 1969 г., она изобиловала такими общими местами, как посулы обеспечить «существование», «равные возможности для всех» и т. д.

Пленум ЦК компартии Колумбии 8 октября 1969 г. в своем решении относительно предстоявших в 1970 г. выборов подчеркивал их большое значение как исходного пункта для предстоящих политических изменений. «Эти выборы,— говорилось в резолюции,— могут повести к поправлению политической обстановки, если не обеспечить контрдействия со стороны всех слоев населения... Надо, чтобы все слои колумбийского общества включились в процесс создания демократического единства».

Компартия одновременно считала, что, судя по обстановке, сложившейся в стране перед выборами 19 апреля, власть олигархии в связи с расколом «Национального фронта» и ростом недовольства широких трудящихся масс в значительной мере ослабла и что следует выставить кандидатов-коммунистов в муниципальные советы и ассамблеи департаментов и поддержать других прогрессивных кандидатов, выдвинутых в сенат и палату представителей, а на пост президента добиваться выдвижения народного кандидата, который выступал бы за ликвидацию коалиции «Национального фронта», за возвращение стране ее природных богатств, за радикальную аграрную и городскую реформы, за соблюдение демократических свобод.

Однако выдвинуть такого кандидата в президенты не удалось, поэтому Исполком ЦК Компартии в своем заявлении от 5 февраля 1970 г. призвал участвовать в выборах президента, но опускать незаполненные бюллетени⁴⁰, подчеркивая тем самым, что коммунисты не против выборов, а против конкретных кандидатов.

Предвыборная борьба происходила в трудных условиях и подчас была сопряжена с опасностью для жизни. Так, в муниципальном округе Иопаль был убит Хосе Висенте Мора, выдвинутый кандидатом в депутаты ассамблеи департамента Бояка. Коммунисты вели большую разъяснительную работу в массах, и в ходе этой кампании сотни людей влились в ряды коммунистической партии.

В конце ноября 1969 г. состоялся съезд консервативной партии, который, в соответствии с соглашением о чередовании представителей либеральной и консервативной партий на президентском посту, должен был избрать своего кандидата в президенты. Председательствовал на съезде престарелый Оспина Перес, ставший после смерти Лауреано Гомеса в 1965 г. фактическим главой консерваторов. Съезд превратился в арену непримиримой борьбы фракций, каждая из которых выставляла своего кандидата. Особенно бурные дебаты разгорелись вокруг кандидатур Эваристо Сурдуса и Пастраны Борреро. Часть кандидатов отказалась от выдвижения своих кандидатур в пользу Сурдуса, и при первом голосовании

он получил большинство. Однако поскольку он не набрал необходимых двух третей голосов, то председательствовавший Осипа Перес, чтобы поддержать своего кандидата Пастрану Борреро (который одно время был его личным секретарем), назначил вторичное голосование. Желая оградить себя от неожиданностей и следить за действиями своих сторонников, он предложил тайное голосование заменить открытым. Но при новом голосовании голоса разделились поровну. Голосовать третий раз Осипа Перес не разрешил и внес предложение рекомендовать заседавшей одновременно со съездом консерваторов конвенции либеральной партии выбрать из двух кандидатов консервативной партии того, который, по их мнению, удовлетворяет «общим» требованиям «Национального фронта».

Конвенция либеральной партии 512 голосами из 610⁴¹ высказалась за кандидатуру Пастраны Борреро. Однако Эваристо Сурдис не отказался от мысли стать президентом и повел избирательную кампанию самостоятельно. Предвыборная борьба носила бурный характер. Достаточно сказать, что Белисарио Бетанкур назвал Пастрану Борреро «предателем родины»; тот не остался в долгу и заявил, что у Бетанкура карманы набиты долларами, которые он получает от капиталистов за то, что ограждает их «от посягательств Борреро и Рохасом Пинильей». Крупная национальная буржуазия делала ставку на Пастрану Борреро. На помощь ему срочно прибыл из Нью-Йорка Альберто Льерас Камарго, на время покинувший пост главного редактора журнала «Висьон»*. «Альберто Льерас Камарго, — писал аргентинский журнал «Эстудиос», — пользуется большой симпатией у избирательниц»⁴². Осипа Перес тоже разъезжал по стране, агитируя за кандидата «Национального фронта».

Президентские выборы состоялись 19 апреля 1970 г. Наиболее реакционный кандидат Эваристо Сурдис собрал наименьшее количество голосов — 336 000, Белисарио Бетанкур — 471 000, Рохас Пинилья — 1 557 782 и Пастрана Борреро — 1 614 419. 21 апреля, после оглашения итогов голосования, правительство ввело осадное положение и привело армию в боевую готовность. Дело в том, что Рохас Пинилья объявил, что результаты выборов подтасованы, что он все равно будет бороться за признание его «законным президентом» и не остановится даже перед «применением силы». Однако чрезвычайные меры, принятые правительством, были направлены против оппозиционных сил страны; секрет успеха Рохаса Пинильи на минувших выборах объяснялся просто: бывший президент, отлично зная нужды и настроения масс, умело повлиял на них множеством посулов: ускорить аграрную реформу, стабилизировать цены, развернуть широкое жилищное строительство. Многим колумбийцам хотелось в это поверить, и они поверили. «Национальный фронт» был откровенно обеспокоен; впервые после 1958 г. он реально рисковал поражением.

* Как мы уже писали, точно так же он поступил во время избирательной кампании Карлоса Льераса Рестрепо в 1965 г., чтобы спасти свое детище — «Национальный фронт».

Таким образом, президентские выборы показали, что «Национальный фронт», отражающий интересы крупной буржуазии, в значительной мере утратил свое влияние, что значительная часть трудящихся пошла за АНАПО — партией мелкой и средней буржуазии и землевладельцев.

Характерная черта президентских выборов 1970 г. — большой процент избирателей, не участвовавших в голосовании (почти 50%) (коммунисты, как и предполагалось, голосовали незаполненными бюллетенями). В этом смысле представляют интерес данные об абсентеизме в Колумбии за последние 12 лет ⁴³.

Год	Вид выборов	% избирателей, не участвовавших в выборах	Год	Вид выборов	% избирателей, не участвовавших в выборах
1958	Парламентские	33,0	1964	Парламентские	64,0
1958	Президентские	40,1	1966	Парламентские	60,2
1960	Парламентские	52,6	1966	Президентские	64,8
1962	Парламентские	43,8	1968	Парламентские	68,4
1962	Президентские	52,0	1970	Президентские	50,0

Итак, президентом на срок до 7 августа 1974 г. стал Мисаэль Пастрана Борреро (род. в 1923 г.), доктор юридических и экономических наук; с 1947 г. он находился на дипломатической службе, в течение ряда лет был управляющим одной из финансовых корпораций Колумбии, затем президентом текстильного комбината «Селенесе». В 1960 г. Пастрана Борреро вошел в состав правительства, сначала в качестве министра общественных работ, а потом — министра финансов. В 1966—1968 гг. при президенте Льерасе Рестрепо он занимал пост министра внутренних дел; в конце 1968 г. был назначен послом Колумбии в США.

Одновременно с президентскими выборами были проведены выборы в конгресс и в местные органы самоуправления. В конгрессе сложилась следующая расстановка политических сил ⁴⁴:

	Сенат	Палата представителей
Сторонники Пастраны Борреро	37 либералов	57 либералов
Представители АНАПО	18 консерваторов	30 консерваторов
	12 либералов	28 либералов
Сторонники Бетанкура	26 консерваторов	43 консерватора
	3 либерала	6 либералов
Сторонники Сурдиса	9 консерваторов	19 консерваторов
	5 либералов	9 либералов
	6 консерваторов	13 консерваторов
«Независимая группа либералов»	—	4
Коалиция «Либерально-революционного движения народа», поддерживаемая коммунистами	1	2

Состав колумбийского парламента сложился так, что новый президент мог управлять страной, только вступая в коалицию, блокируясь с различными политическими группами.

На выборах в органы местного самоуправления впервые после двадцатилетнего перерыва участвовала Коммунистическая партия. Коммунисты и их союзники получили более 60 тыс. голосов, добились избрания своих представителей в конгресс, в ассамблеи департаментов и получили более 100 мест в муниципальных советах. Генеральный секретарь компартии Хильберто Виейра был избран депутатом ассамблеи центрального департамента Кундинамарка (при выборах на руководящие посты в ассамблее департамента Кундинамарки «Национальный фронт» потерпел полное поражение, все руководящие органы перешли в руки оппозиции). Хильберто Виейра был избран заместителем председателя ассамблеи.

«12 лет правления «Национального фронта» принесли народным массам одно разочарование... Нищета и крушение надежд — результат эгоизма олигархии», — писала бостонская газета «Крисчен сайенс монитор» в связи с колумбийскими выборами 1970 г.⁴⁵

Профессор Боготинского университета Феликс Морено комментировал итоги выборов 1970 г. так: «Главный вывод состоит в том, что руководители традиционных партий, хоть и с опозданием, но все же поняли: вот уже несколько лет они руководят партиями, которые не имеют базы, народной поддержки»⁴⁶.

Французский журнал «Монд дипломатик» тоже отмечал, что «необычная цифра воздержавшихся от голосования, большое число голосов, полученных генералом Рохасом Пинильей (официальный кандидат получил всего на 70 000 голосов больше, чем он) указывают на ослабление правительственной коалиции Национального фронта; при этом во многих районах страны по-прежнему существуют очаги партизанской борьбы, вспыхивают крестьянские волнения, часть духовенства выступает с решительной критикой нынешних порядков. Спрашивается, в состоянии ли будет новый президент продолжать политику предыдущего президента, направленную на оздоровление экономики и наведение порядка в органах управления»⁴⁷.

Пленум ЦК компартии, состоявшийся в мае 1970 г., обсудив внутривнутриполитическое положение страны и проанализировав результаты выборов 19 апреля, отметил провал политики олигархии, связанной с американскими монополистами, и призвал все прогрессивные силы страны добиваться создания патриотического народного фронта.

Кризис социально-экономической структуры

Закостенелая социально-экономическая структура Колумбии переживает глубокий кризис. Господство крупных латифундий в сельских районах, растущая мощь капиталистических и монополистических объединений в городах, экономическая и политическая зависимость Колумбии от США пришли в столкновение с национальными интересами развития экономики. Прогрессивные силы Колумбии пытаются найти выход из создавшегося положения, ищут новых, прогрессивных путей и форм развития. Кризис социально-экономической структуры, где сосуществует примитивная экономика первобытного общества и крупные монополистические корпорации, привел к деформации колумбийского общества, к острым конфликтам.

Многие черты, характерные для экономики большинства стран Латинской Америки, типичны и для Колумбии. Это прежде всего монокультура, преобладание производства одного продукта — в данном случае кофе, составляющего 60—70% стоимости всего колумбийского экспорта. Систематически занижаемые компаниями Соединенных Штатов цены на кофе — главный бич колумбийского экспорта. Вторая особенность состоит в том, что сельское хозяйство, в котором занято около половины всей рабочей силы, дает менее трети национального дохода. Третья особенность — это то, что кустарная промышленность все еще кормит больше людей, чем крупная промышленность. Наконец, Колумбия, как и большинство латиноамериканских стран, не в состоянии ликвидировать безработицу: процент частично и полностью незанятых людей очень высок.

Темпы капиталистического развития Колумбии весьма замедлены и противоречивы; растут преимущественно те отрасли, где господствует американский капитал; ввиду проникновения иностранного капитала в экономическую структуру Колумбии роль национального капитала снижается, положение его становится все более неустойчивым, уязвимым.

Давление крупнокапиталистического сектора, сращивание его интересов с интересами иностранных монополий ведет ко все большему абсолютному и относительному обнищанию народных масс, к разорению мелких и средних секторов национальной промышленности.

Однобокое и уродливое капиталистическое развитие углубляет противоречия между монополистическими кругами (иностранными и национальными) и колумбийским народом, что неизбежно обостряет классовый антагонизм, усиливает национально-освободительную борьбу; в результате ликвидации структурного кризиса становится неотложной задачей сегоднешнего дня.

Политика правящей олигархии направлена в основном на то, чтобы гарантировать и увеличивать прибыли американских вкладчиков капитала и крупных отечественных финансистов. Одно из ее проявлений — непрерывная девальвация колумбийского песо, проводимая по требованию Международного валютного фонда, что снижает и без того убогий уровень жизни народа. Одновременно правящая олигархия прибегает к выпуску обесцененных денежных знаков — в основном для покрытия дефицита государственного бюджета и для облегчения кредитных операций, проводимых крупными корпорациями. Все время растут те статьи государственного бюджета, которые предназначены для покрытия государственного долга американским займодавцам и на «поддержание общественного порядка», т. е. на аппарат подавления.

Кризис экономической структуры, естественно, сопровождается политическим кризисом, выражающимся, в частности, в распаде пресловутой паритетной системы управления государством.

Крупный клерикальный социолог Густаво Перес пишет: «Колумбийское общество переживает период ускоренной трансформации. Изменения охватывают все социальные структуры: все социальные слои общества, его главные институты, отношения между группами людей. Создается плюралистическое государство с совершенно новыми ценностями. Все это — результат перехода от аграрного, дотехнического общества к индустриальному, технически оснащенному обществу городского типа»¹.

Кризис социально-экономической структуры Колумбии больше всего сказывается на трудящихся. Поэтому изучение этнического состава населения, его социальных и экономических характеристик, анализ современного положения трудящихся города и деревни могут помочь разобраться в глубинных процессах, происходящих в колумбийском обществе, выяснить тенденции его развития. Сделать это тем более необходимо, что имеет хождение пресловутая теория, утверждающая, будто Колумбия сможет преодолеть свою отсталость лишь тогда, когда все расы и национальности, составляющие ее, сольются в единую колумбийскую нацию. При помощи этой расистской теории делается попытка подменить классовые различия этническими. Однако сегодня расовая дискриминация, неравенство между белым, индейцем и негром — и в различии их материального положения, образования и культуры.

Снижение реальной заработной платы трудящихся, ухудшение положения города и деревни, разорение ремесленников, торговцев и мелких промышленников, рост недовольства и усиление репрессий — таковы основные черты кризиса социально-экономической

структуры Колумбии. Единственный эффективный выход из структурного кризиса состоит в ликвидации препятствий, мешающих экономическим, социальным и политическим преобразованиям, в которых так нуждается страна; необходимо покончить наконец с лати-фундистской монополией на землю, модернизировать сельскохозяй-ственную производствo, планировать индустриализацию, а главное — освободиться от иностранной зависимости, так как подлинный национальный суверенитет — неременное условие всякого прогресса.

Этнический состав населения

Существующая ныне классификация этнических групп Колумбии весьма сумбурна и запутанна; кроме того, ее составители явно грешили субъективизмом и нередко исходили из случайных, недостаточно отобранных данных. Все исследователи выделяют белых, индейцев и негров; что же касается метисов, мулатов и самбо, составляющих основу колумбийской нации, то их либо выдают за единую группу, либо выделяют лишь частично. Мы составили небольшую сравнительную таблицу наиболее распространенных оценок этнического состава колумбийского населения, отражающую весь этот удивительный разбой в сведениях.

Этнический состав населения Колумбии

Кому принадлежит оценка	Год	% ко всему населению					
		индей- цы	белые	негры	метисы	мула- ты	про- чие
Revista de Politica International. Madrid, Julio-Agosto, 1970	1969	1	20	5	51	23	
Panorama Economico Latinoamericano. Habana, Diciembre, 1969	1968	14	20	4	57	—	5
H. Kantor. Patterns of Politics and Political Systems in Latin America. USA, 1969	1968	1—15	10—25	4—10	33—58	17—30 (включая самбо)	
The Guide to South America. N. Y., 1969	1966	7	30	5	40	18	
R. H. Dix. Colombia: the Political Dimensions of Change. New Haven, 1967.	1966	2	20	4	74		
O. Fals Borda. Colombia en cifras. 1963. Bogotá, 1963	1963	2	25	10	36	27	
United States Army Area Handbook for Colombia. W., 1964	1961	1—15	10—25	4—10	33—58	17—30 (включая самбо)	
Страны Латинской Америки М., 1969	1967	2	25	10	36	27	
Е. Н. Лукашова, Д. Н. Ляликов. Колумбия М., 1959	1957	7	25	18 (включая мулатов)	50	—	

К данной таблице остается добавить, что, по мнению Мексиканского индейского центра, в 1962 г. в Колумбии насчитывалось 20 тыс. индейцев, а по сведениям министерства внутренних дел — полмиллиона².

Неточность количественных оценок этнических групп объясняется не только неудовлетворительным состоянием колумбийской статистики; существует также почти непреодолимая трудность в установлении точных границ между этническими группами. Принадлежность к этим группам нередко определяется скорее социальным, имущественным положением и родом занятий, чем антропологическими и культурно-этническими особенностями.

Фактические данные убедительно говорят о том, что подавляющее большинство колумбийцев являются метисами и мулатами, но сказать, что Колумбия — это страна метисов и мулатов, было бы неточным, это значило бы слишком упростить проблему. Дело в том, что белые прибыли в Колумбию из разных частей Испании, из Германии и некоторых стран Ближнего Востока. Завезенные в Колумбию негры были выходцами из различных африканских племен. Наконец, индейцы, населявшие древнюю Колумбию, тоже принадлежали к племенам, стоявшим на весьма различных ступенях цивилизации. При этом необходимо еще иметь в виду влияние разнообразных климатических условий различных районов страны на складывание этнического типа колумбийца.

Крупнейший этнограф Колумбии Орlando Фалс Борда (род. в 1925 г.) пишет: «Нельзя говорить ни о колумбийской расе, ни о типичном колумбийце, ибо существуют своеобразные расовые группы и целая гамма переходных «каст»³.

Собраны многочисленные данные, свидетельствующие о том, что колумбийцы, живущие на побережье океанов, и колумбийцы, издавна населяющие высокогорные плато, отличаются друг от друга рядом физических особенностей. Так, у последних ниже давление, выше процент гемоглобина в крови и активнее работа сердца. Своеобразными чертами отличаются и жители Антиокии — «антиокенъос», которые считают себя людьми «особой породы». Начало этой группе положили выходцы из Испании — баски и так называемые «новые христиане», т. е. крещеные евреи. Кроме того, там осели иммигранты из Сирии. Антиокийцы образовали изолированную группу; они не смешивались с индейцами и противились притоку негров. Антиокийцы славут самыми энергичными и предприимчивыми людьми Колумбии. В Антиокии лучше сохранились патриархальные традиции. У них чаще можно встретить большие семьи (по 15—20 человек).

Специфическими чертами отличаются и жители Кауки («кауkenьо»), Боготы («боготано»), равнин («льянеро»), Толимы («толименьо»), Пасто («пастусо»), Бояки («боякенсе») и др. Каждая провинция Колумбии хранит свои традиции и обычаи, у каждой своя самобытная культура.

Известный колумбийский социолог и этнограф Вирхиния Гутьер-

рес де Пинеда условно делит Колумбию на четыре «культурных комплекса», которые она выделяет с учетом основных географических и этнических признаков⁴.

1. *Андский, или американский, комплекс* включает преимущественно холодные районы Колумбии. В него входят северо-восточная часть департаментов Кундинамарка, Бояка, Сантандер, Северный Сантандер и юго-запад департаментов Каука, Нариньо и Уила. Основная этническая характеристика комплекса — метисы с преобладанием индейской крови. Негритянский элемент здесь почти полностью отсутствует. Если не считать Боготы, экономика всего этого района связана с сельским хозяйством, причем основная форма землевладения — минифундии; латифундий мало.

2. *Сантандерский, или неоиспанский, комплекс* — по размерам территории и по численности населения самый небольшой; он включает непроходимую часть Восточной Кордильеры, часть департаментов Сантандер и Северный Сантандер. Здесь живут метисы с преобладанием испанской крови (отсюда и название комплекса «неоиспанский»). В этом сельскохозяйственном районе господствуют латифундии.

3. *Горный, или ангиокийский, комплекс* расположен в средних Андах, на стыке Центральной и Западной Кордильер. Это район развитого сельского хозяйства, торговли и промышленности, самый преуспевающий в Колумбии. В этом комплексе три основных этнических элемента колумбийской нации — индейцы, белые и негры — в значительной мере сохранили свою расовую обособленность. Большим влиянием здесь пользуется церковь. Весьма прочны семейные узы: именно здесь заключается наибольшее количество браков.

4. *Прибрежно-речной, шахтерский, или негроидный, комплекс* — самый обширный и самый отсталый в экономическом и культурном отношении комплекс, включающий побережье Тихого океана и Карибского моря и побережья главных рек страны: Магдалены и Кауки. Это район жаркого климата, саванн и дикой сельвы. Его этнический состав — результат смешения белых, негров и индейцев с преобладающим влиянием негритянского компонента. В этом районе четко прослеживается распад семьи. Женщина все чаще выполняет роль главы семьи.

Предложенная Вирхинией Гутьеррес де Пинеда этническая схема по комплексам представляется весьма интересной, хотя она недостаточно четко отражает положение различных этнических групп в целом. Видимо, все же следует сосредоточить внимание на характеристике белого, индейского и негритянского населения. Что же касается метисов, мулатов и самбо, составляющих основную массу колумбийской нации, их характеристика будет дана при рассмотрении классовой структуры колумбийского общества в целом.

Белые, составляющие небольшую этническую группу, тем не менее играют ведущую роль в жизни Колумбии, держат в своих руках почти все основные богатства страны, а следовательно, и власть.

Они тщательно следят за «чистотой» своей кастовой группы: как правило, не вступают в брак с лицами, стоящими ниже их на социальной лестнице, но охотно вступают в брак с белыми из других стран.

В прошлом верхушка колумбийского общества была в основном кастовой, поскольку принадлежность к аристократии определялась самим рождением. Сегодня, разумеется, факта рождения в аристократической семье уже недостаточно; богатство стало играть большую роль, чем факт рождения. Поэтому многие аристократы, обеднев, перешли в средний класс. Вместе с тем происходит и обратный процесс: высший класс пополняется нуворишами.

В прежние времена генеалогия знатных колумбийцев уходила корнями в эпоху колонизации, брала свое начало от испанских конкистадоров; теперь же высокопоставленные колумбийцы считают своими предками государственных деятелей, видных генералов, президентов республики, министров, крупных латифундистов — в частности, владельцев огромных кофейных плантаций, промышленников и бизнесменов.

В провинции расовые и социальные перегородки сохраняются строже и четче, чем в крупных современных городах. Например, Попайян — город и департамент — главный хранитель колумбийской старины; он славится колониальными традициями и феодальными пережитками. Ни образование, ни богатство не обеспечивают здесь доступа в высшее общество. В Попайяне нередки случаи, когда разорившейся аристократической семье друзья посильно помогают в несколько лет восстановить свои позиции.

Разумеется, колумбийская элита тоже модернизируется. Сегодня она весьма отличается от той, какой была, скажем, лет 30—40 тому назад: она более предприимчива, старается захватить все руководящие посты в государстве и в частных компаниях. Аристократы «по крови» действуют заодно с «аристократами» денежного мешка. Любопытно, что американские специалисты по Колумбии превозносят ее элиту. Так, Флухартг считает, что «высший класс Колумбии, хоть он и совершал ошибки, сыграл выдающуюся роль в создании национальной экономики и заслуживает восхищения»⁵. Американский историк Роберт Дикс приходит в восторг от «дел рук правящего класса Колумбии — Национального фронта»⁶.

В хоре многочисленных панегириков звучат и отдельные объективные голоса буржуазных ученых, пытающихся разобраться в истинной роли правящего класса Колумбии. К ним несомненно принадлежит английский ученый Джеймс Моррис. Вот что он пишет: «Представители правящей элиты с гордостью покажут вам новый небоскреб, в котором разместился банк, но скроют от вас, что швейцар, открывший вам дверь, никогда не учился грамоте и не ел досыта. Они расскажут вам о коммерческих перспективах, о своих преданных слугах, о кузенах в посольстве Колумбии в Вашингтоне и о племянниках, обучающихся в Оксфорде. Но они упорно не хотят видеть трагедию людей, страдающих рядом»⁷.

Со времени завоевания независимости привычки и замашки белых господ изменились мало: они по-прежнему высокомерны, презирают физический труд, по-прежнему ратуют за «чистоту расы», за сохранение «испанских традиций» и выше всего ставят богатство, особенно если оно состоит из земельных угодий. По мнению Роберта Дикса, «колумбийская элита всегда считала, что подлинная культура находится где-то далеко за пределами Колумбии, и всячески подчеркивала свое презрение к колумбийской нации»⁸.

Официальные лица обычно утверждают, что в Колумбии нет расовой дискриминации. Однако цвет кожи, волосы, форма рта и носа играют немалую роль и при найме на работу, и при поступлении в спортивный клуб, и при вступлении в брак, уже не говоря о том, что небелому в колумбийское высшее общество не проникнуть. «У колумбийцев, — свидетельствует группа американских ученых, — цвет кожи которых темноват, возможности весьма ограничены; они не могут проникнуть в высшее общество, которое остается замкнутой кастой»⁹.

Формирование среднего класса началось в Колумбии в XX в. Экономическое развитие страны сопровождалось появлением мастерового люда, служащих, интеллигенции и большого количества свободных людей, не имевших собственности. Богатые семьи, распавшись (а из-за раздела имущества между наследниками это происходило довольно часто), тоже пополняли средние слои общества. Таким образом, средние слои формировались и «снизу», и «сверху», за счет «цветных», черных и белых. Здесь принадлежность к белой расе уже не играет такой решающей роли, как в высших классах, и вполне «компенсируется» деньгами или выгодной службой.

Но в среднем классе тоже происходило расслоение: нувориши составили его верхушку. Колумбийские историки и социологи давно спорят о том, существует ли в Колумбии средний класс «в чистом виде». Американский историк Т. Линн Смит считает, что средний класс представлен лишь в департаментах Антиокия и Кальдас и что в его формировании важную роль играет развитие промышленности и торговли.

Внизу социальной лестницы находятся люди с черной кожей и те, у кого преобладают индейские черты. Разумеется, бывают исключения, и в кастовую группу белых может пробиться и человек с темной кожей, если он богат и со связями. Но это — редкий случай, лишь подтверждающий правило.

Коренные жители Колумбии — индейцы так и остались вне общества. Они живут племенами в изолированных сельских или тропических лесных районах, говорят на своем языке. Это все, что осталось от аборигенов. О них имеется мало данных, а те, что есть, противоречивы. В дополнение к тому, что нами было сказано в первой главе, приведем еще некоторые данные о положении индейцев и уточним, в пределах возможного, количество индейского населения, имеющегося в Колумбии сегодня.

Последняя перепись, зафиксировавшая принадлежность к индейской расе, была проведена в 1951 г. Вот ее результаты ¹⁰:

Место жительства		Количество индейцев	Из них	
			мужчин	женщин
Департамент	Бояка	1 320	670	642
»	Каука	51 534	26 980	24 547
»	Чоко	8 773	4 551	4 222
»	Нариньо	4 520	2 360	2 200
Интенданство	Какета	1 117	606	511
»	Мета	1 421	662	759
»	Гуахира	44 748	21 628	23 120
Комиссариат	Амасонас	4 126	2 110	2 016
»	Араука	311	155	156
»	Путумайо	817	401	416
»	Паупес	8 329	4 620	3 709
»	Вичада	1 405	924	481
Всего		127 980	65 336	62 644

Итак, от миллиона индейцев*, проживавших на территории Колумбии к приходу испанских завоевателей, осталось 127 980 (1,1% всего населения). Однако представляется, что эта цифра весьма занижена. Во-первых, в переписи отсутствуют индейцы, проживающие в департаментах Антиокии, Боливаре, Кальдасе, Кордобе, Магдалене, Северном Сантандере, Толиме и Вилье. Во-вторых, вызывает сомнение сам критерий определения принадлежности к индейской расе: так, например, индейца, говорящего по-испански и живущего не у себя в племени, а с метисами, не считали индейцем. По данным Розенблата, в 1954 г. индейцы составляли 1,2% населения Колумбии, по данным Франко — 1,5%, по данным Аранго — 2%, по данным Калифорнийского университета — 7%, по данным Хилано — 10%. Пабло Вила в 1945 г. писал, что индейцы составляют 1,6% населения Колумбии, но пояснил при этом, что не были учтены 140 ресгуардос, занимающих территорию в 15 млн. га, с индейским населением около 125 000 человек. По данным «Атласа Колумбии», вышедшего в 1969 г., индейское население Колумбии составляло 2,2% ¹¹. По данным на 1972 г., в Колумбии насчитывалось 344 тыс. индейцев.

Большая часть индейцев (80%) живут в департаментах Нариньо, Каука и Гуахира. По данным Г. Р. Долматоффа, которые кажутся нам наиболее точными, в 1960 г. в Колумбии проживало 160 000 индейцев, что составляло 1,2% всего населения.

* По данным колумбийского историка Х. Агосты; по другим сведениям, общее число индейцев не превышало 580 000.

В саваннах и тропических лесах на юг и восток от Кордильер, в районе Чоко и на засушливом полуострове Гуахира, сегодня живет несколько племен, совершенно отрезанных от внешнего мира.

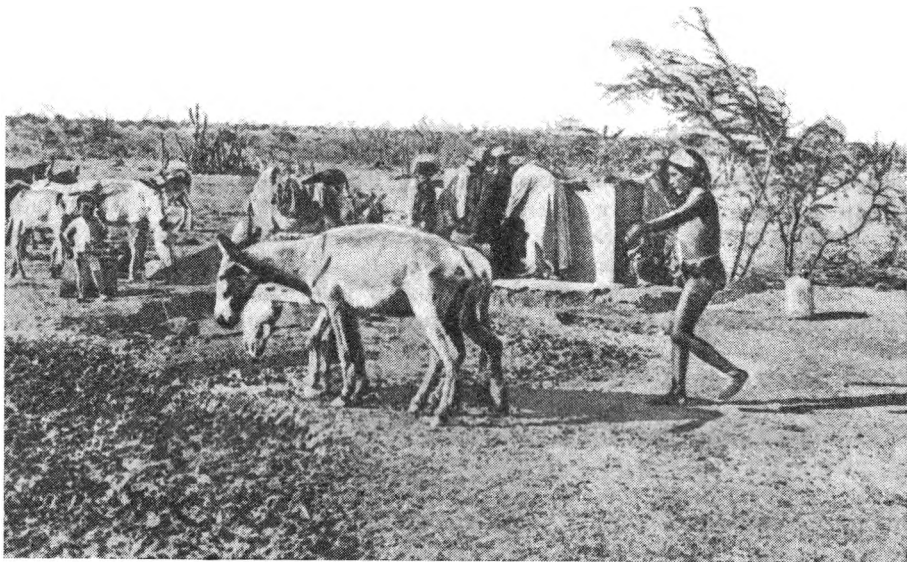
Индейцы племени *чоко*, живущие в районе Сину и вдоль побережья Тихого океана, бок о бок с неграми и мулатами, опасаясь ассимиляции, отходят в более отдаленные зоны. Число их не превышает 10 тыс. Живут индейцы чоко небольшими группами в пустынных местах, ведут примитивное, почти натуральное хозяйство, избегают всяких контактов с людьми, не принадлежащими к их племени.

На полуострове Гуахира, омываемом водами Венесуэльского залива и Карибского моря, живут колумбийские индейцы *гуахи́ро*. Полуостров — равнина, поднимающаяся не выше 10 м над уровнем моря. Берега полуострова сильно изрезаны. Через полуостров протекает река Ранчериа, которая берет начало в Андах и впадает в Карибское море. Площадь полуострова около 21 тыс. кв. км.

Природа полуострова четко делится на три зоны. На севере — полупустыня, бесплодный край, где дождей выпадает мало, дуют сильные ветры, большую часть года стоит зной. Воды, омывающие этот район, богаты рыбой. Здесь много черепах, которые кладут яйца на песчаном побережье. Горная зона покрыта тропическими лесами, а южная равнина — невысокими деревьями, приспособившимися к засушливому климату. Дождливых лишь два-три месяца в году (сентябрь—ноябрь); среднегодовая температура 29°

Административный статус Гуахиры менялся несколько раз. Вначале это был комиссариат, затем полуостров стал интендантством, а в 1968 г. был преобразован в департамент. Численность населения, состоящего из метисов и индейцев-гуахи́ро, около 120 000 человек. Количество индейцев гуахи́ро до сих пор точно не установлено. Перепись населения здесь никогда не проводилась (среди прочего, она затруднена постоянной миграцией населения). По данным, собранным отцом Рафаэлем Селедоном, население Гуахиры (на 1875 г.) составляло 39 200 человек, по сведениям доктора Долматоффа (на 1940 г.) — 25 000, Фрея Агустина (на 1950 г.) — 25 000 и Эрнандеса де Альба (на 1950 г.) — 44 000¹². Местные административные и церковные власти дают оценку в 50 000. Лидер индейцев гуахи́ро Антонио Лопес Эпияу считает, что на полуострове проживает 50 000 колумбийских гуахи́ро и 50 000 венесуэльских гуахи́ро. По данным, дополнительно собранным Долматоффом, в 1952 г. в колумбийской Гуахире проживало 44 700 индейцев.

В 1964 г. большая комиссия, состоявшая из экспертов Международной организации труда и колумбийских специалистов, в течение нескольких месяцев провела тщательное обследование условий жизни колумбийских индейцев гуахи́ро и представила правительству Колумбии подробную записку¹³. По мнению комиссии, которое нам кажется наиболее соответствующим фактическому положению вещей, в настоящее время население колумбийских индейцев гуахи́ро составляет 45 000.

Индейцы гуахиرو, живущие в засушливом районе Гуахира

Индейцы гуахиро занимаются преимущественно скотоводством.— разводят коз, коров, мулов, свиней, домашнюю птицу.

Общество индейцев гуахиро классовое, кастовое. Родство устанавливается по женской линии. Глава семьи — старший дядя (старший брат матери). Наследство переходит через сестер главы семьи к племянникам. Преемником вождя клана, или касиката, становится его наследник. Как правило, возглавляет клан самый богатый человек. Среди индейцев гуахиро широко распространена полигамия: индеец может купить столько жен, сколько позволяют средства¹⁴.

Понравившуюся девушку получает в жены тот, кто платит самый большой выкуп. Гуахиро считают такой «калым» справедливой компенсацией расходов, которые семья невесты понесла на ее воспитание, и вознаграждением за то, что семья теряет работника. Плата производится скотом, преимущественно овцами. Приобретенная таким образом жена становится полной собственностью мужа и обязана неотступно за ним следовать повсюду.

Одежда мужчины-гуахиро — разрисованная набедренная повязка. Женщины носят длинный яркий халат, а на голове — разноцветный платок, на ногах — сандалии; любят бусы и другие украшения.

Гуахиро красивые, особенно женщины: у них светлокоричневая кожа, стройные тела, гордая осанка. Индианки гуахиро славятся верностью и преданностью. Неверная жена карается «штрафом»: обязана вернуть мужу «калым» и возместить все расходы на ее содержание. Весь клан строго осуждает ее поведение. Традиционные

правовые нормы гуахиرو основаны на солидарной ответственности: вся группа отвечает за действия каждого члена. Правосудие, как правило, осуществляется путем взыскания материальной компенсации за нанесенный моральный или материальный ущерб, даже если «ущерб» получил форму убийства. С точки зрения гуахиرو, тюремное заключение — не наказание, истец обычно требует, чтобы обидчик был отпущен и наказан штрафом.

Жилье гуахиро — примитивная деревянная однокомнатная хижина без окон. Рядом с хижинкой сооружается легкий шалаш из прутьев, в котором семья укрывается от солнца, отдыхает в гамаках, принимает гостей. Семьи селятся на расстоянии 200—300 м друг от друга.

Основа питания — маис, молоко и его производные, юка, дикie фрукты, просо, изредка мясо.

Интересны некоторые обычаи гуахиро, например их танец «чичамайя», имитирующий порывы ветра и волны моря. Музыка нежна и ритмична. Самый популярный музыкальный инструмент у них — «бирумбао»: труба из серебра.

Индейцы гуахиро держатся особняком, ревностно охраняют свои обычаи и культуру и избегают контактов с внешним миром. Хотя многие гуахиро знают испанский, они предпочитают говорить на родном языке. Это сложный язык, имеющий несколько диалектов. Он изучен: в 1963 г. вышел гуахиро-испанский, а позднее испано-гуахирский словарь, составленный Мартой Хильдебрандт.

Большая часть населения ведет полукочевой образ жизни. Земледелием гуахиро занимаются мало; дожди у них редкость, а система орошения отсутствует. Основа жизни — пастбищное скотоводство. По некоторым данным, в настоящее время у индейцев гуахиры имеется 30 тыс. голов крупного рогатого скота и 150 тыс. мелкого рогатого скота.

У индейцев гуахиры отсутствует понятие частной собственности на землю. На их территории существует три формы землевладения. Имеются земли, принадлежащие колумбийскому государству и управляемые в соответствии с действующим законодательством, земли, издавна по неписаному праву принадлежащие группам индейцев гуахиры, и, наконец, пустующие земли, никем не занятые

Вожди племени корегуахе
на Амазонке

и не эксплуатируемые. Но в последнее время поблизости от искусственных водоемов стали появляться небольшие владения отдельных индейских семей, создающих нечто вроде индивидуального пастбища для своего скота. Кроме того, индейцы начинают засеивать небольшие участки маисом, юкой и другими злаками и овощами. Видимо, все идет к тому, что в ближайшие годы у индейцев гуахиرو возникнет частная собственность на землю.

Небольшую часть индейцев время от времени используют в качестве чернорабочих, как правило, на тяжелых работах, например в Манауре, где добывается морская соль и где приходится работать, стоя по колено в соляном растворе на солнцепеке. Сезон добычи соли длится месяца два-три (февраль-март), после дождей. С мая по август индейцев используют в Каррисале для добычи гипса, отправляемого на колумбийские цементные заводы. Индейцы, работающие на добыче соли и гипса, заработную плату получают в талонах, которые имеют хождение только в магазинах, принадлежащих компании; таким образом реальная зарплата снижается в два раза. Механизация на этих работах полностью отсутствует; положение рабочих совершенно бесправное. Гуахиرو, нанявшись на такое предприятие, обычно поселяет где-нибудь неподалеку в поле свою семью.

В Гуахире почти нет дорог. А те немногие, что есть, за два-три месяца дождливого сезона размываются. Постоянные дороги соединяют лишь населенные пункты Риоачу — Маисао и Кестеситочте — Карраипия. Имеется несколько небольших аэродромов, и связь с крупными колумбийскими центрами осуществляется при помощи авиации.

В департаменте Гуахире всего несколько небольших городов: столица департамента Риоача (около 13 000 жителей), небольшой порт на западном побережье: бывшая столица департамента Урибия (с населением 7330 человек), расположенная в центре полуострова, единственный крупный индейский центр; город Маикао (15 020 жителей), расположенный на границе с Венесуэлой, представляет собой торговый центр. В городах Барранкас (7050 жителей), Виллануэва (14 890 жителей), Сан Хуан дель Сосар (14 810 жителей) и Фонсека (11 909 жителей) смешанное население.

Правительство Колумбии до последнего времени уделяло мало внимания развитию Гуахиры и приобщению индейцев гуахиро к национальной жизни. Упомянутая нами комиссия экспертов МОТ и колумбийских специалистов пришла к следующему выводу: «Индейское население колумбийской части Гуахиры — однородная этническая группа. Но она находится вне экономической, социальной и культурной жизни Колумбии»¹⁵.

Одно из главных препятствий в деле развития этого района — нехватка воды. Питьевая вода находится на глубине 20 м, новых колодцев строится мало, а те, что имеются, находятся в антисанитарном состоянии. Нужны водоемы для животных. Несколько таких искусственных бассейнов, сохраняющих дождевую воду, уже пост-

роено, но их очень мало, а поскольку колодцев не хватает, то этими водоемами жители пользуются не по назначению — не только поят из них животных, но и пьют загрязненную воду сами.

Проблема номер два — почти поголовная неграмотность населения. 80% индейцев гуахиرو не умеют ни читать, ни писать; это самый высокий процент неграмотности во всей Колумбии. Начальное трехклассное образование находится здесь в руках итальянского миссионерского ордена капуцинов «Абруцци». В департаменте всего несколько средних школ, индейцев в них — единицы. Новых школ государство почти не строит. Кроме того, учителя из-за тяжелых климатических условий и низкого жалования в Гуахира не задерживаются.

Здравоохранение для индейцев представлено одной больницей в г. Риоаче и несколькими медпунктами в других городах. Среди индейцев особенно распространены желудочные заболевания и туберкулез. Очень высока детская смертность.

Правительства Колумбии не только не заботятся об экономическом и социальном развитии района и об улучшении положения индейцев гуахиро, но нередко вступают с ними в конфликт, поскольку, как правило, игнорируют специфику этого департамента, не учитывают традиции и обычаи гуахиро, остаются глухи к их нуждам. В результате индейцы гуахиро так и не осознают себя гражданами Колумбии, национальное колумбийское самосознание у них не развивается.

Департамент Гуахира стоит на последнем месте в Колумбии по плотности населения; прирост населения на протяжении последних десятилетий там практически отсутствует.

Еще несколько индейских племен уцелело в районе саванны и тропических лесов к югу и востоку от Кордильер; они тоже живут изолированно, избегая контактов с внешним миром; племя мотилонов, например, живущее на колумбийско-венесуэльской границе, к западу от озера Маракайбо, встретило непрошенных пришельцев — агентов нефтяных компаний с оружием в руках, полное решимости отстоять свою землю. По признанию пентагоновских

Индейцы племени сибундой
в Путумайо

авторов «Путеводителя по Колумбии», в последние годы «колумбийские воздушные силы делали попытки пресечь враждебные действия мотилонов»¹⁶.

Надо сказать, что предвзятое отношение белых к индейцам, сложившееся сотни лет тому назад, изменилось в Колумбии мало.

Индеец до последнего вздоха, любыми средствами отстаивавший свою землю, свой кров, свой уклад жизни от жестокого испанского конкистадора, естественно, ожесточался, и эта ненависть к белому пришельцу передавалась из поколения в поколение. Потомки испанских колонизаторов в свою очередь хранили раз и навсегда сложившийся в их представлении образ «кровавого индейца». Проходили десятилетия, столетия, колумбиец с белой кожей сам становился жертвой несправедливостей, а паутина предрассудков и взаимного недоброжелательства по-прежнему опутывала его отношения с парнем-индейцем. Те, кому всегда выгодна политика «разделяй и властвуй», закрепляли эти предрассудки, разжигали расовую вражду. Университетские профессора с ученым видом рассуждали «о национальном индейском характере», составляли целые каталоги «индейских пороков». Нехотя признавая за индейцами «некоторые достоинства», как-то: упорство, неприхотливость, скромность, — многие теоретики-«индеведы» вменяли (и вменяют) индейцам в вину «отсутствие моральных устоев», «суеверие, лень, лживость, тупость» и т. д. и т. п., давая, таким образом, «научную» саякцию бесчеловечной дискриминации, лишению большой группы населения элементарных гражданских прав.

Не следует думать, однако, что такой расистской ограниченностью страдают все ученые, занимающиеся индейской проблемой. Напротив, в последние годы появились работы, авторы которых пытаются объективно разобраться в этой столь важной для Колумбии проблеме. «По своему обыкновению навязывая индейцам наши идеи, язык, технику, — пишет колумбийский историк Грегорио Эрнандес де Альба, — мы пренебрегаем духовными и культурными ценностями индейских общин. А ведь они могли стать частью нашей цивилизации, обогатить ее. Такая интеграция неосуществима, если мы будем по-прежнему заставлять индейцев жертвовать своей культурой и не пойдем ни на какие разумные уступки, лишая их права думать по-своему, по-своему говорить, верить, сохранять свои обычаи. Духовная и культурная изоляция индейцев — прямой результат злоупотреблений и насилия, которым подвергают их белые и метисы, арендаторы, помещики, местные власти. Труд индейцев, их земля, плоды их труда, имущество, уклад жизни, их жены и дети — все в полной власти угнетателей»¹⁷.

Приведем два примера последних лет, они достаточно убедительно характеризуют положение индейцев в Колумбии. Есть в джунглях Амазонки малочисленное племя корегуахе. В 1968 г. несколько индейцев корегуахе — босые, голодные и грязные, с котомками через плечо, во главе со своим вожаком Дионисио Гаской, явились в Боготу, чтобы заявить протест против правительственно-

го закона, который запрещает им охотиться отравленными стрелами. «Теперь мы, жители сельвы,— сказал Гаска,— не можем охотиться на диких зверей, а нам так нужны мясо и шкуры». По словам вождя, у племени корегуахе имеется всего-навсего одно старое ружье, да и то перестало стрелять. Племя обратилось с просьбой к министерству обороны выдать им новое ружье или хотя бы починить старое. Никакого ответа от министерства не последовало.

В равнинном районе на востоке Колумбии живет группа индейцев (6 тыс. человек), испокон веков угнетаемых белыми помещиками. Эти индейцы сосредоточены в трех резервациях общей площадью 14 тыс. га, в то время как одному помещику принадлежит более 70 тыс. га земли. В начале 1970 г. здесь вспыхнуло вооруженное восстание, в котором приняли участие и белые, и индейцы; возглавил восстание индеец Рафаэль Харамильо Ульба. Правительством проведено несколько карательных операций. Было произведено множество арестов, убиты беззащитные индейцы. Жертвой распоясавшейся военщины стал, например, 15-летний индейский юноша Лус Альберто Кинтеро, которого при допросе подвергли жестоким пыткам, применяли электрический ток, подвешивали за шею.

В августе 1970 г., когда стало известно о событиях в равнинном районе на востоке Колумбии, группа священников во главе с социологом Густаво Пересом Рамиресом, Комитет защиты индейцев, Национальная ассоциация мелких землевладельцев и другие организации выступили с открытым письмом, в котором выражали протест против грубого произвола властей, против открытой дискриминации индейцев.

Поскольку в Колумбии действует образовательный ценз, а подавляющее большинство индейцев неграмотны, они практически лишены избирательных прав. Им недоступны также все прочие блага, которыми пользуются граждане Колумбии: социальное обеспечение, медицинская помощь, обучение в государственных школах, пользование электричеством, питьевой водой и канализацией. К индейцу обращаются на «ты», он же обязан любому человеку отвечать почтительным «вы» — так повелось с незапамятных времен.

Видный колумбийский ученый академик Хуан Фриде посвятил индейцам Колумбии несколько блестящих работ. В одной из них — «Индеец в борьбе за землю» — он пишет: «Постоянная нехватка продуктов питания, необходимость сокращать свой дневной рацион до минимума заставляют индейца с малых лет жевать листья кокки...»¹⁸, что приводит к заболеванию рахитом, к слабоумию.

Особенно возмутительные формы принимает скрытая дискриминация, выражающаяся в бесчеловечной спекуляции на забитости индейцев, на их полной незащитности.

Многие помещики по сей день используют индейцев на тяжелых полевых работах и вместо денег расплачиваются бонами, которые действительно только в лавке, принадлежащей тем же помещикам. Перекупщики обманом за гроши выманивают у индейцев их прекрасные кустарные изделия.

«Быть индейцем,— пишет западногерманский журнал «Юберзее рундшау»,— значит скорее принадлежать к определенному социальному классу, чем к касте, отгороженной от прочих групп населения непреодолимым барьером. Восхождение индейца по социальной лестнице чрезвычайно затруднено из-за принадлежности его к совершенно особой этнической группе, но ассимиляция индейцев в латиноамериканском обществе — свершившийся факт. Как далеко пойдет этот процесс в дальнейшем, покажет будущее»¹⁹.

Колумбийское государство неоднократно пыталось вмешиваться в жизнь индейского населения. В начале XIX в. было принято несколько правительственных декретов, запрещавших распродажу индейских земель (ресгуардос), но в 1850 г. эти ограничения были сняты, и большинство ресгуардос захвачено латифундистами. Позднее, в период с 1890 г. до 40-х годов нынешнего века, раздел и распродажа индейских земель происходили под наблюдением различных правительственных комиссий, но индейцам от этого не было легче. В 1958 г. дальнейший раздел индейских земель был запрещен.

В 1943 г. в Колумбии частными лицами был учрежден Национальный институт по проблемам индейцев. В 1947 г. он был передан национальному университету и стал одновременно консультативным органом министерства экономики. Позднее было создано Управление индейских резерваций министерства сельского хозяйства.

В 1958 г. Национальный институт по проблемам индейцев был реорганизован, к нему были подключены представители министерств, так или иначе занимающихся проблемами индейцев,— министерства труда, просвещения и здравоохранения, а также представитель колумбийского института археологии. Директором института был назначен руководитель Управления индейских резерваций.

В июле 1960 г. Управление индейских резерваций было преобразовано в Управление по делам индейцев и вместе с Национальным институтом по проблемам индейцев подчинено министерству внутренних дел.

Однако и институт, и управление занимаются только индейцами, живущими в ресгуардос или резервациях. Так называемые «дикие» индейцы, а их в Колумбии довольно много, по-прежнему остаются вне поля зрения общества.

Сегодня, когда индейцев осталось мало, появилась тенденция романтизировать индейское прошлое Колумбии. Но страдающему индейскому населению нужна сейчас не показная романтика, а конкретная помощь. Действенных мер по улучшению бедственного положения колумбийских индейцев требуют сейчас все прогрессивные организации страны.

Член Исполкома, секретарь ЦК Компартии Колумбии Хесус Вильегас, выступая в декабре 1972 г. на праздновании 50-летия образования СССР, заявил: «В Латинской Америке образование государств сопровождалось почти поголовным уничтожением крупных

местных индейских этнических групп, обладавших еще до испанского завоевания высокой культурой.

В Колумбии индейские меньшинства еще существуют, но и они в нынешних условиях обречены на вымирание. Не имея доступа даже к элементарным достижениям цивилизации, эти группы впадают в жалкое существование. Некоторые из них физически уничтожаются, другие подвергаются так называемому «окультуриванию», в процессе которого к людям относятся как к неразумным существам.

Для индейцев Колумбии нет другого пути решения своих проблем, кроме радикального изменения социально-экономической и политической структуры страны. Только пролетариат, следующий великому примеру рабочего класса Советского Союза, способен обеспечить индейским меньшинствам равноправие и достойную жизнь»²⁰.

В Программе Коммунистической партии Колумбии относительно индейцев говорится следующее: «Запрещение всякого проявления дискриминации индейского населения. Охрана индейских общин, гарантирующая их развитие и переход к цивилизованной жизни путем предоставления индейцам земли, возвращения им их собственности, узурпированной латифундистами и сельскими богачами, модернизации сельского хозяйства, системы образования и здравоохранения индейцев, обеспечение их необходимой современной техникой, стимулирование автономной общественной организации индейцев, уважение их формы правления, обычаев, языка и культуры»²¹.

Что касается негритянской проблемы, то она не столь остра в Колумбии, поскольку самостоятельных негритянских групп нет; негры, как правило, живут попеременно с другими этническими группами, преимущественно на побережье Атлантического и Тихого океанов и вдоль рек Кауки и Магдалены. В районе Чоко они составляют большинство населения; напротив, в Антиокии в последние годы их стало меньше, чем было в прошлом.

На островах Сан-Андрес и Providencia, расположенных в Карибском море и принадлежавших ранее Англии, в настоящее время живет около 6 тыс. негров. Эта группа, несмотря на то, что Колумбия владеет островами почти 200 лет, продолжает говорить по-английски и исповедовать протестантизм. Негритянское население этих островов держится обособленно. Вообще между негритянскими группами разных районов Колумбии имеются существенные различия. Но повсюду можно сделать одно и то же наблюдение: чем темнее у человека кожа, тем хуже его материальное положение, его социальный статус.

Негры быстро ассимилируются, особенно в городах. Наметилась тенденция «размывания» негритянских районов: коренные жители — негры покидают их, перебираясь в городские центры; одновременно жители соседних мест — метисы и мулаты поселяются в бывших негритянских районах.

Изучение социально-этнических тенденций, наблюдающихся в ко-

лумбийском обществе, дает основание полагать, что преобладающий количественный рост смешанного населения, повышение его социально-культурного уровня приведет и к возрастанию его общественно-политической роли.

Некоторые общие сведения о колумбийцах

Сведения о населении Колумбии носят весьма разрозненный, отрывочный характер. Как мы уже отмечали вначале, достоверных данных о населении Колумбии до Колумба вообще нет. Немногим лучше обстоит дело с характеристикой населения в колониальный период. Более или менее заслуживающие доверия данные появились после завоевания Колумбией (Новой Гранадой) независимости в 1810 г. Первая перепись в новом государстве была проведена в 1825 г., последующие — в 1835, 1843, 1851, 1864, 1870, 1905, 1912, 1918, 1928, 1938, 1951 и в 1964 гг. (всего тринадцать). Перерывы между переписями доходили до 35 лет, что объяснялось частыми гражданскими войнами и осложнением внутривнутриполитического положения. Материалы переписи 1928 г. ввиду допущенных неточностей были аннулированы. Во время проведения переписей 1951 и 1964 гг. некоторые районы Колумбии находились на осадном положении и переписью охвачены не были.

Предлагаемая таблица дает представление об эволюции населения Колумбии²².

Год	№ переписи	Население	Территория страны, кв. км	Плотность	Примечание
1500	—	850 000	—	—	Открытие Колумбии Колония Новое королевство Гранады
1570	—	825 000	—	—	
1650	—	750 000	—	—	Великая Колумбия (Новая Гранада, Венесуэла и Эквадор) Колумбия Эпоха гражданской войны
1770	—	806 641	2 162 200	0,37	
1825	1	1 223 598	1 569 900	0,78	
1835	2	1 686 038	1 569 900	1,07	
1843	3	1 955 264	1 569 900	1,24	
1851	4	2 243 730	1 569 900	1,43	
1864	5	2 694 487	1 569 900	1,72	
1870	6	2 391 284	1 569 900	1,52	
1905	7	4 355 477	1 548 300	2,81	
1912	8	5 072 604	1 548 300	3,28	
1918	9	5 855 777	1 548 300	3,78	Перепись не утверждена; считают, что население составляло 7 055 000 Изменение границы в 1941 г.
1928	10	7 851 410	1 139 155	6,89	
1938	11	8 701 846	1 139 155	7,63	
1951	12	11 228 509	1 138 355	9,86	
1964	13	17 484 508	1 138 355	15,35	(оценка)
1970		21 116 921	1 138 355	18,54	

За период между двумя последними переписями (1951—1964), т. е. за 13 лет, население Колумбии увеличилось на 31,96%; оно росло на 2,46% в среднем в год. При этом, однако, рост происходил неравномерно в отдельных районах страны. Так, за указанные 13 лет в г. Сан-Андрес население увеличилось на 108,53%, а в г. Араука — всего на 6,46%; в департаменте Мета — на 70,42%, а в департаменте Толиме — на 12,70%.

В 1969 г. группа специалистов ООН издала интересную книгу «Социальные изменения и политика социального развития в Латинской Америке»²³, содержащую много любопытных оценок и прогнозов роста населения в Латинской Америке, в том числе и в Колумбии. По предположениям авторов, население Колумбии составит в 1975 г. 26 970 000 человек, в 1980 г. — 31 366 000, а в 1985 г. — 36 974 000. Вот как выглядит возрастная структура населения Колумбии в прошлом и будущем (%).

Год	До 15 лет	От 15 до 64 лет	Старше 65 лет
1920	40,2	56,5	3,3
1940	42,1	55,0	2,9
1960	46,5	50,8	2,7
1980	46,3	51,2	2,5

Рост населения в прошлом и будущем (%):

	1960—1965	1965—1970	1970—1975	1975—1980	1980—1985
Минимальный вариант	3,32	3,29	3,41	2,93	2,7
Средний вариант	3,32	3,46	3,56	3,51	3,34
Максимальный вариант	3,92	3,46	3,63	3,77	3,85

Как показывают приведенные данные, колумбийское общество — общество молодых. В самом деле, 46,5% населения страны — молодежь в возрасте моложе 15 лет. Недаром авторы книги «Демографические и социальные структуры Колумбии», написанной по заданию Международной федерации католических институтов социальных и религиозных исследований, призывают церковь обратить особое внимание на воспитание молодежи. «Из структуры возрастных групп, — пишут они, — церковь должна сделать вывод, что на молодежь в возрасте от 15 до 20 лет надо обратить особое внимание, ибо в будущем на нее ляжет главная ответственность... молодой возраст — критический, поскольку именно в молодые годы проявляются индивидуалистические тенденции»²⁴.

Население Колумбии по возрасту и полу ²⁵

Возрастные группы	Всего		Мужчин		Женщин	
	1964 г.	1951 г.	1964 г.	1951 г.	1964 г.	1951 г.
Всего в стране	17 484 508	11 228 509	8 614 652	5 579 740 *	8 869 856	5 649 250 *
До 1 года	030 494	410 602	318 769	209 740	311 725	200 862
от 1 до 4 лет	2 455 253	1 462 478	1 462 478	741 593	1 211 765	720 885
от 5 до 9	2 800 739	1 563 368	1 418 522	794 410	1 382 217	768 958
от 10 до 14	2 269 043	1 341 807	1 148 444	684 054	1 120 549	657 753
от 15 до 19	1 766 040	1 150 484	836 284	545 073	929 766	605 411
от 20 до 24	1 417 375	1 082 978	671 272	532 423	746 103	550 555
от 25 до 29	1 165 820	856 542	549 667	409 300	616 153	447 242
от 30 до 34	1 030 298	679 561	500 217	342 250	530 081	337 311
от 35 до 39	924 416	651 842	443 163	317 645	481 253	334 197
от 40 до 44	718 678	488 246	359 936	248 475	358 742	239 771
от 45 до 49	592 224	390 289	291 251	193 630	300 973	196 654
от 50 до 54	518 298	358 632	262 251	183 052	256 047	175 580
от 55 до 59	331 602	216 090	167 127	110 369	164 475	105 721
от 60 до 64	339 967	224 252	163 818	107 313	176 149	116 939
от 65 до 69	189 549	124 862	92 211	61 513	97 338	63 339
от 70 до 74	148 987	103 127	68 296	45 952	80 691	57 175
от 75 до 79	83 697	51 192	39 384	23 794	44 313	27 398
от 80 до 84	57 132	41 436	23 652	16 629	33 480	24 807
от 85 и более	44 896	30 721	16 850	12 034	28 046	18 687

* Такой подсчет в источнике

Плотность населения Колумбии ²⁶ (данные 1964 г.) по административным единицам

	Количество населения	Площадь в кв. км	Количество жителей на 1 кв. м
Департаменты	17 096 390	590 545	28,95
Антиокня	2 477 299	62 870	39,40
Атлантико	717 406	3 270	219,39
Бояка	1 058 152	67 750	15,62
Болivar	1 006 347	36 945	27,26
Валье де Каука	1 733 053	21 245	81,57
Кальдас	1 455 872	13 070	111,39
Каука	607 107	30 495	19,91
Кордоба	585 714	25 175	23,27
Кундинамарка	2 819 524	23 960	117,68
Магдалена	789 410	46 695	16,90
Мета	165 530	85 770	1,93
Нариньо	705 611	31 045	22,73
Саянтандер	1 001 213	30 950	32,35
Северный Саянтандер	534 486	20 815	25,68
Толима	841 424	23 325	36,07
Чоко	181 863	47 205	3,85
Уила	416 289	19 990	20,82
Интенданства	291 737	333 899	2,18
Араука	24 148	23 490	1,03
Гуахира	147 140	20 980	7,29
Конета	103 718	90 185	1,15
Сан-Андрес и Провиденсия	16 731	44	380,25
Комиссариаты	96 381	414 470	0,23
Амасонас	12 962	121 240	0,11
Вацпес	13 403	90 625	0,15
Чичада	10 130	98 970	0,10
Гуайния	3 602	78 065	0,05
Путумайо	56 284	25 570	2,20

В последние десятилетия в Колумбии наблюдается бурный рост городского населения. Вот некоторые данные (%) ²⁷.

Год	Городское население	Сельское население	Год	Городское население	Сельское население
1918	21	79	1951	39,5	60,5
1938	29	71	1964	52,0	48,0
			По оценкам на 1970 г.	60,0	40,0

Ускоренный рост городов хорошо виден на быстром увеличении населения в столицах департаментов: если в 1912 г. в них проживало 528 028 человек (10,4% всего населения), то в 1938 и в 1951 гг. эти цифры соответственно увеличились до 1 355 394 (15,37%)

и 3 353 630 человек (26,72%). Особенно быстро росло население городов Кали, Букараманги, Медельина, Боготы и Барранкилья.

В XX в. бурно разрастаются и сами города ²⁸.

Города с населением	Число городов		Города с населением	Число городов	
	в 1938 г.	в 1951 г.		в 1938 г.	в 1951 г.
До 5 тыс.	226	171	От 10 до 50 тыс.	58	83
От 5 до 10 тыс.	306	307	От 50 до 100 »	8	13
От 10 до 20 »	207	246	Свыше 100 »	4	8

Приведенные материалы убедительно подтверждают тезис К. Маркса о том, что «по самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим [...]» ²⁹.

Быстрый процесс урбанизации — явление, характерное для всей Латинской Америки. В Колумбии он был обусловлен рядом причин, первой из которых был бурный рост городского населения. Достаточно сказать, что по данным СЕПАЛ городского население Колумбии за период 1945—1953 гг. увеличивалось ежегодно на 5,2%, а население четырех самых больших городов страны с 1925 по 1953 г. — на 6,5%. Во-вторых, урбанизация стимулировалась значительно большими капиталовложениями в коммунальное хозяйство и транспорт, чем в сельское хозяйство. В-третьих, существенную роль сыграла пауперизация сельского населения, вынуждавшая его переселяться в города. Аграрная реформа 1936 г. дала обратный эффект: вместо того чтобы закрепить население в деревне, она побудила сельских жителей искать убежища в городах. Не изменила положения и реформа 1961 г. Четвертой причиной, содействовавшей урбанизации, было развитие промышленности, появление крупных предприятий. Наконец, пятую причину надо искать в кровавой междоусобице 1948—1953 гг., принимавшей особенно ожесточенные формы в сельских местностях, население которых бежало в города.

Урбанизация привела к изменению внешнего облика городов. До середины 20-х годов нынешнего века колумбийский город оставался таким, каким сложился при испанцах в XVI в.: с главной площадью в центре, где главенствовал собор и располагались административные здания. Жилые кварталы имели четко выраженную социальную структуру: богатые жили ближе к центру, бедные — на окраине. Рабочему люду, индейцам, неграм запрещалось жить в черте города; они селились вокруг. Урбанизация привела к перепланировке городов: богачи стали строить свои особняки и виллы в отдалении от центра, старинные кварталы захирели, пригороды превратились в пояса нищеты пришлого сельского населения.

Характерная черта урбанизации Колумбии, как, впрочем, и всей Латинской Америки, состоит в том, что более 50% пришлої рабочей силы поглощают торговля и сфера обслуживания. Увеличилось также применение женского труда. Это объясняется рядом обстоятельств: и общими сдвигами в социально-экономическом развитии Колумбии, и низким заработком главы семьи, которому чаще всего не под силу прокормить иждивенцев, и заинтересованностью предпринимателей в более дешевом женском труде. Большая часть занятых женщин работает в сфере обслуживания, в легкой и обрабатывающей промышленности.

Урбанизация ослабляет семейные узы, приводит к сокращению размеров колумбийской семьи. Между тем семейные связи в Колумбии, особенно в сельских районах, были очень крепки. Многочисленные близкие и дальние родственники приезжают «погостить» на такой большой срок, что практически становятся членами семьи. В последние годы четко прослеживается тенденция к сокращению многодетных семей. Обследование сельского района Табио показало, что средняя колумбийская семья состоит из 4,5 человек; 16% семей состоит из 5 человек, 15,3% — из 4, 15,9% — из 3 и 10% — из 10 и более человек.

Согласно переписи 1951 г., в Колумбии насчитывалось 1 884 956 семей, а по переписи 1964 г. — 2 798 146. И в том, и в другом случае наибольшее количество семей состояло из 5 человек. Вот как выглядит размер семьи по переписи 1964 г.³⁰:

Количество семей		Количество семей	6 детьми	366 804
с 1 ребенком	126 282	»	7 »	322 683
» 2 детьми	220 679	»	8 »	261 972
» 3 »	297 466	»	9 »	187 888
» 4 »	343 905	»	10 »	293 403
» 5 »	377 084			

В Колумбии распространены различные формы фактического, официально не оформленного брака. Процент официально заключенных браков меняется в зависимости от специфики района и колеблется в пределах 80—90%. Фактические неоформленные браки, составляющие 10—20%, принимают форму свободного союза, конкубината или «пробного брака» (аманьо); сюда же следует отнести матерей-одиночек³¹. В разных районах преобладает та или другая форма фактического брака. Например, «пробный брак» больше всего распространен в сельской местности. Церковь относится к этой форме брака положительно и даже оформляет его соответствующей церемонией. Социальный смысл «пробного брака» состоит в том, что жених и невеста как бы получают «отсрочку», чтобы скопить деньги на свадьбу. Часто «пробный брак» так и не получает законной оформления и переходит в свободный союз. Вообще же свободный союз — явление городское, так же как и матери-одиночки, воспитывающие нескольких детей от разных отцов.

Наряду с тесными родственными связями очень развит в Колумбии, особенно среди простых людей, институт «кумовства». Кум (компадре) пользуется уважением и несет большую ответственность, особенно если он одновременно крестный отец, который, в случае необходимости, может заменить родного отца. У каждого деревенского жителя обычно несколько кумовьев: «кум первой стрижки волос», «кум первой стрижки ногтей», «свадебный кум» и т. д. Выбор крестных отцов и матерей чаще всего определяется практическими соображениями — возможностью в будущем в трудную минуту обратиться за поддержкой «по-родственному».

В колумбийских «верхах» давно и прочно бытует семейственность. В ходу выражение: «забросить родственника» т. е. пристроить его на выгодное место с тем, чтобы он затем постепенно перетянул к себе остальных членов клана. «В Колумбии,— пишет Роберт Дикс,— широко распространено покровительство родственникам. Родственные связи, подкуп и другие пути приобретения влияния и выгод получили широчайшее применение. Клан, в руках которого оказались главные рычаги государственной машины, в Колумбии называют «оккупационной армией»³².

Испанский язык, язык завоевателей, получил в Колумбии такое распространение, внедрялся так настойчиво, а подчас и насильственно, что на языках аборигенов говорят сегодня в отдаленных глухих районах не более 200 тыс. человек.

Трудно установить, сколько языков существовало в Колумбии в доколониальный период. Известно только, что к моменту прихода испанцев Колумбия была самым «разноязычным» регионом Латинской Америки. В распоряжении лингвистов имеется слишком мало данных для установления или восстановления структуры древних индейских языков. Впрочем, очень слабо изучены и современные индейские языки. В районе верхней Амазонки и в восточных льяносах есть племена, о языке которых до сих пор вовсе ничего не известно.

Знакомство с культурой отдельных племен, живших в прошлом или уцелевших поныне, дает исследователю очень скудные данные для установления их языковой принадлежности.

Племена, жившие в высокогорных районах и на северных плато, говорили большей частью на языках племен макрочибчей. Эта языковая группа состоит из диалектов языка собственно чибчей и языков группы паэс.

Есть предположение, что языки чибчей в свое время пришли на смену языкам аравакской группы. Кроме того, в Колумбии был распространен также язык карибов, а в южных районах — язык кечуа.

Большинство жителей побережья Тихого океана и района Сину (северная часть Кордильер), жители Чоко говорили на различных языках лингвистической семьи чибча. В юго-западной части тихоокеанского побережья жили племена, говорившие на языке юрманго. Этот язык принадлежал к языковой семье хока-сину, широко рас-

пространенной в Северной Америке (по некоторым сведениям, в Колумбии еще есть племя, говорящее на языке, родственном языку юрманго, — факт весьма интересный для изучения происхождения указанных племен).

На северо-востоке Колумбии, в северной части Восточных Кордильер, жила большая группа племен, говорившая на различных карибских языках. Еще дальше на северо-восток, на полуострове Гуахира, были распространены аравакские языки, на которых говорили также на восточных равнинах и в лесах Колумбии.

Кроме указанных языков, в Колумбии были распространены андские языки, языки группы тукано, тупи и некоторые другие.

Языковая карта древней Колумбии в целом свидетельствует о том, что при огромном количестве племен языковых групп там было сравнительного немного.

Кочевые племена, населявшие и населяющие равнины и леса Колумбии, представляют собой небольшие изолированные группы, говорящие на одном из распространенных индейских языков Латинской Америки. Исключение составляют лишь некоторые из этих племен, чьи языки не похожи ни на один другой индейский язык Латинской Америки. Этот факт приводит к мысли о том, что кочевые племена, ранее других пришедшие на эту землю, были впоследствии раздроблены более крупными индейскими объединениями.

В результате испанского завоевания языковая карта Колумбии была полностью переключена. Некоторые индейские языки были насильственно искоренены: завоеватели заставили многие племена перейти на испанский язык. Это произошло, например, с племенами чибчей или муисков, населявшими район Восточных Кордильер. Язык чибчей фактически исчез уже к концу XVIII в.

Однако в глухих глубинных районах страны индейские племена сохранили родной язык. Сегодня индейцы Колумбии говорят на диалектах языка чибчей, на языках группы паэс, на аравакских, карибских и других языках.

Племя мотилонов — наиболее яркий пример верности родному языку (их родной язык принадлежит к карибской семье языков). О перспективах индейских языков в Колумбии говорить трудно, продолжается упорная испанизация. В период колонизации наблюдалось весьма интересное явление: из чувства протеста, сопротив-

Бродячий артист исполняет народные мелодии на национальном инструменте бандоле

ляясь испанизации, разноязычные племена переходили на язык какого-нибудь одного племени, лишь бы не на испанский. Так широкое распространение получил язык кечуа.

По мнению буржуазных исследователей, испанский язык в конце концов возобладает. Авторы «Путеводителя по Колумбии» тоже пишут: «Большинство людей, говорящих на индейских языках, в конечном счете, видимо, перейдут на испанский»³³.

А каков испанский язык Колумбии?

Испанцы-конкистадоры были выходцами из различных районов Испании, и, естественно, речь их отражала специфику этих районов. К этому надо добавить еще влияние португальского языка. Но со временем произошла нивелировка, и в настоящее время образованные колумбийцы, особенно те, кто живет в городах, говорят на литературном испанском языке, близком кастильскому наречию.

Сильно отличаются между собой местные говоры. Специфическое произношение характерно для отдельных районов страны. Так, в департаментах Кундинамарка и Бояка произносят раскатистое *r*. В департаменте Каука часто вместо *n* произносят *m* (вместо *tambien* — *tambiem*). В Кальдасе конечное *e* меняют на *i* и конечное *o* — на *u* (*ese* становится *esi*, а *esto* произносят как *estu*). Жители побережья проглатывают букву *s* и опускают конечную *d* (*fósforo* произносят как *foforo*, а *bondad* — как *bondá*). Иногда вместо *d* произносят *r* (например, *dos* становится *ros*, а *después* — *gerué*).

Многие колумбийцы вместо *tu* употребляют *vos*. В испанском языке Колумбии наметился, впрочем, и некий «центробежный» процесс: в ряде районов появилась своя, местная лексика — слова и выражения, понятные только жителям данного района.

В свою очередь на испанский язык Колумбии, особенно лексику, большое влияние оказали индейские языки. В Колумбии это влияние было большим, чем в какой-либо другой части Нового Света. Впоследствии многие из заимствованных слов и выражений распространились по всей Латинской Америке. Так, аравакские слова встречаются в испанском языке на Кубе и на Эспаньоле.

В Колумбии сохранилось много индейских названий, особенно из языка чибчей, например Богота, Турмаке, Немокоп и др. Любопытно, что в последние годы стало традицией давать имена индейских племен, прославившихся упорным сопротивлением испанским захватчикам, спортивным командам (например, «Пихаос»).

В испанском языке Колумбии много кечуанских слов (на кечуа в течение пяти веков говорили большинство индейцев Перу и Эквадора). Объясняется это тем, что южные высокогорные районы Колумбии длительное время находились под властью перуанских индейцев — инков, а в колониальный период эта территория входила в вице-королевство Перу, где большая часть населения говорила на кечуа. Распространению языка кечуа в Колумбии содействовали миссионеры, специально изучавшие его для пропаганды христианства. Такие кечуанские слова, как *minga* (от кечуанского *minka* —

Популярный спорт «родео»

кооперативная рабочая группа), *choclo* (ear of corn), *huaca* (святое место) — прочно вошли в испанский язык всей Латинской Америки. Но такие слова, как *pisco* (индейка), *parango* или *paranga* от кечуанского *paranko* (босой), употребляются только в Колумбии. Кстати, *parango* (а) в Колумбии является синонимом *метиса* или *мулата*.

Содействовало распространению языка кечуа и то, что в колониальный период в Колумбии жило много перуанцев — слуг и работников.

Некоторое количество слов внесли в испанский язык негры-рабы, преимущественно из Анголы, хотя в целом африканские заимствования весьма незначительны.

В течение XIX в. среди колумбийской интеллигенции был весьма распространен французский язык, что оставило определенный след в испанском языке Колумбии. В современный период заметно усилилось влияние английского языка, по существу вытеснившего влияние французского. Особенно широкое распространение получили английские технические термины. Усиленный прокат американских

ковбойских фильмов привел к внедрению таких слов, как «гангстер», «мани» (деньги) и т. п.

Однако, несмотря на все эти влияния и заимствования, испанский язык сохранился в Колумбии в более «чистом» виде, чем в других странах Латинской Америки, в чем автору во время его пребывания в Латинской Америке неоднократно приходилось убеждаться.

В XIX в. Колумбия дала миру ряд выдающихся лингвистов. Во главе этой плеяды стоит филолог Мигель Антонио Каро, талантливый латинист, автор испанской грамматики, основатель колумбийской Академии языка. Его ученик и коллега Руфино Хосе Куэрво — автор многих лингвистических и литературоведческих трудов, свыше 40 лет сотрудничал в газетах и журналах многих стран. Среди работ Куэрво до сих пор пользуется большой известностью исследование «Критические заметки о языке Боготы», впервые опубликованное в начале 70-х годов прошлого века. В этой работе кроме интересных наблюдений над языком содержится ряд теоретических принципов, и поныне представляющих ценность для исследователей. Незаконченным остался фундаментальный труд Куэрво «Словарь конструкций и правил»³⁴: два тома (от А до Д), почти по 1000 страниц каждый, были опубликованы в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века.

Выдающийся политический деятель Колумбии Хорхе Элисер Гайтан, занимавший пост министра просвещения, основал в 1941 г. национальный научно-исследовательский центр — *Ateneo Nacional de Altos Estudios*, филологическая секция которого продолжила работу Куэрво. Вскоре эта секция была преобразована в Институт Каро и Куэрво, издающий журнал «*Thsaurus*». Начиная с 50-х годов институт попал под влияние Организации американских государств. В 1954 г. там был создан семинар, названный именем известного латиноамериканского филолога Андреса Бельо. Роль ОАГ в институте усилилась еще больше, а с 1958 г. он начал готовить специалистов по общему языкознанию и испанистике не только для Колумбии, но и для всей Латинской Америки.

Колумбийская Академия языка в последние годы занялась созданием учебников испанского языка. В 1960 г. был проведен конкурс на лучший учебник испанского языка для средней школы.

6 августа 1960 г. правительство Колумбии приняло закон о защите языка (*Ley de Defensa del Idioma*); согласно этому закону, испанский язык должен быть не только государственным языком Колумбии, но языком преподавания, деловой переписки, торговли, языком литературы и искусства. Исключения допускаются только для иностранных имен и технических терминов. Закон возложил на Академию языка функцию консультанта правительства по вопросам языка и литературы, освободил ее от уплаты налогов и предусмотрел помощь правительства библиотеке Академии. Закон также обязал все учебные заведения ежегодно отмечать 23 апреля — годовщину со дня смерти Сервантеса.

Внутренняя миграция и иностранная иммиграция

Внутренняя миграция носит в Колумбии довольно бурный характер: 14% колумбийцев непрерывно меняют место жительства в течение года в поисках работы или лучших условий жизни. Армия сезонников кочует в соответствии со временем уборки кофе, риса, хлопка. Наконец, люди бегут с обжитых мест, спасаясь от «виоленсии». Миграция сельских жителей в города увеличилась с 1,2% общей численности сельского населения в 1938—1951 гг. до 2,3% в 1951—1964 гг. Всего за 1951—1964 гг. в города переселились 2,7 млн. человек (36% сельского населения в 1951 г.). За 1951—1964 гг. в новые зоны сельскохозяйственной колонизации переселилось 400 тыс. человек³⁵.

Все интендантства и комиссариаты — огромные резервы пустующих территорий — постоянно растут за счет внутренней миграции. Туда устремляется целая армия колонистов, поскольку освоение этих районов по-настоящему только-только начинается. Вот почему чистый прирост населения за счет внутренней миграции доходит здесь до 30%. В интендантства и комиссариаты прибывают 36,5%, а покидают в среднем 6,8% жителей в год. Главный поток идет из департаментов Кундинамарки и Уилы. За счет внутренней миграции почти на 30% в год растет население департамента Валье и особенно его столицы г. Кали. Прекрасный климат и быстро развивающаяся промышленность привлекают много иммигрантов, в основном жителей департаментов Кальдас и Антиокия (они составляют 36,8%). Покидают Валье 7,2% жителей в год. Население департамента Атлантико с главным городом, быстро развивающимся портом Барранкилей растет на 17% в год, главным образом за счет жителей соседних департаментов Боливар, Кордоба, Магдалена. Прибывают в Атлантико 24%, а покидают его ежегодно около 7% жителей. Наконец, население департамента Кундинамарки и особенно ее столицы Боготы растет за счет внутренней миграции на 7,6% в год. В поисках работы в Кундинамарку ежегодно прибывает 18,1% жителей, в основном из департаментов Бояка и Толима. Уезжают же из Кундинамарки, преимущественно в Толиму и Кальдас, 10,5% жителей департамента.

В трех департаментах — Магдалене, Кальдасе и Сантандере — число прибывающих и покидающих их граждан примерно одинаково. В департаментах Уиле, Чоко, Толиме, Северном Сантандере и Боливаре — Кордобе количество уезжающих на 4,5—7,1% больше, чем приезжающих. А департаменты Каука, Нариньо, Антиокия и Бояка ежегодно за счет внутренней миграции теряют от 8 до 23% своего населения³⁶.

Анализ внутренних миграционных процессов показывает, что основное передвижение происходит в направлении тех интендантств и комиссариатов, где существуют еще неизведанные возможности, а также в пределах трех соседних департаментов, сходных по климату и т. д. Низкая оплата труда сельских рабочих — одна из при-

чин массовой миграции из деревни в город. Но приток этой рабочей силы намного превышает реальные нужды имеющейся промышленности. Мигранты оказываются безработными или устраиваются на временную работу за нищенскую плату.

Статистические данные об иностранной эмиграции в Колумбии очень скудны, отрывочны и подчас вызывают большие сомнения. Так, например, по официальным статистическим данным 1945—1952 гг. нельзя выделить иммигрантов от иностранных туристов, так как все приезжие зачислялись в одну графу: «иностранцы». Лишь в публикациях 1953—1956 гг. появляется деление иностранцев на постоянно проживающих (собственно иммигрантов), временно проживающих и туристов. О значительных масштабах иммиграции в Колумбию можно говорить применительно к XVI и частично XVIII в.: приток белых конкистадоров из Европы и негров-рабов из Африки оказал решающее влияние на этнический состав страны. Позднее иммиграция была настолько незначительной, что не играла сколько-нибудь заметной роли в жизни страны. Такая скудная иммиграция, видимо, объясняется низким уровнем жизни, напряженной внутривластной обстановкой — частыми гражданскими войнами — и отсутствием у правительства Колумбии целенаправленной иммиграционной политики. Колумбийские правительства проявляли последовательность лишь в одном: они никогда не поощряли иммиграцию в больших масштабах. По законам Колумбии въезд в страну разрешен лишь «иностранцам, которые в силу своих личных, этнических или расовых особенностей не угрожают социальному порядку»³⁷. В 1941 г. правительство запретило въезд в Колумбию цыганам.

В 1951 г. появились иммиграционные комитеты и комиссии, однако создавались они по инициативе церкви, различных благотворительных обществ, а не государства. В 1953 г. был создан Институт землеустройства и иммиграции — в целях освоения неиспользованных земель. В 1958 г. правительство разрешило въезд в Колумбию беженцам, покинувшим свои страны в годы второй мировой войны. Приток иностранцев в Колумбию тем не менее не увеличился. В течение многих лет количество иммигрантов примерно соответствовало числу эмигрантов. Так, в 1958 г. из Колумбии эмигрировал 63 201 человек, а въехало в страну 61 776 человек; в другие годы иммиграция несколько превышала эмиграцию. За 14 лет, с 1945 по 1958 г., население Колумбии увеличилось за счет иммиграции всего на 3494 человека. За период с 1953 по 1958 г. в Колумбию прибыло 53 218 иностранцев, что дало прирост населения на 3,84%. Эти иммигранты прибыли из Европы (24 324 человека, 43,8%), США (16 708 человек, 31,4%), из Южной Америки (7826 человек, 14,7%), Центральной Америки (3283 человека, 6,2%), из Азии (1777 человек, 3,3%) и с других континентов (300 человек, 0,6%). Представляет интерес возрастной состав иммигрантов: от 20 до 39 лет — 47%; до 19 лет — 21%; люди старше 50 лет — 13,5%³⁸.

Перепись 1951 г. в десяти департаментах включала графу о лицах, родившихся за границей. Количество таких людей составило 3,5% (27 032 человека). Но сюда вошли и родившиеся за границей колумбийцы. Иммигрантами по переписи считались иностранцы, собравшиеся прожить в Колумбии более года. По материалам переписи 1964 г. в Колумбии проживало 74 053 иностранца. Более половины прибыли из других стран Западного полушария (47 081 человек), причем больше всего из Венесуэлы (16 224) и меньше всего из Сальвадора (146 человек). Из капиталистических стран Европы прибыло 22 537 человек (больше всего из Испании — 7424 и меньше всего из Голландии — 187); из Азии — 4184 (больше всего из Ливана — 1146 и меньше всего из Японии — 401); из Африки — 212 человек и из Океании — 39 человек³⁹.

Авторы исследования «Демографические и социальные структуры Колумбии» дают следующую рекомендацию колумбийскому правительству: «Колумбия срочно нуждается в притоке элиты, чтобы повысить технический уровень промышленности, сельского хозяйства, бизнеса... Церковь, через Международную католическую комиссию, могла бы разработать план иммиграции элиты, памятуя при этом не только о материальной, но и о духовной стороне дела, чтобы иммигранты были в состоянии адаптироваться и приносить максимальную пользу»⁴⁰.

Иностранцы, живущие в Колумбии, тесно связаны с правящей белой верхушкой. Проблемы ассимиляции белых иммигрантов практически не существует. Большая часть немцев, итальянцев, евреев и ливанцев (которых в Колумбии часто называют турками или сирийцами, поскольку они прибыли из ливанской части Сирии, в прошлом принадлежавшей Турции) занята в торговле.

Экономически активное население

Колумбия обладает большими природными богатствами; недра ее богаты и нефтью, и углем, и железом, и ураном, и золотом, и платиной. Страна прекрасно обеспечена гидроресурсами. Плодородные равнины дают широкие возможности для развития современного сельского хозяйства. Однако при наличии огромных богатств и возможностей Колумбия остается страной со средним уровнем развития, страной с низким национальным доходом. Основу ее экономики по-прежнему составляет технически слабо оснащенное сельское хозяйство, ведущей отраслью которого является «зеленое золото» — кофе, идущее на экспорт.

Выращиваемый колумбийскими крестьянами на крохотных участках колумбийский кофе славится своими превосходными вкусовыми качествами и тонким ароматом. Кофе — богатство и одновременно несчастье современной Колумбии. Судьба страны и ее экономика целиком зависят от цен на кофе на мировом рынке. Кофе дает большой процент национального дохода Колумбии. Почти весь

его урожай идет на экспорт, в основном в Соединенные Штаты Америки. Стоит цене на кофе упасть на мировом рынке на 1 цент, как колумбийцы лишаются сразу 8 млн. долларов дохода в год. Только за последние годы в результате падения цен на кофе страна потеряла сотни миллионов долларов.

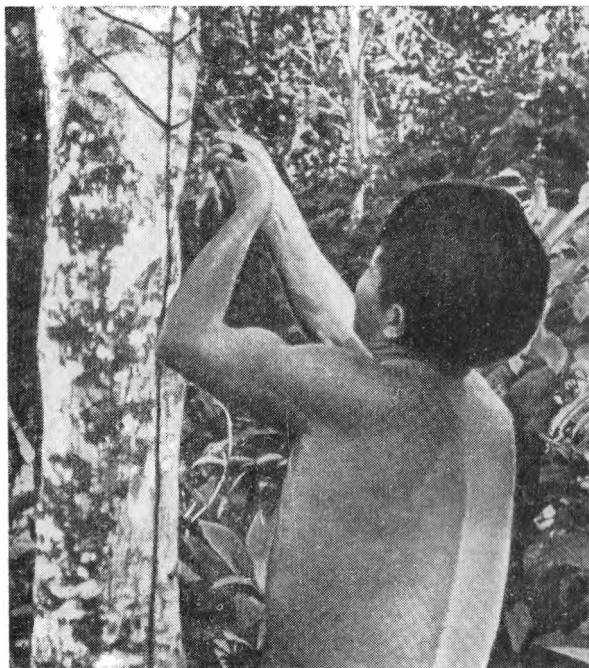
Кофе по-прежнему служит основой колумбийской экономики, так как оно приносит более 60% поступлений иностранной валюты и 21% государственного дохода. Кофе составляет 10% валового внутреннего продукта. На мировом рынке Колумбия остается вторым после Бразилии главным производителем кофе и пока еще самым крупным производителем высококачественных мягких сортов.

С 1961 по 1968 г. производство сельскохозяйственной продукции возрастало на 3,3% в год, т. е. едва поспевало за ростом населения (3,2% в год). В эти годы сельскохозяйственная продукция составляла (в тысячах тонн) ⁴¹:

	1960 г.	1964 г.	1968 г.	1970 г. ⁴²
Кофе	480,0	468,0	456,0	570,3
Хлопок	193,7	175,9	333,8	356,9
Рис	450,0	600,0	780,0	672,8
Сахар (в тысячах метрических тонн)	328,3	427,6	666,1	1461,7
Бананы	546,0	632,1	840,0	780,0
Картофель	653,0	866,7	1000,0	900,0
Пшеница	145,3	88,8	135,0	50,4
Маис	865,7	968,1	800,0	800,0
Табак	24,9	41,4	45,0	—
Прочие	—	—	—	1738,3

В 20-х годах нынешнего века колумбийская промышленность состояла по существу из четырех отраслей: текстильной, табачной, пищевой и кустарной. Экономический кризис 1929—1933 гг. резко сократил импорт, стимулировал развитие национальной промышленности. Тому же способствовал и протекционистский таможенный тариф, введенный в Колумбии в 1931 г. Вторая мировая война хотя и содействовала развитию национальной промышленности, в то же время затрудняла ввоз необходимого промышленного оборудования. В послевоенный период началось быстрое промышленное развитие Колумбии. Если в 1925—1930 гг. промышленное производство увеличивалось ежегодно на 3%, а в период 1933—1939 гг. — всего на 1%, то в послевоенный период оно возрастало на 11%. Промышленность развивается преимущественно в департаментах Антиокия, Атлантико, Валье де Каука, Кундинамарка и Сантандер.

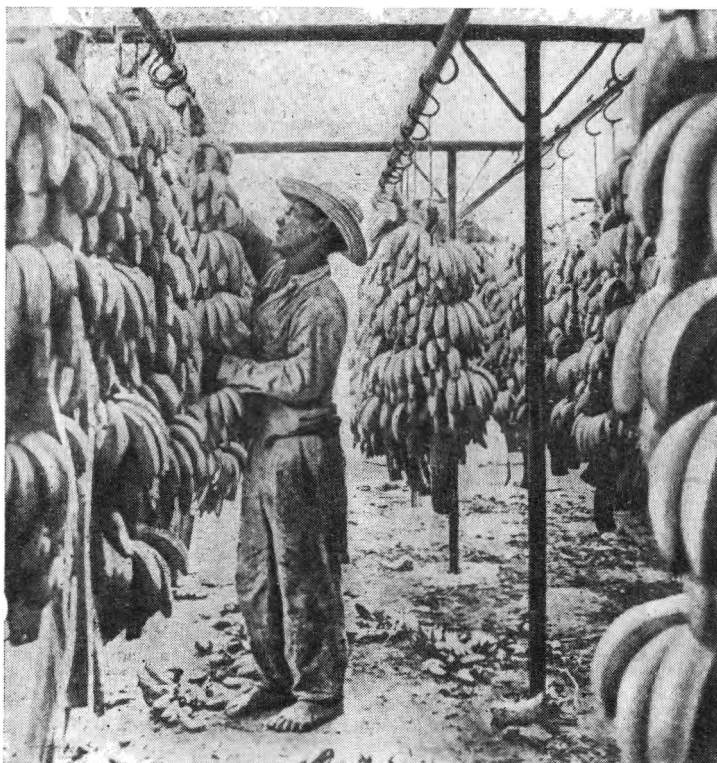
По важнейшему показателю уровня экономического развития — потреблению энергии (уголь, газ, гидроэлектроэнергия) и стали на душу населения — Колумбия еще отстает от развитых стран Латинской Америки. Ведущей отраслью колумбийской промышленно-

Сборщик каучука на Амазонке

Сбор ананасов

Отбор бананов на экспорт

сти является пищевая промышленность, дающая почти 45% всей продукции обрабатывающей промышленности. Подавляющее большинство предприятий пищевой промышленности составляют мелкие, насчитывающие 5—10 рабочих, но на их долю приходится ничтожная часть продукции. Основную массу продукции дают несколько крупных предприятий, оснащенных современной техникой. На базе современных фабрик и заводов, основанных в большинстве случаев при участии американского капитала, создаются монополистические объединения, которые контролируют производство и сбыт значительной части продукции данной отрасли.

В экономике страны быстро возрастает удельный вес тяжелой промышленности — металлургии и машиностроения. Эти отрасли развиваются быстрыми темпами. После введения в строй в 1954 г. металлургического комбината «Асериас Пас дель Рио» и его реконструкции в 1962—1964 гг. Колумбия стала одной из немногих стран Латинской Америки, которые имеют свою металлургическую промышленность.

Картофельные плантации в саване Боготы

Бананы — богатство Колумбии. Банановая роща в департаменте Магдалена

На 1970—1978 гг. предусматривается строительство 6 тепловых и 4 гидроэлектростанций общей мощностью до 2 млн. квт и стоимостью строительства в 270 млн. долл.⁴³

На основании приводимых статистических данных, как нам кажется, можно составить представление об уровне промышленного развития Колумбии в настоящее время⁴⁴.

	1960 г.	1964 г.	1968 г.
Сталь (тыс. тонн)	131,0	236,0	190,8
Цемент (тыс. тонн)	348,9	1963,9	2363,6
Нефть (тыс. баррелей)	55 770	62 586	63 669
Бензин (тыс. баррелей)	8690	10 960,3	13 300
Выработанная электроэнергия (млн. квтч)	1894	4271,9	5975,5
Электроэнергия, использованная для промышленных целей (млн. квтч)	680	1020,5	1256,0

Приведем некоторые данные о составе национального продукта Колумбии (%)⁴⁵.

	1950 г.	1953 г.	1958 г.	1962 г.	1968 г. ⁴⁶
Сельское хозяйство	38	38	37	32	29,8
Добывающая промышленность	2	3	4	3	22,5 (включая энергетику)
Обрабатывающая промышленность	16	15	16	17	
Строительство	3	3	4	5	3,6
Электроэнергетика	1	1	1	1	
Транспорт	7	7	6	7	23,6 (торговля и сфера обслуживания)
Прочие	33	34	32	35	20,5

Вот как выглядит стоимость продукции (в млн. песо, по ценам 1958 г.), выработанной различными секторами экономики⁴⁷:

	1960 г.	1964 г.	1968 г.
Общая стоимость продукции	23 042,0	27 812,3	33 156,0
Сельское хозяйство	7 622,6	8 731,0	9 889,0
Промышленность	5 016,5	6 165,3	7 453,4
Строительство	689,1	820,5	1 185,5
Торговля и обслуживание	5 243,4	6 249,1	7 833,9
Прочие	4 470,4	5 816,4	6 794,2

Об этой же тенденции свидетельствует и соотношение валового национального продукта в городе и деревне (%) ⁴⁸.

	1950 г.	1959 г.	1965 г.
Аграрный сектор	38,1	34,8	30,4
Промышленный сектор	21,8	25,0	26,4

Развитию экономики в целом и особенно промышленности препятствуют две основные силы: американский империализм, заинтересованный в том, чтобы сохранить Колумбию в качестве поставщика дешевого сырья и емкого рынка американских товаров, и колумбийская олигархия, до сих пор обеспечивавшая себе высокие доходы за счет сохранения полуфеодалских отношений.

На долю США приходится подавляющая часть экспорта и импорта Колумбии. Североамериканские магнаты контролируют всю торговлю кофе, произвольно устанавливают низкие закупочные цены и получают от сбыта кофе на мировом рынке огромные прибыли. В руках американских бизнесменов находится более 80% добычи колумбийской нефти. Монополии США предпочитают ввозить в Колумбию излишки своей собственной сельскохозяйственной продукции и тем самым препятствуют освоению пустующих земель.

Серьезной помехой для развития колумбийской экономики является плачевное состояние транспорта; в частности, крайне недостаточна сеть железных дорог. Разбросанность населения на большой территории, его низкая покупательная способность и давящая конкуренция американских товаров также тормозят экономическое развитие Колумбии.

Согласно переписи 1964 г., рабочие и служащие составляли 3 млн., т. е. 58% всего экономически активного населения. Роль рабочего класса, трудящихся города с каждым днем возрастает.

При последней переписи (1964 г.) к экономически активному населению были отнесены все колумбийцы старше 12 лет, работавшие не менее 9 месяцев в году. В группу экономически неактивного населения вошли домохозяйки, учащиеся, пенсионеры, инвалиды, престарелые, рантье, арестованные и заключенные.

Специалисты из СЕПАЛ еще в 1959 г. следующим образом определяли рост экономически активного населения Колумбии ⁴⁹:

Год	Занятость, млн. человек	Из них	
		в городе	в деревне
1951	3781	1499	2288
1960	4975	2138	2657
1965	5561	2660	2901
1970	6488	3332	3156
1981	9120	5448	3672

Деревенский базар в департаменте Бояка

По данным Латиноамериканского демографического центра, опубликованным в 1968 г., в 1950—1955 гг. экономически активное население Колумбии ежегодно увеличивалось на 2,3%, а в 1960—1965 гг. — на 3%. Предполагается, что в 1965—1970 гг. оно возросло на 3,7% и в 1970 г. составило 6478 тыс. человек, из них в городе — 3715, в деревне — 2763 тыс.⁵⁰

Экономически активное население по переписи 1964 г. составляло 29% всего населения Колумбии, из них 20,1% женщины и 79,7% — мужчины.

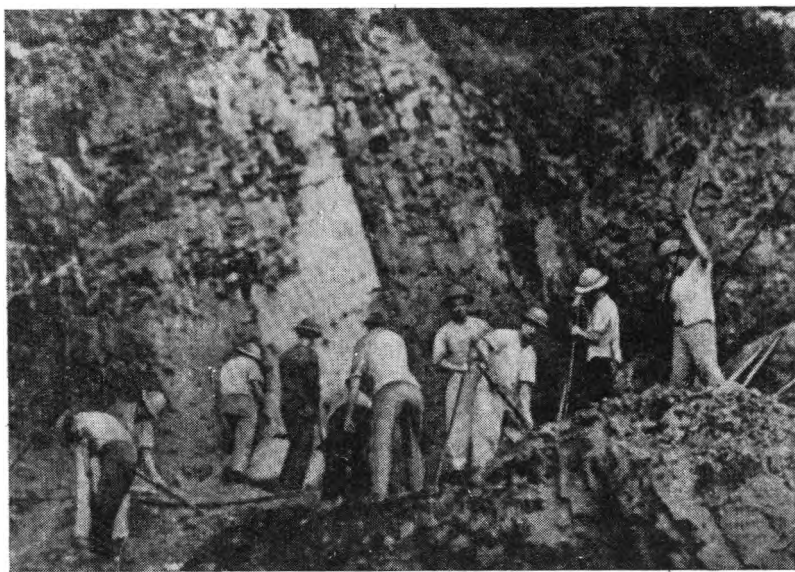
В сельском хозяйстве было занято 47,2% экономически активного населения, в сфере обслуживания — 18%, в промышленности (на производстве) — 12,8%⁵¹.

По официальным данным переписей 1951 и 1964 гг. экономически активное и неактивное население распределялось следующим образом:

Год	Все население старше 12 лет	Экономически активное	Экономически неактивное	Из них женщин	
				занятых	незанятых
1951	6 843 776	3 755 609	3 088 187	701 180	2 801 774
1964	10 656 478	5 134 425	5 522 353	1 032 062	4 470 858

А эти торгуют прямо на улице

Шахта по добыче изумрудов в департаменте Бояка

Более конкретные категории экономически активного населения распределялись в 1964 г. так ⁵²:

	Всего	Мужчин	Женщин
Инженеры, техники и другие специалисты	201 424	106 174	95 250
Руководящий аппарат	134 420	114 475	19 945
Служащие	236 795	152 447	84 348
Продавцы	288 854	215 157	73 697
Крестьяне (включая животноводов, рыбаков и т. д.)	2 426 699	2 320 295	106 404
Шахтеры и аналогичные категории рабочих	42 612	31 017	11 595
Шоферы	154 584	152 709	1 875
Кустари	835 468	658 612	176 856
Рабочие и поденщики (не попавшие в другие категории)	60 367	55 655	4 702
Прислуга	574 480	146 183	428 297
Не вошедшие ни в одну из категорий	178 432	149 339	29 093
Итого	5 134 125	4 102 063	1 032 062

По некоторым профессиям экономически активное население представляло следующую картину ⁵³.

	Всего	Мужчин	Женщин
Инженеры и архитекторы	16 566	15 590	976
Врачи всех специальностей	13 416	12 631	785
Преподаватели и учителя	91 533	29 023	62 510
Адвокаты, судьи, судебные работники и пр.	11 622	10 951	671
Артисты, писатели, работники искусства	11 037	9 668	1 369
Священники и монахи	7 135	5 327	1 808
Высшие государственные служащие	4 142	3 770	372
Директора и управляющие торговой сети	63 620	52 294	11 326
Директора, управляющие и администраторы в других сферах	66 658	58 411	8 247
Канторские служащие:	236 795	152 447	84 348
среди них	40 882	8 243	41 639
машинистки, стенографистки	21 984	20 980	1 004
почтальоны и разносчики			

Население экономически неактивное в 1964 г. состояло из следующих категорий ⁵⁴:

Домохозяйки	3 638 280	Пенсионеры и рантье	48 250
Студенты и школьники	2 520 315		
Малолетние	5 529 747		
Престарелые	288 256		
Инвалиды	100 843	Всего	12 350 315

В последние десятилетия ввиду снижения детской смертности и увеличения числа престарелых процент экономически активного населения снижается. Так, в 1925 г. он равнялся 37,0; в 1945 г. — 36,0; в 1953 г. — 34,0; в 1964 г. — 29,0%.

Социальная структура общества

Рабочий класс Колумбии по численности занимает четвертое место в Латинской Америке. Армия рабочих и служащих в 1960 г. составляла 2,6 млн. человек, а в 1964 г. — 3 млн. человек. Одноразовое развитие капитализма под опекой иностранного монополистического капитала привело к тому, что формирование рабочего класса в Колумбии проходило более быстрыми темпами, чем консолидация буржуазии. По данным переписи 1951 г. число наемных рабочих составляло немногим больше 1,2 млн. человек, из них в сельском хозяйстве было занято 818 тыс., в промышленности — 247 тыс., в строительстве — 100 тыс., на транспорте — 35 тыс., в сфере обслуживания, в торговле и делопроизводстве — 30 тыс. человек⁵⁵.

Характерная особенность рабочего класса Колумбии состоит также в широком применении дешевого женского и детского труда. Пролетариат Колумбии состоит не только из наемных рабочих. Существует большая группа рабочих и служащих, получающих фиксированную заработную плату или жалование. В эту категорию пролетариата в 1951 г. входили 733 тыс. человек. Вот как происходил рост численности рабочих и служащих Колумбии за 13 лет, в период между переписями 1951 и 1964 гг. (в тыс. человек)⁵⁶.

	1951 г.	1964 г.
Сельское хозяйство	818	1021
Промышленность	375	670
Транспорт	716	1200
Сфера обслуживания		
Всего	1909	2891

Численность рабочего класса Колумбии, его боеспособность растут с каждым днем, хотя по ряду причин, одной из которых является давний и глубокий раскол профсоюзного движения, колумбийский пролетариат еще не оказывает решающего влияния на нацио-

нальную жизнь. За теми, кто мешает единству рабочего класса Колумбии, стоят сила, деньги и пропагандистский аппарат монополий США и их профсоюзной агентуры, колумбийские капиталисты, католическая иерархия и правительство.

Почти треть экономически активного населения Колумбии — это кустари-одиночки, не эксплуатирующие чужого труда. Но уровень концентрации рабочей силы в промышленности Колумбии постоянно повышается. Сегодня основная часть пролетариата сосредоточена на крупных капиталистических фабриках и заводах. Так, концентрация рабочих и служащих в промышленности Колумбии в 1963 г. выглядела следующим образом⁵⁷.

Количество занятых на предприятии *	% от общего числа предприятий	% от общего числа занятых рабочих
Кустарное производство	91,4	34,8
от 5 до 9 человек	62,1	11,9
» 10 до 19 »	18,3	9,6
» 20 до 49 »	11,0	13,3
Фабрично-заводское производство	8,6	65,2
от 50 до 99 человек	4,4	12,0
» 100 до 199 »	2,3	42,7
» 200 и более »	1,9	40,5

* В данной таблице не учтен кустарный сектор, состоящий из предприятий с числом рабочих до 5 человек, а в нем занято более половины всего пролетариата.

Научно-техническая революция в определенной мере коснулась и Колумбии. Внедрение современных методов производства, автоматизация, программирование, использование вычислительной техники и пр. привели к росту квалифицированного труда и сближению многих категорий рабочих и служащих. Структура рабочего класса с каждым днем усложняется.

Колумбия располагает благоприятными условиями для развития земледелия и животноводства; но, несмотря на это, сельское хозяйство страны в течение многих лет находится в состоянии депрессии. Причины застоя в сельском хозяйстве, как, впрочем, и во всей экономике страны, кроются в существующих аграрных отношениях. Колумбия — страна латифундий. По данным последней сельскохозяйственной переписи 1960 г., в руках крупнейших помещиков, составляющих всего 0,5% земельных собственников, находится около 11 млн. га, или 40% всех земель; в то же время на долю мелких крестьянских хозяйств (до 5 га), составлявших 62,4% землевладений, приходилось всего 1,2 млн. га, или 4,5% земельной площади⁵⁸.

Земельная собственность в сельском хозяйстве распределяется следующим образом (по данным переписи 1960 г.):

Размеры земельной площади хозяйст- ва, га	Число хозяйств	% к итогу	Земельная пло- щадь, в тыс. га	% к итогу
До 5	756 605	62,4	1 239	4,5
5—10	169 145	14,3	1 165	4,2
10—100	241 010	19,8	6 891	25,2
100—500	36 010	3,0	6 990	25,5
500—1000	4 141	0,34	2 731	9,9
1000—25 000	1 975	0,15	2 808	10,4
Свыше 250 000	786	0,06	5 513	20,3
В с е г о	1 209 672	100	27 338	100

Полностью безземельные крестьяне составляют 50% всего самостоятельного населения, занятого в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственный пролетариат составляет 1,2 млн. человек. Тысячи крестьян имеют карликовые участки земли; их владельцы обречены на нищенское, полуголодное существование (свыше 165 000 сельских хозяйств имеют менее 0,5 га, 132 000 — менее 1 га, 191 000 — от 1 до 2 га). На этих участках, собственных или арендованных у помещиков, крестьяне ведут примитивное натуральное хозяйство: возделывают пшеницу, фасоль, картофель для собственных нужд и выращивают небольшое количество кофейных деревьев или банановых пальм, урожая от которых едва хватает на выплату арендной платы и налогов.

Основой аграрных отношений в Колумбии является крупная земельная собственность феодального происхождения. Земля, скот, орудия труда и сельскохозяйственный инвентарь принадлежат крупным землевладельцам — местным латифундистам или колумбийским и американским монополиям.

Одна из особенностей сельскохозяйственного производства Колумбии — развитое плантационное хозяйство. На обширных плантациях возделываются кофе, сахарный тростник, бананы, какао. Здесь наряду с капиталистическими формами эксплуатации применяются и полуфеодальные. Плантационное хозяйство дает возможность помещикам и иностранным монополиям широко применять дешевую рабочую силу.

Общая отсталость сельского хозяйства Колумбии выражается в его слабой механизации, в почти полном отсутствии научного ухода за почвой (химизация, система удобрений, борьба с эрозией здесь редкость). В 1970 г. в Колумбии насчитывалось 24 800 тракторов, из них почти 85% использовалось в сельском хозяйстве⁵⁹. Более или менее механизировано производство сахарного тростника, пшеницы и хлопка. Наиболее стабильной отраслью хозяйства, где в течение года число наемных рабочих не меняется, является выращивание сахарного тростника.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Колумбии выражается главным образом в переходе от натурального земледелия к товарному производству кофе, овощей, табака, продуктов животноводства.

Капитализация латифундий составляет часть общего процесса развития капитализма в сельском хозяйстве и приводит к разорению мелкого крестьянства, к переходу широких масс бедняков в категорию полупролетарских и пролетарских элементов деревни.

Основная масса сельского населения — это крестьяне, обрабатывающие собственный или арендованный клочок земли. Часто крестьянин 3—4 дня в неделю работает в поместье как полузависимый издольщик, один день работает на своем поле и 1—2 дня использует как наемный поденщик.

Известный колумбийский экономист Альберто Галиндо пришел к выводу, что 97% хозяйств страны, производящих кофе, принадлежат исполщикам («апарсейрос»). Их земельные участки не превышают 4 га. За пользование землей они отдают помещику до 60% урожая⁶⁰.

По подсчетам специалистов, 93% сельского населения делится на две основные группы: мелких собственников, владеющих 5—6 га земли, и массы безземельных крестьян, в лучшем случае владеющих землей, на которой стоит их хижина; это сельскохозяйственные рабочие и батраки. «Их жизнь,— пишут авторы исследования «Демографические и социальные структуры Колумбии»,— поистине ужасна, здоровье подорвано. Они плохо одеты, ходят босиком, невежественны. Они составляют большинство колумбийского населения и обрабатывают чужую землю»⁶¹.

Социальные грани между пролетарскими и полупролетарскими слоями деревни зачастую трудно уловимы, ибо процесс пролетаризации крестьянства продолжается. Сельский пролетариат объединяет в своих рядах безземельных бедняков, батраков-поденщиков и значительную часть малоземельного крестьянства.

В 30-х годах в Колумбии появилась особая категория сельскохозяйственного населения, так называемые «окупантес», — разорившиеся крестьяне, отправляющиеся в малонаселенные районы восточной части страны и захватывающие пустующие земли государственного фонда. К концу 50-х годов насчитывалось 117 000 таких хозяйств⁶².

Структура сельского населения постоянно меняется. Укрепляется сельская буржуазия и множится сельский пролетариат.

Земельная олигархия: латифундисты, помещики (около 1% сельского населения) — это наследники феодалов колониальных времен. Число помещиков «в чистом виде» уменьшается, поскольку они вступают в семейные и деловые отношения с крупной промышленной и торговой буржуазией.

Владельцы средних поместий, чаще всего являющиеся также владельцами сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа, и коммерсанты представляют собой среднюю сельскую буржуазию (6% сельского населения). Этой группе принадлежат

ключевые позиции в деревне. Этому способствуют аграрная реформа, некоторая модернизация сельского хозяйства, освоение новых районов, не эксплуатировавшихся ранее из-за отсутствия транспорта и ирригации.

Рост городского пролетариата обгоняет развитие сельского пролетариата, но сельскохозяйственные рабочие по-прежнему составляют важный отряд (35%) пролетариата Колумбии. Следует учитывать также, что формирование сельскохозяйственного пролетариата есть органическая часть всего процесса развития рабочего класса Колумбии.

По подсчетам колумбийского академика Абделя Круса Сантоса, 5% населения — крупная буржуазия, латифундисты — присваивают себе 40% национального дохода; средние классы, составляющие 15% населения, получают 25%, а на долю основной массы трудящихся — 80% населения — приходится всего 35% национального дохода. «В короткий срок, — пишет Крус Сантос, — изменить существующее ныне несправедливое распределение доходов среди населения невозможно»⁶³. Такого же мнения придерживается американский историк Гарри Кантор, считающий, что в 60-х годах крупная городская и сельская буржуазия составляла всего 5% населения Колумбии, средние классы — 15%⁶⁴.

По подсчетам нескольких колумбийских экономистов, национальный доход в Колумбии в 1952 г. распределялся следующим образом (%)⁶⁵:

	От населения	От национального дохода
Высший класс	5	40
Средний класс	15	25
Трудовые классы	80	35

Таким образом, большинство специалистов сходятся во мнении, что господствующие классы — крупная буржуазия, финансисты, помещики, высшие государственные чиновники, преуспевающие врачи и адвокаты — составляют всего 5% населения Колумбии. Авторы фундаментального исследования «Демографические и социальные структуры Колумбии» пришли к выводу, что «высшие классы» составляют 2,7% населения»⁶⁶. А лидер демохристианских профсоюзов в 1965 г. в письме папе римскому писал: «Нет другой такой страны в Латинской Америке, где олигархия так прочно держала бы в своих руках все бразды правления, как у нас, в Колумбии, несмотря на то, что состоит она всего из 43 семейств... Фактически она установила свою экономическую и политическую диктатуру, именуемую «Национальным фронтом». Это система, при которой избирать и быть избранными могут только консерваторы и либералы, при условии, что они рабски выполняют волю 43 семейств»⁶⁷.

Возможно, что колумбийская правящая элита в действительно-

сти более многочисленна, чем полагает лидер демохристианских профсоюзов. Например, по данным испанского журнала «Ревиста де политика интернациональ» за август 1970 г., тысяча сверхбогатых колумбийских семей присваивает себе 40% национального дохода⁶⁸. Как бы то ни было, и в том, и в другом случае, по отношению к 22-миллионному населению сегодняшней Колумбии эта всесильная кучка количественно ничтожна.

Отчетливо прослеживается сращивание государственного аппарата с крупным капиталом. Возьмем для примера лишь последние два десятилетия, в течение которых президентами Колумбии были три виднейших представителя колумбийского «кофейного» бизнеса (Национальной конфедерации кофейпроизводителей): Альфонсо Лопес Пумарехо, Мариано Ospina Перес и Карлос Льерас Рестрепо.

Многие считают, что колумбийская элита надолго сохранит существующую социальную и политическую систему, если сумеет привлечь на свою сторону средний класс. «У колумбийской элиты есть возможность привлечь средние слои к участию в политическом руководстве, не подвергая опасности свои собственные социальные и экономические позиции», — пишет Роберт Дикс⁶⁹.

В численном отношении средний класс Колумбии невелик, но потенциально перспективен. Он включает в себя аппарат государственных и частных учреждений, коммерсантов и бизнесменов, техническую и творческую интеллигенцию, офицерство, часть духовенства, землевладельцев среднего достатка, «белые воротнички», студенчество. Материальное положение отдельных групп среднего класса неодинаково: одни пытаются добиться тех же привилегий и преимуществ, какими пользуется буржуазия, перенимают ее образ жизни, проникаются ее идеологией. Но в своем подавляющем большинстве средние слои охвачены совсем иными настроениями. Стараясь держаться в стороне от политики, они, как правило, не удовлетворены своим положением и осуждают существующую в Колумбии социально-экономическую систему, ропщут по поводу дороговизны, недоступности высшего образования и пр. Эти настроения ширятся по мере дальнейшей капитализации и, стало быть, разорения, пролетаризации мелких собственников.

Увеличивается также прослойка низкооплачиваемых служащих государственных учреждений, частных контор, банков. Вместе со значительной частью интеллигенции они становятся союзниками рабочего класса, все глубже осознают необходимость перемен.

Большую роль в жизни колумбийского общества играет католическая церковь*. Ни одно сколько-нибудь важное событие не происходит без непосредственного и активного участия церковников. Один из консервативных деятелей Колумбии с удовлетворением заявляет: «Церковь и политическая жизнь нации столь взаимосвязаны, что религия стала необходимым жизненным элементом нашей

* В 1970 г. вышло интересное исследование В. П. Андроновой «Колумбия: церковь и общество», в котором рассмотрена идеологическая и практическая деятельность католической церкви и ее организаций в Колумбии. /

цивилизации, нашего прогресса»⁷⁰. Ему вторит известный исследователь Х. Харамильо Урибе: «Ни одно мероприятие государства в политической или социальной области не будет осуществлено, если оно противоречит религиозным чувствам народа и не согласовано с католической церковью»⁷¹. Американский историк Роберт Дикс уточняет: «Очень часто церковь и словом, и делом поддерживала творимые консерваторами акты насилия»⁷².

По данным статистики, 90% колумбийцев — католики. Все церковные приходы объединены в 48 церковных территориально-административных округов (6 архиепархий, 23 епархии и 19 миссионерских территорий)⁷³. В 1960 г. насчитывалось 1433 прихода; в настоящее время их число несомненно возросло; церковнослужителей — около 22 000 (из них 6 архиепископов, 29 епископов, 4094 священника; остальные — монахи). Среднее звено церковной иерархии — священники — пополняется за счет выходцев из буржуазии и средних слоев. В стране действует 148 духовных семинарий, в которых в 1961 г. обучалось около 12 000 человек⁷⁴. В Колумбии имеется 31 мужской монастырь и 86 женских монастырей, где по данным 1960 г. живут 17 403 монахини и монаха. Из имеющихся в Колумбии многочисленных монашеских орденов наибольшую активность развивает орден иезуитов. Монашеские ордена, как и вся католическая церковь в целом, проводят широкую пропагандистскую деятельность в гуще народа, опирающуюся на различные благотворительные организации и учреждения.

В учебных заведениях Колумбии изучение теологии — обязательная часть учебной программы. Роль церкви в системе просвещения огромна. Католическому духовенству дано право иметь своих представителей в руководящих органах всех университетов. Государство со своей стороны гарантирует церкви осуществление этого права⁷⁵.

Либерал Карлос Льерас Рестрепо — президент Колумбии в 1966—1970 гг. — много раз повторял, что «для преобразования колумбийского общества требуется тесное взаимодействие католической церкви с государством в их социальной и просветительской деятельности»⁷⁶. Иными словами, высший государственный сановник вновь подтвердил, что защита прав церкви в области просвещения является одной из задач государства.

Помимо того, что церковь контролирует образование, она — крупный земельный собственник, ей принадлежат радиостанции, газеты, журналы. Создание «Национального фронта», объединившего консервативную и либеральную партии, было одновременно победой князей церкви, поскольку теперь им обеспечена поддержка обеих традиционных партий, а не только консерваторов.

Официальная политика церкви, проводимая ее верхушкой, диктуется, как всегда, стремлением законсервировать существующие порядки, не допустить никаких изменений. Но кризис всей социально-экономической структуры Колумбии и эволюция католицизма в мировом масштабе заставляют задуматься его идеологов и в Колум-

бии. Выдвигаются предложения, имеющие целью сохранить и упрочить существующую социальную систему с помощью реформ, направленных на частичное улучшение уровня жизни трудового народа. Дальше пошли многочисленные группы низшего духовенства, противящиеся реакционной политике князей церкви. Это последнее обстоятельство создает благоприятную основу для диалога между коммунистами и католиками⁷⁷.

Представление о социальной структуре колумбийского общества было бы неполным, если бы мы, хотя бы вкратце, не рассказали о колумбийской армии. Ее офицерский состав тесно связан с лати-фундистами, крупной буржуазией, верхушкой бюрократии и представителями большого американского бизнеса. Колумбийская армия формировалась в процессе становления и укрепления диктатуры земельно-финансовой олигархии и с самого начала ориентировалась не на оборону страны, а на полицейско-бюрократические функции. Ее исключительное положение в осуществлении государственной власти закреплено в конституции и находит свое отражение в официально господствующих политико-правовых доктринах. История Колумбии знает много примеров, когда в борьбе между соперничающими политическими группировками различие между партиями и военными организациями стиралось.

Численный состав колумбийской армии — около 50 000 солдат и офицеров, что составляет примерно 0,3% трудоспособного мужского населения. Одна из особенностей колумбийской армии — почти равное число офицерского и унтер-офицерского состава и рядовых⁷⁸. Вооруженные силы оснащены технически крайне слабо.

В 1956 г. был принят закон о воинской повинности, в соответствии с которым все граждане мужского пола, достигшие 18 лет, считаются военнообязанными в течение 30 лет; в армии служба длится от 12 до 24 месяцев.

Армия играет большую роль в жизни колумбийского общества. Она, если так можно выразиться, «политизируется», поскольку все чаще и активнее вмешивается в политическую жизнь страны. Колумбийская реакция и ее американские покровители делают все, чтобы свести на нет роль армии как защитницы государственных границ, как гаранта национального суверенитета, превратить ее в послушное орудие репрессий, острием своим направленное против растущего национально-освободительного движения. «Если форт Альбрук Филд в Панаме является центром континентальной антипартизанской подготовки, то Колумбия — это испытательный полигон», — заявил один военный деятель США, четко определив, таким образом, место, отведенное Колумбии в военных планах Пентагона⁷⁹.

Одновременно колумбийская олигархия всячески заботится о престиже армии, демагогически пропагандирует ее «прогрессивную» роль, для чего регулярно проводятся так называемые «военно-гражданские дни», когда военные части, расквартированные в городах

Столица Колумбии Богота

и селениях, организуют для местных жителей медицинскую помощь, бесплатные парикмахерские, раздают подарки детям и т. д. Пропаганда этой «мирной миссии» колумбийской армии ставит далеко идущую цель: установить связь с населением, привлечь его на сторону армии.

Социально-политическая роль вооруженных сил в Колумбии обуславливается не только и не столько численностью личного состава армии, характером и мощностью ее вооружения, сколько состоянием других политических институтов страны. Являясь важнейшей частью государственного механизма, военные фактически находятся на службе у правящих классов, поэтому они обязаны с оружием в руках отстаивать их интересы. Не случайно всякий раз, когда правящая верхушка Колумбии, местная реакционная военщина и руководители североамериканской администрации хотят осуществить резкий поворот политики, они делают основную ставку на вооруженные силы. «Единственная сила, которая может в Латинской Америке противостоять марксистам и направить события в иное русло, это, как правило, нацисальная армия, флот и авиация»⁸⁰, — пишет американский журнал «Ньюсуик».

Но вместе с тем армия является частью колумбийского общества, и, следовательно, в ней находят отражение основные противоречия этого общества. Внутри армии тоже происходит брожение: среди личного состава все чаще встречаются люди, которые не согласны с ролью, отводимой колумбийской армии Пентагоном, люди, не желающие быть «окупантами» в своей собственной стране.

Осуждение насилия и террора — не редкость среди передовых военных; эта тенденция в будущем может стать немаловажным фактором политической жизни Колумбии. «В вооруженных силах, — отмечается в политической резолюции X съезда компартии Колумбии, состоявшегося в 1966 г., — происходит процесс дифференциации. Солдаты и патриотически настроенные офицеры с тревогой наблюдают за ущемлением суверенитета и независимости своей страны и с отвращением участвуют в репрессиях против народа. Наиболее сознательные круги вооруженных сил, по мере расширения народной борьбы, должны сыграть важную роль в нашей борьбе за национальное освобождение»⁸¹.

Система образования

Как это ни парадоксально, число неграмотных в Колумбии постоянно растет. В 1905 г. в стране насчитывалось 2 856 тыс. неграмотных, а в 1958 г. — 5 906 тыс. В настоящее время неграмотно 39% взрослого населения. Согласно переписи населения 1964 г. людей с начальным образованием насчитывалось 7 820 577, со средним — 1 034 817 и с высшим — всего 104 635⁸². При этом надо иметь в виду, что к категории грамотных официальная статистика

относит окончивших первый класс сельской школы, т. е. едва умеющих расписаться. Небезынтересно раскрыть цифру 7 820 577 — число колумбийцев с начальным образованием. Выясняется, что к этой категории были отнесены 1 492 730 человек, проучившихся один год, 2 005 265 — с двухклассным и 1 807 928 — с трехклассным образованием⁸³.

В 1964 г. в Колумбии насчитывалось 52 070 специалистов, в том числе 11 199 адвокатов, 9159 врачей (из них 18 хирургов), 4864 медицинские сестры (с дипломом), 1327 агрономов, 444 университетских преподавателя, 41 антрополог. Из них по прямой специальности работали лишь 33 863 специалиста⁸⁴.

По заявлению тогдашнего президента Колумбии Льераса Камарго, в 1960 г. в стране насчитывалось 2 633 740 детей школьного возраста, а школу посещали лишь 1 493 123. Согласно отчету национального департамента планирования, в 1968 г. 24% детей школьного возраста остались вне школы. С 1961 по 1966 г. учащиеся, бросившие школу, — начальную, среднюю и высшую — составляли 55—78%. В Колумбии вообще очень высок процент отсева учащихся; так, в городах начальную школу из 100 учащихся заканчивает 12, а в деревнях — 1. Объяснить это негрудно: подросткам приходится идти работать, чтобы помогать отцу прокормить семью; не хватает денег на учебники и тетради, плохо с одеждой и обувью; в деревнях школьники часто пропускают занятия из-за отсутствия транспорта, а школа, как правило, далеко, на расстоянии многих километров; не хватает школьных помещений и учителей.

Проблема учителей начальной и средней школы стоит в Колумбии очень остро. Уровень подготовки крайне низкий. Учителя без среднего (а в отдельных случаях — и без законченного начального) образования составляли в 1968 г. 56,1%. Лишь 13,9% учителей закончили полную среднюю школу. В 1968 г. 60,4% учителей средней школы не имели законченного среднего образования. Основными причинами низкого уровня преподавания в начальных и средних учебных заведениях являются, по свидетельству департамента планирования, мизерная заработная плата, еще более мизерные ассигнования на образование и «недостаточное внимание», оказываемое повышению квалификации педагогов. Под давлением Международного валютного фонда колумбийское правительство замораживает заработную плату, аргументируя это «необходимостью борьбы с инфляцией». Департамент планирования заверяет, что «компетентные органы не в силах удовлетворить требования об улучшении материального положения учителей»⁸⁵.

С 1935 по 1960 г., т. е. за 25 лет, в Колумбии сменилось 48 министров просвещения. Каждый из них, вступая в должность, делал широковещательные заявления о пользе просвещения, но практические меры предпринимались весьма редко. К этому надо добавить, что в министерстве просвещения руководящие посты занимают, как правило, не специалисты, а политические деятели. Под нажимом общественности в 1957 г. был принят закон, обязавший правитель-

ство ассигновать на нужды народного образования не менее 10% государственного бюджета. Десять лет спустя, в 1967 г., эти средства с грехом пополам удалось получить. В 1968 г. суммы ассигнований на просвещение удалось довести до 12% бюджета, но и этого явно недостаточно.

Как уже говорилось выше, большое влияние на всю систему образования в Колумбии оказывает церковь. Она контролирует учебные программы. Преподавание катехизиса является обязательным во всех учебных заведениях. В соответствии с конкордатом, заключенным Колумбией с Ватиканом в 1887 г. и действующим поныне, вся система образования и воспитания «организуется и направляется в соответствии с догмами и моральным кодексом католической церкви»⁸⁶. Почти 75% средних школ Колумбии, а также многие старейшие высшие учебные заведения страны принадлежат церкви.

Со времен колонизации и практически до наших дней образование, особенно высшее, доступно в Колумбии лишь привилегированному меньшинству. Среднее и высшее образование обходится весьма дорого, поэтому даже семья среднего достатка может дать образование лишь одному человеку и ценой немалых лишений.

В 1961 г. среди студентов Национального университета в Боготе было проведено социологическое обследование. Выяснилось, что 30,3% опрошенных принадлежали к среднему классу, 7,6% — к высшим слоям общества и лишь 5,4% были выходцами из небогатых или неимущих семей⁸⁷.

Ниже приводится динамика роста количества учащихся в 1960—1968 гг.⁸⁸

Количество обучающихся (в тыс.)	1960 г.	1964 г.	1968 г.
В начальной школе	1690,4	2227,4	2733,4
В средней школе всех видов	220,8	362,3	601,2
В высших учебных заведениях	22,7	37,5	62,8

Начальное образование согласно конституции — бесплатное и обязательное, но, как следует из сказанного выше, право это государством никак не гарантировано. Ни возраст поступающих в школу, ни продолжительность обязательного обучения в соответствующем законе не оговорены.

В 1960 г. в Колумбии имелось 17 738 начальных школ, из которых 15 545 находилось в ведении центрального правительства и местных департаментских властей. Остальные школы — частные, большая их часть принадлежит церкви. Лишь половина зданий начальных школ соответствует элементарным требованиям учебного процесса и гигиены; остальные школьные помещения не имеют ни водопровода, ни канализации.

В 1965 г. в Колумбии насчитывалось 23 640 начальных школ, в которых обучалось 2 274 014 учащихся и преподавали 63 250 учителей⁸⁹. В 1968 г. количество начальных школ увеличилось до 27 361, из них 21 492 принадлежали государству и 5869 — частным лицам и организациям, при этом городских школ насчитывалось всего 9552. В том же году в Колумбии работало 100 629 учителей начальной школы⁹⁰.

Срок обучения в начальной городской школе — 5 лет; в деревнях школы чаще всего двухгодичные. Обучение девочек и мальчиков раздельное. Из-за нехватки школьных помещений занятия в сельских школах происходят через день: один день занимаются мальчики, другой день — девочки. За вычетом воскресных и многочисленных праздничных дней учебных дней остается всего 188. Стало быть, на одного учащегося, вынужденного посещать школу через день, приходится 94 учебных дня. Школ, где практикуется такая система обучения, имелось в 1960 г. 8760 из 11 861 государственной школы, действовавшей в сельской местности. К этому надо добавить, что вся «наука» здесь сводится к изучению катехизиса, начальной грамоты и арифметики. Мальчиков знакомят также с основами сельского хозяйства, а девочек учат шитью и вышиванию. В четырехклассной сельской школе изучаются те же предметы, но на их изучение отводится больше часов.

В начальных городских школах на чтение, письмо, иностранный язык отводится 20% учебного времени, на катехизис — 10%, труд — 11%, естественные науки — 11%, на историю и географию — 10%, на физкультуру — 9%, на обучение «хорошим манерам» — 5%, на пение — 3%, на обучение уходу за детьми и домоводство — 1%.

Официально считается, что детям полагается учиться в школе с семи лет, но фактически средний возраст школьников 1-го класса 9—10 лет. Очень высок процент второгодников.

В городских школах из ста учащихся, поступающих в первый класс, до второго класса доходят 64, до третьего — 40, до четвертого — 24 и до пятого — всего 12 детей; в деревенской школе до второго класса доходят 47, до третьего — 5,1 и до четвертого — 0,2 учащихся⁹¹.

Среднее образование как общего, так и профессионального типа продолжается шесть лет. Лица, окончившие средние учебные заведения (колледжи, техникумы, учительские институты), получают степень бакалавра. Из 829 средних учебных заведений, имевшихся в Колумбии в 1960 г., 625 принадлежали частным, в основном церковным корпорациям. В 1968 г. в Колумбии имелось 3519 средних учебных заведений; из них государству принадлежало 1261, а частным организациям — 2258 (64,17%). Еще более разительны данные о количестве средних школ в сельской местности: там было 127 частных и 129 государственных школ, что вместе составляет 7,27% общего количества средних школ страны. 21 056 учителей преподавали в государственных средних школах и 57 189 — в частных. На полной ставке было занято всего 60% учителей, 6,5% ра-

ботали на полставки и 35,2% — на почасовой оплате^{91а}. Большинство государственных средних школ подчинены департаментским властям. Выпускники средней школы в основном мечтают попасть в университет. Так, в 1958 г. социологический опрос показал, что из 214 590 учащихся средних школ 115 041 учились на бакалавра, чтобы затем поступить в университет. В том же году в коммерческих училищах обучались 30 479 учеников, в технических — 10 616, в сельскохозяйственных — 4613, в художественных — 4823 и в духовных семинариях — 4671 человек. Завершает свое среднее образование лишь небольшая часть молодежи. Так, в 1956 г. из 35 000 поступивших в среднюю школу степень бакалавра получили всего 5000 человек. Плата за обучение в средней школе частного типа очень высока: 1500 песо в год; следовательно, за весь курс надо уплатить 9000 песо. Между тем доход семьи среднего достатка не превышает 6000 песо в год.

С 1930 по 1955 г. система среднего образования в Колумбии десять раз подвергалась изменениям и реформам. В 1960 г. среднее образование было разделено на две ступени: первые три года обучения носят общеобразовательный характер, а в последующие три года проводится специализация по избранному профилю работы.

В свете вышесказанного нетрудно прийти к выводу, что план правительства к 1974 г. охватить обучением всех детей школьного возраста утопичен. При нынешних ассигнованиях на народное образование всеобщее обучение невозможно. Если исходить из того, что в классе могут заниматься 40 учеников, то, учитывая рост населения, к 1975 г. необходимо построить 57 тыс. классных помещений; средняя стоимость строительства одного класса — 15 тыс. песо⁹², стало быть, потребуется вложить 885 млн. песо, по 57 млн. песо в год. Между тем ассигнования на строительство школ пока мизерные.

По данным департамента планирования министерства национального образования, в 1970 г. в Колумбии насчитывалось 35 778 учебных заведений, из них 40 университетов (22 государственных и 18 частных). Приводимая ниже таблица показывает тенденцию к уменьшению числа государственных и увеличению числа частных университетов⁹³.

Годы	Государственные университеты (число учащихся)	%	Частные университеты (число учащихся)	%	Всего обучавшихся
1960	13 917	58,5	9 870	41,5	23 787
1966	26 622	53,3	23 308	46,7	49 930
1968 ⁹⁴	33 776	52,5	30 490	47,5	64 260

Гуманитарное образование четырехгодичное; на технических факультетах срок обучения 5—6 лет. Лица, окончившие университет, получают степень доктора.

Преподаватели университетов материально обеспечены плохо. Жалование профессора в среднем не превышает 2000 песо в месяц, профессор университета получает меньше государственного чиновника или работника управленческого аппарата частного предприятия. В 1954 г. была создана Колумбийская ассоциация университетов во главе с национальным советом ректоров.

В 1955 г. в высших учебных заведениях Колумбии обучалось 13 284 учащихся, в 1958 г. — 19 212. До второго курса доходят 60% студентов, до третьего — 15%, а кончают высшее учебное заведение не более 10% поступивших. В 1968 г. на первых курсах имелось 27 842 места, а претендовавших на поступление было 48 075⁹⁵.

Интересны данные, характеризующие специализацию университетских студентов⁹⁶.

Год	Всего студентов	Врачи	Юристы	Архитекторы	Стоматологи	Экономисты	Инженеры
1954	12 000	3200	2300	900	700	300	—
1958	18 212	3430	4966	—	—	—	4553
1968 ⁹⁷	62 239	6744	6480	—	—	8854	14 958

До недавнего времени наибольший приток студентов — на юридический и медицинский факультеты. Однако в последние годы заметно разрослись инженерные факультеты, управления и экономики.

В июле 1958 г. университеты получили автономию. Формально основным органом университета стал высший совет, состоящий из представителей преподавателей и студентов. Но его неперменными членами являются также губернатор департамента и секретарь по просвещению в правительстве департамента. Именно эти два чиновника, не имеющие никакого отношения к университету, и утверждают состав высшего совета университета. Очень невелико в Колумбии количество преподавателей высших учебных заведений: всего 10 724 человека, из них: на полной ставке работают 3889, на полставки — 1325 и на почасовой оплате — 5510⁹⁸.

Прогрессивная общественность Колумбии, и прежде всего студенты и преподаватели, настаивают на подлинной университетской реформе, включающей пересмотр учебных программ, ассигнование необходимых средств на нужды университетов и подлинную университетскую автономию. Последняя означает, в частности, реальное, а не формальное участие студентов совместно с профессорами и преподавателями в управлении всей жизнью университета; университетская реформа предполагает также, что в связи с усиливающимся империалистическим проникновением университеты должны занять патриотические позиции. Университетская реформа должна привести к повышению научного уровня исследовательских работ.

Речь идет, таким образом, не просто о борьбе за академические реформы, а о решении целого комплекса проблем политического характера, в том числе ликвидация жесткой иерархии в руководящих органах университетов, когда глава государства назначает ректора, тот — деканов и т. д.; об избавлении университетов от засилия правительственных чиновников, представителей Национальной ассоциации промышленников (АНДИ), Национальной федерации торговцев (ФЕНАЛКА), которые являются подлинными «ударными группами» олигархии и средством установления контроля последней над университетом.

В сложившейся обстановке возникает настоятельная необходимость создания общенационального студенческого центра. Сейчас единственной организационной формой студенческого движения являются студенческие советы, деятельность которых ограничена рамками отдельных университетов.

В июне 1970 г. в Боготе состоялся семинар по вопросам образования, организованный ассоциацией колумбийских университетов; в нем участвовали студенты, преподаватели, представители правительства, научных учреждений, печати и даже вооруженных сил. Семинар лишний раз показал — это подтвердили большинство выступавших, — что при существующей системе образования колумбийские университеты лишены возможности заниматься подготовкой необходимых стране кадров, и подчеркнул нетерпимость того, что реорганизацией университетов занимаются иностранные организации согласно программам, предусматривающим континентальную интеграцию (выполнением этих программ большей частью руководит правительство, а финансируются они из частных американских фондов).

Борьба за национальное освобождение

Президент Колумбии Мисаэль Пастрана Борреро в речи, произнесенной 7 августа 1970 г. при вступлении на высокий пост, обещал ускорить передачу земли крестьянским кооперативам, расширить систему социального обеспечения трудящихся, улучшить систему просвещения и предоставить гражданские права молодежи не с 21 года, а с 18 лет. В заключение президент предупредил имущие классы, что «если они не пойдут на жертвы во имя социальной справедливости, то безработица и недовольство народных масс ввергнут страну в хаос»¹. Заявление президента — характерное свидетельство обеспокоенности некоторых представителей правящих кругов кризисной обстановкой в стране. Недовольство колумбийских крестьян достигло своего апогея: они стали захватывать поместья. «Ухудшение социальной и политической атмосферы, неустойчивое экономическое положение, обострение проблемы занятости, замедленные темпы аграрной реформы — таковы трудности, с которыми сталкивается новый президент Колумбии Мисаэль Пастрана Борреро через год после того, как он приступил к исполнению своих обязанностей; деятельность его подвергается все более суровой критике»². К этому выводу пришел французский журнал «Монд дипломатик» в конце 1971 г.

В декабре 1971 г. в Боготе состоялся XI съезд Коммунистической партии Колумбии, который дал глубокий анализ положения в стране. Впервые за всю историю Компартии Колумбии на ее съезде присутствовала делегация КПСС. Это явилось свидетельством дальнейшего укрепления братских связей между двумя партиями, которые всегда были проникнуты духом дружбы и товарищества.

В политических тезисах, опубликованных Исполнительным Комитетом компартии к XI съезду, отмечались следующие моменты: увеличение внешнего долга американским финансовым организациям шло такими темпами, что Колумбия оказалась в числе девяти капиталистических стран с наибольшей задолженностью. В конце 1971 г. внешний долг Колумбии достиг огромной цифры — 1,4 млрд. долл. В том же году страна выплатила Соединенным Штатам в виде дивидендов почти 200 млн. долл.

Увеличились частные иностранные капиталовложения, в основном американские. В 1965 г. общая сумма американских частных вкладов составила 526 млн. долл., а в 1971 г. она достигла 800 млн. долл.

Увеличился разрыв между экспортом и импортом, что явилось результатом зависимости внешней торговли и особенно импорта от США. В 1966 г. торговый дефицит составлял 166 млн. долл., а в 1970 г. он равнялся уже 246 млн. долл. От ухудшения торгового баланса страна ежегодно теряла около 100 млн. долл.

Снизилась цена на кофе. Постоянное снижение цен на кофе — основную статью колумбийского экспорта — так же как и колебания цен на кофе на рынке США, отрицательно влияет на капиталистическое развитие страны.

Колумбийские экономисты подсчитали, что с 1958 по 1970 г. Колумбия экспортировала 79 482 000 мешков кофе, за которые должна была получить 6797 млн. долл., а получила 4533 млн., т. е. понесла убытки в 2,3 млрд. долл.³ С середины 1970 по конец 1971 г. Колумбия потеряла 100 млн. долл. в результате снижения цен на кофе. Между тем благополучие 2 млн. колумбийцев связано с производством и продажей кофе⁴. Установлено, что в 1954 г. за 14 мешков колумбийского кофе можно было купить джип, а через 15 лет — только за 43 мешка.

Выросли налоги, в основном косвенные, с 3468 млн. песо в 1966 г. до 6110 млн. песо в 1970 г.

Обещанной аграрной реформы правительство не провело, сделав лишь первые робкие шаги в этом направлении. Основное требование о ликвидации латифундий так и осталось невыполненным. Согласно данным института Национального статистического управления, в стране насчитывается 2454 латифундии, площадь которых составляет более 5 млн. га. 23,3% крестьян Колумбии — арендаторы, исполщики и издольщики. Более половины из них занимают участки менее 3 га. Сдавая землю крестьянину, помещик не несет никаких расходов. Он получает лишь доход — половину или три четверти урожая. Вся тяготы по обработке земли ложатся на арендатора.

Экономическая политика крупной буржуазии при правлении президентов Льераса Рестрепо и Мисаэля Пастраны способствовала обогащению национальной олигархии и иностранных монополистов и отрицательно сказалась на уровне жизни трудящихся⁵.

Положение трудящихся

Определенные сдвиги, происшедшие в колумбийской экономике — рост промышленности, капитализация сельского хозяйства, укрепление государственного сектора, — не затронули катастрофического положения трудящихся. И в последние годы положение трудящих-

ся продолжало ухудшаться. Индекс уровня жизни (1952 г. = 100) упал с 147 в 1962 г. до 112 в 1964 г. и продолжает падать. Правительство было вынуждено признать, что реальная заработная плата рабочих перерабатывающей промышленности (наиболее высоко оплачиваемых) снизилась с 1962 по 1965 г. на 5%⁶. За этот же период заработная плата служащих сократилась на 12%. Хуже всего положение сельскохозяйственных рабочих, поскольку у них не только самая низкая зарплата, но и самый продолжительный рабочий день. Статистические данные показывают, что месячный доход 39% населения равен 117 песо и 40% — 238 песо на человека⁷. В 1964 г. доход на душу населения составлял 281 долл. в год, а в 1968 г. — 255 долл.⁸ В 1971 г. он поднялся до 300 долл.⁹ По официальным данным, картина распределения доходов среди населения выглядит следующим образом¹⁰: 20% населения (неимущие) получают 5,9% национального дохода; 30% населения (с ниже чем средним достатком) — 14,3%; еще 30% населения (со средним достатком) — 23,1%; 20% населения (зажиточная часть) — 56,7% (при этом следует иметь в виду, что половина беднейшего населения получает всего 2,5% национального дохода, а 10% зажиточной части населения получают 42,7% дохода).

Колумбийский журнал «Экономика и эстадистика» провел опрос жителей семи городов (средняя рабочая семья, % семейного бюджета)¹¹:

Город	Питание	Квартирная плата	Одежда	Прочие расходы: образование, транспорт, лекарства, развлечения и т. д.
Богота	48,7	21,7	12,1	17,5
Медельин	46,3	23,2	9,9	20,6
Кали	46,6	25,4	11,4	16,6
Барранкилья	52,8	23,0	8,1	16,1
Букараманга	53,7	27,2	6,9	12,2
Манисалес	48,6	23,3	10,6	17,5
Пасто	51,5	25,1	9,4	14,0

Из этой таблицы вытекает, что три основные статьи расхода: питание, квартирная плата и одежда — поглощают от 80 до 88% зарплаты (по мнению многих современных экономистов и социологов, семья не должна тратить на питание больше 40% заработка, иначе она утрачивает покупательную способность).

Продоланные обследования привели авторов работы «Демографические и социальные структуры в Колумбии» к выводу о том, что 5% населения Колумбии живут в прекрасных условиях, 25% населения влачат нищенское существование «в нечеловеческих условиях», 55% колумбийцев живут «чуть лучше» и лишь 15% имеют средний уровень жизни.

По данным Хосе Лебре, сельскохозяйственные рабочие в 1951 г. получали следующую дневную плату (в песо)¹²:

	Средний минимум	Департамент	Средний максимум	Департамент
Район теплого климата				
с питанием:				
мужчины	1,30	Бояка	3,05	Кальдас
женщины	0,65	Боливар	1,85	Кальдас
без питания:				
мужчины	1,90	Нариньо	4,80	Толима
женщины	1,15	Нариньо	3,00	Кальдас
Район холодного климата				
с питанием:				
мужчины	0,85	Нариньо	2,85	Чоко
женщины	0,45	Нариньо	1,75	Валье
без питания:				
мужчины	1,65	Нариньо	4,50	Толима
женщины	0,95	Нариньо	2,80	Толима

Приведенные данные показывают, что и без того низкая зарплата сельскохозяйственных рабочих снижена женщинам в 1,5—2 раза. Между тем женщина зачастую является главой семьи.

Подсчеты экономистов показывают, что $\frac{2}{3}$ заработка среднего колумбийца идут на питание, $\frac{1}{6}$ — на жилье, остальное — на отопление и одежду. Было проведено обследование условий жизни в северо-восточной части г. Медельина, в рабочем районе Баррио Кастилья; выяснилось, что в домах нет электричества, воды и канализации; улицы используются как места для стирки белья и для туалетов. Во время дождя по улицам Баррио Кастилья передвигаться невозможно. В районе нет ни одного врача. В 50-х годах средний дневной заработок жителей таких районов составлял 1,2 долл., а дневной заработок семьи из 6 человек — 3,95 долл.¹³, т. е. по 65 центов на человека.

Инфляция стала настоящим бедствием для трудящихся города и деревни. С 1955 по 1964 г. стоимость жизни увеличилась на 200%. Особенно наглядно это видно на продуктах питания: с 1955 по 1965 г. цена на сахар увеличилась в 5,5 раза, на жиры — в 3,5, на рис — в 4, на мясо — более чем в 2 раза, на молоко — в 12 раз¹⁴. Значительно вздорожали квартирная плата и коммунальные услуги, в 2 раза повысились тарифы на проезд в городском транспорте. По данным Национального статистического управления Колумбии, стоимость жизни в стране за 1972 г. возросла на 15,5%. Наиболее резко подскочили цены на продукты питания и одежду. Значительно возросла квартирная плата.

75% населения не потребляют и 1900 калорий в день. От 50 до 80% колумбийцев почти не едят мяса. В среднем колумбиец потребляет в год 123 литра молока, 26,5 кг мяса, 1,5 кг рыбы,

Трущобы в пригородах Боготы

3,1 кг яиц, 60,1 кг сахара, 81,3 кг овощей, 3,3 кг сливочного и растительного масла, 48,9 кг злаков¹⁵. Поскольку большая часть населения хронически недоедает, естественно, сопротивляемость болезням низкая. В некоторых районах 80% населения страдают болезнью зоба. По данным Милтона Пуэнтеса, 3,5 млн. колумбийцев больны малярией, 200 тыс. — туберкулезом, 2 млн. — опасными тропическими болезнями¹⁶. Тиф, желтая лихорадка, дизентерия часто носят характер эпидемий.

Медицинское обслуживание неудовлетворительно. В 1971 г. в Колумбии насчитывалось всего 780 больниц с общим числом коек 48 тыс. Большинство больниц частные. Лишь половина больниц приспособлена для хирургических операций. В 40-х годах один врач приходился на 3310 человек, в 50-х — на 2900, в 60-х — на 2500. При этом больше половины врачей работают в Боготе и других крупных городах страны, в сельской местности один врач приходится на 11 тыс. жителей. Лишь в 1947 г. было создано министерство здравоохранения. Бюджет его, как правило, не превышает 4% национального бюджета¹⁷.

Низкий уровень медицинского обслуживания наряду с тяжелыми условиями труда и жизни трудового населения — главная причина высокой смертности.

Детская смертность вызывает большую тревогу. В 1972 г. в докладе конгрессу министр здравоохранения Хосе Мариа Саласар сообщает, что в Колумбии ежедневно умирает 130 детей в возрасте до одного года. В большинстве случаев это происходит из-за болезней, вызванных недоеданием.

«В то время как 60% колумбийцев не могут получить медицинской помощи, все больше и больше специалистов-медиков покидают родину»¹⁸, — констатировала в сентябре 1970 г. газета «Республика». С 1965 по 1968 г. из Колумбии в США эмигрировали 21 400 врачей. Сейчас (1972 г.), по скромным подсчетам, Колумбии нужно иметь 80 тыс. врачей, а имеется менее 10 тыс., из которых $\frac{3}{4}$ работают в пяти крупнейших городах.

Колумбийские трудящиеся живут в ужасных жилищных условиях. По данным ООН, в 1962 г. в Колумбии только в городах не хватало 279 тыс. жилых помещений, а в 1966 г. — 500 тыс. В 1960 г. власти обследовали жилищные условия промышленных рабочих двух районов Боготы и получили очень неутешительные результаты: 90% опрошенных семей живут крайне скученно — в среднем по 8,6 человека в домишке из двух крохотных комнат¹⁹. В 1972 г. 900 тыс. жителей Боготы жили в невыносимых жилищных условиях. В беседе с корреспондентом газеты «Эль Тьемпо» директор Института территориального кредита заявил, что для того чтобы в ближайшие 30 лет решить жилищную проблему, необходимо вкладывать в жилищное строительство почти в четыре раза больше, чем вкладывается: сейчас ежегодно строятся 30 000 домов, а чтобы удовлетворить элементарные нужды населения, надо строить 113 000²⁰.

В 1970 г. в Колумбии не хватало 693 239 квартир. За 30 лет, с 1940 по 1970 г., было построено всего 122 000 квартир, или 4000 в год²¹. При таких темпах жилищную проблему удастся решить лишь через 175 лет!

40% жилищ состоят из одной-двух комнат, 38,6% — из трех-четырех. Менее 30% жилых помещений имеют водопроводную воду и менее 20% квартир имеют душ. По официальным данным, в жилье нуждаются более 3 млн. колумбийцев. 700 тыс. городских семей живут в условиях, не отвечающих самым элементарным требованиям. Почти 90% жилых домов не имеет электрического освещения.

Условия жизни в деревне примерно такие же, как в рабочих кварталах больших городов. Со времен испанской колонизации здесь почти ничто не изменилось. Крестьянская хижина (обычно без окон) площадью не более 20 кв. м разделена на 3—4 комнаты. В таком доме обычно живет не менее шести человек. Одна из комнат — кладовая для хранения продуктов и инвентаря. Нет ни водоснабжения, ни канализации. Моются редко. Освещение — керосиновая лампа. Убранство хижины: стол, лавки и маты, на которых спят, укрываясь теми самыми руанами, в которых ходят днем. От 50 до 90% сельских жителей ходят босиком; обувь — первый признак «зажиточности».

Водоносы в столице

Журнал «Экономиа коломбиана» — орган министерства финансов Колумбии — писал: «Более 90% колумбийского населения не имеют представления ни об удобствах, ни о социальном обеспечении, ни о культурных развлечениях, ни о возможностях современной цивилизации». Подчеркивая «астрономический разрыв» в материальном положении господствующей олигархии и большинства населения страны, журнал признает: «Хуже всего то, что этот разрыв, видимо, сохраняет те же социальные масштабы, какие он имел в эпоху испанского колониального господства»²².

В феврале-марте 1970 г. в Колумбии была проведена первая национальная конференция по проблемам семьи, детей и молодежи. Врач Луис Карлос Очоа в своем выступлении отметил, что «ежедневно от голода умирают около ста детей», что 10% населения городов живут без водопровода, а 20% — без канализации; в сельских районах 77% населения живет в домах без водопровода и 70% — без канализации.

В последние годы в Колумбии угрожающе растет безработица. По данным подкомитета по делам Латинской Америки палаты представителей США, в 1967 г. число безработных в Колумбии достигло 20%. Колумбийский национальный департамент статистики опубликовал в 1969 г. данные о безработице: в сельском хозяйстве коли-

чество безработных составляло 18,8%, в промышленности — 17,55% и в сфере обслуживания — 17,18%²³. В абсолютных цифрах в 1965 г. армия безработных составляла около 500 тыс., а к концу 1970 г. — 900 тыс. человек²⁴. Согласно имеющимся прогнозам, если в ближайшие годы не будут приняты радикальные меры по оздоровлению обстановки, то количество безработных увеличится до 4 млн. человек²⁵. С середины 60-х годов капиталовложения в основные отрасли промышленности сокращаются, многие предприятия закрываются, что ведет к еще большему росту безработицы. Называя колоссальную цифру — 900 тыс. безработных, мы не уточнили, что в стране имеется еще около 2 млн. частично безработных — лиц, занятых неполный рабочий день или имеющих временную работу. Подсчитано, что за счет молодежи, пополняющей категорию экономически активного населения, и безземельного крестьянства резервная армия возрастает на 300 тыс. рабочих рук в год. А промышленность, сфера обслуживания и другие отрасли хозяйства в состоянии поглотить не более 60 тыс. работников²⁶.

В правительственных кругах и на страницах колумбийской печати все время идут дискуссии о способах ликвидации безработицы²⁷.

Разорение деревни влечет за собой пополнение огромной армии наемных рабочих. Промышленные предприятия не могут поглотить нарастающий приток рабочей силы из деревни. Вокруг крупных городов скапливается огромная масса обездоленных людей, влачащих нищенское существование, стремящихся найти хоть какой-то заработок. Это дает возможность иностранному капиталу и местной буржуазии вести наступление на права рабочего класса, поддерживать высокий уровень эксплуатации и низкую заработную плату.

Генеральный секретарь профсоюза работников черной металлургии Луис Энрике Муньос в письме в редакцию советского журнала «Новое время» писал: «Идет наступление на те немногие социальные завоевания, которых трудящиеся добились ценою долгих лет борьбы. Сейчас правительство предоставило предпринимателям право отказываться от взятых ими по трудовым договорам обязательств. Вследствие этого мы, рабочие, порой теряем половину своих заработков. Если учесть, что при этом ежедневно растет стоимость жизни, то без преувеличения можно говорить об угрозе нищеты, нависшей над трудящимися Колумбии»²⁸.

Борьба за организацию объединенного народного движения

17 июля 1970 г. исполнилось сорок лет со дня создания Коммунистической партии Колумбии — боевого авангарда колумбийских трудящихся. В приветствии ЦК КПСС Центральному Комитету Коммунистической партии Колумбии говорится: «На протяжении долгих и трудных лет борьбы Компартия Колумбии показала себя стойким борцом за интересы рабочего класса, крестьянства, всего

Продавцы местного топлива

трудового народа Колумбии, за мир, демократию и социализм. Рост влияния партии колумбийских коммунистов во внутривластительской жизни страны несомненно связан с последовательной патриотической позицией партии в защиту национального суверенитета и неослабной борьбой за сплочение всех прогрессивных сил страны под знаменем свободы и демократии»²⁹.

За 40 лет своей деятельности компартия дважды вынуждена была уходить в подполье. Коммунисты подвергались жестоким преследованиям; только за два последних десятилетия были убиты двадцать членов ЦК компартии.

В период разгула реакции в 1948—1957 гг коммунисты не пали духом и в тяжелейших условиях подполья продолжали борьбу. «Висленсия», эта необъявленная война олигархии против народа, принесла неисчислимые бедствия трудящимся, но после свержения диктатуры начался новый подъем рабочего движения, новый этап в жизни партии. Забастовочная борьба давала свои плоды. В последние годы рабочий класс успешно применял тактику занятия предприятий, чтобы вынудить капиталистов удовлетворить требования бастующих. На основании опыта последних лет X съезд Коммунистической партии Колумбии (1966 г.) выдвинул лозунг: «Против

закрытия заводов и фабрик, за ликвидацию безработицы, за рабочий контроль над предприятиями, за участие трудящихся в управлении предприятиями».

К забастовочному движению примкнули средние городские слои населения, включая государственных служащих. Так, в 1966 г. состоялась забастовка 70 тыс. учителей начальной школы, требовавших повышения заработной платы и ассигнования 20% государственного бюджета на нужды просвещения. Забастовка встретила широкую поддержку и солидарность, бастующие добились удовлетворения большей части своих требований.

Более двух месяцев длилась в 1972 г. общенациональная забастовка учителей начальных и средних школ страны. Основные требования забастовщиков: отменить реакционный «статус преподавателя», повысить зарплату, прекратить репрессии против учителей. В забастовке участвовали свыше 100 тыс. работников просвещения. Обстановка особенно обострилась, когда к бастовавшим учителям присоединились студенты и преподаватели многих университетов. Забастовщики провели многочисленные демонстрации, как правило, заканчивавшиеся жестокими столкновениями с полицией. И все же учителя при широкой поддержке всех трудящихся страны добились удовлетворения своих требований: на 10% увеличена зарплата, всем участникам забастовки гарантирована неприкосновенность, освобождены арестованные, восстановлены на работе уволенные учителя. Забастовка учителей — наглядный пример роста политического сознания трудящихся, их стремления к единству действий.

Другой формой борьбы колумбийских трудящихся являются так называемые гражданские забастовки, порой охватывающие целые города и даже районы — например, против повышения тарифов на коммунальные услуги, послушно осуществляемого властями по требованию американских финансовых организаций (в качестве условия предоставления займов, при помощи которых правительство надеется преодолеть растущий дефицит).

Борьба трудящихся деревни все чаще выливается в занятие крестьянами латифундий. Подобная форма протеста бытует и в городах, где бедняки занимают пустующие участки, чтобы хоть как-то решить вопрос жилья.

Недовольство колумбийских крестьян проведением аграрной реформы приняло небывалые масштабы. Национальная ассоциация земледельцев, насчитывающая 1,5 млн. членов, сформулировала так называемый «крестьянский мандат» — прогрессивную программу раздела земли. Только за 1971 г. ассоциация организовала в 22 департаментах страны силами 150 тыс. крестьян захват 473 помещичьих имений общей площадью в 700 тыс. га. И хотя большинство крестьян пока согнаны с занятых земель, ассоциация продолжает борьбу.

В феврале 1973 г. на севере Колумбии более 800 доведенных до отчаяния своим бедственным положением крестьян захватили земли, принадлежавшие латифундистам.

В ожидании автобуса

Профсоюзные организации колумбийских трудящихся в настоящее время насчитывают 1 млн. членов, т. е. около 70% городских и сельскохозяйственных наемных рабочих пока профсоюзами не охвачены.

С 1964 г. успешно действует прогрессивная организация трудящихся — Профсоюзная конфедерация трудящихся Колумбии — ПКТК (в ее рядах — более 170 тыс. членов); она борется за единство действий трудящихся, за создание единого профсоюзного объединения. ПКТК систематически выступает как организатор крупных экономических и политических битв.

Кроме ПКТК существует еще несколько профсоюзных объединений, главными из которых являются Союз трудящихся Колумбии (СТК) и Конфедерация трудящихся Колумбии (КТК). Союз трудящихся Колумбии, по утверждению его лидеров, объединяет 700 тыс. членов. СТК ориентируется на клерикальные круги и входит в проамериканскую Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП) и Межамериканскую региональную конфедерацию трудящихся (ОРИТ). В конце 1969 г. консервативная газета «Република» на первой полосе поместила документ, подпи-

санный членом исполкома СТК Эухенио Колорадо, в котором он признает, что ежемесячно получает через посольство США жалование в размере 4000 песо³⁰.

На КТК, возглавляемую представителями либеральной партии, тоже большое влияние оказывается из США, непосредственно через американское посольство в Боготе. КТК входит и в МКСП, и в ОРИТ и, как правило, поддерживает правительства Национального фронта.

Несмотря на упорное наступление хозяев и правительства на права рабочих, на их организации, колумбийский пролетариат смело отстаивает свои интересы, борется за единство рабочего движения.

Блестящим примером единства действий было забастовочное движение, начавшееся в январе 1969 г. против повышения тарифов на транспорте, в электроснабжении и в других сферах обслуживания и развернувшееся главным образом в промышленных городах Кали, Медельине и Боготе. Это движение получило отклик по всей стране.

В ПКТК вступают все новые организации, среди них — Федерация рабочих текстильной промышленности и некоторые профсоюзы департамента Бояка, профсоюз строителей и профсоюз медицинских сестер города Согомосо, профсоюз сельскохозяйственных рабочих муниципального округа Парахито, профсоюз строителей гидроэлектростанции Прадо в департаменте Толима, профсоюз рабочих компании «Панамериканские транспортные перевозки» в Боготе и др.

Одновременно с январским движением трудящихся развернулась борьба рабочих цементной промышленности; правильно оценив сложившуюся обстановку, ПКТК сумела так повести дело, что требования рабочих цементной промышленности были удовлетворены. Федерация рабочих строительной и цементной промышленности значительно выросла после этого.

Для единства действий рабочего класса большое значение имело массовое празднование Первого Мая 1969 г. После двадцати лет осадного положения, когда рабочий класс вынужден был отмечать свой праздник в небольших закрытых помещениях, тысячи людей вышли на площади и улицы. В таких городах, как Барранкилья, Ибаге и Кукута, состоялись торжества, в которых вместе с федерациями, входящими в ПКТК, участвовали профсоюзные ячейки СТК и КТК.

Одной из важных форм проводимой ПКТК борьбы за единство профсоюзного движения является координация боевых выступлений трудящихся, объединенных в национальные федерации по отраслям промышленности. Сейчас, например, координируют свои действия 13 профсоюзных организаций служащих департаментов Валье дель Каука, Сантандер, Толима и Антиокия, включая главные города провинций — Кали, Медельин, Ибаге и др.

Колумбийские коммунисты всегда выступали за единство рабо-

чего движения, они способствовали созданию единого рабочего центра еще в 30-х годах и борются за сплочение трудящихся в наши дни. Эта линия находит горячую поддержку колумбийского народа.

Компартия разоблачает политику правительства в сельском хозяйстве, несостоятельность аграрной реформы. Когда обсуждался закон об аграрной реформе, его основной автор — Льерас Рестrepo сам признал, что 3,5% землевладельцев принадлежало в 1962 г. более 64% земель. 6902 крупных помещика сосредоточили в своих руках 11 052 383 га земель, в то время как 280 000 бедных крестьян владеют участками площадью менее 1 га, что не может обеспечить им прожиточный минимум и вынуждает большую часть года работать в крупных поместьях.

Для проведения аграрной реформы в рамках «Союза ради прогресса» (как ответ на социалистическую аграрную реформу на Кубе) в Колумбии был создан Национальный институт земельной реформы (ИНКОРА). Согласно заявлению управляющего ИНКОРА Карлоса Вильямиля, в стране насчитывалось 400 тыс. крестьян, которые потенциально могут купить землю в рассрочку. Число их в связи с ростом населения увеличивается примерно на 50 тыс. в год. Учитывая, что означенный институт ежегодно выдавал в среднем 12 тыс. документов на право владения землей, можно себе представить, как еще далеко до осуществления принципа «превратить каждого крестьянина в собственника земли, которую он обрабатывает»³¹.

В 1969 г. в ИНКОРА разразился большой скандал: были вскрыты крупные хищения и коррупция. Дело дошло до того, что сенатор Игнасио Вивес, выступивший с сенсационными разоблачениями продажности высших чиновников ИНКОРА, был посажен в тюрьму. Лишь всеобщее возмущение, вылившееся (в декабре 1969 г.) в многотысячную демонстрацию и митинг на площади Боливара в Боготе, заставило реакцию отступить и сенатор Вивес был выпущен на свободу³².

В интервью шведской газете «Нюдаг» генеральный секретарь компартии Колумбии Хильберто Виейра в 1967 г. сказал: «Коммунистическая партия Колумбии выражает интересы рабочего класса — самой действенной социальной силы в нашей стране. Сейчас в Колумбии более 600 000 рабочих, занятых в промышленности, и около 1,5 миллиона сельскохозяйственных рабочих. Наша партия считает, что рабочий класс призван возглавить революционную борьбу всех трудящихся Колумбии. Мы уверены, что колумбийский рабочий класс выполнит свою историческую миссию, добьется единства, преодолев разногласия в профсоюзном движении, которые сознательно разжигаются империалистическими монополиями и государственным аппаратом. Что касается крестьян, то следует сказать, что КПК пользуется значительным влиянием в сельскохозяйственных районах страны. Большинство членов нашей партии — это сельскохозяйственные рабочие. Крестьянство остается важной ре-

волюционной силой; оно призвано стать союзником пролетариата»³³.

В последнее время компартия обращает особое внимание на укрепление единства рабочего класса Колумбии и его связей с крестьянством. Она поддерживает и справедливые требования студентов, выступления прогрессивно настроенной интеллигенции.

Колумбийские учащиеся, прежде всего студенты университетов, начиная с 1928 г., когда они выступили против реакционного правительства, играли и играют важную роль в общенародной борьбе за демократию. Борьба колумбийского студенчества за демократическую университетскую реформу, против влияния в некоторых университетах североамериканских монополий (осуществляемого, например, через фонд Рокфеллера) в течение 1970—1973 гг. почти не прекращалось. Студентов бросают в тюрьмы, их судят военные трибуналы. Национальный университет то и дело закрывают. В 1972 г. ректор Национального университета Хорхе Ариас, вступив в конфликт с президентом республики, подал в отставку. Ариас осудил одобренные главой государства бесчинства полицейских и солдат во время студенческих демонстраций. В течение 1972 г. полиция и войска неоднократно занимали территорию Национального университета.

Впервые в истории Колумбии (и, по-видимому, всей Латинской Америки) в 1972 г. в течение двух недель бастовали 30 тыс. служащих судебных органов Колумбии, требовавших повышения зарплат. Забастовка прекратилась лишь после того, как конгресс обещал рассмотреть вопрос и повысить жалованье судебных работников на 40%.

Жизнь священника Камило Торреса — яркое свидетельство новых веяний в католической церкви Колумбии. В июле 1968 г. на вилле «Голконда» близ города Буэнавентуры группа «мятежных священников» провела первую «конференцию протеста»; в декабре 1968 г. они опубликовали манифест, призывающий к пробуждению «революционного сознания»³⁴. В этом документе на восемь страницах обличались «власть, богатство и засилье церкви», содержался призыв к созданию правительства, которое «положит конец угнетению человека человеком». Среди «мятежных священников» были высокие церковные сановники, в том числе епископ города Буэнавентура Херардо Валенсия Кано. «Колумбия, — говорилось в документе «группы Голконда», — находится в трагической ситуации слаборазвитой страны». Несмотря на провозглашенную восемь лет назад аграрную реформу, 70% земли по-прежнему в руках кучки латифундистов. У 750 тыс. крестьян вообще нет своей земли. В колумбийских городах 700 тыс. человек не имеют работы. Ежегодно число безработных увеличивается примерно на 200 тыс. человек»³⁵.

Но руководители группы «Голконда» недооценивали роль рабочего класса и его политического авангарда — компартии и в результате утратили связь с массами.

Митинг бастующих нефтяников

Многие священники Колумбии и даже представители церковной иерархии вынуждены признать, что вопиющее социальное неравенство и отсталость являются сегодня наиболее серьезной проблемой для Латинской Америки.

В июле 1970 г. священник Густаво Перес Рамирес, социолог и руководитель влиятельного колумбийского Института развития, заявил: «Сосредоточение экономической мощи в руках меньшинства, связанного с иностранными вкладчиками капиталов, влечет за собой концентрацию политической власти, создает монополии во всех сферах жизни, отдаёт право принимать решения в руки небольшой горстки людей...» «Колумбии не избежать серьезных потрясений, если в сознании ее правящих кланов не произойдет решающего сдвига. Если эти последние не в состоянии опереться на народ и на основе конструктивной программы совершить мирную революцию, неизбежна революция кровопролитная»³⁶. Это слова падре Хосе Лебре, досконально изучившего положение сегодняшней Колумбии.

«Коммунизм сегодня,— пишет упоминавшийся нами священник Херман Гусман, автор напумевшей книги «Насилие в Колумбии»,— это факт, реальность которого никто не может оспаривать. Марксистские идеи находят отклик во всем мире, ими руководствуется с каждым днем все большее число людей»³⁷.

С мая 1964 г. партизанское движение в Колумбии вступило в **новый этап: обширные крестьянские зоны подверглись** атакам правительственных вооруженных сил, осуществляющих разработанный военной миссией США план «превентивной войны». Крестьяне вынуждены были оказать вооруженное сопротивление, перейти к партизанской войне.

Партизанские действия в Колумбии не прекращаются, и силы реакции, несмотря на мощную поддержку империалистов США, не в состоянии их подавить. Однако Коммунистическая партия считает, что партизанские действия не являются сейчас основной формой борьбы колумбийского народа, поскольку имеются широкие возможности для самых разнообразных мирных форм борьбы. Партизанская борьба может стать главной формой борьбы, если в стране резко ухудшится политическая ситуация, если к власти придет открыто деспотическое правительство, которое введет террор и развернет наступление на уже завоеванные народом демократические свободы.

Генеральный секретарь компартии Колумбии Хильберто Виейра в мае 1970 г. писал: «Тактическая линия Коммунистической партии Колумбии — это сочетание всех форм борьбы. При этом она рассматривает вооруженные партизанские действия как обязательный фактор борьбы против насилия господствующих классов и военной интервенции империализма США. Наша партия считает, что в Колумбии революционный путь должен основываться на использовании всех форм и методов борьбы масс в таких сочетаниях, которые отвечают конкретным местным и общенациональным условиям. Партия рассматривает крестьянскую партизанскую войну как одну из наиболее высоких форм массовой борьбы. Эта борьба, по нашему мнению, может консолидироваться только там, где она отвечает потребностям масс и пользуется их поддержкой»³⁸.

В тезисах Исполкома ЦК Компартии Колумбии, посвященных 40-летию компартии и принятых в июле 1970 г., говорится: «Изучение колумбийской действительности приводит коммунистов к выводу, что неизбежна и необходима народная и демократическая аграрная и антиимпериалистическая революция, которая покончит с латифундиями, уничтожит зависимость страны от империализма, ликвидирует экономическую и политическую мощь крупных иностранных и национальных монополий и установит народную власть, которая откроет путь к социализму... Для достижения этих задач колумбийской революции необходимо разгромить врагов народа, создать великий Патриотический фронт национального освобождения, который соединит в один поток всю борьбу колумбийского народа, главные задачи которой тесно связаны с возникновением демократической, независимой, народной и прогрессивной Колумбии, управляемой революционным правительством»³⁹.

Вопросу создания патриотического фронта было уделено много внимания на XI съезде компартии Колумбии, состоявшемся в де-

Антиимпериалистическая демонстрация в г. Боготе

кабре 1971 г., Генеральный секретарь КПК Хильберто Виейра в отчетном докладе сделал глубокий анализ политической и экономической обстановки в Колумбии, отметив, что страна переживает серьезный социальный кризис. Наша партия, заявил он, вновь подтверждает положение, выдвинутое X съездом, что единственный путь к осуществлению революционных преобразований, в которых нуждается наша страна,— это создание объединенного народного движения, единого широкого фронта, основанного на сотрудничестве рабочих и крестьян при активном участии средних слоев, студенчества, интеллигенции, демократически настроенных военных.

Выборы в местные органы власти — ассамблеи департаментов и муниципальные советы — подтвердили настоятельную необходимость объединения всех демократических сил страны. Эти выборы, состоявшиеся 16 апреля 1972 г., были не просто заменой одних лиц другими, это была проба сил, в которой участвовали, кроме либеральной и консервативной, прочие партии и группы. Из-за непоследовательности позиции руководителей АНАПО эта организация заметно утратила свое влияние. Большую роль сыграла и семейная иерархическая структура партии АНАПО, при которой руководитель партии и ее национальный директор назначают национальное руководство партии, которое в свою очередь назначает руководство в департаментах, а последние — руководство в муниципалитетах. Кроме того, среди руководящих деятелей есть люди,

связанные с помещиками⁴⁰. Если на президентских выборах 1970 г. АНАПО собрал почти половину голосов, то в 1972 г. — лишь четверть. 40% голосов достались либералам, 30% — консерваторам. Большого успеха на этих выборах добилась Коммунистическая партия, показавшая, что она является значительной политической силой. 8 депутатов-коммунистов избраны в ассамблею 7 департаментов страны и около 100 входят в муниципальные советы⁴¹. Генеральный секретарь ЦК компартии Хильберто Виейра был вновь избран членом муниципального совета столицы и депутатом ассамблеи столичного департамента. В конце 1972 г. Х. Виейра писал:

«В нашей стране назревает глубокий политический кризис. Система паритетного господства традиционных партий рушится. Попытки реакции сохранить жизнь этому антидемократическому уродцу провалились. Компартии удалось расширить базу своей легальной деятельности. Впервые за долгое время она смогла принять участие в выборах в муниципальные советы и департаментские ассамблеи и добилась на них успеха. Только Национальный конгресс пока еще монополизирован консерваторами и либералами, но лишь до 1974 г., когда состоятся всеобщие выборы. Мы боремся за сплочение демократической оппозиции, на основе которой сможем создать широкий антиимпериалистический фронт»⁴².

Ряд политических группировок потерпели сокрушительное поражение. Например, группа бывшего министра труда Белисарио Бетанкура, входившая ранее в консервативную партию (затем она присоединилась к АНАПО и вновь откололась). Странники Бетанкура, собравшие на выборах 1970 г. почти 400 тыс. голосов, в 1972 г. набрали всего 20 тыс.⁴³

Неудача на выборах 1972 г. привела к внутреннему кризису АНАПО. В августе 1972 г. 17 членов парламента, избранных в 1970 г. от АНАПО, вышли из его рядов, обвинив руководство Национального народного союза в том, что оно погрязло в неразрешимых противоречиях, оторвалось от масс и занимает сектантскую позицию. Объясняя причины своего решения, сенатор Эрнандо Эчевеppi Мехиа заявил, что АНАПО фактически лишен политического руководства, допускает ошибки, а генерал Рохас Пинилья «по состоянию здоровья и из-за преклонного возраста непосредственно возглавить руководство не может»⁴⁴. Неодобрительно отнеслись влиятельные члены АНАПО и к заявлению Рохаса Пинильи о том, что если он не сможет сам довести до конца свою предвыборную кампанию, то на посту кандидата в президенты его заменит дочь Мария Эухения Рохас де Пинилья⁴⁵.

Сразу после выборов 16 апреля 1972 г. руководители разных групп либеральной и консервативной партий стали подыскивать преемника Пастрани Борреро на президентских выборах 1974 г.

Весьма активно действует бывший президент Колумбии Карлос Льерас Рестрепо, пытающийся объединить под своим руководством

Колумбийская молодежь вместе с Кубой

многочисленные группировки либеральной партии. Льерас Рестrepo созвал своих сторонников, избранных в местные органы власти, и они провозгласили его единоличным руководителем либеральной партии. Однако лидер другой влиятельной группы либералов Хулио Сесар Турбай воспротивился избранию Льераса. Начались длительные переговоры, завершившиеся в августе 1972 г. договором об избрании Льераса единоличным главой либеральной партии. На конвенции, состоявшейся 15 октября 1972 г., стороны выработали и общую предвыборную программу⁴⁶. В июле 1973 г. кандидатом в президенты от либеральной партии избран Альфонсо Лопес Микельсен.

Любопытно, что лидер влиятельной группы консерваторов, бывший президент Колумбии Оспина Перес выразил готовность поддержать на президентских выборах либералов, если они согласятся, чтобы «Национальный фронт» управлял страной еще восемь лет. Но Альваро Гомес Уртадо, руководитель самой реакционной груп-

пировки консерваторов, выставивший свою кандидатуру на пост президента, отказался от компромисса с либералами⁴⁷.

В связи с активной подготовкой к президентским и парламентским выборам 1974 г. Коммунистическая партия Колумбии в августе 1972 г. обратилась с открытым письмом ко всем профсоюзным и политическим организациям, которые представляют демократические, оппозиционные силы страны, с призывом объединить усилия и остановить «резкий поворот вправо, который характерен сейчас для официального политического курса».

В сентябре 1972 г. на политической арене Колумбии появилось новое прогрессивное движение — Национальный союз оппозиции (НСО), куда вошли Коммунистическая партия Колумбии, Широкое колумбийское движение (МАК), христианская социал-демократическая партия и другие оппозиционные партии и группировки.

Выступая на учредительном заседании, глава делегации Коммунистической партии Колумбии генеральный секретарь ЦК КПК Хильберто Виейра указал, что создание коалиции прогрессивных сил представляет собой важный шаг, открывающий перспективу строительства социализма в Колумбии.

В марте 1973 г. состоялась вторая встреча представителей Национального союза оппозиции, на которой была одобрена программа борьбы. Этот важнейший документ в качестве конкретных целей предусматривает: предоставление демократических свобод и отмену осадного положения, национализацию природных богатств и ликвидацию зависимости от США, демократическую и радикальную аграрную реформу, улучшение жизни в городах, введение государственного контроля над основными отраслями экономики, введение подвижного минимума заработной платы в соответствии с ростом стоимости жизни, реформу системы просвещения, ликвидацию финансового и другого вмешательства Соединенных Штатов, установление всесторонних отношений со всеми странами мира и проведение независимой внешней политики мира и солидарности с народами, борющимися за освобождение от иностранного господства.

Участники встречи избрали руководство НСО. В его состав наряду с представителями общественных организаций вошли пять членов Коммунистической партии Колумбии.

Вопрос об объединении всех патриотических сил с необычайной остротой стоит перед колумбийским народом. Коммунисты Колумбии делают все, чтобы добиться такого объединения. «Коммунистическая партия Колумбии, — говорится в приветствии ЦК КПСС XI съезду компартии Колумбии, — верный и боевой защитник интересов рабочего класса, крестьянства и всех трудящихся — решительно борется против засилья империалистических монополий и реакции, за подлинную национальную независимость и светлое будущее родины, творчески применяя марксистско-ленинское учение к конкретным условиям своей страны. Компартия Колумбии проводит активную работу по сплочению всех патриотических, нацио-

нальных сил в единый антиимпериалистический фронт борьбы за демократические преобразования и социальный прогресс»⁴⁸.

Рост влияния партии колумбийских коммунистов во внутривнутриполитической жизни страны несомненно связан с ее последовательной патриотической позицией, с защитой национального суверенитета и неослабной борьбой за сплочение всех прогрессивных сил страны под знаменем свободы и демократии.

Колумбия — СССР

В ноябре 1966 г. колумбийское правительство, уступая всеобщему требованию, установило дипломатические отношения с Югославией, Чехословакией и Польшей. Восстановлению дипломатических отношений с СССР всячески мешали реакционные круги, подогреваемые североамериканскими империалистами. В конце 1966 г. посол США в Колумбии Рейнольд Карлсон провел специальную пресс-конференцию, на которой старался умалить значение для Колумбии торговых отношений с Советским Союзом на том основании, что СССР «потребляет мало кофе» и поэтому не является благоприятным рынком для Колумбии, что лучший вид торговли с Советским Союзом — это экспорт зерновых, но и «такая торговля не имеет перспектив», ибо «советские люди все больше обеспечивают себя хлебом сами»⁴⁹. В целом смысл заявления посла сводился к выводу, что Колумбия не должна выходить из политической и экономической орбиты США.

Однако Колумбия давно была заинтересована в торговле, в культурных и политических связях с внешним миром; этому естественному стремлению всегда мешали североамериканские бизнесмены, привыкшие диктовать правительствам латиноамериканских государств, когда и с кем устанавливать отношения, когда и с кем завязывать торговые и экономические связи. Но времена переменялись.

Руководители многих развивающихся стран исходят теперь из своих национальных интересов. Лично познакомившись с советской действительностью, группа колумбийских парламентариев высказалась за развитие дружественных отношений с советским народом. 20 января 1968 г. было официально объявлено о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Колумбией. Комментируя это событие, тогдашний президент Колумбии Карлос Льерас Рестрепо заявил: «На мой взгляд, этот шаг должен облегчить торговые отношения, а также культурные связи. Сейчас Россия — вторая индустриальная держава мира. Она упорно работает в области науки. У нас нет причин утверждать, что мы не должны перенимать ее опыт в плане технических достижений или что мы должны игнорировать ее литературу и ее искусство. Эти вещи должны быть доступными для всех людей»⁵⁰.

Известный писатель и видный государственный деятель Херман Арсиньегас заявил: «Отношения между Колумбией и СССР не

только не приведут к ущемлению нашей независимости, но будут способствовать ее укреплению. Колумбийский народ полностью одобряет восстановление отношений с СССР, ибо это отвечает его интересам».

Через шесть месяцев после восстановления отношений было подписано советско-колумбийское торговое соглашение. Только за три года объем советско-колумбийской торговли увеличился в десять раз: с 714 тыс. долл. в 1965 г. до 7214 тыс. долл. в 1968 г.

В июле 1969 г. Советский Союз посетила группа колумбийских парламентариев, а в ноябре того же года в Колумбии побывала делегация Верховного Совета СССР, которая была принята тогдашним президентом Колумбии Льерасом Рестрепо. Во время откровенной, дружественной беседы были затронуты и обсуждены некоторые стороны советско-колумбийских отношений, состоялся обмен мнениями по ряду проблем современного международного положения.

Впервые в истории Колумбии с трибуны конгресса выступили иностранные парламентарии: членам советской делегации была предоставлена возможность выступить на заседаниях сената и палаты представителей.

Депутаты Верховного Совета посетили ряд крупных предприятий, побывали на нефтепромыслах, заводе по переработке сахарного тростника, на плантациях кофе и везде встречали теплый прием⁵¹.

В конце декабря 1969 г. тогдашний министр иностранных дел Колумбии Альфонсо Лопес Микельсен заявил, что отношения с Советским Союзом отвечают интересам Латинской Америки и «развиваются в духе взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела», что «колумбийско-советские отношения становятся все более тесными и что они выгодны Колумбии»⁵².

3 августа 1970 г. в Боготе было подписано соглашение на 5 лет о культурном и научном сотрудничестве между Колумбией и СССР, ставящее целью «содействовать укреплению отношений дружбы и сотрудничества между народами двух стран на основе взаимного уважения, суверенитета, независимости, равенства и принципа невмешательства во внутренние дела». Соглашение предусматривает взаимные посещения научных работников, преподавателей университетов, писателей, художников, композиторов, артистов, скульпторов, архитекторов, совместное проведение научных исследований, организацию специальных курсов, выставок, лекций и т. д. Соглашение предусматривает также предоставление студенческих стипендий для специализации переводчиков литературных произведений и научных трудов, обмен книгами, публикациями, фильмами⁵³.

По приглашению Верховного Совета СССР в июле 1971 г. Советский Союз с официальным дружественным визитом посетила делегация конгресса Колумбии, возглавлявшаяся сенатором Альберто Мендосом Ойосом. Помимо Москвы колумбийские парламентарии

побывали в Молдавии, Братске, Иркутске и Ленинграде. В марте 1973 г. в Колумбии с ответным официальным визитом побывала делегация Верховного Совета СССР. В апреле 1973 г. по приглашению Союза советских обществ дружбы СССР посетил видный политический деятель бывший президент Колумбии Карлос Льерас Рестрепо. Во время беседы с председателем президиума ССОД Н. В. Поповой Карлос Льерас Рестрепо отметил, что «нынешний приезд в Советский Союз воплощает его давнюю мечту побывать в стране, которой он всегда восхищался. Для меня счастливая возможность, сказал он, быть в вашей стране в те дни, когда весь народ готовится отметить 103-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина»⁵⁴.

Советский Союз имеет возможность поставлять Колумбии и другим странам Латинской Америки многие товары из тех, что они не производят совсем или производят в недостаточном количестве и вынуждены закупать на невыгодных условиях в других странах, прежде всего в США: промышленное и энергетическое оборудование, металлорежущие станки, автомобили, тракторы, дорожностроительные машины, экскаваторы, самолеты, суда, лесобумажные товары и многое другое. Важная особенность торговли Советского Союза с Латинской Америкой состоит в том, что экспортируемые ими товары не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга.

Одной из форм экономического сотрудничества Советского Союза с Колумбией является предоставление ей кредитов. В отличие от кредитов империалистических стран, используемых как средство для расширения экспансии, кредиты Советского Союза предоставляются с учетом нужд страны, в интересах ее экономической независимости. Сооружаемые при участии СССР предприятия относятся преимущественно к государственному сектору.

В заявлении Колумбийского национального совета мира подчеркивается, что отношения между СССР и Колумбией взаимовыгодны. Советский Союз покупает кофе и поставляет Колумбии машинное оборудование и технику, необходимые для развития национальной экономики.

Упомянутый нами один из руководителей либеральной партии Колумбии Карлос Льерас Рестрепо в конце 1972 г. высказался за проведение более реалистической политики в отношении социалистических стран. В 1967—1971 гг. социалистические государства закупили колумбийского кофе на 102 млн. долл. Следует подчеркнуть, что это произошло в то время, когда Колумбия испытывала трудности в сбыте кофе из-за узости рынка капиталистических стран. К. Льерас Рестрепо подчеркнул, что закупаемые Колумбией советские машины, в частности троллейбусы, хорошо зарекомендовали себя при эксплуатации. «Многому можно поучиться у Советского Союза, — сказал бывший президент Колумбии, — этой высокоразвитой в промышленном отношении державы».

Перспективы развития торговых отношений СССР с Колумбией, так же как и с другими странами Латинской Америки, с каждым годом улучшаются. Кроме того, события 60-х годов убедительно показали, что экономические отношения с Советским Союзом приносят латиноамериканским странам и косвенные выгоды: пользуясь советским рынком, они успешнее противостоят диктату иностранных монополий.

В Колумбии, как и во всем мире, с большим удовлетворением встречена Программа мира, одобренная XXIV съездом КПСС, а также материалы Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в апреле 1973 г. Программа мира определяет сегодня главное направление движения человечества к будущему, ибо она отвечает интересам всех народов.

Указатель литературы

Введение

1. Visión, 4.XII 1971, p. 40.
2. Colombia Today, v. 7, N 9, 1972.
3. Fortune, November, 1965, p. 208.
- 3a. Atlas Basico de Colombia. Bogotá, 1970, p. 11.
4. J. M. Vergara y Vergara. Historia de la literature en Nueva Granada (1538—1820). Bogotá, 1958, t. 3, p. 69.
5. United States Army Area Handbook for Colombia. W., 1964, p. 1—2 (Далее: «Handbook for Colombia»).
6. Colombia Today, v. 7, N 9, 1972.
7. Estudios Marxistas, Bogotá, April—Junio, 1969, p. 33—35.
8. Colombia Today, v. 7, N 9, 1972.
9. Ibidem.
10. Ibid., N 1.
11. Republica (Bogotá), 7.VI 1970.
12. Voz proletaria (Bogotá), 8.II 1973.
13. Ibid., 27.X 1969.
14. Voz proletaria, 8.II 1973.
15. Mundo Hispanico. Agosto, 1972, p. 77.
16. Progressive (N. Y.), March, 1969, p. 8—9.
17. Colombia en cifras 1960—1968. Bogotá, 1970.
18. M. Puentes. Historia del Partido liberal colombiano. Bogotá, 1965, p. 144.
19. Au. Macdonald. Latin American Politics and Government. N. Y., 1949, p. 186.
20. L. Hanke. Modern Latin America: Continent in Ferment, Princeton, 1959, v. 2, p. 131.
21. I. E. Gaitan. Gaitan Antologia. Bogotá, 1968, p. 130.
22. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 193.
23. E. Santa. Sociologia politica de Colombia, Bogotá, 1964, p. 36.
24. M. Puentes. Op. cit.; J. M. Henao y G. Arrubla. Historia de Colombia para la Ensenanza secundaria. Bogotá, 1967.
25. Цит. по: M. Puentes. Op. cit., p. 163.
26. Проблемы мира и социализма, 1973, № 4, стр. 91.
27. Voz proletaria. 29.III 1973.

Глава I

1. P. Simon, Noticias historiales de las conquistas de la Tierra Firme. Bogotá, 1953, t. 2, p. 287.
2. Documentos politicos (Bogotá), 1965, N 55, p. 48.
3. С. А. Созина. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969, стр. 89.
4. G. Hernandez Rodriguez, De los chibchas a la Colonia y a la Republica, Bogotá, 1949, p. 9.
5. P. Aguado. Historia de Santa Marta y Nuevo Reino de Granada. Madrid, 1916, t. I, p. 218.
6. Historia Extensa de Colombia, v. XV, t. 1, Economia y Hacienda publica. De los aborigenes a la federacion, Bogotá, 1965, p. 141.
7. С. А. Созина, Указ. соч., стр. 92—93.

Глава II

1. I. Castellanos. Historia del Nuevo Reino de Granada. Madrid, 1886, t. 1, p. 44.
2. Ibid, p. 91.
3. G. Arciniegas. Colombia W., 1962, p. 7—8.

4. *I. Liévano Aguirre*. Los Grandes conflictos sociales y economicos en nuestra historia, Bogotá, 1966, t. I, p. 40.
5. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 10, стр. 431.
6. Цит. по: *I. Liévano Aguirre*, Op. cit., p. 48.
7. Handbook for Colombia..., p. 201.
8. Ibid., p. 201: Curso superior de historia de Colombia, Bogotá, 1951, v. V, p. 170.
9. *J. M. Ots Capdequi*. Creación de la Real Audiencia y su gobierno hasta 1563. Curso superior de Historia de Colombia (1492-1600), t. IV. Bogotá, 1951, p. 236.
10. Ibid., p. 256.
11. Curso superior de historia de Colombia, t. V, p. 50-51.
12. Ibid., p. 181.
13. Ibid., p. 50.
14. *J. M. Ots Capdequi*. Op. cit., p. 250.
15. Ibid., p. 251.
16. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 21, стр. 408.
17. Curso superior de historia de Colombia, t. V, p. 261.
18. *А. Б. Томас*. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 105.
19. Colección de documentos para la historia de Colombia, Bogotá, 1964, t. I, p. 436.
20. Ibidem.
21. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 179.
22. Цит. по: Curso superior de historia de Colombia, t. V, p. 120.
23. *S. Bolívar*. Cartas del Libertador, Caracas, 1929, t. I, p. 192.
24. *R. Gómez Oyos*. El Indio en la conquista. In: Curso superior de historia de Colombia, t. V, p. 170.
25. *M. Gamio*. Consideración sobre el problema indígena, Mexico, 1948, p. 126.
26. *G. Arciniegas*. Los Comuneros, Santiago de Chile, 1960, p. 71.
27. Handbook for Colombia..., p. 66.
28. Ibid., p. 67.
29. Rodolfo Low Maus Compendio del sistema educativo colombiano. Bogotá, 1971, p. 20.
30. Цит. по: *I. Liévano Aguirre*. Los Grandes conflictos sociales..., t. 2, p. 89.
31. *G. Arciniegas*. El Continente de siete colores. B. A., 1965, p. 197.
32. *I. Liévano Aguirre*. Los Grandes conflictos sociales..., t. 2, p. 92-93.

33. Ibid., p. 94.
34. Ibid., p. 106.
35. *M. Menendez y Pelayo*. Historia de la poesia hispanoamericana, Madrid, 1948, t. 27, p. 350.
36. *J. M. Groot*. Historia eclesiastica y civil de Nueva Granada, Bogotá, 1956, t. 2, p. 5, 11.
37. *G. Arciniegas*. El Continente de siete colores. Historia de la cultura en America Latina. B. A., 1965, p. 338-342.

Глава III

1. *M. Briceño*. Los Comuneros: historia de la insurrección de 1781. Bogotá, 1880; *P. Cardenas Acosta*. Los Comuneros. Bogotá, 1945; *idem*. El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1960; *J. E. Gutierrez*, Galan y los Comuneros. Bucaramanga, 1939; *H. Rodríguez Plata*. Los Comuneros, t. I. Bogotá, 1950.
2. *G. Arciniegas*. Los Comuneros, Roma, 1960.
3. *A. Galindo*. Historia economica y estadística de la Nueva Granada. Bogota, 1936.
4. Цит. по: «Proceso y Sinopsis de la Independencia de Colombia». Cali, 1960, p. 76-77.
5. *G. Arciniegas*. Op. cit., p. 29.
6. Ibid., p. 46-57.
7. *I. Liévano Aguirre*. Los grandes conflictos sociales y economicos en nuestra historia, t. III. Bogotá, 1966, p. 21.
8. *R. M. Tisnes*. Movimientos pre-independientes Gran Colombianos. Bogotá, 1964, p. 54.
9. Proceso y sinopsis..., p. 96.
10. *R. M. Tisnes*. Op. cit., p. 55.
11. Proceso y Sinopsis..., p. 96-97.
12. Ibid., p. 98.
13. *I. Liévano Aguirre*. Op. cit., t. III, p. 27.
14. Ibidem.
15. Proceso y Sinopsis..., p. 117.
16. *I. Liévano Aguirre*. Op. cit., p. 30-32.
17. *G. Arciniegas*. Op. cit., p. 409.
18. *I. Liévano Aguirre*. Op. cit., p. 32.
19. Ibidem.
20. Ibidem.
21. Ibid., p. 33.
22. Ibidem.
23. Ibid., p. 34.
24. Ibid., p. 28-30.

25. Ibid., p. 42.
26. Ibid., p. 47.
27. Ibid., p. 45.
28. Proceso y Sinopsis..., p. 130—140.
29. *I. Liévano Aguirre*. Op. cit., p. 54.
30. Ibid., p. 56—40.
31. Ibid., p. 56.
32. Ibid., p. 68.
33. Ibid., p. 69.
34. *R. M. Tisnes*. Op. cit., p. 69—79.
35. Proceso y Sinopsis..., p. 140.
36. *L. E. Nieto Arteta*. Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá, 1962, p. 46.

Глава IV

1. Цит. по: *L. E. Nieto Arteta*. Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá, 1962, p. 19.
2. Ibid., p. 35.
3. *A. Cruz Santos*. Historia extensa de Colombia. Bogotá, 1965, v. XV, t. 1, p. 235.
4. *I. M. Restrepo*. Historia de la Revolución de Independencia de la República de Colombia. Bogotá, 1942, t. I, p. XLVII.
5. *M. A. Caro*. Archivos y discursos. Bogotá, 1951, p. 178, 180.
6. *T. E. Tascon*. Historia del derecho constitucional colombiano. Bogotá, 1953, p. I.
7. *T. R. Vargas*. Visiones de historia. Bogotá, 1946, p. 189.
8. Цит. по: *A. Cruz Santos*. Historia..., v. XV, t. 1, p. 196.
9. Ibid., p. 196—198.
10. *G. Arciniegas*. El Continente de siete colores. B. — A., 1965, p. 357.
11. Proceso y sinopsis de la Independencia de Colombia. Cali, 1960, p. 350.
12. Цит. по: *I. Liévano Aguirre*. Los Grandes conflictos sociales y económicos en nuestra historia, Bogotá, 1966, t. III, p. 166.
13. Ibid., p. 194.
14. Ibid., p. 195.
15. Ibid., p. 198.
16. Ibid., p. 200.
17. Ibid., p. 207.
18. Ibid., p. 256.
19. Цит. по: *L. Liévano Aguirre*. Op. cit., t. IV, p. 31.
20. *S. Bolívar*. Discursos. Mexico, 1943, p. X.
21. *Simón Bolívar*. Caracas, 1943, p. III.
22. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 14, стр. 228.
23. *S. Bolívar*. Op. cit., p. 78.
24. Ibid., p. 75.
25. Ibid., p. 92.
26. *У. З. Фостер*. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 190.
- 27—28. *T. Jefferson*. Memoirs. Correspondence and Private Papers in 4 vols. L., 1829, v. I, p. 435.
29. *J. W. Foster*. A Century of American Diplomacy 1776—1876. Boston — New York, 1900, p. 204.
30. *W. S. Robertson*. France and Latin-American Independence. Baltimore, 1939, p. 73.
31. *A. P. Whitaker*. The United States and the Independence of Latin America (1800—1830). Baltimore, 1941, p. 77.
32. Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin American Nations. N. Y., 1925, v. I, p. 5.
33. Ibid., p. 177.
34. Ibid., p. 178.
35. Ibid., p. 20—21.
36. *S. Bolívar*. Obras Completas. La Habana, 1947, v. I, p. 329.
37. Diplomatic Correspondence..., v. I, p. 130.

Глава V

1. *M. Puentes*. Historia del Partido liberal colombiano. Bogotá, 1965, p. 34.
2. *R. MacLean y Estenos*. Indios de America. Mexico, 1962, p. 215.
3. *M. Puentes*. Op. cit., p. 36.
4. *S. Bolívar*. Obras completas. La Habana, 1947, p. 621.
5. *P. Zubieta*. Apuntes sobre primeras misiones diplomáticas de Colombia. Bogotá, 1924, p. 322—323.
6. Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin American Nations. N. Y., 1925, v. I, p. 156.
7. Ibid., p. 147—148.
8. Ibid., p. 156.
9. Ibid., p. 155.
10. *P. Zubieta*, Op. cit., p. 68.
11. Ibid., p. 113—114.
12. *Р. Аризмэнди*. Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948, стр. 107.
13. Encyclopaedia Britannica, v. XV, p. 736.

14. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 668.
15. *Encyclopedia Britannica*, v. XV, p. 737.
16. *Diplomatic Correspondence*, v. I, p. 226.
17. *Ibid.*, 206.
18. *P. Zubieta*. Op. cit., p. 80.
19. *Diplomatic Correspondence...*, v. I, p. 225.
20. *S. Bolivar*. Op. cit., p. 932.
21. *Diplomatic Correspondence...*, v. I, p. 208.
22. *S. Bolivar*. Op. cit., p. 944.
23. *Diplomatic Correspondence...*, v. I, p. 207.
24. *Ibid.*, p. 635.
25. *J. M. Henao y G. Arrubla*. *Historia de Colombia*. Bogotá, 1965, p. 551.
26. *Ibid.*, p. 576.
27. *Ibid.*, p. 570.
28. *Ibid.*, p. 575.
29. *M. Puentes*. Op. cit., p. 50.
30. *L. Lopez de Mesa*. *Escrutinio sociológico de la historia Colombiana*. Bogotá, 1956, p. 225.
31. *M. Puentes*. Op. cit., p. 64.
32. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 589.
33. *Ibid.*, p. 595.
34. *Ibid.*, p. 603.
35. *S. Bolivar*. Op. cit., p. 78.
36. *Ibid.*, p. 90.
37. *Ibid.*, p. 113.
38. *Ibidem*.
39. *У. З. Фостер*. *Очерк политической истории Америки*. М., 1953, стр. 243.
40. *А. Б. Томас*. *История Латинской Америки*. М., 1960, стр. 445.
41. *S. Bolivar*. *Sus mejores paginas*. Caracas, 1960, p. 42.
42. *M. J. Forero*. *Historia analitica de Colombia*. Bogotá, 1951, p. 273—275.
43. *Ibid.*, p. 275.
44. *J. M. Henao y B. Arrubla*. Op. cit., p. 631.
45. *Ibid.*, p. 634.
46. *Ibid.*, p. 636.
47. *Ibid.*, p. 648.
48. Цит. по: *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 651.
49. *L. E. Nieto Arteta*. *Economía y cultura en la historia de Colombia*. 1962, p. 102—103.
50. *R. Nuñez*. *El Gran general Mosquera*. Bogotá, 1883.
51. *D. Miner*. *The Fight for the Panama Route*. N. Y., 1940, p. 65.
52. *Anales diplomaticos y consulares de Colombia*. Bogotá, 1914, t. III, p. 149.
53. *A. I. Uribe*. *Colombia y los Estados Unidos de America*. Bogotá, 1931, p. XVI.
54. *J. B. Moore*. *A Digest of International Law*. W., 1906, v. VII, p. 3.
55. *Diplomatic Correspondence...*, v. V, p. 628.
56. *D. Miner*. Op. cit., p. 66.
57. *W. Johnson*. *American Foreign Relation*. N. J., 1916, v. I, p. 432.
58. *Ibid.*, p. 433.
59. *J. B. Moore*. Op. cit., v. III, p. 8.
60. *Ibid.*, p. 10.
61. *M. Samper*. *La miseria de Bogota*, 1969, p. 10.
62. *Ibidem*.
63. *L. E. Nieto Arteta*. Op. cit., p. 164—165.
64. *Ibid.*, p. 241.
65. *A. Schumacher*. *Biografía del general Augustin Codazzi*. Bogotá, 1916.
66. *L. E. Nieto Arteta*. Op. cit., p. 110.
67. *A. Cruz Santos*. *Historia extensa de Colombia*. Bogotá, 1965, v. XV, t. I, p. 407.
68. *M. J. Forero*. Op. cit., p. 302.
69. Цит. по: *M. J. Forero*. Op. cit., p. 302.
70. *Ibid.*, p. 407.
71. Цит. по: *M. Puentes*. Op. cit., p. 199.
72. *Ibid.*, p. 213.
73. *Ibid.*, p. 220.
74. *Ibid.*, p. 236—239.
75. *Б. Монферра*. *От Монро до Рузвельта*. М., 1925, стр. 45.
76. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. *Сочинения*, т. 7, стр. 232—233.
77. *J. B. Moore*. Op. cit., v. III, p. 126—127.
78. *G. Mack*. *The Land Divided*. N. Y., 1944, p. 16.
79. *Ibid.*, p. 163.
80. *Ibidem*.
81. *Anales diplomaticos...*, t. III, p. 373.
82. *Ibidem*.
83. *T. F. Rippey*. *The Capitalists and Colombia*. N. Y., 1931, p. 65.
84. *Anales diplomaticos...*, t. III, p. 391.
85. *Diplomatic Correspondence...*, v. V, p. 398.
86. *T. F. Rippey*. Op. cit., p. 74.
87. *G. Mack*. Op. cit., p. 164—165.
88. *T. F. Rippey*. Op. cit., p. XXX.
89. *M. Puentes*. Op. cit., p. 248.
90. *A. Cruz Santos*. Op. cit., p. 547.
91. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 736.
92. *A. Cruz Santos*. Op. cit., p. 442.
93. *L. E. Nieto Arteta*. Op. cit., p. 283.
94. *A. Cruz Santos*. Op. cit., p. 571.
95. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 741.

Глава VI

1. *J. M. Heano y G. Arrubla*. Historia de Colombia. Bogotá, 1965, p. 788.
2. *M. Puentes*. Historia del Partido liberal colombiano. Bogota, 1965, p. 412.
3. *Ibid.*, p. 436.
4. *Ibid.*, p. 415.
5. *Ibid.*, p. 449.
6. Anales diplomaticos y consulares de Colombia, Bogotá, 1914, t. I, p. 18.
7. *Ibid.*, p. 270.
8. *M. Puentes*. Op. cit., p. 517.
9. *M. Ojjet*. The Protection of Citizens Abroad by the Armed Forces of the United States. Baltimore, 1928, p. 332.
10. *Ibid.*, p. 300.
11. *M. Samper*. La miseria de Bogotá. Bogotá, 1969.
12. *Ibid.*, p. 42.
13. *W. Johnson*. American Foreign Relations. N. Y., 1916, t. II, p. 309.
14. Anales diplomaticos..., t. IV, p. 133—134.
15. *Ibid.*, p. 134.
16. *I. B. Moore*. A Digest of International Law. W., 1906, v. III, p. 17.
17. *Ibid.*, p. 1819.
18. *T. F. Rippy*. The Capitalists and Colombia, N. J., 1931, p. XXX.
19. Anales diplomatico..., t. IV, p. 804.
20. *T. F. Rippy*. Op. cit., p. 61.
21. Diario oficial de Colombia, 1.XI 1913.
22. *C. A. Гонионский*. История панамской «революции». М., 1858, стр. 103—107.
23. *M. Pringle*. Theodore Roosevelt. L., 1934, p. 310.
24. *R. D. Souza, C. A. de Leon, U. A. Victor, C. F. Changmarin*. Panama 1903—1970. Santiago de Chile, 1970, p. 26.
25. *B. Pereira Jimenez*. Historia de Panama. Panama, 1961, p. 277.
26. *G. Arciniegas*. Entre la libertad y el miedo. Santiago de Chile, 1954, p. 168.
27. *M. Samper*. Op. cit., p. 81, 84.
28. *J. Acosta*. Compendio historico del descubrimiento y colonizacion de la Nueva Granada, Bogotá, 1848.
29. *J. M. Restrepo*. Historia de la revolucion de Colombia. Bogotá, 1858.
30. *J. A. de Plaza*. Memorias para la historia de la Nueva Granada. Bogotá, 1850.
31. *B. Sanin Cano*. Letras colombianas. Mexico, 1944, p. 121.
32. *G. Bellini*. La letteratura ispano-americana. Milano, 1970, p. 270—271.
33. *A. Gomez Restrepo*. Historia de la literatura colombiana. Bogotá, 1945, v. 2, p. 78.
34. *J. M. Vergara y Vergara*. Historia de la literatura en la Nueva Granada. Bogotá, 1867.
35. *T. F. Rippy*. Op. cit., p. 59.
36. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 819.
37. The New York Times, 9.VIII 1919.
38. *T. F. Rippy*. Op. cit., p. 120.
39. *Ibidem*.
40. Congressional Record. 67th Congress, 1st Session, p. 314.
41. *T. F. Rippy*. Op. cit., p. 106.
42. *X. Э. Пуеера*. Пучина, М., 1957.
43. *G. F. Halsey*. Investments in Latin America. W., 1918, p. 283.
44. *T. F. Rippy*. Op. cit., p. 189.
45. *M. Puentes*. Op. cit., p. 570.
46. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 875.
47. *T. F. Rippy*. Op. cit. p. 183.
48. Правда, 25. XI 1967.

Глава VII

1. Foreign Commerce Weekly, 2.IV 1951.
2. *T. F. Rippy*. The Capitalists and Colombia. N. Y., 1951, p. 192.
3. *M. Puentes*. Historia del Partido liberal colombiano. Bogotá, 1965, p. 571.
4. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Historia de Colombia, Bogotá, 1965, p. 891.
5. *A. B. Томас*. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 455.
6. El Tiempo (Bogotá), 15. XII 1933.
7. *A. B. Томас*. Указ соч., стр. 456.
8. *I. A. Osorio Lizarazo*. Gaitan. Vida, muerte y permanente presencia. Buenos Aires, 1952, p. 291.
9. *H. Kantor*. Patterns of Politics and Political Systems in Latin America, USA, 1969, p. 398.
10. *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 905.
11. Вопросы экономики, 1950, № 6, стр. 107—114.
12. The Economist, 18.XI 1939, p. 252.
13. *C. A. Гонионский*. Очерки новей-

шей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 182.

14. Conferencias Internacionales Americanas 1938—1942, Primer Suplemento, p. 195—200.
15. Primer censo Industrial de Colombia 1945. Bogotá, 1947, p. 520.
16. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., т. I, 1946, стр. 341.

Глава VIII

1. H. Kantor. Patterns of Politics and Political Systems in Latin America USA, 1969, p. 398.
2. Foreign Affairs, N. Y., 1949, January, p. 285.
3. Правда, 17. IV 1948 г.
4. The South American Journal, 8. V 1948, p. 232.
5. Voz proletaria, 9. IV 1973.
- 5a. The New York Times, 13. IV 1948.
6. Ibid., 11. IV 1948.
7. Ibid., 12. IV 1948.
8. The Nation, 24. IV 1948, p. 425.
9. J. M. Henao y G. Arrubla. Historia de Colombia. Bogotá, 1965, p. 920.
10. The New York Times, 20. IV 1948.
11. The New Republic, 26. IV 1948, p. 9.
12. Bohemia (Habana), 18. IV 1948, p. 69.
13. Final Act of the Ninth International Conference of American States. W., 1948, p. 46—47.
14. H. Kantor. Op. cit., p. 398.
15. Tiempo (Mexico), 1. IX 1950, p. 46.
16. Проблемы мира и социализма, 1963, № 4, стр. 16.
17. Цит. по статье Х. Виейры «Политическое положение в Колумбии» («Новое время», 1963, № 28, стр. 23).
18. The Department of State Bulletin, 3. III 1952, p. 336—338.
- 18a. Правда, 19. X 1952.
19. С. А. Гонионский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 189.
20. F. Franco Isaza. Las guerrillas del llano. Bogotá, 1959, p. 153.
21. С. А. Гонионский. Указ. соч., стр. 190.
22. H. Kantor. Op. cit., p. 400.
23. M. Puentes. Historia del Partido liberal colombiano. Bogotá, 1965, p. 643.
24. С. А. Гонионский. Указ. соч., стр. 191—192.

25. The New York Times, 8. V 1957.
26. G. Perez. Ramirez. El Campesinado colombiano. Un problema de estructura. Bogotá, 1959, p. 21, 113, 116—117, 122.

Глава IX

1. С. А. Гонионский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 193.
2. Там же, стр. 294.
3. Por que y cómo se forjó el Frente Nacional. Bogotá, p. 45.
4. Revista Javeriana. Agosto, 1961, p. 41.
5. Проблемы мира и социализма, 1959, № 2, стр. 60.
6. Правда, 17. VII 1960.
7. Hoy (Mexico), 23. XI 1960.
8. С. А. Гонионский. Указ. соч., стр. 197.
9. Там же, стр. 197—198.
10. G. Gusman Campos. La Violencia en Colombia. Bogotá, 1962, t. 1.
11. Siempre, 12. XI 1964, p. 43.
12. United States News and World Report, 21. XII 1964, p. 56.
13. G. Gusman Campos. Op. cit., p. 237.
14. Ibid., p. 292—293.
15. La Voz de la democracia, 20. XII 1962.
16. Х. Виейра. Политическое положение в Колумбии. «Новое время», 1963, № 28, стр. 14.
17. Vie Nuove, 12. V 1966, p. 11.
18. С. А. Гонионский. Указ. соч., стр. 199.
19. Там же.
20. Vie Nuove, 12. V 1966, p. 12.
21. Ibidem.
22. The New York Times, 16. VI 1965.
23. Fortune. November, 1965, p. 208.
24. Проблемы мира и социализма, 1966, № 9, стр. 58.
25. Vie Nuove, 12. V 1966, p. 13.
26. United States News and World Report, 7. VI 1965, p. 26.
27. Colombia en pie de lucha. Praha, 1966, p. 66.
28. Ibid., p. 48.
29. G. Gusman Campos. Camilo: El cura guerrillero. Bogotá, 1968, p. 257.
30. Voz proletaria, Julio-agosto, 1966; «Новое время», 1966, № 14, стр. 19—20.
31. Noticias de Colombia, 1966, № 17, p. 3.
32. Правда, 2. II 1966.
33. El Tiempo, Bogotá, 2. V 1966.

34. Colombia en pie de lucha. Praha, 1966, p. 23.
35. Проблемы мира и социализма, 1968, № 6, стр. 94.
36. Notes et etudes documentaires, 17. X 1969, p. 10.
37. El Tiempo, Bogotá, 20. III 1970.
38. Ibidem.
39. Ibidem.
40. Voz proletaria, 5. II 1970.
41. Estudios, Buenos Aires, Mayo de 1970, p. 13.
42. Ibid., p. 14.
43. Notes et etudes documentaires, 21. IV 1969, p. 57.
44. Ibidem.
45. Christian Science Monitor, 23. IV 1970.
46. Mensaje, № 189, 1970, p. 258.
47. Monde diplomatique. Juin, 1970, p. 12.
48. J. Freide. El indio en lucha por la tierra. Bogotá, 1944, p. 16, 19.
49. Übersee Rundschau, Mai, 1967, p. 31.
50. Правда, 27. XII 1972.
51. Documentos del décimo congreso del Partido Comunista de Colombia. Bogotá, 1966, p. 105.
52. Anuario general de estadística. XII Censo Nacional 1964; Estructuras...; Colombia en cifras. Bogotá, 1963; Colombia. Síntesis estadística. Bogotá, 1970; Compendio del sistema educativo Colombiano. Bogotá, 1971, p. 7.
53. El cambio social y la política de desarrollo social en América Latina. N. Y., 1969, p. 40.
54. Estructuras, p. 101.
55. XIII Censo Nacional de población de Colombia. Julio 15 de 1964. Bogotá, 1967.
56. Ibidem.
57. Estructuras; Compendio del sistema educativo Colombiano, p. 78.
58. Estructuras, p. 83.
59. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 187.
60. Estructuras, p. 160—164; XIII Censo Nacional, p. 106.
61. V. Gutierrez de Pineda. Op. cit., p. 200.
62. R. Dix. Op. cit., p. 180.
63. Handbook for Colombia, p. 87.
64. R. J. Cuervo. Diccionario de construcciones y reglas. Bogotá, 1917.
65. W. Adams Dale. Rural migration and agricultural development in Colombia. In: «Economic Development and Cultural Change», 1969, N 4, p. 527—539.
66. Estructuras, p. 63.
67. Leyes Colombianos. Bogotá, 1945, p. 106.
68. Estructuras, p. 53, 57.
69. Ibid., p. 70.
70. Ibid., p. 105.
71. Colombia. Síntesis estadística. Bogotá, 1970.
72. Compendio del sistema educativo colombiano, p. 12.
73. J. Murphy Lou's. Marked Factors in Colombia. Overseas Business Reports. N. Y., 1969, N 62, p. 15.
74. Cifras 1960—1968. Banco de Bogotá, 1969.
75. Yearbook of National Accounts Statistics 1964, p. 365.
76. Подсчет сделан по материалам: Banco de Bogota. Cifras 1960—1964—1968.

Глава X

1. G. Pérez. El Problema sacerdotal en Colombia. Bogotá, 1961, p. 18.
2. A. Cruz Santos. De los aborígenes a la Federación. Historia extensa de Colombia. Bogotá, 1965, v. XV, t. I, p. 51.
3. Ó. Fals Borda. Colombia en cifras 1963. Bogotá, 1963, p. 34.
4. V. Gutierrez de Pineda. Familia y cultura en Colombia. Bogotá, 1968, 415 p.
5. V. L. Fluharty. Dance of the Millions. Pittsburgh, 1957, p. 185—187.
6. R. H. Dix. Colombia: the Political Dimensions of Change. New Haven, 1967, p. 54.
7. Цит. по: B. Betancur. Colombia cara a cara. Bogotá, 1961, p. 109.
8. R. H. Dix. Op. cit., p. 14.
9. Handbook for Colombia, p. 78.
10. I. L. de Lannoy, G. Pérez. Estructuras demográficas y sociales de Colombia. Bogotá, 1961, p. 129 (в дальнейшем: Estructuras).
11. Atlas de Colombia. Bogotá, 1969, p. XI.
12. Oficina Internacional del Trabajo. Informe al gobierno de Colombia sobre el problema indígena en la Guajira. Ginebra, 1964, p. 3—4.
13. Ibid., p. 6.
14. Ibid., p. 10.
15. Ibid., p. 3.
16. Handbook for Colombia, p. 71.
17. El Tiempo. Suplemento literario. Bogotá, 26. V 1963.

47. *Ibidem*.
48. Plan cuatrienal de inversiones publicas. Cuentas Nacionales 1962—1965. Bogotá, 1967, p. 29.
49. Estructuras, p. 97.
50. Compendio del sistema educativo colombiano, p. 17.
51. Panorama economico Latinoamericano, p. 44.
52. XIII Censo Nacional, p. 108, 113.
53. *Ibid.*, p. 114, 116.
54. *Ibid.*, p. 143.
55. Colombia. Anuario general de estadística 1958. Bogotá, 1959, p. 23.
56. XIII Censo Nacional, p. 116.
57. El desarrollo industrial de Colombia. Santiago, 1966, p. 7.
58. Boletín economico de America Latina, CEPAL, v. VI, N 2, 1961, p. 27—31.
59. Compendio del sistema educativo colombiano, p. 13.
60. El Tiempo, 16. XII 1957.
61. Estructuras, p. 118.
62. Muestra agropecuaria nacional. Bogotá, 1954, p. 15—16.
63. A. Cruz Santos. Historia extensa de Colombia. Bogotá, 1965, v. XV. t. I, p. 69, 71.
64. H. Kantor. Patterns of Politics and Political Systems in Latin America. USA, 1969, p. 389.
65. Mundo economico. Bogotá, Noviembre, 1962, p. 34; R. I. Escobar. La concentracion del poder economico, 1960, p. 97.
66. Estructuras, p. 118.
67. La Gazeta, Julio-agosto, 1965, p. 10.
68. Revista de politica internacional. Agosto, 1970, p. 121.
69. R. Dix. Op. cit., p. 63.
70. Historia eclesiastica y civil de Nueva Granada. Bogotá, 1953. In: F. B. Pike. The Conflict between Church and State in Latin America. N. Y., 1964, p. 17.
71. J. Jaramillo Uribe. El pensamiento colombiano en el siglo XIX. Bogotá, 1964, p. 295—296.
72. R. Dix. Op. cit., p. 311.
73. G. Perez, I. Wurst. La iglesia en Colombia. Bogotá, 1961, p. 58.
74. *Ibid.*, p. 28.
75. Подробно см.: В. П. Андропова. Церковь и просвещение в Латинской Америке. М., 1972.
76. El Catolicismo, 11. VIII 1966.
77. Альваро Дельгадо. Мятёжные падре Латинской Америки. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 3, стр. 52—56.
78. Politica Internacional, B-A., 1968, N 101, p. 19.
79. X. Виейра. Рост милитаризма в Колумбии и тактика коммунистов. «Проблемы мира и социализма», 1963, № 14, стр. 17.
80. Newsweek, 23. VIII 1965, p. 35.
81. Documentos del decimo congreso del Partido Comunista de Colombia. Bogotá, 1966, p. 67.
82. XIII Censo Nacional, p. 80.
83. *Ibid.*, p. 86
84. *Ibid.*, p. 106.
85. El Tiempo. 15. III 1970.
86. *Ibid.*, p. 84.
87. *Ibid.*, p. 85.
88. Colombia en cifras. 1960—1968. Banco de Bogotá, 1970.
89. *Ibid.*
90. Compendio del sistema educativo colombiano, p. 40—41.
91. Handboik for Colombia, p. 157.
- 91a. Compendio..., p. 64—66.
92. Revista del Banco de la Republica. Diciembre, 1961, p. 32.
93. Colombia en cifras. 1960—1968.
94. Compendio..., p. 76.
95. *Ibid.*, p. 91.
96. Handbook for Colombia, p. 165.
97. Compendio..., p. 89.
98. *Ibid.*, p. 91.

Глава XI

1. El Tiempo, 8. XIII 1970.
2. Monde diplomatique, Oct., 1971, p. 15.
3. Voz proletaria, 29. VI 1972.
4. Проблемы мира и социализма, 1972, № 12, стр. 65; Colombia Today, April, 1970.
5. Tesis politica del Comité ejecutivo Central del Partido Comunista de Colombia. Bogotá, 1971, p. 3.
6. Quarterly Economic Review. Colombia. February, 1965, p. 6.
7. Colombia en cifras. 1960—1968.
8. *Ibidem*.
9. Colombia Today, v. 7, N 9, 1972.
10. PEL. Diciembre, 1969, p. 27.
11. Цит. по.: Estructuras, p. 178.
12. *Ibid.*, p. 151.
13. Handbook for Colombia, p. 276.
14. Mundo economico, 1965, N 2, p. 15.
15. Handbook for Colombia, p. 263.
16. M. Puentes. Historia del Partido liberal colombiano. Bogotá, 1965, p. 656.

17. Handbook for Colombia, p. 270.
18. República (Bogotá), 10. IX 1970.
19. El Tiempo, 9.IX 1969.
20. Ibid., 8. IX 1969.
21. Voz proletaria, 4. V 1972.
22. Economía colombiana, Julio, 1963, p. 18.
23. PEL. Diciembre, 1969, p. 26.
24. Fortune. November, 1965, p. 202; El Tiempo, 8. VIII 1970.
25. El Tiempo, 8. VIII 1970.
26. PEL. Diciembre, 1969, p. 26; Business Week, 26. IV 1969, p. 28.
27. PEL. Diciembre, 1969, p. 26—27.
28. Новое время, 1970, № 40, с. 1.
29. Правда, 17. VII 1970.
30. República (Bogotá), 5. XII 1969.
31. El Tiempo, 20. VIII 1970.
32. Ibid., 18. XII 1969.
33. Цит. по: «За рубежом», 1967, № 29, стр. 15.
34. Monde diplomatique, Juin, 1970, p. 14.
35. Der Spiegel, Mai, 1970, S. 13.
36. Revista de política internacional, Julio-Agosto 1970, p. 76.
37. G. Gusman. Camillo: su papel y destino. Bogotá, 1967, p. 2.
38. Проблемы мира и социализма, 1970, № 5, стр. 37.
39. 40 años de lucha por la Revolución Colombiana. Tesis del Comité Ejecutivo Central del PCC. Bogotá, Julio, 1970.
40. Tesis política del Comité Ejecutivo del Partido Comunista de Colombia. Bogotá, 1971, p. 4.
41. Проблемы мира и социализма, 1973, № 4, стр. 91.
42. Там же, 1972, № 11, стр. 74.
43. Documentos políticos, 1972, N 99, p. 14.
44. El Tiempo, 20. VIII 1972.
45. Ibid., 25. VIII 1972.
46. Flash, 15. IX 1972, p. 3—4.
47. El Tiempo, 28. III 1972.
48. Правда, 9. XII 1971.
49. Правда, 20. XI 1966.
50. El Tiempo, 29. I 1968.
51. Известия, 8. XII 1969.
52. El Tiempo, 22. XII 1969.
53. Ibid., 4. VIII 1970.
54. Известия, 20. IV 1973.

Оглавление

Введение	5
Глава 1	
Колумбия до Колумба	28
«Империя» чибчей	30
Индейцы пихао, кимбайя, чимила, мотилоны, мусо, салива, гуаибо, панче, паес	40
Глава 2	
Колумбия — испанская колония	45
Конкиста	46
От аудиенсии до вице-королевства	50
Негры в Колумбии	55
Энкомьенда и ресгуардос	56
Колумбийское общество в колониальный период	61
Церковь в колонии	65
Культура и наука	69
Глава 3	
Восстание «комунерос» (1781 г.)	72
Глава 4	
Борьба за независимость (1810—1819)	87
Кризис колониальной системы	87
20 июля 1810 г.	91
Ликвидация ресгуардос	96
Федералисты против централистов	97
Битва при Бояке	104
«Нейтралитет США»	111
Глава 5	
В водовороте гражданских войн (1819—1885)	116
Великая Колумбия	117
Вынужденное признание	120
Несбывшаяся мечта Боливара	127

Республика Новая Гранада	137
Американо-колумбийский (новогранадский) договор 1846 г.	143
Традиционные партии. Прогрессивные реформы	147
США американизируют Панамский перешеек	160
Эпоха «возрождения»	166

Глава 6

Консерваторы у власти (1886—1930)	174
Политический хамелеон	174
Тысячедневная война	179
Отделение Панамы	182
Культурная жизнь	192
Американские монополии вторгаются в Колумбию . . .	194
Первые шаги колумбийских трудящихся	201

Глава 7

Эпоха правления либералов (1930—1946)	212
Мировой экономический кризис и Латинская Америка .	212
Либералы приходят к власти	214
Колумбийско-перуанская война	217
Реформы Альфонсо Лопеса	220
Колумбия во второй мировой войне	225

Глава 8

Диктаторы «нового» типа (1946—1957)	235
Раскол в либеральной партии	235
Апрельские события 1948 г.	239
Фалангист на посту президента	243
Взлет и падение генерала Рохаса Пинильи	249

Глава 9

«Национальный фронт» олигархии (1958—1970)	254
«Национальный фронт»	255
Монсеньор Гусман разоблачает «виоленсию»	263
Маркеталия — символ свободы	266
«Разбитая витрина»	271
Президентские и парламентские выборы 1970 г.	283

Глава 10

Кризис социально-экономической структуры	289
Этнический состав населения	291
Некоторые общие сведения о колумбийцах	306
Внутренняя миграция и иностранная иммиграция . . .	317
Экономически активное население	319
Социальная структура общества	329
Система образования	338

Глава 11

Борьба за национальное освобождение	345
Положение трудящихся	346
Борьба за организацию объединенного народного движения	352
Колумбия — СССР	365
Указатель литературы	369

Indice

Introducción	5
Capítulo 1	
Colombia antes de Colón	28
El «Imperio» de los Chibchas	30
Los indios pijao, quimbaia, chimila, motilones, musa, saliva, guaiba, panche, paes	40
Capítulo 2	
Colombia, Colonia Española	45
La Conquista	46
Desde la Audiencia al Virreinato	50
Los Negros en Colombia	55
Encomiendas y Resguardos	56
La Sociedad Colombiana en el Período Colonial	61
La Iglesia en la Colonia	65
La Cultura y la Ciencia	69
Capítulo 3	
La Rebelión de los Comuneros [1781]	72
Capítulo 4	
La Lucha por la Independencia [1810—1819]	87
Crisis del Sistema Colonial	87
El 20 de Julio de 1810	91
Liquidación de los Resguardos	96
Los federalistas contra los Centralistas	97
La Batalla de Boyca	104
«Neutralidad» de los E.U.A.	111
Capítulo 5	
En el Vórtice de la Guerra Civil [1819—1885]	116
La Gran Colombia	117
El Reconocimiento Forzado	120
Sueño de Bolívar no realizado	127
La República de Nueva Granada	137

Acuerdo Americano-Colombiano (Novogranadino) del año 1846	143
Partidos Tradicionales, Reformas progresistas	147
E.U.A. americaniza el Canal de Panamá	160
La Epoca del «Renacimiento»	166

Capítulo 6

Los Conservadores en el Poder [1886—1930]	174
La Política del Camaleón	174
La Guerra de los Mil Días	179
La Segregación de Panamá	182
La Vida Cultural	192
Los Monopolios Americanos entran en Colombia	194
Primeros Pasos del Proletariado Colombiano	201

Capítulo 7

Epoca del Gobierno de los Liberales [1930—1946]	212
La Crisis Económica Mundial y América Latina	212
Los Liberales pasan al Poder	214
La Guerra Colombiana-Peruana	217
Las Reformas de Alfonso López	220
Colombia en la Segunda Guerra Mundial	225

Capítulo 8

Dictadores del «Nuevo» Tipo [1946—1957]	235
División del Partido Liberal	235
Acontecimientos de Abril de 1948	239
Un Falangista en el Cargo Presidencial	243
Subida y Caída del General Rojas Pinilla	249

Capítulo 9

«Frente Nacional» de la Oligarquía [1958—1970]	254
«Frente Nacional»	255
Padre Gusmán desenmascara la «Violencia»	263
Marquetalia, Símbolo de la Libertad	266
«Vidriera Rota»	271
Elecciones Presidenciales y Parlamentarias de 1970	283

Capítulo 10

La Crisis de la Estructura Socioeconómica	289
Composición Etnica de la Población	291
Unos Datos Generales sobre los Colombianos	306
Migraciones Internas e Inmigración del Extranjero	317
Población económicamente activa	319
Estructura Social de la Sociedad	329
Sistema de la Educación	338

Capítulo 11

La Lucha por la Liberación Nacional	345
Situación de los Trabajadores	346
La Lucha por la Organización del Movimiento Popular Unido	352
Colombia y URSS	365
Índice Bibliográfico	369

Семен Александрович Гонионский

КОЛУМБИЯ

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художественный редактор В. Н. Тикунов
Художник Л. С. Эрман
Технические редакторы Л. И. Куприянова,
Т. И. Анурова

Сдано в набор 12/VI-1973 г. Подписано к печати 1/X 1973 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,25. Уч.-изд. л. 27,2
Тираж 2900 экз. Т-16210. Бумага № 2. Тип. зак. 2476
Цена 1 р. 98 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства «Наука», 121099.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	12 стр.	1905	1922
90	2 стр.	остальные	отсталые
102	14 стр.	1773	1783
167	10 стр.	формировала	форсировала
198	21 стр.	Маракаибо	Маракаибо
309	Табл. (лев. колонка), 9 стр.	Конета	Какета
309	4 стр.	Вацлес	Ваупес
309	3 стр.	Чичада	Вичада
331	Табл. (лев. колонка), 2 стр.	1000—25 000	1000—2500
331	1 стр.	Свыше 250 000	Свыше 2500

С. А. Гонионский